

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2024

№ 87

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

**Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»**

***Редакционная коллегия журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»***

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) –
главный редактор
И.А. Айзикова (Томск, Россия) –
зам. главного редактора
Ю.М. Ершов (Севастополь, Россия) –
зам. главного редактора
М.М. Угрюмова (Томск, Россия) –
отв. секретарь
П.П. Каминский (Томск, Россия) –
зам. отв. секретаря
К.В. Анисимов (Красноярск, Россия)
Н.В. Жиликова (Томск, Россия)
И.Е. Ким (Новосибирск, Россия)
В.С. Киселев (Томск, Россия)
А.В. Колмогорова
(Санкт-Петербург, Россия)
Н.А. Мишанкина (Томск, Россия)
Н.Е. Никонова (Томск, Россия)
Т.Л. Рыбальченко (Томск, Россия)
В.А. Суханов (Томск, Россия)
И.В. Тубалова (Томск, Россия)

***Редакционный совет журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»***

Дж.Ф. Бейлин (Стоуни-Брук, США)
Е.Л. Березович (Екатеринбург, Россия)
Е.Л. Варганова (Москва, Россия)
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
Е.А. Добренко (Венеция, Италия)
М.Н. Липовецкий (Боулдер, США)
З.И. Резанова (Томск, Россия)
И.В. Силантьев (Новосибирск, Россия)
А.Н. Соболев (Санкт-Петербург, Россия)
С.Л. Фрэнкс (Блумингтон, США)
Т.В. Шмелева (Великий Новгород, Россия)

***Editorial Board
of the Tomsk State University
Journal of Philology***

T.A. Demeshkina (Tomsk, Russia) –
Editor-in-Chief
I.A. Aizikova (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
Yu.M. Yershov (Sevastopol, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
M.M. Ugryumova (Tomsk, Russia) –
Executive Editor
P.P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) –
Deputy Executive Editor
K.V. Anisimov (Krasnoyarsk, Russia)
N.V. Zhilyakova (Tomsk, Russia)
I.Ye. Kim (Novosibirsk, Russia)
V.S. Kiselev (Tomsk, Russia)
A.V. Kolmogorova
(Saint Petersburg, Russia)
N.A. Mishankina (Tomsk, Russia)
N.E. Nikonova (Tomsk, Russia)
T.L. Rybalchenko (Tomsk, Russia)
V.A. Sukhanov (Tomsk, Russia)
I.V. Tubalova (Tomsk, Russia)

***Editorial Council
of the Tomsk State University
Journal of Philology***

J.F. Bailyn (Stony Brook, USA)
E.L. Berezovich (Yekaterinburg, Russia)
Ye.L. Vartanova (Moscow, Russia)
N.D. Golev (Kemerovo, Russia)
E.A. Dobrenko (Venice, Italy)
M.N. Lipovetsky (Boulder, USA)
Z.I. Rezanova (Tomsk, Russia)
I.V. Silantev (Novosibirsk, Russia)
A.N. Sobolev (Saint Petersburg, Russia)
S.L. Franks (Bloomington, USA)
T.V. Shmeleva (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Банкова Т.Б., Тараканова Д.А. Символическая семантика обрядового слова: особенности лексикографического описания	5
Дружинин А.С., Лаврова Н.А. Почему прошлое ирреально и что ирреального в прошлом: когнитивный аспект типологической взаимосвязи категорий ирреалиса и прошедшего времени глагола	23
Кирюшкина А.А., Чалова О.Н. Прагматические возможности энтимемы в рекламном тексте	55
Мингбаев Н.Ж., Авдонин В.В. Общeturкские народные географические термины Кызылкумского региона	72
Руднев Д.В. Императивные конструкции в «Уставе ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки»	91
Рыжкова Т.С., Зайкова И.В. Расширение семантического объема слова на примере прилагательного <i>loyal</i>	110
Хоцкина О.В., Ланкина Д.С. Особенности употребления метаграфемных средств в различных типах речевых актов англоязычных блогов	127

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Балаева М.И., Бободжанова Л.К. Итальянская литературная сказка и ее влияние на формирование сказочного жанра в Европе	146
Беляков Д.А., Зейферт Е.И. Хронотоп предвоенной Италии в «новелле о художнике» Томаса Манна («Смерть в Венеции», «Марио и волшебник»)	159
Васильева Е.В. Специфика фантастического в романах С. Рушди (на материале произведений «Дети полуночи» и «Стыд»)	175
Зусева-Озкан В.Б. Типология женских персонажей в прозе М.А. Кузмина	194
Кибальник С.А. «Три сестры» Чехова и их претекст у Достоевского	221
Кузнецова Е.В. Критика Е. Колтоновской: в поисках оснований женской творческой субъектности	233

ЖУРНАЛИСТИКА

Круглова Л.А., Щепилова Г.Г. Российские телеканалы и социальные медиа в условиях трансформации медиополя	255
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

Жилякова Н.В. Сквозь Сибирь. Рецензия на книгу: Мессершмидт Д.Г. Дневники: Тобольск – Тара – Томск (1721 г.): пер. с нем. А.В. Моревой. Томск : Демос, 2021. 132 с.	273
---	-----

CONTENTS

LINGUISTICS

Bankova T.B., Tarakanova D.A. Symbolic semantics of the ritual word: Features of a lexicographic description	5
Druzhinin A.S., Lavrova N.A. What is unreal about the past and why past is about irreality: A cognitive perspective on preterit-irrealis cross-linguistic relationship	23
Kirushkina A.A., Chalova O.N. Pragmatic features of enthymemes in advertising texts	55
Mingbaev N.Zh., Avdonin V.V. Common Turkic folk geographical terms of the Kyzylkum region	72
Rudnev D.V. Imperative constructions in the Charter of Military, Cannon and Other Matters Relating to Military Science	91
Ryzhkova T.S., Zaykova I.V. Expanding the semantic scope of a word on the example of the adjective <i>loyal</i>	110
Khotskina O.V., Lankina D.S. Metagraphics of different types of speech acts in English blogs	127

LITERATURE STUDIES

Balaeva M.I., Bobodzhanova L.K. Italian literary fairy tales: Influence on the development of the fairy tale genre in Europe	146
Belyakov D.A., Zeifert E.I. The chronotope of prewar Italy in Thomas Mann's "Künstlernovelle" (<i>Death in Venice, Mario and the Magician</i>)	159
Vasiljeva E.V. Specifics of the fantastic in Salman Rushdie's novels (on the material of <i>Midnight's Children</i> and <i>Shame</i>)	175
Zuseva-Özkan V.B. Typology of female characters in the fictional prose by Mikhail Kuzmin	194
Kibalnik S.A. Chekhov's <i>Three Sisters</i> and its Dostoevsky's pretext	221
Kuznetsova E.V. Elena Koltonovskaya's criticism: In search of the foundations of female creative subjectivity	233

JOURNALISM

Kruglova L.A., Shchepilova G.G. Russian TV channels and social media in the transformation of the media field	255
---	-----

REVIEWS

Zhilyakova N.V. Through Siberia. Book review: Messerschmidt, D.G. (2021) <i>Dnevnik: Tobol'sk – Tara – Tomsk (1721 g.)</i> [Diaries: Tobolsk – Tara – Tomsk (1721)]. Translated from German by A.V. Moreva. Tomsk: "Demos"	273
---	-----

ЛИНГВИСТИКА

Научная статья

УДК 800.872/2+802.0+808.2

doi: 10.17223/19986645/87/1

Символическая семантика обрядового слова: особенности лексикографического описания

Татьяна Борисовна Банкова¹, Дарья Александровна Тараканова²

^{1, 2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *tatabank@mail.ru*

² *dashnik@mail.ru*

Аннотация. Изучена специфика функционирования лексических обрядовых единиц с символической семантикой, определены способы ее актуализации и репрезентации в диалектных высказываниях. Показано, как строится лингвокультурологический комментарий лексической единицы, содержащей символический компонент. Рассмотрены механизмы определения семантики слова как символической, установлена процедура ее обозначения при лексикографировании. На конкретных примерах продемонстрирована технология лингвокультурологического комментирования обрядового слова-символа, помещенного в Словарь.

Ключевые слова: сакральное ядро культуры, диалектный язык, традиционная культура, свадебный обряд, обрядовое слово, символическая семантика обрядового слова, лингвокультурологический словарь, специфика лексикографического описания символической семантики

Для цитирования: Банкова Т.Б., Тараканова Д.А. Символическая семантика обрядового слова: особенности лексикографического описания // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 87. С. 5–22. doi: 10.17223/19986645/87/1

Original article

doi: 10.17223/19986645/87/1

Symbolic semantics of the ritual word: Features of a lexicographic description

Tatiana B. Bankova¹, Daria A. Tarakanova²

^{1, 2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *tatabank@mail.ru*

² *dashnik@mail.ru*

Abstract. National tradition has developed a way of fixing and preserving information about the world in the form of an immanent symbol system capable of holding entire cultural texts. The material world involved in symbol creation was endowed with a sacred content. The collective's universal rites, which include the wedding, preserve

the culture's ethnic integrity. The wedding ceremony is one of the components of the sacred core of culture. The actualization of the symbolic content of the wedding tradition is obligatory. The language code of the rite includes units of different levels; the main load falls on the lexical layer. Ritual words construct the sacred meaning of the ritual; they contain a group of lexemes, the meaning of which develops to the level of the abstract that translates the idea of the peasant collective about the existential world order. These words are the result of their semantics' translation from profane to existential, and its completion is fixed by the presence of a symbolic component in the meaning of the word. The aim of the study is to determine the procedure for fixing the symbolic semantics of ritual units in a dialect dictionary of a linguoculturological type, which is the Dictionary of the Siberian Wedding Rite. The work is based on the dialects of the Middle Ob region, which objectify the local version of the Siberian wedding tradition. The study focused on ritual words – culturally marked dialect units that are a fact of the living dialect communication of speakers of Middle Ob dialects. The form of representation of ritual words is a linguocultural commentary, which fixes and manifests the symbolic meaning of lexical units relevant for the linguocultural community in the zone of interpretation. The content parts of the commentary are extracted from the speech practice of dialect speakers – statements expressing the symbolic meaning of the dialect word. To implement the idea, the lexicographic method and the method of linguoculturological commenting or interpretation were employed. In the course of the study, the use of markers fixing the symbolic semantics of lexemes in the Dictionary of the Siberian Wedding Rite was comprehended. Facts were demonstrated based on which markers “symbol” and “symbolizes” appear in the comments. As a rule, “symbol” is used when describing the semantics of a lexical unit nominating objects involved in the rite, while “symbolizes” in commentaries of adjectives and verbs. Symbolic words also include units from the folklore repertoire of the wedding ceremony. The lexicography of ritual words that have a symbolic component of semantics reveals the problem of its adequate representation in dictionaries of a linguoculturological type. In the Dictionary of the Siberian Wedding Rite, to represent the semantics of symbolic words, only the live speech of peasants, residents of a large territory of the Middle Ob region, is used, which quantitatively confirms the existence of a sacred core of culture, actualized in the collective's linguistic existence.

Keywords: sacred core of culture, dialect language, traditional culture, wedding ceremony, ritual word, symbolic semantics of ritual word, linguoculturological dictionary, specificity of lexicographic description of symbolic semantics

For citation: Bankova, T.B. & Tarakanova, D.A. (2024) Symbolic semantics of the ritual word: Features of a lexicographic description. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 87. pp. 5–22. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/87/1

Современная гуманитарная научная мысль последовательно фиксирует изменения традиционной культуры, связывая преобразования исключительно с ее разрушением под натиском цивилизационных изменений. Подобная трансформация вполне естественна и неизбежна, но существуют объективные факты, доказывающие наличие межпоколенной преемственности некоторых составляющих культурного базиса, что подтверждает его устойчивость и неизменность. Изучение этих свидетельств позволяет обнаружить мировоззренческую основу культуры, называемую в современной гуманитаристике сакральным ядром (Л.И. Гекман, Ю.М. Лотман, В. Найдыш и др.).

Многовековая народная традиция выработала особый способ фиксации и хранения информации о мире в форме имманентной системы символов, способной удерживать целые культурные тексты, а материальный мир, вовлеченный в акт символотворения, наделялся духовным, сакральным содержанием. Универсальные обряды коллектива, к которым относится свадьба, призваны были сохранить этническую целостность культуры посредством включения охранных механизмов, одним из которых является неперенная актуализация символического содержания брачной традиции. Свадебный обряд, воспроизводимый с соблюдением установленных коллективом предписаний, один из компонентов сакрального ядра культуры. Его реализуют единицы различных кодовых систем. Языковой код, обслуживающий обряд, включает единицы разных уровней, основная же нагрузка приходится на лексический пласт¹.

Настоящая работа выполнена на материале говоров Среднего Приобья, объективирующих локальный вариант сибирской свадебной традиции. Исследование сосредоточено на обрядовых словах – культурно маркированных диалектных единицах, представляющих собой факт живой диалектной коммуникации носителей среднеобских говоров. Под обрядовым словом понимается лексическая единица, имеющая не профанную (бытовую), а сакральную (бытийную) функцию и репрезентирующая обрядовое существование коллектива².

Цель исследования – определить процедуру фиксирования символической семантики обрядовых единиц в диалектном словаре лингвокультурологического типа, каким является «Словарь сибирского свадебного обряда».

Обрядовые слова конструируют сакральный смысл ритуала, в их составе выделяется группа лексем, значение которых развивается до уровня абстрактного, архетипического, транслирующего представление крестьянского коллектива о бытийном мироустройстве. Эти единицы являются результатом процесса перевода их семантики из бытовой в бытийную, завершение которого фиксируется наличием символического компонента в значении слова [3. С. 4]. Он последовательно проявляется в акте описания обряда, начинает доминировать в структуре значения лексемы (оттесняет денотативный) и является базой для формирования семантики слова-символа, которое становится двуплановым, так как оно «участвует как в собственно языковой, так и в культурной коммуникации» [4. С. 108]. В лексической системе семейных обрядов это единицы, «лежащие в основе типовых представлений об окружающем человека мире и образующие особую систему условных значений вещественных знаков, что позволяет описать явления общественной жизни в условных и отвлеченных формах, принадлежащих коллективному сознанию (определенной культуры, социума) и являющихся общеизвестными для всех носителей языка» [5. С. 108].

¹ О лексических единицах, актуализирующих свадебный обряд, см. подробнее в [1].

² Статус обрядового слова рассмотрен в [2].

Современная лингвистическая парадигма актуализирует систему подходов и инструментов анализа, опирающуюся на идеи Ю.М. Лотмана, которые позволяют выявить символический компонент в семантике слова. Его размышления о целостности культуры прямо указывают на существование набора национальных культурных символов, способствующих ее единству: «Пронизывающие диахронию культуры константные наборы символов в значительной мере берут на себя функцию механизмов единства: осуществляя память культуры о себе, они не дают ей распасться на изолированные хронологические пласты. Единство основного набора доминирующих символов и длительность их культурной жизни в значительной мере определяют национальные и ареальные границы культур» [6. С. 12].

Константный реестр символов культуры, предложенный Ю.М. Лотманом, побуждает к представлению их и в лексикографическом формате.

Уже авторы фундаментального труда «Славянские древности» объясняют обращение к жанру словаря «анalogией с языком в самом понимании объекта как «языка» культуры (в семиотическом смысле слова), а выделение в отдельные статьи единиц (символов) – как «слов» этого языка. Из этих «слов» составляются многообразные по содержанию и жанру культурные тексты» [7. С. 5]. «Славянские древности» – «первый в славистике опыт энциклопедического словаря традиционной духовной культуры всех славянских народов» [7. С. 5].

Несомненной лексикографической удачей описания символики локальной культуры можно считать работу, посвященную свадебной терминологии в говорах Северного Прикамья [8]. Явным научным прорывом составителей Словаря является выделение в самостоятельную часть «Справочника свадебной символики Северного Прикамья». Авторы лексикографического исследования подчеркивают, что при описании локальной символосферы ориентировались на подходы, апробированные в «Славянских древностях», и считают, что «набор символов и символических структур следует понимать как специфический язык традиционной культуры, а его список может быть рассмотрен как своеобразный «лексикон» народной культуры» [8. С.190].

Сложившийся уровень диалектной лексикографии предъявляет к современному словарю требование максимального представления информации о слове¹. Стремление ученых закрепить за словом как можно больше сведений о локальной культуре приводит к расширению толкования, введению параллельного комментария [10], или он становится формой представления семантики лексической единицы [11]. Использование такого способа изъяснения в зоне словотолкования дает возможность увеличить информационный объем словарной статьи и разносторонне показать бытование диалектного слова. Это в полной мере относится к словам-символам диалектной

¹ Например, в «Словаре русских говоров Кузбасса (с дополнением)» авторы в Дополнении к словарю, изданному еще в 1976 г., в толковании лексемы сознательно добавляют «элементы энциклопедизма» [9. С. 237].

культуры, вовлеченным в репрезентацию свадебного обряда: «Слова-символы выражают культурную значимость при употреблении в ритуальных и ритуализованных ситуациях. Культурная значимость слова выражается через его символические значения, при реализации которых культурная значимость соотносится с базовой интенцией данной культуры» [12. С. 12].

Обратимся к опыту лексикографирования слов-символов, бытующих в ритуальных ситуациях, – «Справочнику свадебной символики Северного Прикамья» [8]. Авторы отмечают, что описание символического материала «оказывается объективно сложной процедурой: природе символа, как известно, свойственно соединение противоположных начал и семантическая неопределенность» [8. С. 193], поэтому, как считают ученые, культурная семантика слова может быть подана описательно. Составители вычленяют символы изобилия, блага, девичества, уничтожения и жертвования, переходности, защитительные и эротические [8. С. 193], что, по их мнению, является характеристикой их культурных значений. На этой основе осуществляется семантизация слова-символа – «дается как указание на обереговый, продуцирующий, медиативный (или соединительный) смысл, а также через соотнесение с его функцией в других обрядовых формах» [8. С. 195].

Отметим специфику иллюстрирования слова-символа в этом Словаре. Во-первых, указывается его обрядовое применение; во-вторых, приводятся типичные ситуации, в которых реализуется его символический потенциал. Например, **ВАЛЕНОК**. Как и вообще обувь, валенки способны символизировать движение и даже жизнь, жизненную силу. В качестве иносказания и одновременно оберега валенок нередко применялся в знак этикетного отказа сватам («всяко бывает, вот девка не захочет взамуж-то идти, сватам валенок за ворота выкинет» – *Караг.*). Этот же смысл очевиден и в обыкновении идти свататься в валенках даже летом (*Черд.*) [8. С. 205].

Резюмируем. В представлении символа авторы руководствуются приемами научного описания, ориентируясь на авторитет составителей этнолингвистического словаря «Славянские древности» в части толкования значения символа. Естественно, что эту часть невозможно проиллюстрировать диалектной речью, но вот факт использования слова-символа в качестве знака отказа актуализируется в высказываниях, так как в этом фрагменте передается опыт языкового коллектива, о чем свидетельствуют контексты, сопровождающие словарную статью.

Лексикографирование диалектных лексических единиц – обрядовых слов, имеющих символический компонент семантики, обнаруживает проблему его адекватного представления и в «Словаре сибирского свадебного обряда», лингвокультурологического по типу.

Принципиальное отличие нашей работы от упомянутых выше – привлечение для представления семантики слов-символов исключительно живой речи крестьян, жителей большой территории Среднего Приобья. Количество имеющегося материала, где реализуется символическая семантика обрядового слова, подтверждает существование сакрального ядра культуры, актуализированного в языковом существовании коллектива.

В материалах «Словаря сибирского свадебного обряда» широко представлены единицы, имеющие символическое значение, под которым понимаем «семему (объединение семем) с бинарной структурой, включающей перцептивный образ, доступный для непосредственного чувственного восприятия, и отвлеченное (неопределенное) содержание, связанное с эмоционально-нравственными, духовными, культурными категориями» [4. С. 111].

Форма представления обрядовых слов в Словаре – лингвокультурологический комментарий, который фиксирует и проявляет в зоне толкования культуроспецифическое значение лексических единиц, релевантное для лингвокультурной общности. Задача комментария – проявить культурный коннотативный компонент значения лексической единицы. Его содержательные части извлекаются из речевой практики диалектоносителей, где реализуется культурное значение (в том числе и символическое) диалектного слова¹.

Для представления символической семантики в описании лексемы в Словаре используются маркеры «символ» и «символизирует».

Маркером «символ»² снабжен лингвокультурологический комментарий единиц, номинаций предметов (или их частей), являющихся обязательными атрибутами свадьбы.

Рассмотрим, на основании каких речевых фактов строится комментарий лексической единицы Словаря, наделенной символической семантикой. Например, лексема *сундук* обозначает обязательный атрибут свадебного обряда. Ее бытовое значение реализуется в профанном контексте: 'большой ящик с крышкой и замком для хранения вещей, ценностей': *Сундук – для хранения. Вещиши хранили каки. Комод ешо есть. Так в ём три ящишика воткнуты. А сундук кто железом обивает, кто просто краской покрасят её; Сходит муж, выпьет, да мимо сядет сундука-то* (ВС. Т. 5. С. 426).

Обрядовое значение лексемы *сундук* реализуется следующим образом:

1) 'часть приданого невесты или его вместилище': *Когда невесту берут – придано готово. Он к жениху это придано везет – раньше чё в приданом было? Сундуки разные: подушки, перины* (ВС. Т. 5. С. 426); *Приданое если сготовить, дак сундуки набить надыть было* (Том. Зыр.); *Раньше же женищину готовили, девочку чтоб прясть, ткать, вот чтоб она умела, которую готовили. Девочка как есь, её уже начинают готовить сразу к заму-жеству. Такие ящики, сундуки были, чтоб он там полный, набитый был. Всё, что нужно, приданое ей. Она сама умела* (Том. Пар.); [А как замуж выдавали?] *Покамест не сватают, холсты себе наделают, сундуков. Просватали её, тогда уж в последний день девки ходют, помогают ей шить, вышивать* (Том. Том.);

¹ Подробнее о том, как выстраивается лингвокультурологический комментарий обрядовых слов, подробнее см. в [13].

² В тексте Словаря фигурирует сокращение – С., в настоящей работе для облегчения чтения в скобках слово дается полностью.

2) ‘показатель богатства, состоятельности невесты или ее семьи’: *Счас каки придано. Счас знаете, каки придано. Деньги накладывают, да сразу тут всё накладывают, и мебель, и всё, а тогда – яшишки вот таки вот [показывает], постель, подушки, постель и сундук большой, вот и везут. Когда привозят, всегда смотрят, о, сколько приданого, и там узлов сколько, ну там подушки. Котора бедна, которая богата* (Том. Том.); *Девка замуж выйдет, так надо, чтобы у неё были холсты. А то мужику её портянок не будет. Вот богатая невеста, полный сундук холста* (Том. Колп.);

3) ‘свидетельство о достижении девушки брачного возраста’: *Тебе, Саша, в девках недолго сидеть, тебе сундук надоть готовить, жениха искать* (Том. Том.); *Приданое готовилось: подрастёт девка, покупают ей сундук* (Том. Пар.).

Таким образом, в рамках свадебного обряда лексическая единица *сундук* номинирует не предмет для хранения вещей, а вместилище приданого, которое готовится заранее и свидетельствует о материальном благосостоянии невесты и ее семьи, а также о достижении девушкой брачного возраста. Именно два последних значения объективируют символический компонент, потому что к лексеме *сундук* в материальных реализациях, номинирующих предмет обихода, имеют имплицитное отношение.

На основании выявленных компонентов строится лингвокультурологический комментарий, демонстрирующий также и символическую семантику: **СУНДУК**. Большой ящик с крышкой и замком для хранения вещей, ценностей. Часть приданого или его вместилище. Демонстрация сундука с *приданым* является важным этапом обряда. С. (= символ) достижения девушкой брачного возраста. Его размер – С. (= символ) материального благосостояния невесты и ее семьи¹.

Наряду с предметно-атрибутивным наполнением свадебного обряда есть собственно абстрактные номинации типа **ПРИДАНОЕ, ПРИДАНОЕ, ПРИДАНЫ**². Имущество, деньги, даваемые родителями невесты при вступлении в брак. – *Счас как свадьба пройдет, наложат приданого; Свадьбу гуляли по неделе. Девки, старухи готовили приданое, соберут и везут к жениху, там гуляют и пьют; А этот богатый дядечка дал маме корову. Как в приданое, ага. Вот с этого и начали жить; Приданое везут после; Какие приданы, надо обязательно посмотреть* (ВС. Т. 5. С. 368). Отметим, что в толковании лексической единицы в «Вершининском словаре» полного типа проявлены компоненты: ‘имущество, деньги’, а также ‘родители’, которые обеспечивают содержимое *приданого*. Но иллюстрации словарной статьи актуализируют информацию еще и о том, что 1) подготовка *приданого* ведется заранее; 2) в

¹ Заметим, что авторы «Этнолингвистического словаря свадебной терминологии Северного Прикамья» [8] не помещают *сундук* в состав словаря, таким образом, по их мнению, единица не относится к свадебной терминологии и не имеет символического компонента значения.

² Лексикографическая разработка слова представлена в [14], в настоящей статье – итоги анализа материалов, полученных в результате дополнительных изысканий.

его формировании участвуют приглашенные люди; 3) его обеспечивают не только родители, но и родственники невесты; 4) входящее в *приданое* имущество осматривают; 5) указывается время его транспортировки; 6) *приданое* является материальной основой начала жизни в браке.

Материалы, имеющиеся в распоряжении составителя «Словаря сибирского свадебного обряда», позволяют уточнить и значительно расширить значение обрядовой лексемы через детализацию ее культурной семантики по сравнению с данными, интерпретированными в [14].

Это проявилось при лексикографировании в следующем:

1. Широко представлены сведения о том, какое имущество обязательно составляло *приданое* (*придано*, *приданы*). В него входит самое необходимое для начала семейной жизни:

1) предметы одежды, столовые и постельные принадлежности и пр.: *В Мохинский был магазин. Купила на платье. Надо придано завести: наволочку тикову, постельку, исподняя холицова, сверху тикова наволочка. Придано две подушки и постеля, полотенцы двенадцать было* (Том. В.-Кет.); *Ну, приданое, и щас ящик стоит тот. Всё было, всё равно и подушки давали две мама, помню, и постельное, и даже, чтоб прийти там к им, шторы, что обшэм, всё помаленьку, всё было* (Том. Шег.);

2) домашняя живность: *Когда высватают, это рукобיתье было. Невесту продавали подруги, выкуп назывался. Когда рукобיתье прошло, дарят жениха платком. Тёлку, курицу дают невесте, приданое называлось* (Кем. Мар.); *Невесте дают в приданое корову, коня, овец, из одёжи всё хорошее, постелю, перину, матрасы городские, дерюжку холиову, обойку, занавес, подушки, две или три, наволочки с кружевами, одеяла, платья, у меня вного было, платтев двенадцать, скатертей восемь-девять штук, хорошие, купленные, полотенцев, рукотерники, утиральники, большие десятку, расшиты с кружевами, с вышивкой, два жакета, сак с воротником – городской, дипломат городской – пуговики в два ряда* (Том. Том.);

3) деньги: *В приданое тогда давали невесте скотину, посуду, деньгами, товары. Сама-то делает рукавицы, исподки, ченбары рабочие, опояски, даже наквашенник делала себе. Матрасы, полога – палатки щас называют* (Том. Зыр.).

2. Подчеркивается факт подготовки приданого невестой самостоятельно в течение длительного времени: *Приданое, узлом было связано: матрас специально мать купила новый, я помню специально заказывали частнику – сшили одеяло... красное одеяло было* (Том. Пар.); *А ещё раньше, как наши родители, дак у их готовили специально, и вышивали, и шили, и вязали кружева, приданое, чтоб приданое должна была невестина этого, жениховой там золовке жениховой, сёстрам, родителям чё-то дарили, как рассказывают, всё готовили много приданого* (Том. Том.); *Должна невеста [приготовить] какое приданое. Вот если бедная невеста, она должна себе постель приготовить, матрас. Раньше не было матрасов, катили из шерсти кочмы таки большие. Вот она должна приготовить одеяло, подушку, вот эту по-*

стелю. Или она выговорит с жениха: «Ты мне пера достань, сделаем перину» (Том. Зыр.); Ну сосватали, невеста шьет, вяжет, у нее уже постеля заготовлена, приданое готовили девочке ешо (Том. Кож.).

3. Указывается ситуация приглашения девушек или старших родственников для подготовки приданого: Раньше невеста придано готовит. Девок к себе на посиденки собирают, девки шьют, вяжут ей всё (Том. Кож.); Подруг созывают, они ей всё помогают, приготовить придано (Том. Зыр.); Ну там эти, тетки помогали ей, сшить-то все, много надо было (Том. Пар.).

4. Наряду с указанием на время транспортировки приданого фиксируются свидетельства об участниках обряда, осуществляющих его перевозку и встречу: А до этого, пока они ездют венчаться или там в сельсовет, невестина родня привозит придано невестино к жениху. Ешишо невесты нету с женихом, а придано уже привезли. Вот их встречают; встречают, значит, ну всяко же люди-то жили: и богато, и бедно, и всё... (Том. Том.); Везут приданое невестино. Привозят, дарят. Свекровка принимает приданое (Том. Пар.); Приданщик, который везет невестино имущество, всё, что ей дали отец и мать, приданое (Том. Том.).

Символический компонент семантики лексической единицы *приданое* реализуется в контекстах, где представлена ситуация его предъявления, оформленная глаголами *казать*, *посмотреть* и пр.: На лошадях катаются, приданое кажут (Том. Пар.); Вот гости нарядились, идут по деревне, придано кажут (Том. Пар.); А, господи, а кода же это, а придано-то? А-а, за невестой-то кода приедут, а до взятия до невесты тут уже налаживают приданщиков, приданое складывают невестины там, у кого каки, у кого маленькие приданные, у кого больши. Вот надо ещё успеть сбежать, посмотреть, каки приданные у невесты (Том. Том.).

Демонстрация содержания *приданого* (сундука) является важнейшим этапом свадебного действия, которое сопровождается различными играми, акцентирующими внимание на его размерах: Постель, подушки и-и сундук большой. Сколько приданого, и там узлов сколько (ВС. Т. 5. 197); Ну а от венца привезут, поедут в церковь, повенчают, от венца везут к жениху. Сундук [с приданым] невесте накладывают большой, теперь везут этот сундук тоже: «Не пролазит во двери!». Опять подают [по рюмочке] (Том. Пар.).

Количество *приданого* является маркером состоятельности невесты и ее родителей. Его отсутствие, проявляющее бедность семьи, – фактор отступления от нормы, который маркируется выражением *идти замуж убёгом* (бёгом, бегом) – ‘тайком без согласия родителей’ (ВС. Т. 7. С. 110), без совершения свадебных церемоний: У кого был достаток, свадьбы делали, приданое богатое готовили, чтобы не стыдно было. А у кого не было ничего, убёгом убегали (Том. Кож.); Свататься приходили родители, ну и сватали. А моя мать ушла убёгом замуж. Папины родители были бедными, а мамы считались богаты, 120 голов скота у их было. Старшая сестра Феликита-то, она это потом за богатого вышла же, а мама навязала узелки, свое придано, а ее двоюродная сестра у нее принимала под окошечком-то,

и сундучок оказался пустой, она переносила узелками свое приданое. А когда мать открыли сундук-то, а там нет ничё (Том. Пар.).

Необходимо отметить, что символический компонент лексем *приданое* (*придано, приданы*) актуализируется в значении 'показатель благосостояния новой семьи, гарант благополучного начала семейной жизни': Ну, *приданое* готовили, раньше всегда перина, ну и дарили скотину, корову, овец, чтоб начинали жить-то (Том. Нар.); А этот богатый дядечка дал маме корову. Как в *приданое*, ага. Вот с этого они начинали жить (ВС. Т. 5. С. 368).

Итак, с учетом имеющихся реализаций символического компонента лингвокультурологический комментарий слов-символов выглядит так:

ПРИДАНОЕ, ПРИДАНО(Е), ПРИДАНЫ. Имущество, деньги, даваемые родителями (или другими родственниками) невесты семье жениха при вступлении в брак. В состав П. (= приданого)¹ обязательно входят предметы одежды, постельные принадлежности, домашняя утварь и живность, иногда – деньги. П. готовится невестой самостоятельно в течение долгого времени, также ей помогают подруги или старшие родственницы. Его доставляют в дом жениха родственники невесты или *приданщики*. Демонстрация П., его содержимого и размера, – обязательный эпизод свадьбы, С. (= символ) состоятельности невесты и ее семьи, а также благополучного начала семейной жизни.

Далее покажем, на основании каких данных в лингвокультурологическом комментарии в «Словаре сибирского свадебного обряда» появляется компонент «символизирует» (сокращенно – с.). Например, лексема *дно* (*донышко*) 'нижняя часть сосуда' привлечена в обряде для представления факта непорочности девушки. Наличие/отсутствие *дна* (*донышка*) обрядового сосуда с. (= символизирует) сохранение/отсутствие девственности – обязательного требования крестьянского коллектива, предъявляемого к невесте. Само же материальное воплощение части емкости, номинированной лексемой *дно*, отсутствует в ритуале, а остается только как факт речи и потому имманентно принадлежит сфере символического. Этим объясняется наличие признаков *бездонный* и *дырявый* у номинаций сосудов (стопка, рюмка/рюмочка и пр.). **ДНО (БЕЗ ДНА).** Нижняя стенка сосуда, его основание. Отсутствие Д. (= дна) у сосуда – С. (= символ) недевственности, порочности невесты. – А который-то [жених] возьмёт. А который не возьмёт. Глядят, честна. Нечестна. Ваша дочь безо дна, стоит, хрупает, что безо дна. Дочь безо дна – в бездонную стопку родителям наливали (Том. Зыр.); Всяко было, если плоха – чугунка без дна (Том. Кож.). **ДОНЫШКО** = Дно. – Раньше-то построже было, а щас девкам-то свобода. Дружки, да полудружки, они хитры были. А кака ты выйдешь замуж, свободная [девушка], али нет. А на свадьбе-то матери с отцом рюмочку дыряву и подадут. Встревают-то жених с невестой, жених ей и подаёт рюмку-то.

¹ В «Словаре сибирского свадебного обряда» в словарной статье используется сокращение заглавного слова. В тексте статьи в скобках слово приводится полностью.

А доньшко приклеит ей, а оно и отпадёт, мол, девка-то без доньшка (Том. Шег.) [11. С. 126].

Таким образом, номинация любого обрядового сосуда, лишённого *дна* (т.е. целостности), снабжённая признаком *бездонный*, символизирует невесту, утратившую девственность до свадьбы: **БЕЗДОННЫЙ**. Не имеющий *дна*. Бездонный сосуд (кружка, рюмка, стопка и пр.) с. (= символизирует) невесту, утратившую девственность до свадьбы. – *А после брачной ночи, если невеста худя, то родителей угощают из кружки с бездонным дном* (Том. Крив.); *А то ешо рюмку сделают безо дна! «Бездонная рюмка, бездонная рюмка». А потом и рассор в семье идет* (Том. Кож.); *Тогда если девка нечестная выйдет, бездонну рюмку берут. Позор какой родителям. Рюмку бездонную, знаешь, стыд какой* (Том. Кож.) [11. С. 27].

Семантику чего-л. (чаще всего любого сосуда), утратившего целостность, имеет и прилагательное **ДЫРЯВЫЙ**. Имеющий дыру, утративший целостность. Дырявый сосуд с. (= символизирует) невесту, утратившую девственность до свадьбы. – *Ежели хорошая [невеста], то тогда цветную бутылку. Если нет, то дырявую чашку* (Том. Кож.); *Если самостоятельна, то такую посудину хлестанут, а если не самостоятельна, то дырявые горшки* (Том. Молч.) [11. С. 133]. Таким образом, мы видим аналогичный комментарий разных лексических единиц, транслирующих одинаковый смысл. Заметим, что однокоренная лексическая единица-существительное, имеющая также семантику нецелого, не соединяется в сознании крестьянина с обрядовым сосудом. **ДЫРКА**. С. (= символизирует) невесту, вышедшую замуж не девственницей. – *Рассказывали, вот блин сворачивали уголком, и, если невеста нечестная, – уголок откусывали, и получалась дырка* (Том. Пар.) [11. С. 133].

Как было сказано выше, в основу лингвокультурологического комментария – формы представления культуроспецифических лексических единиц в «Словаре сибирского свадебного обряда» – положены данные живой разговорной речи крестьян, жителей Среднего Приобья. Исследовательская установка автора: только речь диалектоносителей является объективной основой для разворачивания комментария, именно ее факты становятся аргументом в выявлении символической семантики слова. Например, имеющиеся в распоряжении авторов материалы позволяют вступить в дискуссию с авторитетной работой – «Этнолингвистическим словарем свадебной терминологии Северного Прикамья» [8].

Рассмотрим, как представлено слово-символ *мясо* во второй части Словаря – «Справочнике свадебной символики Северного Прикамья» [8]: **МЯСО**. Обязательное в свадебной кухне мясо на свадьбе символически выступает как отголосок древнего обрядового жертвоприношения. Отсюда использование не просто мяса, а внутренностей животного – ливера, конечностей животных, языка и пр. <...> Последним блюдом свадебного угощения считали говяжий язык. <...> Сваренное или жареное мясо приносили на стол нерезанными кусками. <...> Известно и использование мяса (сырого) во вредоносных целях [8. С. 260].

В «Словаре сибирского свадебного обряда» лексическая единица представлена иначе: **МЯСО**. Часть туши животного, употребляющегося в пищу. Блюда из м. (=мяса) обязательно готовят для свадебного застолья, их подают на разных этапах проведения торжеств. – *На девичнике стряпали мясо сковородное, жарют поросятину, рыбу ставили, капусту, холодное. Курников на девичнике нет, супу не делали* (Том. Том.); *А свадьбы делали, народу стоко, что всех угостить надо. Мясо обязательно. Нажарют свинину, скотское тоже, иногда в холодное накрутят. Целые сковороды были большии* (Том. Зыр.); *Раньше на свадьбе что? Пельмени, котлеты, голубцы, мясо тушёное, всё такое мясное, мясное, мясное* (Том. Том.); *Курник – это знаете, какой курник – он испечён из мяса. Щас покажу вот даже форму. Вот как курники. Вот в такой форме [форма круглая, как для кекса, рифлёная]. Вот их стряпают из мяса, ага. Мясо нарежут, нажарют, с луком пережарют всё, а потом тесто. Вот в эту саму кладут тесто, потом это мясо, и значит рису туда, и сала, всё... И заклеивают его хорошо тестом – и в печку. Он там вот... пропуск. [А почему называют курники, если они из мяса, а не из курицы? Может, раньше из курицы делали?] Из курицы раньше не делали, нет. Раньше токо со свинины, делали и со скотским, вот* (Том. Том.); *Это не меньше, честно говорю. Ну у нас-то была, так дней пять, наверно, гуляли... Ну быка не хватало мяса. [Ого!] Ну а как же, вот щас человек девяносто или восьмисят надо накормить, а одно же я мясо не нарежу, примерно, у нас одно мясо положил, да и всё* (Кем. Юрг.).

Очевидно, что в материалах не прослеживается «отголоска древнего обрядового жертвования», не представлены случаи использования мяса во вредоносных целях. Зафиксированы лишь случаи реализации лексемы в высказываниях, описывающих бытовую ситуацию подготовки свадебного стола. Обрядовая семантика слова сохраняется, но не развивается до символической. Приготовление блюд из мяса во время свадебных празднеств информанты объясняют привязанностью периода свадеб к церковному календарю, о чем свидетельствуют иллюстрации словарной статьи **МЯСОЕД**. Период, когда по уставу православной церкви разрешается мясная пища и когда обычно играют свадьбы. – *А мясоед – молочный. В этот мясоед замуж выходили. До Масленки. Только тогда женились. Мясо едят и всё. А летом боже спаси* (Том. Том.); *Свадьбы только постом не играли, всё большие мясоедом. Свадьбу мясоедом играли, с осени от Дмитриева дня* (Кем. Тяж.); *А раньше свадьбы были только в мясоед* (Кем. Юрг.); *Сейчас идет Мясоед по-старому. Вот раньше гуляли свадьбы в этот мясоед* (Том. Том.); *Бывали в основном свадьбы после Рождества до масленицы. Мясоед был пять-шесть недель. Потом пост, тогда уже свадьбы делали в январе, феврале* (Том. Шег.); *А невесту надо выбирать в субботу – посмотреть, как она уборку делает. В воскресенье и только в мясоед свадьбу делали. Мясоед – мясо только едят* (Том. Зыр.); *Значит, едет в другу деревню, как у нас называлось после Рождества – мясоед. В этот мясоед тогда женились. Это после Рождества, после Нового года. После Нового года. Вот это уж это мясоед назывался, вот тогда все свадьбы делали* (Том. Молч.).

Символы, встречающиеся в обрядовом фольклоре, также чрезвычайно значимы для представления специфики обрядовой жизни сибирского крестьянства. Например, лексема **КРАСОТА**. Фолькл. Цветы из воска, которые вплетались в косу невесты. С. (= символ) девичества. – *После чая невеста раздаёт подружкам красоту. Девушки в это время поют: Красота, ты моя красота, / Красота ты моя девичья, / Не спушшу на эту красоту! Не на горы высокие, / А спушшу на эту красоту! На любезную подруженьку* (Том. Пар.). Рассматриваемая лексическая единица зафиксирована исключительно в фольклорных источниках и сопровождается в Словаре пометой Фолькл. (= фольклорное), как и ряд подобных. Наше представление единицы в качестве символической опирается на авторитетный источник – «Справочник свадебной символики Северного Прикамья», в котором лексема подана так: «На свадьбе знак, символ девичества (в виде ленты, деревца и пр.)» [8. С. 78].

Аналогично в «Словаре сибирского свадебного обряда» подаются фольклорные лексические единицы, бытующие только как фольклорный репертуар свадьбы. **УТИЦА**. Фолькл. С. (= символ). невесты – *Уж ты, утица, / Уж ты, утица, / Уж ты, сера перепелица. / Ты зачем рано с гнезда сошла? / Ты зачем рано детей свела? / Уж пошел дождь крупчатый, / Промочило тепло гнездышко* (Том. Пар.). Ср.: «Общепотребительная женская символика утки в свадебных песенных текстах проявляется в аналогиях этой птицы и невесты» [8. С. 302].

В номинации признаков особую роль играют колоративы, обнаруживающие в значении символический компонент. Рассмотрим в качестве примера номинацию *красный*. Чаще всего она связана с лексемами, привлеченными для описания ритуала определения «честности–нечестности» невесты: «Обрядовые метафоры чести, с помощью которых сообщается добрая весть о том, что невеста была девственна (*честная, хорошая, совестная, самостоятельная*), так или иначе варьируют мотив красного цвета» [15. С. 63–64]. В зависимости от исхода брачной ночи нравственность невесты оценивается при помощи слов-символов, отражающих норму (*красный* = кровь = девственна) – отсутствие нормы (*белый* = без крови = не девственна), т.е. реализуется символическая оппозиция «красное – белое»: *Если невеста самостоятельная, в красные ленты наряжают лошадей, а если нет, то белый платок повесят* (Том. Пар.); *Спать кладут [молодых], потом поднимают утром. Потом красными тряпками машут или белыми – всё было же* (Том. Том.).

Рассмотрим, какие номинации предметов красного цвета манифестируют факт невинности невесты. Это обрядовые слова, имеющие в своей семантике символический компонент:

а) лента (ленточка): *Если самостоятельная, то красная бутылка, красная лента* (Том. Шег.); *Тогда уж кругом красные ленточки навешают* (Том. Том.); *Лошадей наряжают в красные ленты и в цветы, если невеста самостоятельная, а если нет, то ещё и белый флажок повесют* (Том. Молч.); *Если невеста самостоятельная, то лошадь вся в красных лентах* (Том. Молч.);

б) платок (платки): *Прибегают все тогда, конечно. Дескать, подняли молодых. Рубашку-то завяжут в узелочек и вешают красны платки. Тогда выходят с рюмочками в руках* (Том. Том.);

в) цветок (цветы): *С постели подымали свахи. Если девушка плохая, то выставляют дно дырявое, если хорошая, то цветы красные, тряпки красные. Даже сейчас это было, до чудиков дошли. С светами и красными лентами, тряпками* (Том. Кож.);

г) веник, украшенный предметами красного цвета: *А после первой ночи молодуху крёстные поведут [в баню]. Да веник-то красным нарядут* (Том. Шег.);

д) обрядовые единицы, проявляющие символический компонент только в рамках обряда: *Невеста хорошая – перед гостями ставят бутылку вина, украшенную красным бантом. Если невеста плохая, ставят бездонную бутылку* (Том. Карг.); *Если плоха невеста. И никто с красным не проедет. Ну красный флаг, если девушка, тоже* (Том. Том.).

Красный цвет, доминирующий в убранстве лошадей, также символизирует непорочность невесты: *Кони все в красном – это значит невеста честная* (Том. Том.); *На конех наряжают красным, ежели добра выйдет невеста-то* (Том. Крив.); *Этот конь весь в красном – значит невеста честная* (Том. Мол.).

В свадебном же фольклоре *красный* – это постоянный эпитет в словосочетании «красна девица (девка)» в значении ‘красивый’: – *Свадьбишину песню им пела: «Вон на горе, на высоком сидела красная девица-душа, ой, там сидела красна девица-душа...»* (Кем. Ижм.); *Ты душа ли наша, душенька? / Ты душа ли, красна девица* (Том. Крив.); *Наша Галя испугалась, / По горенке заматалась. / Из горенки она в горенку, / К красным девкам под занавеску* (Том. Ас.); *За столами за дубовыми, / За скатертями браными / Сидели красны девицы* (Том. Пар.).

Итак, комментируем. **КРАСНЫЙ**. 1. Цвета крови. Окрашенный в этот цвет предмет (лента, платок и пр.), а также убранство свадебных лошадей с. (= символизирует) невинность новобрачной.

2. Фольк. Красивый, молодой. В свадебном фольклоре постоянный эпитет в словосочетании «красна девица (девка)» применительно к девушке брачного возраста.

Глагольные обрядовые единицы, как правило, указывают на манипуляции с предметами, номинации которых имеют символическую семантику, называют части свадебного ритуала. Например, **♦КОЛЬЦА(Ы) МЕНЯТЬ**¹. Ритуальный обмен во время церковного венчания. Действие с. (= символизирует) скрепление брака. – *В церкви на коврик маленький поставят, обведут. Потом кольца меняют. Женихово кольцо попало невесте, так и отправляют* (Том. Зыр.); *А мы в церкви венчались, сейчас-то регистрируют, а*

¹ «Ритуальная мена – частый символический способ породнения, соединительный обряд, направленный на упрочение связей. Отсюда обязательное обменивание кольцами и подарками жениха и невесты» [8. С. 254].

нас поп венчал, и кольца меняли там... И гуляли по-ранешнему не так. Гуляли праздник долго (Кем. Яшк.); В церкви кольца меняют – это обязательно (Том. Том.); Раньше не такие свадьбы делали... В кружок собирались, песни пели, сваты приходили. Меня просватали в декабре. Рукобитье делали. Обручание было. Гости были, кольца меняли (Том. Пар.); Раньше венчались. Потом идут на венец, кольца меняют. Венцы дают, водят три раза вокруг стола (Том. Шег.).

Как правило, перевод бытового значения акциональных слов в символическое происходит на основании называемого действия. Так, символическая семантика глагола *перегораживать* развивается на основе денотативного значения ‘образовывать преграду, загораживать поперек чего-либо’: *Перегораживают реку* (ВС. Т. 5. С. 58) и имеет символическую семантику ‘создавать границу для специального ее преодоления, что предполагает обязательный коллективный сценарий свадьбы’. Путь, который проезжает свадебный поезд жениха и невесты, символизирует переход из одного социального статуса в другой и являет собой пространственное воплощение такого перехода, который сопровождается преодолением ряда границ [16]. В материалах Словаря такими примерами являются следующие: *Я помню свою свадьбу – в семи местах дорогу перегораживали, пока везли меня от маслозавода, я ж там жила. В семи местах перегораживали дорогу (Том. Пар.); В ту пору на лошадях ездили, ничего другого не было. С собой банки браги брали и конфеты. Перегораживали дорогу, всем наливали и угощали (Том. Пар.); Дорогу перегораживали, да наливали всем. На улице прям был вынесен стол, пока стояли, подпругу отрезали у нас. А на мосте. И в начале моста и тут вот. Выкупать невесту просят: наливают всем, детям конфеты, бражку свою возют (Том. Пар.).*

Приведенные иллюстрации демонстрируют механизм формирования символического компонента в значении глагольной единицы: в соединении со словом-символом *дорога* лексема *перегораживать* получает семантику ‘создание границ на пути следования свадебного поезда, невозможности дальнейшего его продвижения’ (подпругу, часть конской упряжи, специально повредили во время остановки поезда). Заметим, что в высказываниях нет свидетельств о том, чем перегораживали *дорогу*, указан лишь факт, что на месте остановки поезда предлагалось угощение с целью выкупа невесты и тем самым получения возможности дальнейшего продвижения поезда¹. Комментируем: ♦**ДОРОГУ ПЕРЕГОРАЖИВАТЬ**. Ритуальное действие с. (= символизирует) создание преград с целью их преодоления – получения выкупа за невесту и права на дальнейшее движение свадебного поезда².

¹ В «Этнолингвистическом словаре свадебной терминологии Северного Прикамья» *Дорога* = Дорогу загораживать [8. С. 52]. *Загораживать*. = Дорогу (свадьбу) загораживать (залаживать). Перегораживать путь свадебному поезду в день венчания с целью получения выкупа за невесту [8. С. 59].

² **Дорога**. Символизируя жизнь, жизненный путь, дорога воспринимается (ср. в связи с этим близость запретов: перед невестой нельзя переходить дорогу, иначе у нее могут быть тяжелые роды) [8. С. 225].

Итак, маркеры, манифестирующие в лексикографических трудах символическую семантику слова как «символ» и «символизирует», обязательны для словарей лингвокультурологического типа. Особенно это касается работ, построенных на материале говоров. Одна из задач их составителей – выявление имплицитно представленной символической семантики. Она носит узуальный характер и выступает как устойчивый, коллективный относительно конкретных ситуаций употребления «смысловой инвариант», используемый крестьянским сознанием в ходе осознанного отбора, обусловленного принципом ситуативной и контекстуальной уместности. Именно слова-символы, приобретшие узуальное символическое значение, определяют своеобразие национальной культуры и обязательно соотносятся с обрядовой жизнью крестьянского коллектива.

Лингвокультурологический комментарий, проявляющий символическую семантику в зоне словотолкования, полностью вытекает из конкретных диалектных высказываний, а его разворачивание базируется на реальной «жизни» обрядового слова, помещенного в «Словарь сибирского свадебного обряда». Подходы в представлении символической семантики могут стать основой для словарного описания других сфер национального дискурса – мифопоэтического, религиозного, идеологического и пр.

Источники примеров

ВС – Вершининский словарь / под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. Т. 5 : П. 501 с.; Т. 7 : Т–Я. 526 с.

Томский диалектный корпус. URL: <http://losl.tsu.ru/corpus>

Локальные пометы

Том. – Томская область; В.-Кет. – Верхнекетский район; Зыр. – Зырянский район; Карг. – Каргасокский район; Кож. – Кожевниковский район; Колп. – Колпашевский район; Крив. – Кривошеинский район; Молч. – Молчановский район; Пар. – Парабельский район; Том. – Томский район; Шег. – Шегарский район; Кем. – Кемеровская область; Ижм. – Ижморский район; Кем. – Кемеровский район; Л.-Куз. – Ленинск-Кузнецкий район; Мар. – Мариинский район; Юрг. – Юргинский район; Яшк. – Яшкинский район.

Список источников

1. Банкова Т.Б., Угрюмова М.М., Агапова Н.А. Константы русской народной культуры: языковые воплощения. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. 200 с.
2. Банкова Т.Б., Калипкина Г.В. Лексикографическое описание обрядового слова: К постановке проблемы // Актуальные проблемы русистики. Томск, 2000. С. 128–143.
3. Тараканова Д.А. Символический компонент значения диалектного слова (на материале говоров Среднего Приобья) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012. 24 с.
4. Алексеев А.В. Символическое значение слова в этимологии и истории русского языка // Вестн. Брян. гос. ун-та. 2016. № 3. С. 106–111.
5. Андриевич И.Л. Коннотация как способ представления культуры в лексике семейных обрядов русских старожилов Иркутской области // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2010. Вып. 10. С. 107–110.

6. Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Символ в системе культуры: Труды по знаковым системам. Тарту, 1987. Вып. 21. С. 10–21.
7. *Славянские древности: этнолингвистический словарь* : в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. М. : Междунар. отношения, 1995. Т. 1. 488 с.
8. Подюков И.А., Хоробрых С.В., Антипов Т.А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. Усолье ; Соликамск ; Березники ; Пермь : Перм. кн. изд-во, 2004. 360 с.
9. *Словарь русских говоров Кузбасса* (с дополнением) / под ред. Н.А. Баланчика, Н.В. Жураковской. Новокузнецк ; Красноярск : НФИ КемГУ: Полиграфическая компания «Sitall», 2018. 410 с.
10. *Словарь детства: говоры Среднего Приобья* (с лингвокультурологическим комментарием) / под ред. М.М. Угрюмовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2018. 200 с.
11. Банкова Т.Б. Словарь сибирского свадебного обряда. Т. 1: А–З. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2018. 200 с.
12. Алексеев А.В. Культурная значимость слова как предмет русской исторической лексикологии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2022. 35 с.
13. Банкова Т.Б. О параметрах лингвокультурологического комментария в «Словаре сибирского свадебного обряда» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 79. С. 5–20.
14. Банкова Т.Б. Об особенностях толкования лексических единиц в диалектном лингвокультурологическом словаре // Вопросы лексикографии. 2019. № 16. С. 76–91.
15. Кабакова Г.И. Полесская народная антропология: женский текст // Восточнославянский этнолингвистический сборник: исследования и материалы. М. : Индрик, 2001. С. 50–78.
16. Байбурун А.К., Левинтон Г.А. Похороны и свадьба // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. М., 1990. С. 64–98.

References

1. Bankova, T.B., Ugryumova, M.M. & Agapova, N.A. (2017) *Konstanty russkoy narodnoy kul'tury: yazykovye voploshcheniya* [Constants of Russian Folk Culture: Linguistic embodiments]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Bankova, T.B. & Kalitkina, G.V. (2000) *Leksikograficheskoe opisanie obryadovogo slova. K postanovke problemy* [Lexicographic description of a ritual word. Towards the formulation of the problem]. In: Demeshkina, T.A. (ed.) *Aktual'nye problemy rusistiki* [Current Problems of Russian Studies]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 128–143.
3. Tarakanova, D.A. (2012) *Simvolicheskii komponent znacheniya dialektного slova (na materiale govorov Srednego Priob'ya)* [The symbolic component of the meaning of a dialect word (based on the dialects of the Middle Ob region)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
4. Alekseev, A.V. (2016) *Simvolicheskoe znachenie slova v etimologii i istorii russkogo yazyka* [The symbolic meaning of the word in the etymology and history of the Russian language]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3. pp. 106–111.
5. Andrievich, I.L. (2010) *Konnotatsiya kak sposob predstavleniya kul'tury v leksike semeinykh obryadov russkikh starozhilov Irkutskoy oblasti* [Connotation as a way of representing culture in the vocabulary of family rituals of Russian old-timers of the Irkutsk region]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 10. pp. 107–110.
6. Lotman, Yu.M. (1987) *Simvol v sisteme kul'tury* [Symbol in the cultural system]. In: Lotman, Yu.M. (ed.) *Simvol v sisteme kul'tury: Trudy po znakovym sistemam* [Symbol in the Cultural System: Works on sign systems]. Vol. 21. Tartu: Tartu State University. pp. 10–21.
7. Tolstoy, N.I. (ed.) (1995) *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic dictionary]. Vol. 1. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
8. Podyukov, I.A., Khorobrykh, S.V. & Antipov, T.A. (2004) *Etnolingvisticheskiy slovar' svadebnoy terminologii Severnogo Prikam'ya* [Ethnolinguistic Dictionary of Wedding

Terminology of the Northern Kama Region]. Usol'e; Solikamsk; Berezniki; Perm: Permskoe knizhnoe izdatel'stvo.

9. Balanchika, N.A. & Zhurakovskaya, N.V. (eds) (2018) *Slovar' russkikh govorov Kuzbassa (s dopolneniem)* [Dictionary of Russian Dialects of Kuzbass (With additions)]. Novokuznetsk; Krasnoyarsk: Novokusnetsk Branch-Institute of Kemerovo State University; Poligraficheskaya kompaniya "Sital".

10. Ugryumova, M.M. (ed.) (2018) *Slovar' detstva: govory Srednego Priob'ya (s lingvokul'turologicheskim kommentariem)* [Dictionary of Childhood: Dialects of the Middle Ob region (with linguocultural commentary)]. Tomsk: Tomsk State University.

11. Bankova, T.B. (2018) *Slovar' sibirskogo svadebnogo obryada* [Dictionary of the Siberian Wedding Rite]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.

12. Alekseev, A.V. (2022) *Kul'turnaya znachimost' slova kak predmet russkoy istoricheskoy leksikologii* [The cultural significance of the word as a subject of Russian historical lexicology]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.

13. Bankova, T.B. (2022) On the parameters of linguoculturological commentary in the Dictionary of the Siberian Wedding Rite. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 79. pp. 5–20. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/79/1

14. Bankova, T.B. (2019) On the Peculiarities of the Interpretation of Lexical Units in a Dialect Linguocultural Dictionary. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 16. pp. 77–91. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/16/5

15. Kabakova, G.I. (2001) Poleskaya narodnaya antropologiya: zhenskiy tekst [Polesie folk anthropology: women's text]. In: Plotnikova, A.A. (ed.) *Vostochnoslavianskiy etnolingvisticheskiy sbornik: issledovaniya i materialy* [East Slavic Ethnolinguistic Collection: research and materials]. Moscow: Indrik. pp. 50–78.

16. Bayburin, A.K. & Levinton, G.A. (1990) Pokhorony i svad'ba [Funeral and wedding]. In: Ivanov, Vyach.Vs. & Nevskaya, L.G. (eds) *Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoy dukhovnoy kul'tury: Pogrebal'nyy obryad* [Research in the Field of Balto-Slavic Spiritual Culture: Funeral Rite]. Moscow: Nauka. pp. 64–98.

Информация об авторах:

Банкова Т.Б. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: tatabank@mail.ru

Тараканова Д.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: dashnik@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

T.B. Bankova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tatabank@mail.ru

D.A. Tarakanova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dashnik@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.05.2023;
одобрена после рецензирования 12.08.2023; принята к публикации 07.03.2024.*

*The article was submitted 24.05.2023;
approved after reviewing 12.08.2023; accepted for publication 07.03.2024.*

Научная статья

УДК 81-23

doi: 10.17223/19986645/87/2

Почему прошлое ирреально и что ирреального в прошлом: когнитивный аспект типологической взаимосвязи категорий ирреалиса и прошедшего времени глагола

Андрей Сергеевич Дружинин¹, Наталия Александровна Лаврова²

^{1, 2} Московский государственный университет международных отношений

МИД России, Москва, Россия

¹ Andrey.druzhinin.89@mail.ru

² n.lavrova@inno.mgimo.ru

Аннотация. Рассматривается типологическая взаимосвязь двух грамматических категорий – прошедшего времени и ирреалиса – на когнитивном уровне. На основании когнитивного анализа типологических данных русского, английского, болгарского и некоторых других языков выдвигается гипотеза о том, что прошедшее время связано со значением альтернативности и реляционности, благодаря чему прошлое осмысливается как область гипотетических связей и отношений, обуславливающих семантику ирреальности.

Ключевые слова: сослагательное наклонение, пересказывательное наклонение, апрехенсив, эвиденциальность, оппозитив, паллиатив, темпоральный опыт, воплощенное познание

Для цитирования: Дружинин А.С., Лаврова Н.А. Почему прошлое ирреально и что ирреального в прошлом: когнитивный аспект типологической взаимосвязи категорий ирреалиса и прошедшего времени глагола // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 87. С. 23–54. doi: 10.17223/19986645/87/2

Original article

doi: 10.17223/19986645/87/2

What is unreal about the past and why the past is about irreality: A cognitive perspective on preterit-irrealis cross-linguistic relationship

Andrey S. Druzhinin¹, Nataliya A. Lavrova²

^{1, 2} MGIMO University, Moscow, Russian Federation

¹ Andrey.druzhinin.89@mail.ru

² n.lavrova@inno.mgimo.ru

Abstract. The article deals with cross-linguistic patterns of past tense verb forms functioning under the category of irrealis. Approaching language as a means and process of understanding and organizing the world, we examine ways in which the unreal meaning of the past tense is grounded in human experience. Theory of language does

not seem to offer a consistent explanation as to why the past is irreal or why irreality is construed in past tense verbs. With this in mind, the investigation of the preterit as an irrealis marker across languages builds on a cognitive interpretation of the contrastive analysis. In other words, typological regularities of the irreal past are explained in terms of embodied reasoning in which a human engages when interacting with the world and others. It is hypothesized that the meaning of past tense is rooted in the subject's experience with perspectival alternatives arising with her abstractions from and reflections on interactions with things that are no longer in a perceptual field, which requires coordinations (interpretations) of varied perceptual vantage points and temporal perspectives under uncertainty. It follows that the past as a domain of mediated, secondary observations ("hindsight observations") is conceptualized as a domain of hypothetical entities and actions on which the meaning of irreality builds. Research data is mainly represented by corpus-based examples from literary and spoken discourse of Russian, English, and Bulgarian. The cognitive analysis reveals that past-tense marking of irrealis is accounted for by the prevalently relational, inter-subjective semantics through which a discourse of the past is constructed and made sense of relative to displaced and displaceable reference points, aka other subjects' perspectives. This semantic distinction helps understand the difference between grammatical forms and meanings that underlie such categories as subjunctive, palliative, desiderative, dubitative, apprehensive, and other irreal moods across languages. In particular, non-preterit markers of irrealis in English and Russian subjunctives are apparently linked to a more linear and/or ego-centric reasoning about temporal changes, whereby reality is identified with the "inner moving force" or the subject's interests and desires that she can hardly control (as in imperative mood, for example), that is why such grammatical expressions of irreality are usually more emotional, colloquial and logically basic. Preterit markers, by contrast, are embedded in a more participatory, dialogical discourse that involves engagement in open-ended meaning-making wherein no definitive answer, decision, or choice is required, but rather options for acting are left open (as in counterfactuals and optatives, for example). Therefore, such expressions of irreality are usually more polite and logically challenging.

Keywords: subjunctive mood, narrated mood, apprehensive mood, evidentiality, optative mood, palliative mood, temporal experience, embodied reasoning

For citation: Druzhinin, A.S. & Lavrova, N.A. (2024) What is irreal about the past and why past is about irreality: A cognitive perspective on preterit-irrealis cross-linguistic relationship. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 87. pp. 23–54. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/87/2

Введение

Впервые проблема ирреальности была поставлена в лингвистике в 1930 г. Э. Сепиром, исследовавшим типологию языков и выделившим в системе глагольных форм грамматическое значение «нереальной деятельности, чисто потенциальной или противоречащей фактам» [1. Р. 168]. На этом основании выделяется широкий класс ирреальных наклонений (сослагательное, условное, желательное, пересказывательное, предположительное и т.д.), указывающих на несоответствие «лингвистического времени» описываемой ситуации «физическому» моменту речи по логическому принципу ложности / истинности. Вслед за В.А. Плуныным (2004) в настоящей

работе под термином «ирреалис» понимается грамматическая категория (или ее граммема), а общий семантический компонент ситуаций, не «принадлежащих реальному миру», обозначается термином «ирреальность» [2. С. 15]¹.

Среди маркеров ирреальности, таких как аффиксы, внутренняя флексия, аналитические формы, порядок слов в предложении (см. [3. Р. 405]), выделяется граммама прошедшего времени глагола. Цель данной статьи – объяснить, почему категория прошедшего времени связана со значением ирреальности во многих языках мира. В работе рассматриваются формы прошедшего времени, омонимичные ирреалисным формам (сослагательного и условного наклонения, конъюнктива, пересказывательного наклонения), с модально-эпистемическими значениями, или в иллокутивной функции [4], директивно-оптатива, деизидератива, паллиатива, апрехенсива и дубидатива.

Новизна исследования заключается в том, что взаимосвязь категорий времени и ирреалиса, изучавшаяся в типологии ранее [5–9], рассматривается на междисциплинарном уровне, с учетом принципов когнитивно-психологической деятельности человека, которую он осуществляет и организует посредством данных языковых категорий.

Статья структурирована в соответствии с поставленной целью: вначале проводится краткий сравнительно-типологический анализ роли форм прошедшего времени в формировании категории ирреалиса в синхронии, рассматриваются и критически анализируются различные подходы к интерпретации этой семантики, затем излагается теоретико-методологическая основа исследования, выдвигается гипотеза о реляционной семантике прошедшего времени, приводится обоснование гипотезы с опорой на типологические данные, в завершение делаются выводы и заключение.

Основным материалом практической части исследования послужили русский, английский и болгарский языки, а именно 324 контекста употребления претеритных форм, образующих грамматическую категорию ирреалиса, отобранных посредством квотной стратифицированной выборки из художественной, периодической, научной, методической и дидактической литературы, а также из НКРЯ.

¹ Учитывая предметную область лингвистики, которой эти оба термина обязаны своим появлением, мы также не можем не учесть их операциональную специфику как внутридисциплинарных понятий. С этой точки зрения ирреалис – это разграничение, проводимое лингвистами с целью грамматического анализа языка и упорядочивания знаний о его глагольных формах. Ирреальность же является семантическим следствием такого грамматического маркирования, помогающим упорядочить знания о мире и сформировать о нем то или иное представление под «влиянием» уже сформированной лингвонаучной категории ирреалиса.

1. Ирреальное прошлое как языковая универсалия: проблема интерпретации

Граммема прошедшего времени является типологически универсальным способом маркирования категории ирреалиса. Э. Сепир, впервые выделивший ирреалис на морфологическом уровне в индейском языке юте, говорит о сочетаниях модального суффикса ирреалиса с граммемами перфектного и нарративного прошлого [1. Р. 168]. В русском языке сослагательное наклонение конструируется аналитическим сочетанием частицы *бы* (*б*) с глагольной формой на *-л*, совпадающей с формой прошедшего времени [10. Т. I. С. 625]. Этимология частицы *бы* также указывает на связь со значением перфектного прошедшего времени: она восходит к глаголу *быть* в форме аориста 2 и 3 л. ед. ч. со значением «стал». Согласно одной из гипотез «в праславянском существовал плюсквамперфект вида *бухъ ходиѣ*. В некоторых диалектах он очень рано контаминировался с исконным условным наклонением... В тех диалектах, где не существовали формы вида *бимъ ходиѣ*, развитие плюсквамперфекта в направлении нереального значения могло происходить независимо» [11. С. 307]. Праславянские формы аориста глагола *быть*, на современном этапе развития языка ассоциируемые с категорией сослагательного наклонения, частично сохранились в сербохорватском языке (*бих, би, би, бисмо, бисте, би*), где они также используются для оформления сослагательности, и в болгарском языке (*бих, би, би, бихме, бихте, биха*):

(1) Да сам на твоём месте, не *бих* се у то *мешао*. ((Если бы я был) на твоём месте, я бы в это не вмешивался.)

(2) Ако можеш, *бих дошъл* (Если бы я мог, пришел бы).

В английском языке глагольная форма прошедшего времени маркирует категорию сослагательного наклонения в контекстах нереального условия и желания, совпадая с аналогичной формой индикатива за исключением глагола *be* в 1 и 3 лице ед. ч.: в этом случае используется форма *were*, что считается единственной сохранившейся в современном языке супплетивной морфологической формой субъюнктива (*If I were you*). *Were* восходит к формам староанглийского претеритного субъюнктива (конъюнктива) *wære* и *wæren*, представленных в современном немецком языке в виде *wäre, wärest, wären, wäret* для маркирования той же категории. Условное наклонение (кондиционалис) выражается сочетанием глагола *would* и инфинитивом основного глагола, при этом *would* является прошедшей формой глагола *will*. О. Есперсен отмечает, что еще в 19 в. формы претерита использовались и в условном наклонении (*That were a pity! She were an excellent wife.*), о чем свидетельствует сохранившаяся в современном английском идиома *had better* в значении опатива:

(3) You *had* better stay (Ты *бы остался* / Тебе *бы остаться*) [12. Р. 203].

О. Есперсен приводит еще один факт языковой диахронии, который подтверждает концептуальную параллель между сослагательным наклонением и семантикой пережитого опыта на примере семантической связи глагола

would и формой прошедшего времени: выражение *would rather*, маркирующее в современном английском грамматическое значение деизидератива (желательного наклонения), исторически имело форму *had rather* [12. Р. 203]:

(4) I *had rather* not see him (Не *видеть бы* его).

Аналогичный принцип конструирования ирреальной темпоральности можно проследить в греческом языке, где сослагательное, условное и желательное наклонения образуются с помощью сочетания различных глагольных форм прошедшего времени (имперфект, аорист или плюсквамперфект) и частицы *θα*, маркирующей будущее время и этимологически связанной со значением желания [13]:

(5) *Θα την αγοράζα* αυτή την μπλούζα, αλλά δεν μου φτάνουν τα λεφτά (Я бы купила эту блузку, но мне не хватает денег).

Ф. Палмер отмечает, что подобное различие реальности и ирреальности маркируется прошедшем временем в некоторых языках африканских народов. В частности, в ряде семитских языков Эфиопии и Эритреи глагольная форма кондиционалиса стоит в прошедшем времени, за счет чего конструируется значение ирреального условия. В языке билин для обозначения нереальных условий используется морфологическая парадигма форм глагольной референции к прошлому [14].

Тот типологический факт, что ряд форм с ирреальным значением включает морфему прошедшего времени во многих языках мира, объясняется по-разному. Первая группа ученых склонна придерживаться функционально-семантического подхода и считать совпадение темпоральных форм ирреалиса и реалиса случаем омонимии. А.В. Исаченко подчеркивает, что форма на -л в значении сослагательного наклонения русского языка не выражает прошедшего времени, несмотря на то, что ее можно признать претеритной [15. С. 513]. В некоторых случаях, отмечает А.М. Пешковский, значение прошедшей формы глагола скорее связано с будущим временем [16. С. 482]. Со ссылкой на А.Н. Гвоздева и П.С. Кузнецова Г.Р. Кадырова [17] предлагает рассматривать сочетание частицы *бы* с причастием на -л в качестве исторически развившейся грамматической омонимии или «мнимой» формы прошедшего времени. Представляется, однако, что подобного рода подход, при котором связанные по форме и, главное, значению грамматические формы интерпретируются как не связанные между собой, искажает когнитивно-семантические механизмы функционирования и образования ирреалиса. Имеются данные, что форма сослагательного наклонения образовалась онтогенетически позднее реалисных форм. По этой причине можно предположить, что совпадение форм не является случайным: ирреалисные формы когнитивно и семантически производны от реалисных форм, поэтому точнее было бы говорить о случае распада полисемии, ср.: «Специализированные показатели контрафактивности¹ (в любой ее разновидности)

¹ В русскоязычной научной литературе используется также термин «контрфактуальность» и «контр(а)фактивность».

для языков мира нетипичны; как правило, в этой функции используются полисемичные глагольные показатели с иными исходными значениями» [2. С. 278]. Во многих контекстах прослеживается аналогия между прошедшим временем и ирреальностью. В частности, значение нереализованности, лежащее в основе ирреальной семантики глагольного имени, чаще всего выражается формой прошедшего времени¹, ср.: конъюнктив в форме плюсквамперфекта в немецком языке, аналогичный индикатив в форме простого прошедшего в английском языке и форма прошедшего времени в русском языке:

(6) Beinahe *hätte* ich in der Dunkelheit... Schlaf *finden können* [18. С. 12].

(7) I felt I almost *fell* asleep in the dark [18. С. 12].

Несмотря на то, что действие не было реализовано, вряд ли можно было бы отрицать наличие претеритной формы в данном случае: в переводном эквиваленте в русском языке речь также идет о нереализованном действии в прошлом (ср. «Я чуть было не уснул в темноте»). Во-вторых, среди функций имперфекта в других языках, например в болгарском, традиционно указывается функция едва не свершившегося действия в прошлом: ср. *За малко щях да те забравя* «Чуть не забыл про тебя» [19. С. 199].

В рамках логико-семантического подхода прошедшее время категорий реалиса и ирреалиса рассматривается в соотношении интенционала и экстенционала оформленного им высказывания. Исходя из этого, прошедшее время в значении ирреальности более субъективно и относительно, поскольку ориентировано на позицию говорящего и содержание его мыслей, нежели на объективное положение дел в действительности. Так, О. Есперсен объясняет особенность грамматического времени выступать в качестве маркера категории ирреального наклонения образностью. Прошедшее время может являться грамматическим средством воображения, и значение сослагательного наклонения О. Есперсен называет образным использованием грамматического времени [12]. Близка по духу идее образности концепция дифференциации грамматического времени Ф. Палмера, который разделяет настоящее и модальное настоящее, прошлое и модальное прошлое. В результате прошедшее время считается средством модальности, за счет которого говорящий формирует то или иное отношение к действительности [8. Р. 201]. К. Шульц [20] также рассматривает ирреальную семантику претерита в рамках модальной логики. Утверждается, что различие между индикативом (реальностью) и кондиционалисом (ирреалисом) в большинстве языков мира маркируется темпорально или аспектуально-темпорально. Во избежание двусмысленности автор использует термин «фейковая темпоральность» в отношении морфологических маркеров кондиционалиса, напоминающих по форме прошедшее время. Фейковая темпоральность используется не только для кондиционалиса, но и для широкого спектра ирре-

¹ Для языков, не имеющих форм плюсквамперфекта, это могут быть формы аориста, имперфекта или простого прошедшего времени.

альных наклонений, что, по мнению К. Шульц, свидетельствует об устойчивой когнитивной связи между семантической функцией темпоральных и ирреальных маркеров. Используя понятие «дейктического центра», автор показывает, что в случае индикатива дейктическим центром выступает момент речи, а в случае кондиционалиса дейктический центр становится модально-эпистемическим, представляющим собой набор альтернативных условий, при которых ожидания говорящего оказываются оправданными.

Существует гипотеза о тождественных дискурсивных функциях категорий прошедшего времени и ирреалиса. В.А. Плунгян [2] объясняет совмещение значений плюсквамперфекта и контрфактуальности (контрфактуального условия) дискурсивным компонентом значения дигрессии в значении плюсквамперфекта: «Нарративные употребления плюсквамперфекта...оказываются по своей дискурсивной функции практически идентичны показателю контрафактического условия: последний вводит такую ситуацию в альтернативном мире, которая должна была произойти раньше некоторых известных говорящему событий реального мира» [2. С. 288].

В когнитивной лингвистике отождествление прошедшего времени с ирреальностью объясняется с помощью метафоры расстояния. Существуют мнения, что прошлое в сознании человека всегда ассоциируется с чем-то отдаленным не только по времени, но и по степени актуальности и реальности. Так, М. Йоос и Д. Джеймс выделяют в значении прошедшего времени сему удаленности [5. Р. 121; 7. Р. 855], а Р. Лангакер использует обозначение «дистальный» для описания пространственной метафоры прошедшего времени [21. Р. 855], Б. Данцигер и Е. Свитсер говорят о такой морфологической полисемии прошедшего времени, которая позволяет ему реализовывать значение не темпоральной, а эпистемической дистанции [9. Р. 71–78]. Именно поэтому прошедшее-как-отдаленное переосмысливается в прошедшее-как-нереальное [22. Р. 3; 23. Р. 266].

Аргумент в пользу семантической деривации граммы прошедшего времени по принципу метафоры «время-пространство», тем не менее представляется недостаточно обоснованным и точным. Предположение о метафорическом дистанцировании от актуального момента «здесь и сейчас» может быть логически верно в отношении как прошедшего, так и будущего времени: бывают события, которые произошли в *далеком прошлом*, и события, которые лишь произойдут в *далеком будущем*. Нет также причин утверждать, что в естественном языке уход в прошлое ассоциируется с процессом отдаления, а не приближения. Логико-семантический анализ темпоральной лексики в русском языке [24] показывает, что характер переживания времени зависит от точки зрения и от направления интенции субъекта, которого можно представить себе как путника, идущего по дороге жизни в том или ином направлении. Во многих случаях словообразовательная семантика отражает парадигму «традиционного пути», которая предписывает обращать взор в прошлое, а не в будущее: мы идем вперед и делаем следующий шаг,

т.е. *след*-уем проторенным путем, *в-след* за своими *пред*-ками или *пред*-шественниками, потому что они идут *в-перед*-и нас, а уже потом, после нас (т.е. позади) *след*-уют *потом*-ки [25. С. 11].

2. Когнитивные основы прошедшего времени: методология, теоретические предпосылки и гипотеза исследования

Исследование посвящено теоретическому изучению лингвокогнитивной связи категории прошедшего времени и ирреальности. Основным методом исследования служит когнитивно-семантический анализ типологических данных, заключающийся в том, что А. Е. Кибрик назвал «реконструкцией маркированности языковой формы» [26]. Грамматические категории, участвуя в организации познавательного опыта, позволяют воспроизводить некие универсальные, базовые паттерны мышления, основанные, главным образом, на сенсомоторном опыте взаимодействия с миром (восприятие внутреннего и внешнего, центральных и фоновых объектов, себя и других, ощущение контроля над действиями и т.д.) [27, 28]. Задача когнитивно-семантического анализа – выявить и описать подобные когнитивные функции грамматических форм и их межкатегориальные связи на примере нескольких языков.

Основанием исследования послужили факты, накопленные в области когнитивной лингвистики, когнитивной психологии и психологии развития, а также теоретические обобщения о природе языковой семантики из таких дисциплин, как философия языка и эпистемология. Теоретико-методологической основой исследования послужил конструктивистский подход к языку как когнитивной деятельности. Центральными положениями этого подхода можно считать следующие эпистемологические предпосылки:

- язык – это способ формирования и организации познавательного опыта в процессе активного сенсомоторного (корпорального, телесного) взаимодействия человека с окружающим миром [27–31];

- формирование опыта подразумевает дифференциацию человеком собственных действий и действий других, в результате которой он начинает совершать качественно новые действия и/или координировать прежние действия по-новому [32. Р. 9; 33. Р. 55; 34. Р. 9], приобретая новое и/или меняя прежнее миропонимание, мировидение и мировосприятие [35. Р. 600; 36; 37];

- организация опыта включает процесс интеллектуального упорядочивания результатов действий по стадиям многоуровневого рефлексивного абстрагирования посредством мыслительных операций, совершаемых над объектами внимания [38, 39];

- языковые взаимодействия направлены на достижение большего контроля за изменениями внешней среды и внутренних состояний через «пассивную» адаптацию (отсутствие изменений в структуре действий) и «активную» адаптацию¹ (изменение структуры действий) [40].

¹ Ж. Пиаже называет эти функциональные процессы ассимиляцией и аккомодацией.

На основе данных положений объясним когнитивные функции категории времени в языке и сформулируем гипотезу о семантике альтернативы, отличающей формы прошедшего времени в нарративном дискурсе.

С когнитивной точки зрения время не имеет свойства заранее заданного условия существования, оно конструируется когнитивным субъектом в языковом семиозисе [25; 41. Р. 82], позволяющем мысленно соотносить движения с перемещениями и говорить о последовательности меняющихся объектов восприятия [42]. Понимание темпоральной последовательности строится из понимания темпа движений собственного тела в процессе взаимодействия с окружающим миром. Время может осмысливаться как самостоятельное движение наблюдателя относительно других объектов, а может пониматься как независимое движение объектов относительно наблюдателя. Эти две модели концептуализации корпорального опыта лежат в основе темпоральной метафоры «время есть относительное движение» [28. Р. 183], из которой складывается категория времени в языке.

По сравнению с другими формами грамматического конструирования темпорального опыта – настоящего и будущего – претерит имеет ряд когнитивных особенностей. Во-первых, референция к прошлому объективирует то, что отсутствует в пределах непосредственного чувственного восприятия¹ и не должно меняться под воздействием этого восприятия². Это придает грамматической семантике прошлого опосредованность, вторичность, производность: на первый план выходит не наблюдение субъекта, а интерпретация этого наблюдения. Отчасти этим можно объяснить свойство фальсифицируемости прошлого (отсюда попытки его «переписать», или «изменить»). Интересно, что в ситуации неопределенности и потери контроля проигрывание прошлого в воображении (эвристика моделирования) зачастую приводит к его искажению [43], т.е. ошибкам в координировании наблюдателем своей точки зрения с точкой зрения других наблюдателей. Исходя из этого, второй познавательной особенностью прошедшего времени (преимущественно в нарративном дискурсе) является то, что оно служит средством координации и реляционного совмещения различных перспектив одного наблюдателя или разных перспектив нескольких наблюдателей. Когда наблюдатель повествует, т.е. интерпретирует свои наблюдения «задним числом», он осознает себя в разных точках, или ракурсах наблюдения, координируя их между собой и делая их совместимыми друг с другом. Когда наблюдатель «интерпретирует интерпретации» другого наблюдателя «задним числом», он координирует свой ракурс наблюдения с ракурсом другого наблюдателя, делая их совместимыми друг с другом.

Данные особенности прошедшего времени как нарратива позволяют этой категории участвовать в более сложной форме организации темпорального опыта, при которой субъект осознает не столько объективность или

¹ т.е. это не настоящее, а значит, уже не в восприятии того, что есть здесь и сейчас.

² т.е. это не будущее, а значит, это не должно измениться под влиянием восприятия того, что есть здесь и сейчас.

субъективность времени, сколько его гипотетичность и интерсубъективность. Это проявляется в признании реляционности, альтернативных видений повествуемой ситуации, в координировании различных перспектив, относительно которых осуществляется ее конструирование. При солипсическом понимании ситуации субъект как траектор [44] движется по заданному движущей силой (т.е. причиной) направлению, подчиняясь ходу времени. При децентрированном, реляционном осмыслении субъект проявляет некоторую самостоятельность и независимость, он начинает «осознавать себя наравне с другими» [45. Р. 22–23], он не столько движим по своей траектории, сколько выбирает траекторию своего движения исходя из разных точек зрения (других траекторов).

Сравним, например, усвоение ребенком грамматического значения директивности (одного из разновидностей ирреальности), маркируемого различными формами ирреалиса. Простая форма повелительного наклонения (*Встань!*) эмпирически обусловлена, т.е. ограничена ситуацией непосредственного взаимодействия, поэтому она легко и быстро усваивается детьми на стадии формирования сенсомоторного интеллекта (1–3 года). Необходимость координировать множественные перспективы, например при пересказе или моделировании ситуации (*Я скажу, чтобы он встал. Я сказал, чтобы он встал. Я говорю, чтобы он встал.*), требует более высокого уровня абстрагирующей деятельности и включает оперирование уже семантикой футуральной направленности, выраженной в форме, совпадающей с претеритом. Такое синтаксическое конструирование становится когнитивным достоянием ребенка на более поздней стадии языкового развития [46. Р. 270].

Таким образом, гипотеза исследования заключается в том, что *способность категории претерита участвовать в конструировании ирреальной семантики обусловлена смысловым компонентом альтернативности, являющимся результатом рефлексивно-абстрагирующей деятельности субъекта, координирующего различные перспективы и точки зрения на описываемое событие в ситуации неопределенности.*

3. Значение альтернативности прошедшего времени

Существует мнение, что в основе грамматического значения прошедшего времени лежит признак диссоциации говорящего от ситуации, его абстрагирования от актуального момента «здесь и сейчас». В частности, просьбы и вопросы, оформленные прошедшим временем (*I wanted to ask you. Исках да Ви попитам. Хомел Вас спросить. I was just wondering if it is okay. What was your name, please? When did you say the plane was due?*), звучат вежливее, чем просьбы с аналогичным предикатом в форме настоящего времени (*I want to ask you. Искам да Ви понитам. I wonder if it is okay*), потому что использование прошедшего времени подразумевает возможность того, что пожелание или недоумение больше не актуальны на момент речи [6. Р. 217], ведь прошлые намерения и желания – это такие намерения

и желания, которые могли не реализоваться (см. также [47]). Продолжая рассуждения лингвиста, стоит добавить, что эффект вежливости в данном случае создается за счет того, что прошедшее время, в котором конструируется просьба или вопрос, дает слушателю некую свободу выбора: наравне с положительным ответом на просьбу и вопрос говорящего для слушателя существует «вполне законная» отрицательная *альтернатива*, которой слушатель вправе воспользоваться. Таким образом, ирреалисные формы прошедшего времени в анализируемых языках (русском, английском и болгарском) участвуют в образовании категории паллиатива.

О подобном существовании альтернативы в модальной семантике прошедшего времени говорит и Дж. Байби. Анализируя модальные глаголы в ирреальных контекстах (*could, would*), она приходит к выводу, что прошедшая форма этих глаголов зачастую несовместима со значением полностью реализованного действия [48. Р. 506–508]. Сравним следующие предложения:

- (8) A. I **could** catch the bus right now (Я мог бы успеть на автобус сейчас).
B. I **could** catch the bus if I wanted to run fast then (Я мог успевать на автобус, если я хотел быстро бежать).
C. I asked him if he **could** come (Я спросил, может ли / мог бы он приехать).
D. I ran fast and I ~~could~~ managed to catch the bus (Я бежал быстро и смог успеть на автобус).
E. I asked him and he ~~could come~~ came (Я его попросил, и он приехал).

В предложениях А – С модальный глагол в форме прошедшего времени создает такую «эпистемическую рамку» для действия, выраженного смысловым глаголом, в которой неопределенность существования этого действия является единственно возможным способом существования. Иными словами, вопрос о том, имело (имеет) ли место описываемое событие или нет, теряет смысл в данном коммуникативном контексте, поскольку сама альтернатива онтологического статуса становится логической посылкой для высказывания. В примерах D – E модальный глагол *could* невозможен, поскольку известно, что действие произошло. В тех ситуациях, когда прошедшая и настоящая формы глагола оказываются взаимозаменяемы (как, например, в 8А), прошедшая форма, по словам Дж. Байби, открывает больше возможностей для выбора и звучит менее категорично: ср.

- (9) A. You can / will catch the bus. (Ты можешь успеть на автобус / ты успеешь на автобус.)
B. You **could** / **would** catch the bus. (Ты мог бы успеть / ты бы успел на автобус.)

Лексикализация прошедшего времени, произошедшая с некоторыми модальными глаголами английского языка, является еще одним фактом языковой диахронии, отчасти подтверждающим выводы Дж. Байби. Известно, например, что грамматическая форма претерито-презентного глагола *should* функционирует как отдельная глагольная лексема, несмотря на то, что она исторически образована от соответствующего глагола *shall* в настоящем времени. Подробный семантический анализ двух глаголов, проведенный

Д.Н. Новиковым и Н.О. Катаевой на лексикографическом материале современного английского языка, показывает, что *shall* связан со значением долженствования, исходящим из решимости исполнить какое-либо действие или готовности принять неизбежность какого-либо события, в то время как *should* подразумевает ожидание или ожидаемость одних действий и событий по сравнению с другими, менее правильными, корректными, разумными, предсказуемыми и т.д. [49]. Нельзя также игнорировать многочисленные свидетельства авторов прескриптивных грамматик английского языка о более высокой степени сомнения и некатегоричности в значении глаголов *should*, *might* и *could* по сравнению с соответствующими формами настоящего времени [50. Р. 137; 51. Р. 211; 52. Р. 131]. М. Хьюингз, например, так объясняет разницу между употреблением глаголов *can* и *could* для описания возможности в настоящем:

(10) А. It **could** be expensive to keep a cat (= it may or it may not be expensive / может дорого, а может и недорого).

В. It **can** be expensive to keep a cat (= it sometimes is / бывает, дорого) [53. Р. 30].

Иными словами, в примере 10А говорящий допускает альтернативное видение ситуации, ставя под вопрос сам факт ее существования, в то время как в 10В говорящий сообщает о частотности этой ситуации, уже исходя из предпосылки ее существования.

Таким образом, модальная семантика прошедшего времени в английском языке ассоциируется с неопределенностью в ситуации еще не сделанного выбора, что подразумевает, с одной стороны, наличие разных, зачастую противоречивых точек зрения, альтернатив и опций, а с другой стороны, ощущение свободы действий и меньшего давления внешних обстоятельств.

4. Когнитивный анализ ирреальной семантики прошедшего времени в типологическом ракурсе

4.1. Ирреальное прошлое в функции смягчения (паллиатива)

Случаи употребления ирреального наклонения для создания эффекта вежливости типологически закономерны и наблюдаются не только в русском и английском, но и во многих других языках мира [54–56]. Например, в болгарском языке частой разговорной формулой является высказывание *Бих искал(а)...* «Я бы хотел(а)», употребляемое говорящим при обращении с какой-либо просьбой к слушающему: ср. болг. *Бих искала да проверя дали има малък колет от България* (Я бы хотела уточнить, пришла ли посылка из Болгарии). Отмечается, что в таких случаях форма индикатива может использоваться наравне с формой ирреалиса без ущерба для смысла [57], из-за чего данное контекстуальное значение ирреалиса называется диалогически реальным [4, 58], что создает некоторое концептуальное противоречие. На наш взгляд, такая связь глагольных наклонений может иметь холи-

стическое объяснение, основанное не столько на частных особенностях коммуникативного контекста, сколько на общих семантических отличиях грамматических форм. Например, если исходить из выдвинутого предположения о том, что ирреалисная форма времени, омонимичная в синхронии (но производная в диахронии) форме прошедшего времени в русском языке, является способом конструирования альтернативного видения ситуации сквозь призму пережитого опыта, то становится понятным, почему в конструкциях 1-го лица «диалогически реальное употребление» ирреалиса невозможно с глаголами категорического побуждения или решительного поведения:

(11) А. *Я бы (по)просил* не шуметь.

В. **Я бы (по)требовал* не шуметь.

В тех ситуациях, когда говорящий смягчает просьбу или предложение с помощью сослагательного наклонения, он дает понять, что у его собеседника есть выбор для потенциального решения. Данное значение альтернативности конструируется за счет формы прошедшего времени глагола, использующейся в значении сослагательного наклонения. Если говорящий намеренно лишает своего собеседника возможности выбора посредством категоричного перформатива (например *Я объявляю вам войну*), то вполне логичным кажется тот факт, что ирреальное толкование намерения несовместимо с коммуникативной ситуацией.

При сравнении форм прошедшего времени и отдельных форм наклонения в болгарском языке¹ также обнаруживаем одно существенное прагматическое отличие. Использование претеритных форм по сравнению с формами условного наклонения диалогически обусловлено. Так, русское предложение «Чтобы ты сказал, если бы я попросил тебя стать моим крестным?» может выражать как простой вопрос, когда говорящий интересуется реакцией собеседника, так и вежливое предложение стать крестным. В болгарском языке в первом случае используется претеритная форма ирреалиса, во втором – специальная форма условного наклонения, которая не совпадает по форме с прошедшим временем:

(12) А. Какво *ще* да кажеш, ако те бях *помолил* да ми станеш кум?

В. Какво *би казал*, ако те *помолах* да ми станеш кум?

Условное наклонение с участием претеритной формы придает высказыванию более диалогическую ориентацию, помогая говорящему учитывать иное мнение слушателя и предоставить ему больше свободы для выбора ответного действия (не обязательно сказать «да» или «нет»). Напротив, специальная форма ирреалиса связана с прагматикой воздействия, нежели взаимодействия, поскольку ориентирует высказывание на линейную ответную реакцию со стороны слушателя.

¹ Особенность болгарского условного и сослагательного наклонений в том, что для их передачи используются как формы прошедшего времени (имперфект или прошедшее предварительное в протазисе и будущее в прошедшем или будущее предварительное в прошедшем в аподозисе), так и формы собственно наклонения, при этом в состав последних также входит граммема прошедшего времени глагола.

При сравнении английских высказываний с конструкциями условного типа отмечается особенность ирреальных наклонений (кондиционалиса и субъюнктива II), оформляемых претеритными граммемами, выполняющих иллокутивную функцию вежливого, непрямого речевого акта, минимизирующего угрозу лицу адресата [59. Р. 133]. Реалисные формы в аналогичном контексте звучат прямолинейно, «ставя вопрос ребром» и не подразумевая диалогической альтернативы:

- (13) A. What *would* you say if I *asked* you to become godfather?
 B. What *will* you say if I *ask* you to become godfather?

4.2. Формы прошедшего времени и категория эвиденциальности

В болгарском языке имеются отдельные формы – формы причастия на -л, исторически восходящие к праславянскому плюсквамперфекту, формирующие ирреалисную категорию пересказывательного наклонения и отсутствующие в русском и английском языках. Данные формы (*чел, казал, имело* и т.д.) максимально приближены к формам прошедшего времени глагола в современном русском языке (*читал, сказал, имел*), представляя собой реликты более ранней типологии болгарского языка. В современном болгарском абсолютные (простые) формы прошедшего времени формируются без участия суффикса -л (*четох, говорих, беше* и др.) [60–62]. В случае, если говорящий был свидетелем описываемых событий, используются так называемые свидетельские формы прошедшего времени – аорист и имперфект. Если говорящий не был свидетелем описываемых событий, используются формы пересказывательного наклонения, прежде всего в исторических повествованиях и сказках.

Некоторые формы пересказывательного наклонения участвуют в образовании категории адмиратива и дубидатива. Формы адмиратива используются в том случае, когда говорящий является «удивленным» свидетелем событий, которые часто разворачиваются прямо перед его глазами, «здесь и сейчас»:

- (14) *Гледай ти, завалял сняг* (Смотри-ка, снег пошел).

При употреблении пересказывательных форм, образующих категорию адмиратива, говорящий в момент речи приходит к неожиданному заключению, выражая удивление. По сравнению с нейтральными формами индикатива, адмиратив выражает расхождение с ожидаемой реальностью. Такое удивление можно выразить и с помощью изъявительного наклонения, однако в таком случае говорящий, как правило, не сможет выразить расхождения ожиданий с реальностью [63. С. 168]. Ср. индикатив (15) и адмиратив (16) в следующих примерах:

- (15) *Ах, колко е красива!* (Ах, как она красива!)

(16) *Ах, колко била красива!* (Ах, как она красива! = Боже, глазам не верю).

Формы дубидатива, всегда содержащие в своем составе одну из форм вспомогательного глагола *бил*, выражают не только сомнение, но и край-

ную степень скептического отношения к описываемым событиям. Например, сложную болгарскую форму *Ти си бил цял да си писал* говорящий может употребить в том случае, когда он сомневается в проделанной работе адресата. На русский язык это сомнение чаще передается разговорными лексическими средствами: ср. *Ну конечно, писал ты. Два раза ты писал. Ага, писал он* и т.д. Несмотря на использование форм причастия прошедшего времени в пересказывательном наклонении, одна из его функций – референция к настоящему, ср.: *Аз дори не я познавам! – Не я познавал! Цял свят я познава, той не я познавал!* «Я даже ее не знаю. – Не знаю/не знает он! Весь свет знает, а он не знает». Чем выше степень сомнения говорящего в реальности действия, тем более «отдаленная» по времени форма пересказывательного наклонения используется: в примере 15 используется имперфектное причастие на -л, в примере 16 – сочетание -л формы глагола *съм* и имперфектного причастия, ср.:

(17) *Той пишел най-добре в класа.* (Якобы он пишет лучше всех в классе.)

(18) *Той бил пишел най-добре в класа* (Не верю, что он пишет лучше всех в классе / Сомневаюсь, чтобы он писал лучше всех в классе).

Таким образом, формы пересказывательного наклонения ставят под сомнение фактуальность прошлого, указывая на его гипотетичность и альтернативную сценарность. При этом усложнение грамматической формы ирреального прошлого связано с переходом на более высокий уровень рефлексивно-абстрагирующего упорядочивания темпорального опыта, что проявляется в признании субъектом альтернативных и зачастую несовпадающих мнений и точек зрения на описываемое событие. Интересно, что в данном случае метафора дистанцирования как отражение более пиететного отношения к слушающему (например, в вежливых просьбах) не работает: чем сложнее форма наклонения, тем выше критичность и сомнение говорящего в истинности сообщаемого.

В русском языке традиционно не выделяют пересказывательное наклонение, однако в ряде случаев формы прошедшего времени напоминают по своей функции болгарский дубидатив. Подобного рода высказывания несут оттенок субъективной модальности и являются конвенционально-ироническими (термин Е.В. Падучевой). Формы прошедшего времени в них являются средством выражения коммуникативного намерения говорящего: ср. «К сфере субъективной модальности относятся те языковые средства в составе данного высказывания, с помощью которых говорящий характеризует свое отношение к этому самому высказыванию – к любому его аспекту или части: к его содержанию, форме, степени достоверности...» [4. С. 299]:

Только этого не доставало! (= не достает)

Тебя тут только не хватало! (= не хватает)

Так он тебе и сказал! (= не скажет)

Так я ему и поверил! (= не верю)

Так они и дали тебе эту премию! (= не дадут) [4. С. 305].

В английском языке соответствующие оттенки грамматического значения дубидатива передаются иными средствами, в число которых входят

формы прошедшего времени, служащие индикатором эпистемического разрыва между говорящим и субъектом, с точки зрения которого описывается та или иная ситуация. Пересказывая чьи-либо слова, говорящий может совершать переход от своей перспективы к иной посредством перехода от одной темпоральной области к другой, тем самым подчеркивая, что за достоверность сообщаемой информации он не ручается (*You said your name was Mike.*) [64. Р. 201].

4.3. Формы прошедшего времени и ирреальная семантика побуждения и желания

Одним из наиболее типологически универсальных употреблений сослагательного наклонения подчинительного типа считается так называемое значение директивности после предикатов с сентенциальным актантом (глаголов или выражений со значением манипуляции, побуждения, совета, пожелания). В русском языке после некоторых предикатов использование ирреально-директивного инфинитива вместо формы на -л обусловлено кореферентностью субъектов главного и зависимого предложений:

(19) А. Я настаиваю на том, **чтобы поехать** на праздник.

В. Я настаиваю, **чтобы он поехал** на праздник.

В английском и французском языках при кореферентности используется оборот с неличной формой глагола, который не относится к категории ирреалиса; при отсутствии кореферентности используется сослагательное наклонение с формой глагола, не совпадающей с прошедшим временем:

(20) А. I insist on *going* to the party.

В. I insist that **he go** to the party.

(21) А. J'insiste pour y *aller*.

В. J'insiste pour qu'ils **en aillent**.

Тенденцию к ирреальному конструированию ситуации без прошедшего времени глагола в контексте волеизъявления или повеления (19А, 20В, 21В) можно объяснить эгоцентричным стремлением подчинить, подстроить под свое видение динамику изменений окружающего мира. В мыследействии субъекта одна последовательность событий (*he goes, il va*), вызывающая отрицательную реакцию, абстрагируется в другую (*he go, il aille*), более подходящую его потребностям «здесь и сейчас». Однако в отличие от контрфактуального или желательного значения ирреальности, выстраиваемого с помощью формы прошедшего времени глагола, директивная ирреальность как абстракция последовательности событий не переходит на более высокий уровень рефлексии и не приводит к новому, реляционному пониманию мира, основанному на выделении альтернатив. Конструирование времени происходит линейно: динамика темпоральных изменений отождествляется с динамикой движения вперед, когда направление внимания на когнитивные стимулы и порядок смены объектов восприятия не противоречат друг другу. Противоречие возникает лишь в эмоционально-оценочном отноше-

нии говорящего к объектам внимания и восприятия, поскольку при ирреальном толковании ситуации он изменяет ее оценочный знак и перестраивает из отрицательного эмпирического опыта положительный идеализированный (*he does not go* → *I insist he go*) (см. [65])¹.

Конструируя ситуацию посредством неличных форм глагола, без ирреального компонента (19А, 20А, 21А), говорящий не называет субъекта посещения праздника и, соответственно, не фокусирует на этом внимание. Из предложения следует, что на праздник может пойти либо говорящий, либо говорящий совместно с кем-то. Такая «презумпция первого лица» свидетельствует о том, что говорящий на предпринимает усилий по координированию противоположных оценочных перспектив на описываемое действие, поскольку этих конфликтующих перспектив попросту нет. Таким образом, неличные формы глагола не только исключают семантику альтернативы, свойственную прошедшему времени, но и не подразумевают диалогическую координацию несовпадающих точек зрения на ситуацию.

Ирреальное толкование ситуации носителями русского языка посредством формы прошедшего времени (19В) является особым способом оперирования познавательным опытом в контексте повеления и директивной установки. Сослагательное наклонение с формой на *-л* указывает на то, что говорящий не рассматривает желаемое действие как единственно возможный для себя вариант будущего, а допускает его альтернативность, связанную, вероятно, с противоположной точкой зрения на это действие субъекта, к которому оно обращено. В английском языке встречаются случаи, когда после определенных предикатов пожелания *it's high time*, *I'd rather*, *I'd prefer* допускается употребление как субъюнктива I (презентного субъюнктива), субъюнктива II (претеритного субъюнктива), так и неличной формы глагола, при этом в русском языке такое разграничение между формами ирреалиса можно провести за счет инфинитивной и финитной конструкций в значении оптатива² и деизидератива:

¹ Другим способом линейного конструирования эмоционального отношения к опыту в попытке его идеализировать положительным образом можно считать редкую форму ирреального наклонения, встречающегося в английском и польском языках, называемую А. Хольвоетом «фактивным кондиционалисом». Он употребляется в зависимой клаузе сложноподчинённого предложения, в главной части которого используется оценочный предикат (*pity*, *shame*), выражающий удивление или недоумение относительно состоявшегося события: ср. *It's a pity that the tickets should have been wasted* [66. Р. 4]. Фактивный кондиционалис плохо совместим с положительными оценочными предикатами: ср. **It's great that you should have won the lottery*.

² Под оптативом понимается грамматическая категория, «которая используется для выражения... желания говорящего относительно реализации некоторой ситуации Р, участником которой может быть 1/2/3 лица, причем реализация ситуации Р лежит вне области контроля говорящего» [67. С. 9]. В русском языке маркерами оптативности являются независимые предложения с формой сослагательного наклонения, инфинитивные предложения с частицей *бы*, частицы *хоть бы*, *вот бы*, *если бы*, *только бы*, *лишь бы*, *пусть бы*, безглагольные предложения с частицей *бы* [68. С. 174].

(22) A. It's high time you *go* to bed. (Пора *бы* тебе *ложиться* спать. ~ Тебе *бы* спать пора *ложиться*.)

B. It's high time you *went* to bed. (Пора *бы* тебе ложиться *спать*. ~ *Ложился бы* ты спать, уже пора.)

C. It's high time for you *to go* to bed. (Пора тебе *ложиться* спать.)

Есть мнение, что русская инфинитивная конструкция в значении опатива с прямым порядком слов, как в 22А, помогает выразить смысл того, что субъектами желания являются и говорящий, и номинативный субъект, а в конструкции с прошедшим временем 22В в качестве носителя оценки выступает только говорящий [69. С. 153]. В целом это предположение кажется убедительным, однако стоит отметить, что необязательно желания субъектов должны совпадать, ср.:

(23) А. Тебе *бы* спать *ложиться*, а ты не хочешь.

В. Тебе *бы* спать *ложиться*, а я хочу, чтобы ты еще со мной поговорил.

С. Тебе *бы* спать *ложиться*, но ты и я хотим еще поговорить.

Д. **Ложился бы* ты спать, а ты не хочешь / а я хочу, чтобы ты еще со мной поговорил / но ты и я хотим еще поговорить.

Как видно из примеров 23А – С, желания субъектов по отношению к действию, выраженному инфинитивным предикатом, могут не просто не совпадать, а отсутствовать как таковые. Более уместным в этой связи было бы предположить, что данная форма ирреалиса помогает создать смысл предписания, необходимости и даже неизбежности, которой говорящий вынужден подчиниться, поскольку этот вариант развития событий видится им как более благоприятный, чем то, что наблюдается «здесь и сейчас». Инфинитивная форма глагола в конструкции сослагательного наклонения в данном случае связана с линейным конструированием темпоральной динамики, удовлетворяющей адаптивным потребностям говорящего благодаря изменению оценочного отношения к ситуации. Напротив, прошедшая форма глагола с ирреальной семантикой выдвигает на передний план перспективу говорящего как субъекта желания и делает его более независимым от внешних обстоятельств и самостоятельным «конструктором своей реальности». Здесь говорящий не подчиняется ходу времени и смене событий, а подчиняет их себе, конструируя ситуацию исходя из собственного видения. Если инфинитивная форма может подразумевать что-то известное участникам ситуации (необходимость лечь спать ввиду объективных причин), то прошедшее время привносит новую и даже неожиданную перспективу (субъективное решение говорящего о необходимости лечь спать). Несмотря на то, что такая форма желательного наклонения в прагматике высказывания может звучать резко и, по сути, не оставляет выбора для собеседника, с ее помощью говорящий осуществляет свободу выбора в конструировании своей реальности так, как он ее видит исходя из мыслимых альтернатив.

Рассмотрим некоторые случаи употребления сослагательного наклонения русского языка в подчиненных предикациях, которые некоторые лингвисты называют формальным показателем синтаксической зависимости

глагола, затрудняясь найти им объяснение с опорой на грамматическую семантику ирреальности [70, 71]. Так, после глаголов побуждения *добиться* и *заставить* сослагательное наклонение, маркируемое формой глагола на -л, выражает действие, которое не мыслится как нереальное или невозможное, более того, может быть уже реализовано. Сопоставим варианты употребления ирреалиса, индикатива и нефинитных форм, чтобы проанализировать семантическое различие, которое создается за счет прошедшей формы глагола:

(24) А. Я добьюсь и выиграю апелляцию [72].

В. Я добьюсь, **чтобы** мы **выиграли** апелляцию.

С. Я его заставлю, **чтобы** он со своими лайдаками порядок мне **навел!**» – яростно думал Валько, прыгая с края одного понтона на край другого, сбоку от двигавшихся по наплавному мосту машин (А.А. Фадеев. Молодая гвардия (1943–1951)) [72].

Д. Я его заставлю порядок мне навести.

Представляется, что примеры с формой индикатива звучат более категорично и безапелляционно, чем аналогичные примеры в ирреалисе. Это может быть связано не только с твердым намерением говорящего изменить некоторое положение дел, но и с отсутствием каких-либо видимых сложностей в осуществлении будущих действий. Прошедшая форма, напротив, может подразумевать некоторый опыт взаимодействия с миром, в результате которого описываемые ситуации (апелляция и наведение порядка) преподносятся как *проблемы*, решение которых затруднено, по всей видимости, из-за альтернативных и конфликтующих точек зрения.

Рассмотрим некоторые случаи употребления ирреальных конструкций, оформленных претеритом, в значении дезидератива после определенных предикатов желания. В русском и английском языках конструкции с глаголами желания *хочу* и *wish* допускают либо сочетания с инфинитивом, либо с ирреалисом [73]. Ирреальное конструирование желаемой ситуации подчеркивает ее проблемность из-за альтернативных позиций, обстоятельств, участников:

(25) А. Я хочу, **чтобы** он **выиграл** соревнование (а никто другой)¹.

В. Я хочу выиграть соревнование (~~а никто другой~~).

(26) А. I wish **I could** make a complaint (but it's too hard).

В. I wish to make a complaint (~~but it's too hard~~) [74].

Перечеркнутый шрифт указывает на то, что предлагаемое уточнение, которое было логически совместимо с ирреальной семантикой предиката, оказывается несовместимым с семантикой того же предиката в форме реалиса.

Синонимия глагольных наклонений отмечается после желательного предиката *мечтать* [67], который сочетается как с индикативом в будущем и настоящем времени с союзом *что* (*Мечтаю, что она выйдет замуж.*), так и с сослагательным наклонением с союзом *чтобы* (*Мечтаю, чтобы она вы-*

¹«Хочу, чтобы он выиграл». Батербиев болеет за мексиканца в бою Альварес – Ковалев. URL: <https://prosports.kz/news/420722>

ила замуж.). Тем не менее более детальный семантический анализ примеров из Национального корпуса русского языка показывает, что глагол *мечтать* в конструкции с индикативом больше ассоциируется со значением «планировать, предвосхищать, видеть как», нежели со значением желательности «хотелось бы, если бы только, вот бы»:

(27) Стремлюсь в Москву, к работе, хочу вцепиться в новое произведение, мечтаю, что оно *будет* прекрасным [72].

(28) Мечтаю, что недели три *пробуду* в полном отдыхе, а там – опять за работу [72].

(29) Я все мечтаю, **чтобы** кто-нибудь из моих детей **пошел** в медицину, но пока никто туда не идет [72].

Это косвенно свидетельствует о том, что форма прошедшего времени представляет собой способ конструирования различных опций развития событий для рефлексирования над выбором одной из них, что помогает достичь нового понимания реальности «здесь и сейчас». Настоящее или будущее время глагола, как правило, ориентировано на более линейное восприятие и осмысление событий.

4.4. Формы прошедшего времени и категория апрехенсива

Ирреальное прошедшее время во многих языках мира используется для формирования такой категории, как апрехенсив, выражающей беспокойство о возможности нежелательной ситуации. Апрехенсивное значение имеет два фокуса – модально-оценочный, связанный с сообщением о гипотетической ситуации и несущий отрицательную оценку, и эмоциональный, обусловленный опасением по поводу наступления нежелательной ситуации [75. С. 139]. В русском языке «имеется набор неспециализированных форм, способных выражать данную семантику. Наиболее регулярно апрехенсивное значение передается конструкцией *Как бы не* + глагол сов. вида в форме на -л или инфинитиве; в зависимом употреблении встречается в основном после предикатов опасения» [76. С. 1]. В конструировании семантики опасения могут также участвовать индикативные формы:

(30) А. Я боюсь, как **бы** не **упасть**.

В. Я боюсь, как **бы** он не **упал**.

С. Я боюсь, что я упаду / он упадет.

В соответствии с нормами грамматики русского языка, в примере 30А субъекты придаточной части с инфинитивом и главной части предложения (местоимения первого лица в роли экспериенцера) должны быть кореферентны. Напротив, употребление формы прошедшего времени в придаточной части предложения 30В предполагает соотносительность с субъектом, не совпадающим с субъектом главной части. Индикатив в значении опасения (30С) не связан с подобными синтаксическими ограничениями и может допускать любую соотносительность. Можно предположить, что данные отличия обусловлены тем, что говорящий по-разному воспринимает и толкует пред-

мет своего опасения. В первом случае причина нежелательного действия заключается в некой внутренней силе, которая направляет каждый следующий шаг субъекта и над которой он пытается установить контроль, прежде всего, на эмоциональном уровне. Восприятие ситуации в данном случае можно назвать эгоцентричным, поскольку ее изменение прогнозируется субъектом исходя из эмоционального отношения к результату собственных действий, ответственность за которые он с себя снимает, давая понять, что на какой-то момент не он управляет ими, а они управляют им (я упаду → это плохо для меня, но я на это повлиять не в силах → я этого боюсь). В ином случае (30В) говорящий осознает зависимость между действиями других, образующими для него новую модальность бытия, или гипотетическую реальность, и своим отношением к этим действиям. Восприятие ситуации в этом модально-оценочном фокусе апрехенсива можно назвать реляционным, поскольку субъект признает себя частью межсубъектных отношений, при этом причина нежелательного действия для него не важна (он упадет → это плохо для него, а значит, и для меня и/или других → я этого боюсь). В случае индикатива говорящий вновь выдвигает на передний план причину опасения, однако связывает ее с внешними, объективными обстоятельствами, над которыми он не властен. Реляционный фактор здесь оказывается неважным (он упадет / я упаду → это плохо для него / меня → я этого боюсь → я упаду / он упадет, потому что «так получится», на это повлиять нельзя).

Структура мыследеятельности при конструировании значения апрехенсива может варьироваться. В английском языке после предикатов типа *worried, concerned, anxious, fear, afraid* возможен ирреалис с союзом *lest*, который нейтрализует логическое и грамматическое отрицание предиката, формально не являясь его отрицанием. В придаточной части используется либо предположительное наклонение, либо субъюнктив I. При толковании ситуации в реалисе возможны индикативные глагольные формы:

- (31) A. I am afraid lest I (should) fall.
- B. I am afraid lest he (should) fall.
- C. I'm afraid that I/he will fall.

Как видно из примеров 31А – В, ирреальная семантика апрехенсива может не оформляться претеритной формой глагола. Это, вероятно, обусловлено тем, что говорящий склонен связывать нежелательное действие с неконтролируемой внутренней силой, довлеющей на субъекта и не являющейся частью межсубъектных взаимоотношений (он упадет / я упаду → это плохо для меня (и него), но я на это повлиять не в силах → я этого боюсь). Говорящий буквально снимает с себя ответственность за малоконтролируемое нежелательное действие (а в некоторых случаях может признавать себя пострадавшим от этого действия, как, например, в апрехенсиве придаточных цели: *I was afraid to open the door lest he should follow me*) и отстраняется от ситуации. Данное предположение о дистанцировании говорящего от предмета своего опасения подтверждается тем, что узус частицы *lest* в английском языке характерен для официального стиля.

В болгарском языке апрехенсивное значение передается сочетанием частиц *да не би*, которые можно рассматривать как застывший апрехенсивный маркер. В данном случае «частица *би* – наследие предшествующего состояния, допуславшего форму сослагательного наклонения после старославянского *да*. Показатель кондиционала имеет здесь застывшую форму 2–3 л. ед. ч.» [76. С. 2]. Ср.:

(32) А. Страхувам се да не *падна* [77].

В. Страхувам се да не *би* да *ме види* гол [78].

С. Страхувам се че ще *падна* / *падне* [79].

В соответствии с нормами болгарской грамматики [64] местоименная нулевоподлежащность предполагает отсутствие эксплицитного выражения субъекта в поверхностной структуре предложения, поэтому кореферентность или ее отсутствие передаётся глагольными окончаниями в главном и в придаточном предложениях. В отличие от русского языка в болгарском отсутствует отдельная глагольная форма инфинитива, однако разница в значении примеров 32А и 32В имеется. Пример 32А характерен для разговорной речи и поэтому предполагает более непосредственную вовлеченность в описываемое действие. Данная конструкция представляет собой либо сокращенный вариант конструкции 32В, либо синтаксический контаминант побудительного наклонения (*Да не падна*) и конструкции 32В. Тенденция к синтаксическому сокращению, по-видимому, обусловлена большим опасением говорящего относительно падения по сравнению с примером 32В, что связано с семантикой превентивного аутореферентного императива *Да не падна*, произносимого, как правило, в эмпирически подкрепленной ситуации, т.е. при вполне реальной вероятности упасть. Пример 32В, оформленный частицей *би*, связанной с семантикой прошедшего времени, типичен для более формальной речи и предполагает большую дистанцированность от предмета опасения, что можно объяснить стремлением говорящего снять с себя ответственность за нежелательное действие (аналогично ситуации 31В). Пример 32С стилистически не маркирован и выражает высокую степень опасения за негативный исход. Подобно тому, как в русском языке индикатив предполагает неизбежность исхода событий (30С), в болгарском форма будущего выражает максимальную степень уверенности говорящего в том, что негативно оцениваемое событие или действие произойдет, при этом источником опасений выступают внешние, объективные обстоятельства.

Выводы и заключение

Типологическая взаимосвязь категорий прошедшего времени и ирреального наклонения глагола позволяет говорить об участии форм прошедшего времени в формировании грамматической категории ирреалиса. Эта взаимосвязь объясняется наличием смыслового компонента альтернативности в семантике прошедшего времени. Значение альтернативности, лежащее в ос-

нове модального статуса претерита, обуславливает функционирование прошедших форм глагола в контексте ирреальности для различных логических и прагматических импликаций, таких как выдвижение гипотез, указание на низкую степень достоверности описываемого действия, выражение эмоционально-оценочного отношения (удивление, опасение, изумление), формулирование вежливых просьб и вопросов, выстраивание диалога и т.д. В отличие от специальных форм ирреалиса, маркирующих значение необходимости, неизбежности, ирреальный претерит связан с пониманием темпорального статуса события как ситуативной динамики, зависящей от отношений между говорящим и адресатом. В целом формы прошедшего времени для выражения ирреалиса образуют такие категории, как паллиатив, оптаив, дезидератив, директивность, дубидатив, апрехенсив и др. Основные выводы могут быть сформулированы следующим образом.

В русском языке формы прошедшего времени, участвующие в конструировании ирреальной семантики в придаточных клаузах после предикатов побуждения, связаны со значением альтернативного видения ситуации, возникающего в результате рефлексирования говорящего над координированием собственного опыта и опыта других субъектов. Синонимичные инфинитные конструкции и формы индикатива, встречающиеся в подобных директивных контекстах, обусловлены более линейным и эгоцентричным восприятием темпоральных изменений. В английском языке претеритные формы в ирреалисе используются чаще всего в подчинительных клаузах после предикатов желания и, по сравнению с синонимичными ирреалисными формами, так же мотивированы значением альтернативности и интерсубъективным координированием опыта.

В рассматриваемых языках ирреалисные формы прошедшего времени участвуют в образовании категории паллиатива, создавая эффект вежливости за счет того, что прошедшее время, в котором конструируется просьба или вопрос, дает слушателю определенную свободу выбора, так как наравне с положительным ответом на дискурсивном уровне для слушателя существует отрицательная альтернатива, которой он может воспользоваться.

В болгарском и русском языках ирреалисные формы прошедшего времени используются для выражения категории эвиденциальности. Данные формы представлены формами на -л в болгарском языке, образующими пересказывательное наклонение, и глаголом прошедшего времени в русском языке в модально-оценочных и иронических высказываниях. В обоих языках данные средства образуют грамматическую категорию дубидатива, с помощью которой конструируются гипотетичность и альтернативная сценарность прошлого. В английском языке, несмотря на лакуарность пересказывательного наклонения, граммема претерита может функционировать в нарративном дискурсе как индикатор эпистемической дистанции между говорящим и субъектом, с точки зрения которого описывается та или иная ситуация. В данном случае конструируется семантика сомнения в истинности сообщаемой информации.

Ирреалисные формы прошедшего времени в английском, русском и болгарском языках формируют апрехенсивное значение с модально-оценочным и эмоциональным фокусом, что обусловлено опасением говорящего по поводу наступления нежелательной ситуации.

С когнитивной точки зрения значение прошедшего времени в конструировании ирреального мировидения и миропонимания связано с ситуацией (более высокой степени) неопределенности, в которой находится субъект, вынужденный принимать решения для эффективной адаптации к изменениям внешней среды и внутренних состояний. Эта неопределенность может быть связана с *реляционной концептуализацией* внешних и внутренних изменений, заключающейся в признании между этими двумя типами причинности – силами, оказывающими давление на субъекта и вызывающими в нем движение тела и разума, – взаимосвязи, выходящей за рамки эмпирического наблюдения. Организация темпорального опыта посредством форм прошедшего времени глагола означает внедрение в схему действий субъекта дополнительных лиц или нескольких разных, альтернативных точек зрения одного лица, отношения между которыми необходимо выстраивать не просто в эмпирической, а преимущественно в мыслительной деятельности. Мысленное движение говорящего в сторону желаемого настоящего или будущего происходит с «оглядкой назад», что подразумевает наличие у этого пути альтернативного направления, а вернее, осознание и наблюдение говорящим этого альтернативного направления. Такое нелинейное конструирование темпорального пути в сослагательном наклонении (прошедшее время в значении желаемого будущего) связано с большей неопределенностью, в которой пребывает говорящий субъект, из-за диалогической координации своих действий с действиями другого субъекта, с которым происходит взаимодействие.

Известный постулат о том, что история «не знает сослагательного наклонения», означает бессмысленность спекуляций на том, что бы случилось, если бы события разворачивались по альтернативному сценарию. Однако в некоторых языках история «знает» пересказывательное наклонение, позволяющее говорить о гипотетическом прошлом и альтернативной истории.

Ретроспективная интерпретация событий неразрывно связана с контрфактуальным мышлением и лежит в основе конструирования ирреальности в целом, что объясняет типологически универсальный факт оформления ирреальных наклонений прошедшим временем глагола. Реконструкция прошлого опыта, по сути, представляет собой мыследеятельностный акт конструирования нового опыта, в результате которого человек находит новые связи и выстраивает новые отношения между накопленными знаниями о мире. Именно поэтому прошлое – это эпистемический источник альтернатив и возможностей, которыми пользуется человек для познания актуальной действительности и превращения ее в область гипотетических связей, т.е. ирреальности.

Перспективным направлением исследования связи прошлого и ирреалиса послужит сопоставительный анализ синтаксических сочетаний *би* с

причастием прошедшего времени и конструкций с темпоральным ирреализмом, что характерно для болгарского языка, а также изучение паремий в языках мира с использованием форм ирреального прошлого. Можно предположить, что ирреальное прошлое в пословицах и поговорках связано с еще более высоким уровнем абстрагирования реляционного опыта, а в основе панхронии как мудрости лежит не ситуативное, а проверенное жизнью знание об отношениях между одним субъектом и другим, между субъектом и миром.

Другим направлением дальнейшего изучения когнитивной и типологической взаимосвязи между категорией ирреалиса и прошедшим временем послужит помещение предмета дискуссии в более широкий контекст деонтической и эпистемической модальности, представленной категорией эвиденциальности.

Список источников

1. *Sapir E.* The Southern Paiute language // *Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences.* 1930. Vol. 65 (1–3). P. 1–730.
2. *Плунгян В.А.* Предисловие: О контрфактических употреблениях плюсквамперфекта // *Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность* / ред. Ю.А. Ландер, В.А. Плунгян, А.Ю. Урманчиева. М., 2004. С. 9–25, 273–291.
3. *Sansò A.* Routes Towards the Irrealis // *Transactions of the Philological Society.* 2020. Vol. 118 (3). P. 401–406.
4. *Падучева Е.В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки славянских культур, 2010. 480 с.
5. *Joos M.* The English verb: form and meanings. Madison ; Milwaukee : The University of Wisconsin Press, 1964. 262 p.
6. *Steele S.* Past and irrealis: just what does it all mean? // *International Journal of American Linguistics.* 1975. Vol. 41. P. 200–217.
7. *James D.* Past tense and the hypothetical: a cross-linguistic study // *Studies in Language.* 1982. Vol. 6. P. 375–403.
8. *Palmer F.R.* Mood and Modality. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. 234 p.
9. *Dancygie B., Sweetser E.* Mental spaces in grammar: Conditional Constructions. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. 316 p.
10. *Русская грамматика* / под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1–2. М.: Наука, 1980.
11. *Сичинава Д.В.* К проблеме происхождения славянского условного наклонения // *Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность* / ред. Ю.А. Ландер, В.А. Плунгян, А.Ю. Урманчиева. М., 2004. С. 292–312.
12. *Jespersen O.* Essentials of English Grammar. London : Routledge, 2006. 327 p.
13. *Долгушина Л.В.* Греческий язык Средневековья. Новосибирск : РИЦ НГУ, 2016. 48 с.
14. *Palmer F.R.* The verb in Bilin // *Bulletin of Oriental and African Studies.* 1957. Vol. 19. P. 131–159.
15. *Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология. Т. 1–2. 2-е изд. Братислава : Изд-во Словацкой академии наук, 1965. 880 с.
16. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. 512 с.
17. *Кадырова Г.Р.* Функции сослагательного наклонения в контексте спектра его смыслов // *Вестник КазНУ.* 2014. URL: <https://articlekz.com/article/23814> (дата обращения: 02.01.2022).

18. Винокурова Т.В. Типология сослагательного наклонения на материале английского и немецкого языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1992. 19 с.
19. Мишев Г. Когато // Сборник прозаических переводов с болгарского языка участников Первого международного конкурса-фестиваля. Москва ; Варна, 2019. С. 198–201.
20. Schulz K. Conditionals from a Linguistic Point of View: Two Case Studies // *Journal of Philosophical Logic*. 2015. P. 805–816.
21. Langacker R.W. The form and meaning of the English auxiliary // *Language*. 1978. Vol. 54. P. 853–882.
22. Fleishman S. Temporal distance: a basic linguistic metaphor // *Studies in Language*. 1989. Vol. 13 (1). P. 1–50.
23. Cristofaro S. Past Habituals and Irrealis // Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность / ред. Ю.А. Ландер, В.А. Плунгян, А.Ю. Урманчиева. М., 2004. С. 256–271.
24. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999. 896 с.
25. Охоцимский А.Д., Кравченко А.В., Дружинин А.С. Мыследействия и генезис времени в языковом семиозисе // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2021. № 12 (2). С. 7–28.
26. Кибрик А.Е. Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры // *Вопросы языкознания*. 2008. № 4. С. 51–77.
27. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago : University of Chicago Press, 1980. 242 p.
28. Johnson M. *Embodied Mind, Meaning and Reason: How our Bodies Give Rise to Understanding*. Chicago : University of Chicago Press, 2017. 240 p.
29. Piaget J. *Genetic Epistemology*. New York : The Norton Library, 1971. 85 p.
30. Дружинин А.С., Фомина Т.А., Поляков О.Г. Эвфемизмы, дисфемизмы, ортофемизмы и экспериенциальный контекст: холистический взгляд на лингвистическую проблему // *Язык и культура*. 2020. № 50 (2). С. 23–40.
31. Дружинин А.С., Фомина Т.А. Эвфемизмы и дисфемизмы в конструировании опыта // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2022. № 76. С. 47–75.
32. Maturana H.R., Varela F.J. *The tree of knowledge*. Boston : Shambala, 1987. 272 p.
33. Cowley S.J., Gahrn-Andresen R. *Language in an enlanguaged world* // *Constructivist Foundations*. 2022. Vol. 18 (1). P. 54–57.
34. Kravchenko A.V. The maturanian turn: Good prospects for the language sciences // *Constructivist Foundations*. 2022. Vol. 18 (1). P. 30–41.
35. Weisgerber L. *Sprache* // *Handbuch der Soziologie*. Stuttgart : Enke, 1931. S. 592–608.
36. Demuro E., Gurney L. Languages/language as world-making: The ontological bases of language // *Language Sciences*. 2021. Vol. 83. P. 101307.
37. Фомина Т.А., Дружинин А.С. Контекстуально обусловленное номинативное варьирование на оси эвфемия / дисфемия // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2023. № 20 (1). С. 137–155.
38. Piaget J. *Studies in reflecting abstraction*. Hove : Psychology Press, 2001. 341 p.
39. Druzhinin A.S., Fomina T.A. The world of embodied dialogic creatures // *Constructivist Foundations*. 2023. Vol. 18 (3). P. 406–409.
40. Glasersfeld E. von *Radical Constructivism: a Way of Knowing and Learning*. Bristol : Falmer Press, 1995. 231 p.
41. Kravchenko A.V. The distinctions we make as observers affect theory adequacy // *Constructivist Foundations*. 2022b. Vol. 18(1). P. 83–85.
42. Druzhinin A.S. Construction of irreality: An enactive–constructivist stance on counterfactuals // *Constructivist Foundation*. 2020. Vol. 16 (1). P. 69–80.
43. Канеман Д., Тверски А. Эвристика моделирования: Принятие решений в неопределенности. Правила и предубеждения. 2-е изд. Харьков : Гуманитарный центр, 2018. С. 214–222.

44. *Langacker R.W.* Foundations of cognitive grammar. Vol. I: Theoretical prerequisites. Stanford : Stanford University Press, 1987. 516 p.
45. *Piaget J.* Judgment and reasoning in the child. London : Routledge & Kegan Paul, 1972. 269 p.
46. *Tomasello M.* Constructing a language: A usage-based theory of language acquisition. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2003. 388 p.
47. *Hale K.* Papago /cim/ // International Journal of American Linguistics. 1969. Vol. 35 (2). P. 203–212.
48. *Bybee J.* The semantic development of past tense modals in English / Modality in Grammar and Discourse / eds by J. Bybee, S. Fleischman. Philadelphia : John Benjamins, 1995. P. 503–517.
49. *Новиков Д.Н., Катаева Н.О.* Семантика модальных глаголов shall и should в современном английском языке: прототипический подход // Филологические науки в МГИМО. 2018. № 13. С. 38–45.
50. *Swan M.* Practical English Usage. Oxford : Oxford University Press, 1996. 656 p.
51. *Alexander L.G.* Longman English Grammar. London : Pearson Education Limited, 2007. 374 p.
52. *Thompson A.J., Martinet A.V.* A Practical English Grammar. Oxford : Oxford University Press, 2010. 383 p.
53. *Hewings M.* Advanced Grammar in Use. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. 294 p.
54. *Givón T.* Irrealis and the subjunctive // Studies in Language. 1994. Vol. 18 (2). P. 265–337.
55. *Holvoet A.* Mood in Latvian and Lithuanian / Mood in the Languages of Europe / eds by B. Rothstein, R. Thieroff. Philadelphia : John Benjamins Publishing, 2010. P. 425–444.
56. *Metslang H., Sepper M.* Mood in Estonian / Mood in the Languages of Europe / eds by B. Rothstein, R. Thieroff. Philadelphia : John Benjamins Publishing, 2010. P. 528–550.
57. *Добрушина Н.Р.* Прагматические употребления сослагательного наклонения // Русский язык в научном освещении. 2015. № 29 (1). С. 67–86.
58. *Добрушина Н.Р.* Сослагательное наклонение в русском языке: опыт исследования грамматической семантики. Прага : AnimediaCompany, 2016. 413 с.
59. *Brown P., Levinson S.* Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge : Cambridge University Press, 1987. 345 p.
60. *Nicolova R.* Bulgarian grammar. Berlin : Frank & Timme GmbH – Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2017. 714 S.
61. *Pitsch H.* Bulgarian moods // Journal of Slavic Linguistics. 2018. Vol. 26 (1). P. 55–100.
62. *Михайлова Е.С.* Понятие пересказывательного наклонения в болгарском языке // Новый мир. Новый язык. Новое мышление : сборник материалов V Международной научно-практической конференции (филология, педагогика и межкультурная коммуникация). М., 2022. С. 52–57.
63. *Търпоманова Е.* Евиденциальность в балканските езици: български и албански. София : ИКНиплюс, 2015. 212 с.
64. *Alexander R.* Intensive Bulgarian : in 2 vol. Berkeley, US : The University of California, 2000. 414 p.; Vol. 2. 395 p.
65. *Imoto S.* What is it to live counterfactuals? // Constructivist Foundations. 2020. Vol. 16 (1). P. 94–96.
66. *Holvoet A.* Irrealis, aspect, and unanchoring in Slavonic and beyond // Zeitschrift für Slavistik. 2022. Vol. 67 (1). P. 60–76.
67. *Добрушина Н.Р.* К типологии опитива // Плунгян В.А. Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Глагольные категории. М., 2001. С. 7–27.
68. *Бондарко А.В.* Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л. : 1990. 264 с.

69. Князев М.Ю. О взаимодействии порядка слов и семантики в инфинитивной конструкции с частицей бы // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы*. СПб., 2014. С. 140–154.
70. Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. *The Evolution of Grammar: Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World*. Chicago : University of Chicago Press, 1994. 420 p.
71. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира : учеб. пособие. М. : Изд-во РГГУ, 2011. 672 с.
72. Национальный корпус русского языка. 2003–2022. URL: ruscorpora.ru
73. Noonan M. *Complementation // Language typology and syntactic description*. Vol. II: *Complex constructions* / ed. by T. Shopen. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. P. 52–150.
74. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>
75. Иванова Е.Ю. Болгарские конструкции с апредхенсивной частицей «данеби» в Болгарском национальном корпусе // *Języki Słowiańskie dziś: w kręgu kategorii, struktur i procesów*. 2021. С. 139–156.
76. Иванова Е.Ю. Болгарская частица *да не би* как маркер апредхенсива (на материале Болгарского национального корпуса и параллельного русско-болгарского корпуса) // *Корпусные подходы к балканским языкам и диалектам*. 2016. С. 1–14.
77. Chakarova K.A. Семантико-функционална характеристика на конструкции те от типа *кой (ли) не* в съвременния български език // *Language and Literature Studies, Theoretical Linguistics, Morphology, Lexis, Pragmatics, Philology*. 2022. Vol. 1 (20).
78. Форман Н., Новак Я. Повратна точка. Животът на забележителни хора. София, 1995.
79. Трий Е. Вълшебните кристали. София, 2009.

References

1. Sapir, E. (1930) The Southern Paiute language. *Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences*. 65 (1–3). pp. 1–730.
2. Plungyan, V.A. (2004) Predislovie. O kontrfakticheskikh upotrebleniyakh pluskvamperfekta [Preface. On counterfactual uses of the plusquamperfekt]. In: Lander, Yu.A., Plungyan, V.A. & Urmanchieva, A.Yu. (eds) *Issledovaniya po teorii grammatiki* [Studies in the Theory of Grammar]. Vol. 3. Moscow: Gnozis. pp. 9–25, 273–291.
3. Sansò, A. (2020) Routes Towards the Irrealis. *Transactions of the Philological Society*. 118 (3). pp. 401–406.
4. Paducheva, E.V. (2010) *Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa* [Semantic Research. Semantics of tense and aspect in the Russian language. Semantics of the narrative]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
5. Joos, M. (1964) *The English Verb: Form and meanings*. Madison; Milwaukee: The University of Wisconsin Press.
6. Steele, S. (1975) Past and irrealis: just what does it all mean? *International Journal of American Linguistics*. 41. pp. 200–217.
7. James, D. (1982) Past tense and the hypothetical: a cross-linguistic study. *Studies in Language*. 6. pp. 375–403.
8. Palmer, F.R. (2001) *Mood and Modality*. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Dancygie, B. & Sweetser, E. (2005) *Mental spaces in grammar: Conditional Constructions*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vols 1–2. Moscow: Nauka.
11. Sichinava, D.V. (2004) K probleme proiskhozhdeniya slavyanskogo uslovnogo nakloneniya [On the problem of the origin of the Slavic conditional mood]. In: Lander, Yu.A.,

Plungyan, V.A. & Urmanchieva, A.Yu. (eds) (2004) *Issledovaniya po teorii grammatiki* [Studies on the Theory of Grammar]. Vol. 3. Moscow: Gnozis. pp. 292–312.

12. Jespersen, O. (2006) *Essentials of English Grammar*. London: Routledge.

13. Dolgushina, L.V. (2016) *Grecheskiy yazyk Srednevekov'ya* [Greek Language of the Middle Ages]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.

14. Palmer, F.R. (1957) The verb in Bilin. *Bulletin of Oriental and African Studies*. 19. pp. 131–159.

15. Isachenko, A.V. (1965) *Grammaticheskiy stroy russkogo yazyka v sopostavlenii s slovatskim. Morfologiya* [The Grammatical Structure of the Russian Language in Comparison with Slovak. Morphology]. Vols 1–2. 2nd ed. Bratislava: Slovak Academy of Sciences.

16. Peshkovskiy, A.M. (1956) *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian Syntax in Scientific Coverage]. Moscow: Uchpedgiz.

17. Kadyrova, G.R. (2014) Funktsii soslagaatel'nogo nakloneniya v kontekste spektra ego smyslov [Functions of the subjunctive mood in the context of the spectrum of its meanings]. *Vestnik KazNU*. [Online] Available from: <https://articlekz.com/article/23814> (Accessed: 02.01.2022).

18. Vinokurova, T.V. (1992) *Tipologiya soslagaatel'nogo nakloneniya na materiale angliyskogo i nemetskogo yazykov* [Typology of the subjunctive mood based on the material of English and German]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saint Petersburg.

19. Mishev, G. (2019) Kogato. In: *Sbornik prozaicheskikh perevodov s bolgarskogo yazyka uchastnikov Pervogo Mezhdunarodnogo konkursa-festivalya* [Collection of Prose Translations from the Bulgarian Language by Participants of the First International Competition-Festival]. Moscow; Varna: [s.n.]. pp. 198–201.

20. Schulz, K. (2015) Conditionals from a Linguistic Point of View: Two Case Studies. *Journal of Philosophical Logic*. 44. pp. 805–816.

21. Langacker, R.W. (1978) The form and meaning of the English auxiliary. *Language*. 54. pp. 853–882.

22. Fleishman, S. (1989) Temporal distance: a basic linguistic metaphor. *Studies in Language*. 13 (1). pp. 1–50.

23. Cristofaro, S. (2004) Past Habituals and Irrealis. In: Lander, Yu.A., Plungyan, V.A. & Urmanchieva, A.Yu. (eds) *Issledovaniya po teorii grammatiki* [Studies of Theory and Grammar]. Vol. 3. Moscow: Gnozis. pp. 256–271.

24. Arutyunova, N.D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

25. Okhotsimskiy, A.D., Kravchenko, A.V. & Druzhinin, A.S. (eds) (2021) Mysledeystviya i genezis vremeni v yazykovom semiozise [Thought actions and the genesis of time in linguistic semiosis]. *Slovo.ru: baltiyskiy aktsent*. 12 (2). pp. 7–28.

26. Kibrik, A.E. (2008) Lingvisticheskaya rekonstruktsiya kognitivnoy struktury [Linguistic reconstruction of cognitive structure]. *Voprosy yazykoznaniya*. 4. pp. 51–77.

27. Lakoff, G. & Johnson, M. (1980) *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press.

28. Johnson, M. (2017) *Embodied Mind, Meaning and Reason: How our Bodies Give Rise to Understanding*. Chicago: University of Chicago Press.

29. Piaget, J. (1971) *Genetic Epistemology*. New York: The Norton Library.

30. Druzhinin, A.S., Fomina, T.A. & Polyakov, O.G. (2020) Evfemizmy, disfemizmy, ortofemizmy i eksperientsial'nyy kontekst: kholisticheskiy vzglyad na lingvisticheskuyu problemu [Euphemisms, dysphemisms, orthophemisms and experimental context: a holistic view of the linguistic problem]. *Yazyk i kul'tura*. 50 (2). pp. 23–40.

31. Druzhinin, A.S. & Fomina, T.A. (2022) Euphemisms and dysphemisms in experience construction. *Vestnik Tomskogo gosuniversiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 76. pp. 47–75. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/76/3

32. Maturana, H.R. & Varela, F.J. (1987) *The Tree of Knowledge*. Boston: Shambala.

33. Cowley, S.J. & Gahrn-Andresen, R. (2022) Linguaging in an enlanguaged world. *Constructivist Foundations*. 18 (1). pp. 54–57.
34. Kravchenko, A.V. (2022) The maturanian turn: Good prospects for the language sciences. *Constructivist Foundations*. 18 (1). pp. 30–41.
35. Weisgerber, L. (1931) Sprache. In: *Handbuch der Soziologie*. Stuttgart: Enke. pp. 592–608.
36. Demuro, E. & Gurney, L. (2021) Languages/languageing as world-making: The ontological bases of language. *Language Sciences*. 83. pp. 101–307.
37. Fomina, T.A. & Druzhinin, A.S. (2023) Kontekstual'no obuslovennoe nominativnoe var'irovanie na osi evfemiya/disfemiya [Contextually determined nominative variation on the euphemia/dysphemism axis]. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*. 20 (1). pp. 137–155.
38. Piaget, J. (2001) *Studies in Reflecting Abstraction*. Hove: Psychology Press.
39. Druzhinin, A.S. & Fomina, T.A. (2023) The world of embodied dialogic creatures. *Constructivist Foundations*. 18 (3). pp. 406–409.
40. Glasersfeld, E. von (1995) *Radical Constructivism: a Way of Knowing and Learning*. Bristol: Falmer Press.
41. Kravchenko, A.V. (2022) The distinctions we make as observers affect theory adequacy. *Constructivist Foundations*. 18 (1). pp. 83–85.
42. Druzhinin, A.S. (2020) Construction of irreality: An enactive–constructivist stance on counterfactuals. *Constructivist Foundation*. 16 (1). pp. 69–80.
43. Kaneman, D. & Tverski, A. (2018) *Evristika modelirovaniya. Prinyatie resheniy v neopredelennosti. Pravila i predubezhdeniya* [Modeling Heuristics. Decision-making in uncertainty. Rules and prejudices]. 2nd ed. Kharkov: Gumanitarnyy tsentr. pp. 214–222.
44. Langacker, R.W. (1987) *Foundations of Cognitive Grammar*. Vol. 1. Stanford: Stanford University Press.
45. Piaget, J. (1972) *Judgment and Reasoning in the Child*. London: Routledge & Kegan Paul.
46. Tomasello, M. (2003) *Constructing a Language: A usage-based theory of language acquisition*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
47. Hale, K. (1969) Papago /cim/. *International Journal of American Linguistics*. 35 (2). pp. 203–212.
48. Bybee, J. (1995) The semantic development of past tense modals in English. In: Bybee, J. & Fleischman, S. (eds) *Modality in Grammar and Discourse*. Philadelphia: John Benjamins. pp. 503–517.
49. Novikov, D.N. & Kataeva, N.O. (2018) Semantika modal'nykh glagolov shall i should v sovremennom angliyskom yazyke: prototipicheskiy podkhod [Semantics of modal verbs shall and should in modern English: a prototypical approach]. *Filologicheskie nauki v MGIMO*. 13. pp. 38–45.
50. Swan, M. (1996) *Practical English Usage*. Oxford: Oxford University Press.
51. Alexander, L.G. (2007) *Longman English Grammar*. London: Pearson Education Limited.
52. Thompson, A.J. & Martinet, A.V. (2010) *A Practical English Grammar*. Oxford: Oxford University Press.
53. Hewings, M. (2006) *Advanced Grammar in Use*. Cambridge: Cambridge University Press.
54. Givón, T. (1994) Irrealis and the subjunctive. *Studies in Language*. 18 (2). pp. 265–337.
55. Holvoet, A. (2010) Mood in Latvian and Lithuanian. In: Rothstein, D. & Thieroff, R. (eds) *Mood in the Languages of Europe*. Philadelphia: John Benjamins Publishing. pp. 425–444.
56. Metslang, H. & Sepper, M. (2010) Mood in Estonian. In: Rothstein, D. & Thieroff, R. (eds) *Mood in the Languages of Europe*. Philadelphia: John Benjamins Publishing. pp. 528–550.
57. Dobrushina, N.R. (2015) Pragmaticheskie upotrebleniya soslagaatel'nogo nakloneniya [Pragmatic uses of the subjunctive mood]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 29 (1). pp. 67–86.

58. Dobrushina, N.R. (2016) *Soslagatel'noe naklonenie v russkom yazyke: opyt issledovaniya grammaticheskoy semantiki* [Subjunctive Mood in the Russian Language: Experience in the study of grammatical semantics]. Prague: AnimediaCompany.

59. Brown, P. & Levinson, S. (1987) *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press.

60. Nicolova, R. (2017) *Bulgarian Grammar*. Berlin: Frank & Timme GmbH – Verlag für wissenschaftliche Literatur.

61. Pitsch, H. (2018) Bulgarian moods. *Journal of Slavic Linguistics*. 26 (1). pp. 55–100.

62. Mikhaylova, E.S. (2022) [The concept of the retelling mood in the Bulgarian language]. *Novyy mir. Novyy yazyk. Novoe myshlenie* [New World. New language. New thinking]. Proceedings of the 5th International Conference. Moscow. 04 February 2022. Moscow: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. pp. 52–57. (In Russian).

63. Tarpomanova, E. (2015) *Evidentsialnost v balkanskite ezitsi: balgarski i albanski*. Sofia: IKNiplyus.

64. Alexander, R. (2000) *Intensive Bulgarian*. Vol. 2. Berkeley, US: The University of California.

65. Imoto, S. (2020) What is it to live counterfactuals? *Constructivist Foundations*. 16 (1). pp. 94–96.

66. Holvoet, A. (2022) Irrealis, aspect, and unanchoring in Slavonic and beyond. *Zeitschrift für Slawistik*. 67 (1). pp. 60–76.

67. Dobrushina, N.R. (2001) K tipologii optativa [On the typology of optative]. In: Plungyan, V.A. (ed.) *Issledovaniya po teorii grammatiki* [Research on the Theory of Grammar]. Vol. 1. Moscow: Russkie slovari. pp. 7–27.

68. Bondarko, A.V. (1990) *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'* [The Theory of Functional Grammar. Temporality. Modality]. Leningrad: Nauka.

69. Knyazev, M.Yu. (2014) O vzaimodeystvii porjadka slov i semantiki v infinitivnoy konstruktsii s chastitsey by [On the interaction of word order and semantics in the infinitive construction with the particle by]. In: Kazanskiy, N.N. (ed.) *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN. Russkiy yazyk: grammatika konstruktsiy i leksiko-semanticheskie podkhody* [Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences. Russian language: grammar of constructions and lexical-semantic approaches]. Saint Petersburg: Nauka. pp. 140–154.

70. Bybee, J., Perkins, R. & Pagliuca, W. (1994) *The Evolution of Grammar: Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World*. Chicago: University of Chicago Press.

71. Plungyan, V.A. (2011) *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to Grammatical Semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State University for the Humanities.

72. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. (2003–2022) [Online] Available from: www.ruscorpora.ru

73. Noonan, M. (2007) Complementation. In: Shopen, T. (ed.) *Language Typology and Syntactic Description*. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 52–150.

74. *Cambridge Advanced Learner's Dictionary*. (n.d.) [Online] Available from: <https://dictionary.cambridge.org/>

75. Ivanova, E.Yu. (2021) Bolgarskie konstruktsii s aprekhensivnoy chastitsey “danebi” v Bolgarskom natsional'nom korpusе [Bulgarian constructions with the apprehensive particle “danebi” in the Bulgarian National Corpus]. In: Kiklewicz, A., Banasiak, J.L. & Mazurkiewicz-Sulowska, J. (eds) *Języki Słowiańskie dziś: w kręgu kategorii, struktur i procesów*. Warszawa: Instytut Slawistyki PAN. pp. 139–156.

76. Ivanova, E.Yu. (2016) [Bulgarian particle da ne bi as a marker of the apprehensive (based on the material of the Bulgarian National Corpus and the parallel Russian-Bulgarian

Corpus)]. *Korpusnye podkhody k balkanskim yazykam i dialektam* [Corpus Approaches to Balkan Languages and Dialects]. Proceedings of the International Conference. Saint Petersburg. 5–7 December 2016. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies RAS. pp. 1–14. (In Russian).

77. Shakarova, K.A. (2022) Semantic-Functional Characteristics of the Constructions of the Type Koy (LI) NE in Modern Bulgarian. *Language and Literature Studies, Theoretical Linguistics, Morphology, Lexis, Pragmatics, Philology*. 1 (20). (In Bulgarian).

78. Forman, N. & Novak, Ya. (1995) *Turning point. The Lives of Remarkable People*. Sofia: Anubis. (In Bulgarian),

79. Triy, E. (2009) *The magic crystals*. Sofia: Entusiast. (In Bulgarian).

Информация об авторах:

Дружинин А.С. – канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры английского языка № 3 Московского государственного университета международных отношений МИД России (Москва, Россия). E-mail: Andrey.druzhinin.89@mail.ru

Лаврова Н.А. – д-р филол. наук, профессор кафедры английского языка № 3 Московского государственного университета международных отношений МИД России (Москва, Россия). E-mail: n.lavrova@inno.mgimo.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.S. Druzhinin, Cand. Sci. (Philology), docent, associate professor, MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: Andrey.druzhinin.89@mail.ru

N.A. Lavrova, Dr. Sci. (Philology), professor, MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: n.lavrova@inno.mgimo.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.02.2023;
одобрена после рецензирования 07.06.2023; принята к публикации 07.03.2024.*

*The article was submitted 05.02.2023;
approved after reviewing 07.06.2023; accepted for publication 07.03.2024.*

Научная статья

УДК 811.161.1'42'271:659.123.4

doi: 10.17223/19986645/87/3

Прагматические возможности энтимемы в рекламном тексте

Анна Александровна Кирюшкина¹, Оксана Николаевна Чалова²

^{1,2} Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, Гомель, Беларусь

¹ akirushkina@mail.ru

² oksana-chalova@mail.ru

Аннотация. Объектом изучения послужило такое речевое явление и действенное средство убеждения, как энтимема, представляющая собой сочетание нескольких компонентов аргументации (не менее двух доводов и заключения), один из которых не имеет вербальной репрезентации (опущен, но подразумевается). Определяются структурно-семантические разновидности энтимем, используемых во французском рекламном дискурсе (классические и многокомпонентные, с имплицитными посылками и с имплицитным заключением), устанавливаются их прагматические функции, ведущей из которых является императивная.

Ключевые слова: прагматика, рекламный текст, энтимема, речевое воздействие, аргументация, речевое побуждение, речевая манипуляция

Для цитирования: Кирюшкина А.А., Чалова О.Н. Прагматические возможности энтимемы в рекламном тексте // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 87. С. 55–71. doi: 10.17223/19986645/87/3

Original article

doi: 10.17223/19986645/87/3

Pragmatic features of enthymemes in advertising texts

Anna A. Kirushkina¹, Oksana N. Chalova²

^{1,2} Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus

¹ akirushkina@mail.ru

² oksana-chalova@mail.ru

Abstract. The article discusses the advertising text as a form of mass communication. The latter remains one of the leading means of advertising distribution and therefore one of the main areas of advertising texts' functioning. The authors of the article consider the features of the argumentation process as a way of speech influence using the enthymeme as a kind of simple categorical syllogism (on the basis of advertising texts). The choice of such an object of research is motivated by the fact that the logic of advertising texts (in the structure of which something is often intentionally omitted in order to attract potential consumers' attention) is the logic of enthymemes as complex, multilevel semantic and speech structures that are one of the basic principles and

conditions of text generation in advertising. At the same time, enthymemes in advertising discourse often acquire specific characteristics, which allows the authors to distinguish two types of enthymemes: classical (traditional) and actually advertising (extended). Observing functional aspects of advertising enthymemes enables the authors to conclude about their high pragmatic potential, which consists in the ability of the phenomenon under consideration to have a specific impact on the addressee, coordinate his or her actions (namely, to encourage the consumer of advertising to commit a certain commercial transaction, purchase goods or order services) and which, as the authors believe, can be specified in the form of a complex of interrelated and interdependent functions. At the same time, the authors focus only on those functions that are due to the specifics of the semantics of the phenomenon under study, namely, the presence of implicit semantic components in it, as well as the ratio of the explicit and the implicit. Taking into account the nature of the correlation of the explicit and the implicit helps us identify eight main functions of advertising enthymemes: imperative, manipulative, argumentative, dialogic, compression, evaluative-expressive, accentual, and aesthetic (the leading of which is imperative). The widest pragmatic possibilities of enthymemes make them a popular tool of persuasion in the marketing world and a highly efficient instrument of speech influence on the addressee in order to purposefully change his or her behavior.

Keywords: pragmatolinguistics, advertising text, enthymeme, speech persuasion, argumentation, speech motivation, speech manipulation

For citation: Kirushkina, A.A. & Chalova, O.N. (2024) Pragmatic features of enthymemes in advertising texts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 87. pp. 55–71. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/87/3

Массовая коммуникация как процесс направленной передачи информации представляет собой одну из неотъемлемых характеристик современного социума. Ее основные задачи заключаются в информировании о происходящих событиях, оказании помощи обществу в решении возникающих проблем, передаче знаний об обществе от одного поколения к другому (социализация и обучение), развлечении.

Представляя собой один из видов общения [1. С. 83], массовая коммуникация часто содержит способы и приемы речевого воздействия. Под воздействием в данном случае нами понимается влияние на деятельность и поведение человека, предполагающее в качестве результата их целенаправленное изменение. Передаваемая при этом информация носит социально-регулятивный (прагматический) характер.

Одной из форм массовой коммуникации является реклама, понимаемая нами как «оплаченная, неличная коммуникация, осуществляемая идентифицированным спонсором и использующая средства массовой информации с целью склонить (к чему-то) или повлиять (как-то) на аудиторию» [2. С. 114]. Более того, ввиду появления все новых технологических возможностей общения с реципиентами и новых каналов распространения информации, а также благодаря ее безусловно максимальному охвату аудитории массовая коммуникация остается одним из ведущих средств распространения рекламы, а значит, и одной из основных сфер функционирования рекламных текстов.

В содержательную структуру рекламного текста в качестве составных частей входят:

- 1) рекламное сообщение, которое выполняет информативную функцию и представляет рекламируемый предмет;
- 2) рекламное обращение, реализующее коммуникативную функцию и таргетинг целевой аудитории;
- 3) рекламное послание, призванное оказывать собственно воздействие.

В рекламном послании могут использоваться следующие способы речевого воздействия:

- убеждение (аргументация);
- внушение (суггестия);
- заражение (провоцирование).

В рамках данной статьи рассмотрим такой способ речевого воздействия, часто использующийся в рекламном тексте, как убеждение. Согласно толковому словарю русского языка «Убеждение – Действие по гл. убедить-убеждать». В свою очередь, *убедить – 1. Заставить поверить чему-нибудь, уверить в чем-нибудь. Убедить в истинности чего-нибудь. Убедить в правоте чьих-нибудь слов. Убедить в необходимости чего-нибудь. 2. с инф. Склонить к чему-нибудь, заставить согласиться на что-нибудь*) [3. С. 213].

Из приведенного определения следует, что убеждение представляет собой своеобразное воздействие на психические процессы человека (а именно на способность рассуждать логически, совершать операции анализа, синтеза и пр.), связанные с его способностью строить логически правильные суждения и умозаключения с опорой на причинно-следственные взаимосвязи доводов и следствий. Убеждение, таким образом, имеет психическую природу и стимулирует рациональное восприятие информации.

Такого рода воздействие опирается на логичность речевого высказывания, его соответствие законам последовательного, основанного на рациональности представления посылок в процессе выведения новой информации с помощью специальных (логических) доводов – аргументов. В связи с этим убеждение еще называют аргументацией – приведением доводов «...с намерением вызвать или усилить сочувствие другой стороны к выдвинутому положению, совокупность таких доводов. Цель А. – принятие выдвигаемых положений аудиторией» [4. С. 29]. Согласно мнению авторов «Словаря по логике» аргументация включает в себя «тезис – утверждение (или система утверждений) <...> которое аргументирующая сторона считает нужным внушить аудитории, и довод, или аргумент, – одно или несколько связанных между собою утверждений, предназначенных для поддержки тезиса» [4. С. 31].

В коммуникативном плане аргументация есть процесс взаимодействия аргументатора (человека, который нечто обосновывает) и реципиента (человека, которому адресовано обоснование). Конечная цель этого процесса – формирование некоторого убеждения. Аргументация достигает этой цели в том случае, если реципиент воспринял, понял и принял тезис аргументатора [5. С. 36].

При аргументации в рекламных текстах нередко используется такая разновидность простого категорического силлогизма, как энтимема. Однако в научной литературе не освещены вопросы возможной вариативности структуры энтимемы, остались нераскрытыми ее прагматические возможности. Цель данной статьи заключается в выявлении возможных структурных трансформаций энтимемы в рекламном тексте, ее специфических характеристик и прагматических функций. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- 1) описать особенности функционирования энтимемы в рекламном тексте;
- 2) выявить возможные структурные трансформации энтимемы в рекламном тексте;
- 3) определить диапазон прагматических возможностей энтимемы.

Материалом для исследования послужила печатная реклама, представленная на сайте женского иллюстрированного журнала Cosmopolitan на французском языке (<https://www.cosmopolitan.fr/>). Целесообразность обращения к таким рекламным текстам в качестве источника материала обусловлена тем, что они охватывают широкий спектр тем и содержат оригинальные (аутентичные), социально и лингвистически актуальные рекламные образцы для изучения механизмов речевого убеждения. В качестве объекта анализа выбран французский язык, поскольку он является, во-первых, одним из самых распространённых языков в мире, а во-вторых, одним из приоритетных языков рекламы в силу того, что Франция занимает лидирующие позиции в производстве товаров различного назначения, а реклама французских компаний отличается большим объемом и, соответственно, представляет широкое поле для исследований.

Если в простом категорическом силлогизме содержатся три термина: две посылки (большая и меньшая) и заключение (структура силлогизма соответствует схеме: суждения (большая и меньшая посылки → заключение), то энтимема представляет собой любое умозаключение (в широком понимании) или простой категорический силлогизм (в узком понимании), в котором опущена какая-либо из посылок или заключение [6. С. 529].

Например:

Toutes les fleurs sont dans le miel, tous les miels sont dans les fleurs.

Miel suisse.

или

Toutes les vertus sont dans les fleurs

Toutes les fleurs sont dans le miel

LE MIEL TOUBERT

Если первый рекламный текст характеризуется смысловой цельностью, относительной законченностью (к нему практически невозможно что-либо добавить), то второй представляется неполным и незавершенным, представляя собой пример энтимемы. В то же время утверждение *Toutes les fleurs sont dans le miel, tous les miels sont dans les fleurs*, объединяющее *fleurs* и *miel*

на основе семантико-референтной смежности, представляется малоинформативным. Оно «обыгрывает» общепринятое утверждение, не будучи направленным на какое-либо заключение, иными словами, не обладает аргументативной направленностью, тогда как аргументативный дискурс понимается «как процесс, состоящий в нанизывании высказываний-аргументов и высказываний-выводов» [7]. При этом понимание фразы подразумевает понимание слушателем того конкретного вывода, который имел в виду автор фразы. Для анализируемого примера характерна «замкнутость на себе», оно не предполагает движения мысли от известного к новому. Отсутствие тематической прогрессии создает эффект афоризма.

Во втором примере идёт последовательное развитие мысли: от предложения к предложению вводятся новые элементы:

предложение 1: *Toutes les A sont dans les B*

предложение 2: *Toutes les B sont dans le C*

При этом заключение силлогизма *toutes les vertus sont dans le miel* только подразумевается. В то же время очевидно отсутствие необходимости в данном заключении: любой может его восстановить, додумать. Вместо логично ожидаемого заключения появляется формулировка *le miel Toubert*, что переводит высказывание в аргументативный дискурс, а силлогизм в энтимему. Остается добавить, что в случае наличия вышеприведённого заключения невозможно было бы прорекламировать мед отдельно взятого конкретного производителя.

Или

Il n'y a pas de bulles dans les fruits

Alors il n'y a pas de bulles dans Banga. (Во фруктах нет пузырьков, Вот и в Банга нет пузырьков)

Линейная цепочка «суждения → заключение» в данном случае выстраивается только с учетом объяснения *PARCE QUE/ CAR il n'y a que des fruits dans Banga*. Переход от большей посылки *Il n'y a pas de bulles (A) dans les fruits (B)* к заключению *Alors il n'y a pas de bulles (A) dans Banga (C)* оказывается возможным посредством стертой меньшей посылки *CAR il n'y a que des fruits (B) dans Banga (C)*. Выбор между силлогизмом и энтимемой в пользу энтимемы имеет несколько обоснований. Можно выдвинуть прагматический аргумент: энтимема вынуждает потенциального интерпретатора-потребителя самостоятельно восстановить пропущенную (и самую важную) посылку, ту, в которой содержится аргумент в пользу покупки Банга, противопоставляющий его другим напиткам (газированным). Равным образом можно выдвинуть юридический аргумент: формулировка недостающей посылки означала бы утверждение, истинность которого может быть подвергнута сомнению. А опущение меньшей посылки делает утверждение юридически неуязвимым: эту рекламу нельзя назвать лживой. Наконец, выбор энтимемы можно объяснить развлекательно-познавательными причинами. Как писал Барт, энтимема – это силлогизм, сокращенный для того, чтобы доставить слушателю удовольствие самостоятельно дополнить аргумент [8. Р. 203].

По мнению В.Н. Степанова, сама логика рекламного текста – это логика энтимем, именно ими «мыслят рекламные тексты, в логической структуре которых часто что-нибудь опущено с целью привлечь внимание потребителей [9. С. 184].

Moi j'aime le naturel
et mon visage aime Monsavon (Мне нравится все натуральное, моему лицу нравится Монсавон).

Данный пример позволяет подобным образом через сходную логическую цепочку от большей посылки *Moi j'aime le naturel* прийти к заключению *DONC mon visage aime Monsavon* при опущенной меньшей посылке *Monsavon est naturel*. Переход от всего субъекта (*moi, je*) к исключительно лицу (*mon visage*) не мешает желаемой интерпретации рекламного текста.

Не менее часто встречающимся приемом в рекламе, для которой как для типа дискурса характерна нечеткая логика, или квазилогика, является имитация (симуляция) логичности, что подтверждает положение о распространенности и эффективности аргументации как способа речевого воздействия, регулярности обращения к нему в рекламных текстах.

Например:

J'aime ma femme, j'aime ma Kronenbourg
Ma femme achète la Kronenbourg par 6,
c'est fou ce que j'aime ma femme (Я люблю свою жену, я люблю свой Кроненбург, моя жена покупает Кроненбург упаковками по 6, с ума сойти как я люблю свою жену).

В данном случае рекламная энтимема «принимает вид» категорического силлогизма: тройная структура, общая прогрессия посредством взаимосвязанных терминов:

J'aime ma femme, j'aime [A] ma Kronenbourg [B]. = большая посылка
Ma femme [C] achète la Kronenbourg [B] par 6, = меньшая посылка
c'est fou ce que j'aime [A] ma femme [C]. = заключение.

Однако «строгость» дедуктивных умозаключений, присущая силлогизму, явно нарушена: это утверждение, не основанное на типичном свойстве класса объектов, по сути, выстраивает собственное, сомнительное и конъюнктивное, правило по градуальному принципу: *plus ma femme achète la Kronenbourg, plus j'aime ma femme*. К тому же большая посылка вызывает вопросы: во-первых, в любом случае, как при истолковании первого утверждения *J'aime ma femme* как предвосхищения заключения, так и при истолковании заключения как переформулировки первой части большей посылки, приходится признать нарушение постепенности характера дедуктивных рассуждений, свойственного силлогизму: вывод, основанный на двух утверждениях, которые утверждаются или считаются истинными.

Во-вторых, налицо соположение двух употреблений глагола «любить» в двух разных значениях. В случае «*J'aime ma femme*» актуализируется значение 1. *Avoir pour quelqu'un, quelque chose de l'affection, de la tendresse, de l'amitié ou de la passion: Aimer ses amis, son pays* [10. С. 95], тогда как в случае «*j'aime ma Kronenbourg*» актуализируется значение 4. *Avoir du goût pour*

quelque chose, trouver du plaisir à faire quelque chose : Aimer le café, la lecture [10. P. 95].

Нелогично и безосновательно, базируясь на вынужденном смешении значений полисемичного глагола, делать заключение об усилении супружеской любви исходя из посылки о любви к пиву. Очевидно, что задачей составителей рекламного текста было «усилить» значение *j'aime ma Kronenbourg* (любовь как пищевое пристрастие) значением *j'aime ma femme* (любовь как чувство глубокой привязанности).

Таким образом, аргументация, базирующаяся на энтимемах, способствует оказанию воздействия на реципиента, что и является целью рекламного текста, предполагающего ответную реакцию со стороны адресата, выраженную в виде ментальных действий (построение логических умозаключений) и практических действий (решение воспользоваться рекламируемыми товарами и услугами). При этом, попадая в «силовое поле» рекламы, энтимема (логическую структуру которой, как мы выяснили, можно представить в виде формулы «энтимема = посылка 1 + посылка 2 + заключение», где один из элементов обязательно опускается) нередко претерпевает определенные трансформации, что и превращает ее в весьма любопытное речевое явление и интересный объект лингвистического анализа. Среди специфических характеристик рекламной энтимемы можно выделить следующие:

1) увеличение числа посылок, т.е. аргументов / доводов в пользу приобретения того или иного товара (что обусловлено гипертрофированным стремлением рекламы склонить потенциального потребителя к совершению покупки);

2) регулярное и намеренное опущение именно заключения, т.е. вывода о необходимости покупки определенной вещи (если посылки / аргументы в рекламной энтимеме в основном имеют эксплицитную / вербальную реализацию, то заключение / конечный вывод в большинстве случаев представлен имплицитно по причине его очевидности, а также с целью деинтенсификации этой очевидности, маскировки подлинных намерений рекламодателя);

3) возможное отсутствие прямой семантико-референтной смежности между посылками / аргументами, с одной стороны, и посылками и заключением (формально опущенным, но подразумеваемым) – с другой. Например:

Comme vous avez un petit prix! C'est pour mieux vous séduire, bel enfant! Ypsilon la fashion car Lancia L'élégance. Le temperament (Какая у вас маленькая цена! Это для того, чтобы лучше соблазнить вас, милое дитя! Ипсилон в моде, поскольку это Lancia. Элегантность. Темперамент).

Приведенный рекламный текст состоит из перечисления положительных характеристик автомобиля конкретной марки. Эти характеристики стоит трактовать в качестве посылок, т.е. аргументов в пользу приобретения машины: ссылка на низкую цену (*un petit prix*), апелляция к тщеславию (*Ypsilon la fashion*), указание на специфический «характер» автомобиля (*L'élégance. Le temperament*). При этом конечный вывод (заключение) о том, что адресату необходимо купить рекламируемую модель автомобиля, формально отсутствует, но, безусловно, подразумевается.

Таким образом, структуру данного рекламного текста, как и большинства других, можно свести к следующей формуле: **реклама = вербализованная посылка 1 + вербализованная посылка 2 + ... + имплицитное / опущенное заключение**. Вероятно, в этой рекламе, как и во многих других, присутствуют и невербализованные (опущенные) послышки, но их выявление – весьма сложная задача, а успешность их идентификации зависит от коммуникативной компетенции конкретного адресата. Для обнаружения опущенных послышек реципиенту необходимо произвести серьезные мыслительные операции, привлечь весь свой когнитивный опыт. В этой связи логично допустить, что скрытые послышки во многих случаях просто не осознаются адресатом, а не отсутствуют в рекламе. В любом случае установить точную причину дефицита опущенных послышек в рекламном тексте – истинное отсутствие, запланированное рекламодателем, или кажущееся отсутствие, обусловленное неспособностью читателя / зрителя распознать заложенный рекламодателем смысл, – не представляется возможным, что и обуславливает вышеупомянутую структуру рекламы: «реклама = вербализованная посылка 1 + вербализованная посылка 2 + ... + имплицитное заключение».

Данная формула почти полностью дублирует структуру классической энтимемы (энтимема = посылка 1 + посылка 2 + заключение, где один из элементов опущен). По сути, такую модель построения имеет практически любое рекламное сообщение, что фактически позволяет поставить знак равенства между рекламой и энтимемой (реклама = энтимема) и, таким образом, приписать рекламе как коммуникативному и социальному феномену энтимимическое начало. Говоря иначе, рекламная энтимема – это не принципиально другое смысловое и речевое явление, не имеющее ничего общего с классической энтимемой, а лишь разновидность последней, поскольку соответствует ее основным критериям: а) в ней по-прежнему присутствуют две принципиально разные зоны – зона послышек и зона заключения; б) одна из этих зон (как правило, заключение) представлена имплицитно (не имеет вербального выражения); в) все части связаны в логико-смысловом плане.

Конечно, внутри рекламного сообщения могут встречаться и вкрапления из классических энтимем, организованных по модели «посылка 1 + посылка 2 + заключение», как в случае с рассмотренным выше примером *Toutes les fleurs sont dans le miel, tous les miels sont dans les fleurs. Miel suisse*. Другими словами, в рекламных текстах обнаруживается два вида энтимем:

1) **классические (традиционные)**, где энтимема является частью рекламы, которая, в свою очередь, сама является энтимемой;

2) **собственно рекламные (расширенные, многокомпонентные)**: реклама = энтимема.

Далее речь пойдет о собственно рекламных (расширенных) энтимемах, что обусловлено репрезентативностью исследовательского материала, позволяющего проводить максимально доказательные изыскания и формулировать убедительные выводы.

Прагматические функции рекламных энтимем.

Наблюдения за функционированием рекламных энтимем позволяют сделать вывод об их высоком прагматическом потенциале, который заключается в способности энтимемы оказывать конкретное воздействие на адресата, координировать его действия (а именно побуждать потребителя рекламы к совершению определенной коммерческой сделки, приобретению товара или заказу услуги) и который, с нашей точки зрения, можно конкретизировать в виде набора следующих функций: **императивная, манипулятивная, аргументативная, диалогическая, компрессионная, оценочно-экспрессивная, акцентная и эстетическая.**

Конечно, функциональная система рекламных энтимем не ограничивается данным перечнем задач. В частности, хорошо известна информационная функция рекламы [11, 12]. Однако в фокусе нашего внимания находятся лишь те функции, которые обусловлены спецификой семантики изучаемого феномена, а именно наличием в ней имплицитных смысловых компонентов, а также соотношением эксплицитного и имплицитного. Как мы выяснили, в семантическом пространстве рекламной энтимемы такой ее элемент, как посылка / аргумент, чаще всего содержится эксплицитно (в вербализованном виде), в то время как заключение / вывод почти всегда имеет имплицитную представленность (т.е. не имеет формального языкового выражения). На него ложится особая прагматическая нагрузка, ведь имплицитная информация является более эффективным и действенным средством достижения цели, чем эксплицитная, поскольку отличается исключительной «смысловой емкостью» и сложностью извлечения для адресата, который приложил к ее интерпретации столько интеллектуальных усилий, что больше не может оставаться равнодушным к тексту и рекламируемому с его помощью продукту.

Учет характера корреляции эксплицитного и имплицитного позволяет выделить восемь основных функций рекламных энтимем, ведущей из которых является императивная.

Императивная функция.

Как известно, главной задачей рекламного дискурса является побуждение адресата к приобретению товара или услуги, что и позволяет приписывать рекламной энтимеме императивное начало. Строго говоря, элемент побуждения содержится как в эксплицитной части рекламной энтимемы (уровень посылки), так и в имплицитной (уровень заключения). Если эксплицитная информация (посылка) представляет собой открытое обоснование необходимости совершения определенной покупки, то имплицитная (не вербализованный, но легко считываемый призыв к совершению товарно-денежной сделки) – на скрытое воздействие на адресата: *La chaussure qui respire. Geox respire. Geox S.P.A. Montevelluna Italia (Обувь, которая дышит. Жеокс дышит. Жеокс S. P. A. Монтевеллуна Италия)*. Так, в приведенном рекламном тексте повторяющиеся ссылки на то, что ногам в обуви указанной марки будет комфортно (*La chaussure qui respire. Geox respire*), а также упоминание Италии, которая славится производством качественной обуви, пред-

ставляют собой не просто характеристики рекламируемого товара, а аргументы к покупке товара. Но особый исследовательский интерес в этом смысле вызывают не столько эксплицитные послышки, сколько имплицитные заключения как финальная часть энтимемы, поскольку опущенный (скрытый) вывод о выдающихся свойствах рекламируемого объекта и, соответственно, важности обладания им уже фактически относится к области суггестии (внушения), а не побуждения, но по-прежнему носит рекомендательный характер и ориентирует потенциального потребителя на принятие выгодного для рекламоателя решения.

Что же касается остальных прагматических функций энтимем (манипулятивная, аргументативная, диалогическая, компрессионная, эмоционально-экспрессивная, акцентная и эстетическая), то они, по сути, являются разновидностями или компонентами императивной функции, которая, таким образом, фактически превращается в интеграционную, «зонтичную».

Манипулятивная и аргументативная функции.

Итак, энтимема всегда состоит из двух частей: эксплицитной (вербализованной) и имплицитной (опущенной).

Эксплицитная (вербализованная) часть нацелена на то, чтобы убедить потенциального клиента принять *осознанное* решение в пользу покупки товара за счет открыто представленных посылок (доводов). Этим и предопределяется наличие *аргументативной* семантики в структуре рекламных энтимем. Широкое использование аргументов в рекламном тексте свидетельствует о глубоком воздействии на адресата и формировании у него прочных убеждений.

Как известно, аргументы в рекламном дискурсе в ряде случаев носят некорректный характер [13]. В отличие от корректной аргументации, которая апеллирует к надежным данным и проверенным фактам с целью убеждения реципиента в необходимости выполнения какого-либо действия, **некорректные аргументы** всегда обращены к чувствам адресата, воздействуют на его эмоциональную сферу и актуализируются в форме упоминаний о тех положительных ощущениях, которые можно испытать после приобретения вещи или заказа услуги: *On craque aussi pour le Nomade, l'eau de parfum naturelle de Chloé. Cette fragrance est vegan, à 100% d'origine naturelle. Son flacon a aussi été pensé de manière responsable, avec des matériaux recyclés. Ses senteurs de jasmin d'Égypte, de datte et de bois de santal nous donnent envie de voyager.* (Мы тоже влюбляемся в Nomade, натуральную парфюмерную воду Клоэ. Этот веганский аромат, 100% натурального происхождения. Его флакон, сделанный с использованием переработанных материалов. Его ароматы египетского жасмина, фиников и сандалового дерева, вызывающие у нас желание путешествовать.) Например, приведенная рекламная энтимема обещает обладателю данного парфюма возможность почувствовать себя экологически ответственным человеком и испытать желание отправиться путешествовать, но при этом не содержит вербализованного призыва к покупке товара.

В свою очередь, **корректная (рациональная) аргументация**, под которой стоит понимать апелляции к интеллектуальной сфере адресата, к его логическому мышлению, в рекламном дискурсе носит весьма условный характер. Например, представленные в рекламе ссылки на конкретные количественные данные, проведенные исследования, пользу, которую можно получить в результате покупки товара, создают эффект правдивости, а также качества и надежности рекламируемого объекта. Однако возможности проверить эти факты у потребителя практически нет, и, таким образом, приведение статистических данных в рекламе может создавать лишь иллюзию правды, что и позволяет приписывать корректной аргументации, используемой в рекламном дискурсе, относительный характер. *Pour une épilation digne d'un institut de beauté, testez le roll-on Nair. La cire roll-on Lait et Miel est facile d'utilisation grâce à la forme de son flacon. Sa recette à 98% d'origine naturelle au miel et au lait adoucissants, est hydratante et facilement lavable. A la fois rapide et pratique, le roll on est parfait pour s'initier avec douceur à l'épilation à la cire* (Для эпиляции, достойной салона красоты, попробуйте ролик Нэр. Ролик в воске с содержанием молока и меда, прост в использовании благодаря форме флакона. Его рецепт на 98% натурального происхождения с содержанием меда и смягчающего молока, обладает увлажняющим действием и легко смывается. Одновременно быстрый и практичный, ролик идеально подходит для того, чтобы попробовать безболезненную восковую эпиляцию.) Так, во-первых, нет никакой гарантии, что продукт действительно содержит 98% компонентов природного происхождения, а во-вторых, к последним в мире косметологии относятся в том числе и продукты нефтепереработки (нефть – это природная жидкость), которых рядовой потребитель косметики стремится избегать в конечном продукте.

Что же касается **имплицитной части рекламной энтимемы (заключения)**, то в силу своей природы она оказывает скрытое воздействие на реципиента, влияет на его бессознательное, как автопилот ведет адресата в направлении, выгодном для рекламодателя, но не до конца осознаваемом самим адресатом. Такое воздействие очевидно относится к манипулятивному, т.е. «осуществляемому путем искусного использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата» [14. С. 24].

Интересно отметить, что, несмотря на полное отсутствие формального выражения, умозаключения (как финальная часть рекламной энтимемы и прием принципиально косвенной коммуникации) не отличаются полностью имплицитным характером. Такой парадокс объясняется самой сутью рекламы, конечная цель которой понятна всем: адресат просто не может не догадываться об интенциях рекламодателя, что и снижает (но не устраняет полностью) уровень имплицитности рекламных энтимем и, соответственно, степень рекламной манипуляции в целом.

Диалогическая функция.

В современной науке считается, что любой текст диалогичен по своей природе, поскольку всегда направлен на адресата, разворачивается с учетом

индивидуальных и / или социальных характеристик последнего, принимает во внимание его пресуппозиции. Реклама не является исключением: в силу своей специфики она ежесекундно нацелена на потребителя, на установление контакта с ним, на его активное вовлечение в интеракцию.

С нашей точки зрения, одним из наиболее действенных способов установления диалогического контакта между рекламодателем и потребителем является использование энтимем, которые заставляют реципиента становиться полноценным участником речевого взаимодействия. Энтимемы не транслируют информацию в готовом виде, а интенсифицируют мыслительную деятельность адресата, побуждают его домысливать недостающие (имплицитные) данные, верифицировать свои умозаключения и посредством такой апелляции к интеллектуальной сфере адресата стимулируют его обратный отклик: *Le parfum. La sensation. L'émotion. SHISEIDO ZEN (Аромат. Ощущение. Эмоция. ШИСЕЙДО ДЗЕН)*. Серия коротких аргументов при отсутствии заключения рассчитана на то, чтобы вызвать у адресата желание достроить цепочку из аргументов, определить, какое отношение они имеют к нему, самостоятельно сформулировать заключение, имеющее непосредственное отношение к адресату, и принять решение в пользу рекламируемого объекта.

Таким образом, в аспекте диалогичности энтимемы, предоставляя реципиенту возможность самостоятельно реконструировать недостающий текст (умозаключение) в процессе восприятия и интерпретации рекламы, выполняют следующие задачи:

- максимально вовлекают реципиента в содержание рекламного ролика / текста посредством обращения к его когнитивному опыту;
- повышают его активность в процессе восприятия и расшифровки имплицитной посылки или умозаключения как составных элементов энтимемы;
- позволяют всесторонне осмыслить интенции рекламодателя, оценить его рефлексивные усилия;
- привлекают внимание адресата к наиболее важным аспектам содержания рекламного текста;
- акцентируют взаимообусловленный характер «сотрудничества» рекламодателя и потребителя, сплоченность их «команды».

Другими словами, энтимемы, как никакое иное средство, делают рекламный текст истинно диалогичным, поскольку предполагают не просто обращенность к адресату, одностороннее воздействие на реципиента, а подлинное взаимодействие отправителя и получателя сообщения в процессе подготовки и декодирования рекламного текста. В этой связи уместно вспомнить слова В.В. Красных, которая, размышляя об истинной диалогичности и интерактивности текста, утверждает, что при создании последнего автор производит «селекцию знаковых форм, отбирает те из них, которые, с одной стороны, максимально полно и адекватно отражают и выражают замысел, а с другой – максимально соответствуют “типу” реципиента, входят в его знаковую систему и смысловой код, что и позволяет последнему воспринимать и понимать текст» [15. С. 210–211].

Таким образом, рекламная энтимема – это смысловая и речевая структура, позволяющая адресанту (рекламодателю) вступить с адресатом (потребителем рекламы) в диалог, что происходит посредством апелляции автора рекламного текста к знаниям и опыту реципиента. И хотя возможные соображения и мысли адресата не получают вербального оформления, они присутствуют в сознании рекламодателя и являются ориентиром для создания рекламного сообщения.

Функция лаконизации (компрессии).

Реклама стала неотъемлемой частью жизни общества. Люди ежедневно имеют дело с рекламой, печатной и телевизионной, онлайн и офлайн, что перегружает их информацией. Это является одной из причин, по которой реклама с течением времени выработала свойство лаконичности – максимально сжатого изложения данных с целью экономии времени адресанта и адресата и оказания как можно более быстрого воздействия на потенциального потребителя.

Данное свойство проявляется не только в компактности рекламного слогана, высокой степени рекламной стандартизации, но и в экономном употреблении языковых и речевых средств, в частности в использовании энтимем, которые представляют собой максимально сжатые (за счет облигаторно содержащегося в них имплицитного компонента, обычно умозаключения / вывода) речевые и смысловые структуры, а следовательно, базируются на информации (аргументативного характера), которая призвана найти мгновенный отклик у реципиента.

В этом и состоит суть такой функции энтимем, как лаконизация (компрессия) – направленность на сжатое изложение информации.

Эмоционально-экспрессивная функция.

Эмоциональный компонент является важнейшей составляющей рекламных энтимем. К эмоциональной сфере, к чувствам адресата могут обращаться как имплицитно представленное умозаключение, так и вербализованные аргументы (доводы / посылки), оказывать влияние на поведение и взгляды реципиента. Воздействие на чувства осуществляется тремя способами: а) с помощью приведения ярких и интересных аргументов / посылок; б) с помощью сочетания аргументов с соответствующим визуальным или аудиальным рядом; в) посредством эмоционально окрашенной лексики и ярких стилистических средств в попытке убедить адресата приобрести рекламируемый товар. Любой из этих приемов активно используется в рекламе и оказывается особенно действенным в совокупности с остальными, например: *Onctueuse et sensorielle, cette mousse lavante 2 en 1 vous permettra d'avoir un nouveau rituel sous la douche. En un seul geste, votre peau sera lavée et hydratée avec cette mousse de douche à l'huile d'argan. Son parfum oriental et délicieusement boisé, vous permettra détente comme au spa* (Кремообразная и приятная на ощупь, эта пена для душа 2 в 1 позволит вам завести новый ритуал в душе. Одним движением ваша кожа будет чистой и увлажненной этой пеной для душа с аргановым маслом. Ее восточный и восхитительно древесный аромат позволит вам расслабиться как в спа-салоне). Данное

рекламное сообщение изобилует, во-первых, аргументами в пользу покупки очищающей пенки для душа, а во-вторых, выразительными эпитетами (*onctueuse, généreuse, sensorielle, délicieusement*), выделяющими сильные стороны продукта и создающими исключительно благоприятный образ косметического средства. Сочетание этих маркеров усиливает императивное воздействие на адресата.

Акцентная функция.

Энтимемы выполняют в том числе и выделительную (акцентную) функцию, т.е. направлены на привлечение произвольного и непроизвольного внимания адресата к рекламируемому объекту за счет: 1) своей имплицитной части, интенсифицирующей мыслительную деятельность адресата по дешифровке формально отсутствующего заключения; 2) своей эксплицитной составляющей – серии аргументов, подчеркивающих целесообразность покупки товара; 3) возможных интенсификаторов. Так, в следующей рекламной энтимеме, помимо традиционного соотношения имплицитного и эксплицитного, подчеркивающего выдающиеся характеристики описываемого ночного крема, используется и интенсификатор *intensément*, который делает акцент на основной задаче рекламируемого косметического средства, а именно на увлажнении кожи. *Crème de nuit à l'or 24 carats, révélatrice de beauté. Sa texture onctueuse hydrate intensément la peau. Ses particules d'or 24 carats aident votre peau à se régénérer pendant la nuit. Au réveil votre teint est plus frais, lumineux* (Ночной крем с 24-каратным золотом, подчеркивающий красоту. Его насыщенная текстура интенсивно увлажняет кожу. Его частицы 24-каратного золота помогают вашей коже восстанавливаться в течение ночи. Когда вы просыпаетесь, кожа лица выглядит более свежей, сияющей). В этом смысле энтимемы и их составные компоненты являются важным инструментом маркирования информации, обеспечивающим фокусировку когнитивных усилий адресата на популяризируемом товаре.

Эстетическая функция.

Использование энтимем свидетельствует о креативности рекламодателя, придает рекламе динамичность и смысловую многоплановость, порождает новые образы в сознании реципиента. В этом смысле энтимемы наделяют рекламный текст выразительным характером, образно-ассоциативными возможностями и, соответственно, эстетическими свойствами, причем не только за счет использования метафор и других выразительных средств, но и благодаря своей специфической текстовой организации, состоящей исключительно из серии аргументов, нередко эллиптических и содержательно емких (см. примеры выше), преобразовывающих привычное, шаблонное словоупотребление в оригинальное.

Таким образом, энтимема как способ и средство диалогизации, лаконизации, эстетизации и проч. общения представляет собой комплексную, многоуровневую смысловую и речевую структуру, один из основных принципов и условий текстопорождения в рекламе. Конечно, рекламные тексты могут иметь и другую структурную организацию, например, помимо аргументов (посылок) содержать и вводную фразу, номинирующую описываемый

товар, а также включать эксплицитный (вербализованный) вывод о целесообразности приобретения товара. Однако наиболее типичной является все же энтимемная структура рекламы. Так, например, в следующем сообщении открытый призыв поторопиться стоит интерпретировать как вербализованное заключение о необходимости покупки рекламируемого косметического набора: *C'est la box lifestyle à avoir avec soi pour passer les meilleures soirées, la CosmopolitanBox Girls Night ne vous quittera plus. Avec ses 10 produits full size d'une valeur de 158,30€ pour seulement 24,90€, c'est en plus un bon plan. Mais dépêchez-vous car elle est en édition limitée et il n'y en aura pas pour tout le monde!* (Набор, который обязательно нужно иметь при себе, чтобы вечеринка удалась, вы больше не расстанетесь с Cosmopolitanbox Girls Night. 10 полноразмерных изделий стоимостью 158,30 евро всего за 24,90 евро это, к тому же, выгодный тариф. Но поторопитесь, потому что тираж ограничен и на всех не хватит!) Подобные сообщения не соответствуют главным критериям энтимем (правильному соотношению уровня посылок и уровня заключения, а также зоны имплицитного и эксплицитного).

В заключение обобщим сказанное. Диапазон функциональных и других разновидностей рекламных энтимем во французском языке довольно широк и варьируется от классических (состоящих из двух посылок и одного заключения) до многокомпонентных (содержащих увеличенное количество посылок), а также от энтимем с опущенными посылками до энтимем с опущенным заключением, при доминировании последних. Наиболее типичной для франкоязычного рекламного дискурса разновидностью изучаемого феномена является многокомпонентная энтимема с опущенным заключением. Она служит эффективным средством воздействия на адресата и, соответственно, является исключительно востребованным инструментом убеждения в маркетинговом мире. Такая эффективность и популярность многокомпонентных энтимем с опущенным заключением мотивируется их широчайшими прагматическими возможностями, представленными в настоящей статье в виде перечня взаимосвязанных и взаимообусловленных функций, а именно манипулятивной, аргументативной, диалогической, компрессионной, эмоционально-экспрессивной, акцентной и эстетической, которые целесообразно рассматривать в качестве проявлений одной и той же функции – императивной.

Список источников

1. Федорова И.В. Массовая коммуникация как процесс общения // Вестник РУДН. Серия Литературоведение. Журналистика. 2009. № 3. С. 83–87.
2. Уэллс У., Вернет Дж., Мориарти С. Реклама: принципы и практика. СПб. : Питер, 2001. 114 с.
3. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка : современная редакция. М. : Дом Славянской кн., 2008. 959 с.
4. Ивин А.А. Словарь по логике. М. : Владос, 1997. 383 с.
5. Терлюкевич И.И., Булыго Е.К., Струтинская Н.В. Логика: учебно-методический комплекс для студентов БНТУ. Минск, 2012. 115 с.

6. Касавин И.Т. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М. : Канон+, 2009. 1247 с.
7. Иоанесян Е.Р. Функционирование эпистемических предикатов в аргументативном дискурсе. М. : КИЯ ИЯз РАН. URL: https://iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2009_01/6.pdf
8. Barthes R. L'ancienne rhétorique // L'aventure sémiologique. Paris: Éditions du Seuil 1985. P. 203–224.
9. Степанов В.Н., Болдырева Е.М. Аргументация как способ речевого воздействия в рекламном тексте современной массовой культуры // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 2. С. 182–187.
10. Grand Larousse Illustré. Paris : Hachette, 2020. 2013 p.
11. Балабанова И.Я. Семантика и прагматика рекламного дискурса на материале французского и русского языков : дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004. 198 с.
12. Сазонова И.А. Структурно-функциональные особенности печатного рекламного текста на различных этапах жизненного цикла товара : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 16 с.
13. Курочкина А.М. Аргументативная модель рекламного текста (на материале рекламы гостиничных услуг) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 1. С. 177–181. URL: http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/19931778_2018_-_1_unicode/26.pdf (date of access: 07.07.2022).
14. Копнина Г.А. Речевое манипулирование : учеб. пособие. М. : Флинта, 2012. 170 с.
15. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации : курс лекций. М. : Гнозис, 2001. 270 с.

References

1. Fedorova, I.V. (2009) Massovaya kommunikatsiya kak protsess obshcheniya [Mass communication as a communication process]. *Vestnik RUDN. Seriya Literaturovedenie. Zhurnalistika*. 3. pp. 83–87.
2. Wells, W., Burnett, J. & Moriarty, S. (2001) *Reklama: printsipy i praktika* [Advertising: Principles & Practice]. Translated from English. Saint Petersburg: Piter.
3. Ushakov, D.N. (2008) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka: sovremennaya redaktsiya* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language: Contemporary edition]. Moscow: Dom Slavyanskoy knigi.
4. Ivin, A.A. (1997) *Slovar' po logike* [Dictionary of Logic]. Moscow: Vldos.
5. Terlyukevich, I.I., Bulygo, E.K. & Strutinskaya, N.V. (2012) *Logika* [Logic]. Minsk: Belarusian National Technical University.
6. Kasavin, I.T. (2009) *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science]. Moscow: Kanon+.
7. Ioanesyan, E.R. (2009) *Funktsionirovanie epistemicheskikh predikatov v argumentativnom diskurse* [The Functioning of Epistemic Predicates in Argumentative Discourse]. Moscow: Institute of Linguistics RAS. [Online] Available from: https://iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2009_01/6.pdf
8. Barthes, R. (1985) *L'aventure sémiologique*. Paris: Éditions du Seuil. pp. 203–224.
9. Stepanov, V.N. & Boldyreva, E.M. (2012) Argumentatsiya kak sposob rechevogo vozdeystviya v reklamnom tekste sovremennoy massovoy kul'tury [Argumentation as a method of speech influence in the advertising text of modern mass culture]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*. 2. pp. 182–187.
10. Larousse. (2020) *Grand Larousse Illustré*. Paris: Hachette.
11. Balabanova, I.Ya. (2004) *Semantika i pragmatika reklamnogo diskursa na materiale frantsuzskogo i russkogo yazykov* [Semantics and pragmatics of advertising discourse based on the material of French and Russian languages]. Philology Cand. Diss. Kazan.

12. Sazonova, I.A. (2006) *Strukturno-funktsional'nye osobennosti pechatnogo reklamnogo teksta na razlichnykh etapakh zhiznennogo tsikla tovara* [Structural and functional features of printed advertising text at various stages of the product life cycle]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

13. Kurochkina, A.M. (2018) Argumentativnaya model' reklamnogo teksta (na materiale reklamy gostinichnykh uslug) [Argumentative model of advertising text (based on advertising of hotel services)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 1. pp. 177–181. [Online] Available from: http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/19931778_2018_-_1_unicode/26.pdf (Accessed: 07.07.2022).

14. Kopnina, G.A. (2012) *Rechevoe manipulirovanie* [Speech Manipulation]. Moscow: Flinta.

15. Krasnykh, V.V. (2001) *Osnovy psikholingvistiki i teorii kommunikatsii: kurs lektsiy* [Fundamentals of Psycholinguistics and Communication Theory: A course of lectures]. Moscow: Gnozis.

Информация об авторах:

Кирюшкина А.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германской филологии Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины (Гомель, Беларусь). E-mail: akirushkina@mail.ru

Чалова О.Н. – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики английского языка Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины (Гомель, Беларусь). E-mail: oksana-chalova@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.A. Kirushkina, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Francisk Skorina Gomel State University (Gomel, Belarus). E-mail: akirushkina@mail.ru

O.N. Chalova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Francisk Skorina Gomel State University (Gomel, Belarus). E-mail: oksana-chalova@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.07.2022;
одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 07.03.2024.*

*The article was submitted 14.07.2022;
approved after reviewing 15.12.2022; accepted for publication 07.03.2024.*

Научная статья
УДК 81'373.2
doi: 10.17223/19986645/87/4

Общeturкские народные географические термины Кызылкумского региона

Нурлан Жакипович Мингбаев¹, Владимир Викторович Авдонин²

¹ Южно-Казахстанский университет им. М. Ауэзова, Шымкент, Казахстан

² Университет им. Ж. Ташенова, Шымкент, Казахстан

¹ annurtas@mail.ru

² vld-55@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются общeturкские народные географические термины Кызылкумского региона, способствующие обогащению данной топонимической системы. Лексико-семантический и этимологический анализ материала позволил выявить особенности формирования топонимов, впервые описать отдельные термины, употребление сакральных числительных, цветowych прилагательных; предложить новую версию этимологии онимов с утерянной историей происхождения и затемненной семантикой, в частности полисонима Яссы.

Ключевые слова: народные географические термины, топоним, гидроним, ороним, дромоним, этнотопоним, полисоним, этимология, типологическая универсалия

Для цитирования: Мингбаев Н.Ж., Авдонин В.В. Общeturкские народные географические термины Кызылкумского региона // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 87. С. 72–90. doi: 10.17223/19986645/87/4

Original article
doi: 10.17223/19986645/87/4

Common Turkic folk geographical terms of the Kyzylkum region

Nurlan Zh. Mingbaev¹, Vladimir V. Avdonin²

¹ South Kazakhstan University, Shymkent, Kazakhstan

² Tashenev University, Shymkent, Kazakhstan

¹ annurtas@mail.ru

² vld-55@yandex.ru

Abstract. The article deals with the general Turkic toponymy of the Kyzylkum region, in particular, the folk geographical terms present in the topography of this territory. Despite the harsh climatic conditions of the desert, this territory has been developed by man since ancient times, which proves the presence of historical toponyms and ethnonyms. The toponymy of the region is characterized by the active participation of various folk geographical terms in the structure of landscape names.

Folk geographic terms *kum, tau, bulak, kol, sai, aryk, kudyk, suat, ozen, keshu, oi, boget, ashy, kesik*, and others were an inexhaustible source for designating orographic, hydrographic and other objects. The richness and diversity of the region's toponymic system was directly related to the economic activities of its original inhabitants. Transhumance of the desert natives required a detailed knowledge of the features of the physical and geographical structure of their own habitat, taking into account the natural and climatic conditions and landscape specifics of the entire territory of animal pasturing, i.e. deserts, mountains, rivers, lakes, springs, watering holes, fords and crossings, as well as the exact language designation of these objects. Thus, economic activity contributed to the fact that a nomadic tribe knew its territory thoroughly, down to small objects, and created a developed toponymic system. The collected toponymic material is considered in the lexical-semantic, etymological and linguo-geographical aspects in order to identify specific units that are generally characteristic of common Turkic folk geographical terms. In the process of studying a number of oronyms, hydronyms, dromonyms, geophonyms, it was established that, in this territory, despite the flatness of the terrain, there were many oronyms with components *tau* (mountain), *tobe* (hill). In addition, contrary to logic, a significant number of hydronyms was found in the desert with components *kudyk* (well), *suat* (place of watering hole), *bulak* (spring). The term *kesik*, literally "cut", which was used to designate barchans with sharp, as if cut edges that one can meet in the sandy desert, was described for the first time. Also, common Turkic structural formations were identified that arose according to the type: numeral + term. The use of sacred numerals in the structure of toponyms with folk geographical terms denoting the conditional meaning of plurality was established. In the etymological aspect, special attention was paid to the consideration of the dromonym *Yassykeshu*, which correlates with the name of the medieval polysonym *Yassy*, an important city on the segment of the Great Silk Road passing through Kyzylkum. Its scientific etymology has not yet received a positive decision. A substantiated etymology was proposed, which allows to clarify the lost history of origin and the obscured semantics of the polysonym *Yassy*.

Keywords: folk geographical terms, toponym, hydronym, oronym, dromonym, ethnonym, polysonym, etymology, typological universality

For citation: Mingbaev, N.Zh. & Avdonin, V.V. (2024) Common Turkic folk geographical terms of the Kyzylkum region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 87. pp. 72–90. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/87/4

Под термином «Кызылкумы» понимается пустыня в Туранской низменности с особым физико-географическим строением, локализованная в междуречье рек Сырдарья и Амударья на площади около 300 тысяч квадратных километров. В политико-административном отношении эта пустыня охватывает частично территории Узбекистана, Туркменистана и южные районы Казахстана.

Общие сведения о Кызылкумах имеются у древних китайских и русских путешественников, в заметках арабских писателей и ученых. Научный интерес к топонимии региона возникает только во второй половине XX в. Одной из первых стала работа Р.Л. Югая [1], посвященная истории развития географических и картографических представлений о Кызылкумах. В этот период активизируются региональные исследования топонимической системы Узбекистана, среди которых отметим диссертацию Т. Нафасова «То-

понимы Кашкадарьинской области» [2]. Т. Нафасовым также издан толковый словарь топонимов южных районов Узбекистана [3]. Вызывают интерес работы Л. Каримовой «Топонимы в североузбекских говорах» [4] и Я. Хужамбердиева «Историко-этимологическое исследование топонимики Сурхандарьинской области Узбекской ССР» [5], написанные в историко-лингвистическом аспекте. К. Хуррамову [6] принадлежит ценное исследование узбекских народных географических терминов, также следует отметить работу С.Н. Найимова [7], в которой рассматриваются ойконимы Бухарской области Узбекистана. Ш.С. Камолиддин изучает древнетюркскую топонимию Средней Азии, используя данные средневековых источников на арабском, персидском, тюркском и других языках. В контексте рассматриваемой проблемы интерес представляет раздел монографии указанного автора, посвященный Хорезму, где описываются отдельные тюркские народные географические термины [8. С. 75–77]. И все же приходится констатировать недостаточность систематических исследований топонимии Кызылкумов.

Народные географические термины¹, созданные языковым творчеством жителей той или иной территории, отражают разнообразие и богатство природного ландшафта. Являясь результатом языковой деятельности аборигенного населения, эта лексика красочно описывает и фиксирует природные особенности среды обитания. Специфика хозяйственной деятельности народа служит стимулирующим фактором данного процесса. В этом плане особое место принадлежит казахскому языку. Древний кочевой уклад жизни казахов, связанный с отгонным животноводством, имел место вплоть до середины XX в. Исторические условия, среда обитания и неизбежность традиций способствовали длительной сохранности их исконного образа жизни, поэтому потребность в знании физико-географических особенностей пастбищных угодий способствовала постоянному обогащению народной географической терминологии в казахском языке. В результате данная лексика стала играть важную роль в общем процессе топообразования.

Указанная особенность тюрко-монгольской топонимии была отмечена учеными, специалистами в области ономастики. В частности, А.В. Суперанская пишет: «Древнейший тип племенных названий – топонимический. При кочевом образе жизни владения каждого племени не имели точных границ и отделялись друг от друга нейтральной, незанятой территорией. Кочевой образ жизни не означает хаотического и бесконечного передвижения с места на место. При благоприятных условиях жизни племя постоянно кочует по той же самой территории, и передвижения его определяются сезонной сменой растительности (пастбища для скота, съедобные плоды для питания людей) и сезонными перемещениями животных (объект охоты и рыбной ловли). Специфика добывания средств существования способствует тому, что кочевое племя досконально знает свою территорию, вплоть до мелких

¹ Общетюркские географические термины переданы кириллическим письмом казахского языка.

урочищ, и владеет развитой топонимической системой, в которой представлены все природно-физические названия, но почти нет ойконимов (названий поселений)» [9. С. 74]. Аналогичные особенности в топонимии других регионов отмечали Э.М. Мурзаев [10] и В.А. Казакевич [11].

Описываемый регион характеризуется значительным количеством оронимов, обозначающих орографические объекты. В «Географическом энциклопедическом словаре» [12] констатируется равнинность территории Кызылкумов, однако здесь имеются горы, возвышенности, холмы, впадины, которые получили свое языковое обозначение. По этой причине в процессе исследования было выявлено много орографических названий.

Народные географические термины в структуре оронимов отражают физико-географические особенности, поэтому здесь отмечена частотность орографических номенов *тау* ‘гора’, *тобе* ‘холм’: Бұқантау, Құлджықтау, Әуминзитау, Мұрынтау, Тамдытау, Ақтау, Жетімтау, Сұлтанувайстау, Дәуқызтау, Керегетау, Балпантау; Жусантөбе, Қаратөбе, Қоңыртөбе, Көктөбе, Жолайтөбеи т.п. Явление данного порядка в топонимии возникает, вероятно, в связи с закономерностью негативности в топонимике, о чем писал В.А. Никонов [13. С. 38].

Термин *тау* (каз. ‘гора’) широко представлен в структуре тюркских топонимов в различных фонетических вариантах: *тоғ* (узб.), *тоо* (кирг.), *тыя* (алт.), *тав* (ногайск.), в огузских диалектах тюркских языков – *даг* и т.п. Также в Центральной Азии выявлены оронимы с компонентом *төбе* ‘холм’ в фонологических разновидностях: *тепа*, *тепе*, *дебе*, *добо*, *тюбя*. В изучаемом регионе также встречаются названия орографических объектов, в структуре которых есть термины *жар* ‘обрыв’: *Ақжар*; *ой* ‘впадина’: *Қызыл­ой*, *Батырой*.

В процессе рассмотрения народных географических терминов выявлен единственный в своем роде компонент *кесік* в структуре оронима, который обозначает ‘резаный, объект с острыми краями’. По сообщениям информантов, данный топоформант в структуре имени собственного *Қызылкесік* возник для обозначения природного явления именно в песчаной местности. Известно, что в пустыне есть территории с движущимися песками. Ветра, которые довольно часто и сильно здесь дуют, перемещают пески и придают барханам специфическую форму. В результате возникают барханы с резко обозначенными краями, как будто срезанные чем-то острым. Подобные барханы в среде исконного населения Кызылкумов обозначили термином *кесік*. По версии информанта Ералы Арапбаева, около населенного пункта *Қызылкесік* были песчаные барханы, которые имели острые края, словно искусственно срезанные.

Известно, что в тюркской топонимической системе широко представлена словообразовательная модель такого типа: цветовое прилагательное + народный географический термин. Для названий орографических и гидрографических объектов Кызылкумов также характерна указанная форма. Ча-

сто встречаются сочетания цветowych прилагательных в структуре топонимов: *қызыл* ‘красный’, *қара* ‘черный’, *сары* ‘желтый’, *ақ* ‘белый’, *қоңыр* ‘коричневый’, *боз* ‘серый’, *көк* ‘зеленый’, *көгал* ‘зеленеющий’.

Особенность физико-географических условий, а именно красноватая окраска местных песков, находит отражение во множестве названий, в структуре которых выделяется цветовой прилагательное каз. *қызыл*//узб. *қизил* ‘красный’ + топокомпонент. По этой причине цветовой прилагательное *қызыл* ‘красный’ в сочетании с детализирующим термином является доминантной формой в топонимизации изучаемого региона. Примерами могут служить названия объектов: *Қызылтау* ‘гора’, *Қызылтөбе* ‘холм’, *Қызылой* ‘впадина’, *Қызылжар* ‘обрыв’, *Қызылкесік* ‘бархан с резаным краем’, *Қызылбұлақ* ‘родник’, *Қызылрабат* ‘караван-сарай’, *Қызылтам* ‘дом’, *Қызылүй* ‘дом’, *Қызылқақ* ‘лужа’, *Қызылқұдық* ‘колодец’, *Қызылжалды* ‘грива’ и т.д. Распространенность сочетаний «цветовой прилагательное *қызыл* ‘красный’ + детализирующий термин» служит подтверждением обозначенного выше тезиса (для большей наглядности кроме оронимов и гидронимов здесь приведены и другие типы топонимов).

Наряду с компонентом *қызыл* ‘красный’ в структуре онимов встречаются и другие цветowych прилагательные: *қоңыр* ‘коричневый’ – *Қоңыртөбе* ‘коричневый холм’ (цветовой прилагательное *қоңыр* в данном случае обозначает песчаные холмы с темноватой растительностью на вершине); *боз* ‘серый’ – *Бозтау*; *қара* ‘черный’ – *Қаратөбе*; *көк* ‘зеленый’ – *Көктөбе*; *сары* ‘желтый’ – *Сарыжал*.

В регионе встречается название *Көкаяз*. На первый взгляд здесь употребляется цветовой прилагательное *көк* ‘зеленый’. Однако, по сообщениям информантов, в данном случае имя урочища и населенного пункта даны в связи с тем, что здесь зимой бывают сильные морозы. В толковом словаре казахского языка зафиксировано слово *аяз* в значении «мороз до посинения» [14. Т. 1. С. 62].

Природными особенностями региона, описанными нами, обусловлены и частотность форманта каз. *құм*//узб. *қум* ‘песок’, который наблюдается в составе тюркских топонимов *Қарақум*, *Акқум*, *Жаманқұм*. Во впадине *Мынбұлақ* встречается *Мойынқұм*, в Джамбульской области Казахстана, в восточной части пустыни *Бетпак дала* также есть собственное *Мойынқұм*. Следует обратить внимание на то, что в тюркской топонимии названия, образованные цветowym прилагательным с участием народного географического термина *құм* ‘песок’, *Қызылқум*, *Қарақум*, *Сарықум*, *Акқум* обозначают крупные природные объекты и относятся к разряду макротопонимов.

Кроме цветowych прилагательных, в составе онимов Кызылкумов употребляется разнообразная соматическая лексика, т.е. названия частей тела человека и животных. Например: *бел* ‘спина’, *мурын* ‘нос’, *аяқ* ‘нога’, *жал* ‘грива’, *мойын* ‘шея’, *төс* ‘грудь, грудинка’, *емшек* ‘женский орган – грудь’, *тұмсық* ‘клюв’. Данная лексика прослеживается в структуре топонимов: *Бесбел*, *Мурынтау*, *Аяқаяғтпа*, *Сарыжал*, *Мойынқұм*, *Төсбұлақ*, *Қыземшек*, *Құстұмсық*.

В этом ряду выделяется ороним *Сарыбел* с компонентом *бел*, который можно отнести к разряду макротопонимов. Данная крупная гряда возвышенностей находится в Навоийской области Узбекистана и имеет протяженность несколько десятков километров. Объект начинается от населенного пункта *Сиырқұдық*, далее пролегает до поселения *Нүрпейісқұдық*, где его называют *Үлкен Сарыбел* – ‘Большой Сарыбел’. Другой отрезок возвышенности, который тянется от фермы *Пахтакор* до колодца *Мұхаметжан* и далее до *Піреке*, называют *Кіші Сарыбел* – ‘Малый Сарыбел’. Использование одного термина *бел* для обозначения объектов Большой и Малый *Сарыбел* привело к возникновению парного названия макрообъекта.

Достаточно широко представленные в общeturкской топонимии Центральной Азии соматические термины рассеяны в различных в языковом отношении топонимических системах. К примеру, *Өркештам* – населенный пункт и название перевала в Киргизии, *Түлкібас* – в Южном Казахстане, *Түйемойын* – в Ташкентской области Узбекистана, *Түйебоғаз* – в Каракалпакии, однако в рассматриваемом регионе они характеризуются особой скупченностью.

Значительный пласт топонимии Кызылкумов составляют гидронимы, т.е. названия гидрографических объектов. В структуре этих имен наблюдаем соответствующие народные географические термины: *кудук* ‘колодец’, *булак* ‘родник’, *кол* ‘озеро’, *кариз* ‘подземный рукотворный источник’. Особого внимания заслуживает факт широкого распространения компонента *кудук* в структуре гидронимов. К примеру, в регионе насчитывается 316 водных объектов, названия которых образуются с народным географическим термином *кудук*. Поскольку колодцы в безводной пустыне были жизненно важны для обитателей такой территории, то около них появлялись населенные пункты. В этом случае название колодца подменяло имя населенного пункта, т.е. наблюдалась трансонимизация: гидроним → ойконим [15. С. 85].

Явление трансонимизации по указанному типу широко представлено в топонимии Узбекистана. Названия ряда водных источников трансформируются в имена населенных пунктов: Зерафшан (река) → Зерафшан (город), Ангрен (река) → Ангрен (город), Ахангаран (река) → Ахангаран (город), Чирчик (река) → Чирчик (город), Бозсу (канал) → Бозсу (нас. пункт), Сурхандарья (река) → Сурхандаринская область, Кашкадарья (река) → Кашкадаринская область, Сырдарья (река) → Сырдарья (город) и т.п.

В силу природных условий в изучаемом регионе возникла еще одна особенность номинации гидронимов. Сооружение источника воды в пустынной местности было жизненной необходимостью и становилось значимым событием. В связи с этим искусственные гидрографические объекты часто получали имя своего создателя. В итоге широкое распространение получили антропогидронимы, структурные части которых представлены в форме антропоним + гидронимический термин *құдық*: *Кенбай құдығы*, *Қалмұрат қазған*, *Сарбай қаздырған құдық*, *Сарбай қазған мұнара*, *Мұхамеджан құдығы*, *Бұзаубай құдығы*, *Мүсреп құдығы*, *Мунайлы құдығы* и т.п.

Однако отмечены и названия водных объектов, которые формируются под влиянием других факторов: *Атқұдық* букв. 'лошадиный колодец' (название колодца возникло в связи с наличием поблизости коневодческой фермы), *Бесқұдық* 'пять колодцев', *Талдықұдық* 'ивовый колодец', *Қызылқұдық* 'красный колодец', *Жаңа қазған құдық* 'вновь выкопанный колодец', *Қосқұдық* 'пара колодцев', *Жусантөбе құдығы* 'колодец на вершине Жусантөбе', *Өгізқұдық* 'воловий колодец', *Аққұдық* 'белый колодец', *Аяққұдық* 'колодец у подножия возвышенности', *Суірқұдық* 'коровий колодец', *Құлқұдық* 'колодец, выкопанный рабом', *Кариз* 'рукотворный подземный водный источник'.

Как видим, в Кызылкумах много водных объектов рукотворного происхождения и, соответственно, и их названий. В небольшом количестве встречаются также источники естественно-природного происхождения. К названиям указанной малочисленной группы относятся гидронимы *Құлқұдық бұлағы* 'родник поблизости от искусственного объекта', *Коккол* 'синее озеро', *Айдыنبұлақ* 'прозрачный родник', *Мыңбулақ* 'тысяча родников'.

Сложность физико-географических условий Кызылкумов, а именно недостаточность пресных водных источников, вынуждала местное население использовать даже солонатовую воду. Об этом свидетельствует довольно значительная группа названий с компонентом *ащы* – 'источник с солонатовой, соленой водой', т.е. здесь реализуется значение «непригодный к питью». Очевидно, что особенность физико-географических условий региона способствует распространению и частотности народного географического термина *ащы* в структуре целого ряда следующих гидронимов: *Бесащықұдық*, *Ащықұдық*, *Жылманащықұдық*, *Итащықұдық*, *Ащыбоза*, *Мүйтенбайащы*, *Қоспанащы құдығы*, *Сэдыращы құдығы*, *Сұлтанащы құдығы*, *Байназаращы құдығы*, *Ащы қамысты құдығы*, *Перімащы құдығы*, *Қосайащы құдығы*, *Амантайащы құдығы*, *Ащыбұлақ*, *Нысанбайащы*, *Нуржауащы*, *Алтыащы*, *Назарбекащы*, *Елемесащы*, *Құлшаращы*, *Жаманащы*, *Орынащы*, *Якудаащы*, *Нуриащы*, *Өзбекбайащы*, *Мұраталыащы*, *Аянащы*, *Атымбайащы*, *Әшірбекащы*, *Үшащы*, *Шарапащы*, *Байымбетащы*.

Особая потребность в воде вынуждала создателей топонимической системы обозначать даже малые и плохо приспособленные для питья источники. Это явление возникает в связи с необходимостью накопления информации об особенностях водных объектов в местах обитания. Данные важные сведения передавались из поколения в поколение. Свидетельством такой традиции является распространение географического термина *қақ* в структуре гидронимов: *Тайлаққақ*, *Құланқақ*, *Қызылқақ*, *Асауқақ*, *Бесқақ*, *Нұрмұратқақ*, *Қақата*, *Мектепқақ*, *Жұлдызқақ*, *Боқайқақ*, *Қаққыс*, *Убисқақ*, *Борқақ*, *Бұянқақ*.

Слово *қақ* отмечено в толковом словаре казахского языка: «Қақ существ. – 'источник воды, возникший в процессе оттаивания осадков и талых вод'» [14. Т. 2. С. 22]. Э.М. Мурзаев пишет: «Қақ – яма для сбора атмосферных вод – дождевых или талых снеговых (туркм.). Кирг. как – углубление», яма, где задерживается дождевая вода, «болотце в низине», алт. –

«суша», «твердый грунт», «сухая почва»; казах. «мелкое, маленькое, плоское озерко, как правило, пересыхающее»; ср. калм. хаг – «грязь»; халхаломг. хаг, хак – «солончак», «высохшее солончаковое болото», «солончаковая грязь» [16. С. 242]. В древнетюркском словаре также имеется пояснение этого слова: «qaq – «лужа», «стоячая вода» [17. С. 422].

Среди топонимов региона интерес представляют названия, образованные с участием числительных. В тюркских языках в состав топонимов часто входят числительные три, пять, семь, сорок, сто, тысяча, которые обладают дополнительным значением условного множества. Структура подобных топонимов представлена в форме: числительное + соответствующий топоформант. К примеру, *Мыңбұлақ* ‘тысяча родников’, *Мыңиұқыр* ‘тысяча впадин’, *Үшқұдық* ‘три колодца’ в Кызылкумах. В других близлежащих регионах встречаются топонимы: *Мыңарал* ‘тысяча островов’, *Мыңтөбе* ‘тысяча холмов’, *Жетысай* ‘семь саев’, *Жетысу* ‘семь рек’, *Қыркөпе* ‘сорок мазанок’, *Үштам* ‘три домика’, *Үштөбе* ‘три холма’ и т.п., которые возникли по указанному типу топообразования.

Следует обратить внимание на частое употребление в Кызылкумах числительного *бес* ‘пять’ в структуре онимов: *Бесапан* ‘пять углублений’ (отметим, что слово *апан* имеет также значение ‘логово волков’); *Бесқұдық* ‘пять колодцев’, *Бесағаш* ‘пять деревьев’, *Бесбел* ‘пять спин’ – здесь слово *спина* употребляется в метафорическом значении ‘продолговатая возвышенность’.

Интересно, что условное множество могут обозначать топонимы, в структуре которых нет числительного. В Кызылкумах встречается ороним *Тасорман*, где слово *орман* ‘лес’ в составе сложного имени передает значение ‘бесчисленное множество’, т.е. *Тасорман* буквально означает ‘каменный лес’.

Среди рассматриваемых онимов выделяется особая группа имен – это дромонимы. По мнению Н.В. Подольской, они именуют «любые пути сообщений: наземные, водные, подземные, воздушные» [18. С. 57]. Наличие в Кызылкумах караванных путей не вызывает вопросов, поскольку об их существовании известно с древности. Здесь эти дромонимы зачастую образуются при участии форманта *жол* ‘дорога, путь’. Примерами могут служить: *Кәріжол* ‘старая дорога’; *Сауранбайдың жолы* ‘дорога Сауранбая’; *Арба қалған жол* ‘дорога, на которой осталась арба’; *Жаужолы* ‘вражеская дорога’; *Маяжолы* ‘дорога верблюдицы’; *Қаиқынжолы* ‘дорога беженцев’; *Көмір төккен жол* ‘дорога, по краю которой было выкопано углубление и засыпано углем’ (в свое время таким способом отмечали межгосударственные и другие границы).

Следует особо упомянуть *Ұлы жібек жолы* ‘Великий шелковый путь’ (ВШП), который на протяжении многих веков служил трансконтинентальной связующей магистралью между рядом государств. Значительная часть ВШП пролегла по рассматриваемому региону. Маршрут проходил от Самарканда к Нурате и далее к Чардаре – реке Арысь – Фарабу (Отрару) – Яссы (Туркестану) и т.д.

Дромоним *Яссыкешу//Яссыкечув* (название брода в Кызылкумах, находящегося на этом отрезке ВШП) представляется очень интересным с точки зрения его происхождения. Он образуется вследствие сочетания народного географического термина *кешу//кечув* 'брод' и названия древнего города *Яссы*, поэтому целесообразным представляется рассмотрение структуры сложного имени *Яссыкушу//Яссыкечув*. О втором компоненте имени Э.М. Мурзаев в «Словаре народных географических терминов» пишет: «...термин *кешу//кечув* 'брод': *кечид* – 'брод', 'проход', 'перевал', 'переправа' (азерб.). Ср. алт. *кечу* – 'переправа', башк. *кисеу*, каз. *кешу*, кирг. *кечуу*, татар. *кичу*, тув. *кежиг* – 'брод', 'переправа', туркм. *гечид* – 'проход', 'переезд', 'переправа', узб. *кечик*, хакас. *кичиг* – 'переправа', 'брод', др.-тюрк. *кечиш* – 'переходить', 'переправа', 'мост' [16. С. 272]. Ниже Э.М. Мурзаев приводит и другие фонетические варианты: *кичу* – 'брод' (татар., башк.). Ср. хакас. *кичиг* – 'брод', 'проход', 'переправа', турец. *geşit* – 'брод', 'тропинка', 'ущелье', 'горный проход', 'перелет птиц'. Из турец. в болг. диал. *гечит* – 'брод', 'путь через труднопроходимое место' [16. С. 275]. Приведенные автором словаря значения термина *кешу* в различных языках 'перевал', 'переезд', 'мост', 'тропинка', 'ущелье', 'горный проход', 'перелет птиц', 'путь через труднопроходимое место' свидетельствуют о расширении его семантического поля.

О.Т. Молчанова в работе «Топонимический словарь Горного Алтая» отмечает реку Ат-Кечу на Алтае и населенные пункты Ак-Кежиг и Дашттыг-Кежиг в Туве и придерживается более конкретного значения термина «*кечу* – 'переправа, брод'; др.-тюрк. *кечуг* – 'брод, переправа' [19. С. 219].

Далее необходимо подробно рассмотреть первый компонент дромонима *Яссыкешу//Яссыкечув*, а именно этимологию названия *Яссы*, широко представленного на территории Евразии. Полисоним *Яссы* (современный город Туркестан, Казахстан) возник в древности. Проблема происхождения имени до настоящего времени не нашла однозначного решения. Однако имеются объективные основания утверждать, что название возникло в процессе трансонимизации от этнического термина *аз//ас*. Доказательством такого предположения служит закономерность типологической универсалии в этнонимии, которую впервые обозначил Н.Я. Марр [20. С. 219]. Он считал, что племенные названия как таковые, и простые, и составные, являлись непосредственно словами, означавшими понятие 'человек', т.е. конкретный человек, член определенного племени. Вывод ученого основан на наблюдении распространенного этнического форманта *-ен* в значении 'человек'. Явление типологической универсалии в этнонимии отметили известные советские этнографы Д.Е. Еремеев, [21. С. 133], Г.Г. Стратанович [22. С. 54], Я.В. Чеснов [23. С. 48]. М.В. Крюков предложил решение проблемы исторической типологии этнических самоназваний в связи с «этническим самосознанием», и ему удалось сформулировать это явление как закономерность [24. С. 7]. Однако не были описаны все формы ее проявления и не находил ре-

шения важный вопрос, а именно материальное языковое выражение семантики этнонимов ‘человек’, ‘люди’. Предпринятое исследование названной проблемы позволило более полноценно описать явление типологической универсалии в этнонимии, выявить ряд форм проявления данной закономерности, определить материальное языковое выражение семантики этнонимов ‘человек’, ‘люди’. Значимым достижением является установление ряда закономерностей номинации этнических имен [25. С. 40–68].

Определение языковых фактов, несущих универсальную семантику ‘человек’, стало бы завершающим звеном в процессе поиска научной этимологии этнонимов с затемненной этимологией и утерянной семантикой. В процессе рассмотрения онимов со значением ‘человек’ нам удалось выявить этническое имя *аз//ас* с указанной семантикой и установить соответствующее языковое материальное выражение семантики, помимо отмеченного Н.Я. Марром форманта *ен*, т.е. *аз//ас* наряду с *ен* обладает типологически универсальной семантикой ‘человек’ и является языковым выражением данного значения.

М.М. Маковский отметил значения имени *аз//ас*: ‘высший человек’, ‘бог’ [26. С. 56]. В древнетюркских памятниках письменности зафиксировано расширение основной семантики рассматриваемого онима и появление таких значений, как ‘высший человек’, ‘муж’, ‘воин’, ‘герой’. Эти факты свидетельствуют в пользу обоснованности нашего предположения о том, что *аз//ас* является этнонимом, который обладает типологически универсальной семантикой ‘человек’, ‘высший человек’, тем самым выступает в качестве материального языкового выражения указанного значения. Развитие языка предопределило расширение основной типологически универсальной семантики этнонима *аз//ас* ‘человек’, ‘люди’. В результате появляются варианты: ‘высший человек’, ‘бог’, ‘божество’, ‘воин’, ‘муж’, ‘мужчина’, ‘хозяин’, ‘хозяин огня’, ‘господин’.

В древнетюркском словаре и древнетюркских письменных памятниках слово *аз* зафиксировано как этноним: «азы, азский народ» [17. С. 72]. В письменном памятнике в честь Куль-тегина есть такие строки: «Чтобы (эта) страна <...> находящаяся во власти наших предков, не была <...> без правителя, мы устроили народ Азов» [27. С. 40]. В этом же памятнике в аналогичном контексте, где говорится о приведении стран и земель «в порядок», читаем о «народе Аз-Киргизов». И далее в описании сражений наименование народа *аз* встречается несколько раз: «Азов я прогнал назад»; «(Тогда) народ Азов стал нам врагом... Там народ Азов был истреблен»; «Кюль-Тегин сел верхом на бурого коня Азов (взятого им у Азов)» [27. С. 51, 52].

В памятнике Тоньюкука при описании похода на киргизов также содержатся сведения об этнической группе *азов*: «Когда я услышал, что дорога на Кёгман (только) одна и она завалена (снегом), я сказал: не годится, если идти этим путем... Я искал знатока той местности и нашел человека из степных азов» [27. С. 119]. Среди прочих переводов орхонских надписей имеется интересное переложение данного памятника ритмизированной прозой, где в цитируемом фрагменте возникают определенные коннотации:

125. ...я искал проводника

126. [и] нашел мужа (воина) из степных азов.

127. «Я сам, моя земля азов» [27. С. 163].

Отрывок из вышеприведенного источника «[и] нашел мужа [воина] из степных азов» представляет особую ценность, поскольку выражение «нашел мужа» в значении 'воина' свидетельствует о появлении синонимического ряда рассматриваемого этнического имени *аз* 'человек', т.е. возникают варианты 'высший человек', 'муж', 'воин', 'герой' и т.п. Кроме того, сочетание «степные азы» предполагает существование и горных азов.

Таким образом, *аз//ас* в качестве этнического термина встречается в древнетюркском языке с глубокой древности. Интенсивные контакты народов Евразийского континента издавна способствовали проникновению данного этнического термина в индоевропейские и другие языки в значении «высший», «высший человек» уже в качестве теонима. Об этом свидетельствуют выводы М.М. Маковского, который выделяет «гетероморфный узел» древних лексем, т.е. сочетания гласного с согласным *ас* в значении 'высший', в частности указывает на значение «др.-семитское *ass* 'божество'» [26. С. 56]. По мнению ученого, «слово-символ» *ас* представляет сакральную формулу, выступая в разносистемных языках как теоним, и это закономерно, так как на определенной стадии развития человеческой цивилизации под влиянием явления антропоморфизма бог подразумевался в качестве «высшего человека».

Материалы энциклопедического издания «Мифы народов мира» служат подтверждением обоснованности указанного тезиса и наших построений: «Аза – в мифологии ингушей и чеченцев богиня, дочь Солнца, покровительница всего живого» [28. Т. 1. С. 41]; «Асс – в мифологии лакцев божество грома и молнии» [28. Т. 1. С. 96]; «Асы – в скандинавской мифологии основная группа богов, возглавляемая Одинем (отцом большинства асов). <...> Включение слова «асы» в собственные имена у различных германских племен и упоминание Иорданом культа асов у готов свидетельствует об общегерманском распространении представления об асах до принятия германцами христианства. В ряде средневековых источников (в «Прологе» к «Младшей Эдде», в «Саге об Инглингах») рассказывается о происхождении асов из Азии» [28. Т. 1. С. 99]. Данный процесс еще с древности имел место в силу активных культурных и языковых контактов различных народов в результате этнографического взаимообмена, взаимопроникновения и заимствования лексических единиц.

Как видим, под влиянием экстралингвистических факторов осуществляется процесс трансонимизации, прослеживается перенос этноним → топоним или этноним → теоним, т.е. этническое имя *аз//ас* преобразовывается в теоним или же в этнотопоним. Также наблюдается трансформация этнического термина в этноморфему *-аз//ас*. Анализ теонимов, этнотопонимов, в том числе и этноморфемы *-аз//ас* в разносистемных языках, показывает, что в этих случаях универсальная семантика 'человек', 'люди', 'высший человек', 'бог' не теряется.

Таким образом, древнетюркские письменные памятники свидетельствуют, что рассматриваемое нами название этнической группы *аз//ас* было именем крупного этнического объединения, которое испокон веков обитало на территории Центральной Азии, поэтому с наибольшей вероятностью можно говорить о тюркском происхождении этнонима *аз//ас*.

Как было отмечено выше, наблюдается трансформация этнического имени *аз//ас* в этноморфему *-аз//ас*, которая функционирует в качестве ядерного компонента в составе древних казахских патронимов, генонимов, этнонимов: *Тотас, Шуаш (Шуас), Қоралас, Бұйдас, Жаныс (Жанас), Мырзатаз, Андас, Қуяс, Айбас, Қаржас, Ақтас, Қожас, Құдас, Саббас, Тиес, Андас, Отырас, Қараманас, Қарақас, Тоқас, Саббас, Саббас, Қаз, Құдас, Бұғаз, Жаппас, Қояс, Құлтас, Жарас, Қожас, Борас, Қуяс, Арас, Сарбас, Боқас, Қожас, Тоғас, Таз*.

Отдельную группу составляют этнические имена, в составе которых этноморфема *-аз//ас* представлена в начале или в середине слова: *Азай//Асай, Аспан, Асан, Сасай, Сасбоқа*. Этноморфема *-аз//ас* в фонетических вариантах встречается в структуре этнонимов, упоминаемых в древних памятниках письменности. Это *Қоралас//Хорулас, Чиназ//Шынас, Икирас*, а также *Талос, Телес, Тардуш*.

В плане наших построений и аргументации выдвинутых положений с лингвистической точки зрения представляет интерес наличие в казахском языке прилагательного *аз*. В толковом словаре казахского языка отмечено, что: «*аз* выступает в значениях ‘уважаемый’, ‘почитаемый’, ‘заслуженный человек’» [14. Т. 1. С. 67]. Исходя из контекста, когда читаем сочетания *Әз Жанибек, Әз Тәуке, Әз Тәңірі* в казахском языке, наблюдаем употребление исконного значения прилагательного *аз* ‘высший’, которое со временем обретает синонимический ряд: ‘уважаемый’, ‘почитаемый’, ‘заслуженный человек’. По нашему мнению, такой процесс согласуется с вышеприведенным замечанием М. Маковского, который констатирует значение ‘высший’ применительно к имени *аз//ас*. Поэтому можно утверждать, что *аз* – продукт адъективации, когда имя собственное, точнее, этническое имя *аз//ас*, преобразуется в прилагательное в фонетическом варианте *аз*.

Однако под влиянием арабской экспансии и исламской культуры родилось и продолжает существовать ошибочное мнение об арабском происхождении прилагательного *аз* [14. Т. 1. С. 67]. Исторические сведения свидетельствуют о происхождении лексемы *аз//аз* в значении ‘высший человек’ в ранний период, однозначно еще до проникновения ислама в Центральную Азию. В казахском языке слово *аз* ‘высший’ в форме эпитета обрело значения: ‘уважаемый’, ‘заслуженный’, ‘великий’, ‘мудрый’, ‘предсказующий’. Как видим, процесс адъективации имени существительного *аз//ас* связан с традицией казахского народа присваивать заслуженным людям, общественным и государственным деятелям данный эпитет-титул. Об этом писал Ч. Валиханов: «По преданиям известно, что Жанибек был государь мудрый [аз], вот отчего киргизы называют его не иначе, как с эпитетом Аз [Жанибек]

[29. Т. 2. С. 160, 161]. Следует отметить, что в казахском именнике встречается личное имя *Азберген* ‘мудроданный’.

Заслуживает внимания *Әз Тәңрі (Аз Тенгри)* ‘великое небо’. С одной стороны, оно является несомненным свидетельством тюркского происхождения эпитета и теонима, с другой – указывает на доисламский период появления семантики сочетания: ‘высший человек’, далее ‘высокое, высшее Тенгри’. Следовательно, мы располагаем доказательством исконно тюркского происхождения прилагательного, что исключает вариант арабских корней слова *аз*.

Таким образом, древние письменные памятники свидетельствуют, что этническое название *аз//ас* имеет тюркское происхождение и этноним обладает универсальным значением ‘человек’. В данном случае исключительно важным представляется редкий факт полного соответствия содержания и формы, т.е. типологически универсальное содержание ‘человек’ этнического имени *аз//ас* находит свое материальное языковое воплощение в форме *аз//ас*.

В работах целого ряда известных исследователей отмечается широкое распространение этнического термина *аз//ас* в Центральной Азии и Сибири уже в качестве этнотопонима. Б.Х. Кармышева констатирует факт расселения *ас* на территории Узбекистана [30. С. 19]. Р.Г. Кузеев пишет: «Этноним *ас* закреплён в топонимии Узбекистана, в особенности Хорезма <...> а также на обширной территории от Алтая до Урала» [31. С. 120]. По мнению Л.С. Толстой, этноним *ас* тождествен этнониму *алан*: «К названию асов, т.е. тех же аланов, восходит родовой этноним асс (род узбекского племени кипчак в Хорезме) и целый ряд фиксируемых там же топонимов (*Асс-Хорезм*, *Шах-абад*; *Ишбай-ас-Хорезм*, *Ново-Ургенч*; *Ас*, *Хусин-ас-Хорезм*, *Янги-арык*)» [32. С. 6]. В.В. Бартольд особо подчеркивает этническое значение термина *аз* и отмечает наличие азов в Сибири: «Возможно, что «енисейские остяки», подобно самоядам, занимали некогда гораздо более обширную территорию, чем теперь, и что к этому племени принадлежали *Азы* орхонских надписей» [33. С. 26]. В.А. Никонов отметил, что *ясы* происходит от имени *алан* [34. С. 494].

Очевидно, что племенное объединение *азов* стало важной составляющей многих современных тюркских народов, оставив заметный след в топонимике. Об этом свидетельствуют «Списки населенных мест Узбекской ССР и Таджикской АССР» [35]. Здесь зафиксированы названия кишлаков *Ас-тепе*, *Асау*, *Ас-Бай*, *Асланбай*, *Асбия*, *Ас* и др. Следует отметить, что в процессе трансонимизации этноним *аз//ас* преобразуется в топоним (полисоним), поэтому наблюдается широкое распространение данного этнического термина в составе этнотопонимов.

Анализ собранного материала позволяет сделать заключение, что установлено тюркское происхождение этнического имени *аз//ас* и определено исконное значение ‘высший человек’, представленного в топонимии евразийского пространства. Кроме того, рассмотрение первой части сложного имени, т.е. дромонима *Яссыкешу//Яссыкечув*, дало возможность предложить обоснованную версию этимологии полисонима *Яссы*.

Обобщая вышеизложенные соображения, обозначим следующие результаты проведенного этимологического анализа этнического имени *аз//ас*: 1) полисоним *Яссы* возникает в процессе трансонимизации от этнического термина *аз*; 2) этнический термин *аз* тюркского происхождения обладает типологически универсальным значением ‘человек’; 3) установлено, что этнический термин *аз//ас* в процессе трансонимизации выступает в качестве теонимов и этнотопонимов; 4) этнический термин с развитием языка выступает в качестве корневой этноморфемы *-аз//ас*; 5) этноморфема *-аз//ас* в силу интенсивных языковых контактов на пространстве Евразии обретает статус общезыковой морфемы; 6) этническое имя *аз//ас* является материальным языковым выражением типологически универсальной семантики ‘человек’, ‘люди’; 7) предложена объективно обоснованная версия этимологии полисонима *Яссы*; 8) фонетический вариант *аз* этнического имени *аз//ас* в процессе адъективации обретает значения ‘настоящий, истинный’.

Выводы

1. Установлено широкое употребление народных географических терминов в структуре топонимов Кызылкумского региона.

2. Использование в структуре топонимов изучаемого региона народных географических терминов было обусловлено необходимостью точного обозначения и красочного описания физико-географических особенностей ландшафта.

3. Народные географические термины являются неисчерпаемым источником образования новых топонимов, что подтверждается наличием терминов *құм* ‘песок’, *тау* ‘гора’, *төбе* ‘холм’ в структуре оронимов; *бұлақ* ‘родник’, *көл* ‘озеро’, *құдық* ‘колодец’ в составе гидронимов и т.п.

4. В структуре топонимов изучаемого региона наблюдаются сакральные числительные, обладающие значением неопределенного множества.

5. Выявлены и описаны народные географические термины: а) *ащы* ‘соленый, солоноватый’ в значении «непригодный к питью, водный источник»; б) *кесік* в значении «объект с обрезанными, остро оформленными краями».

6. Продуктивность топообразовательной модели с использованием общeturкских народных географических терминов стала одной из характерных примет топонимической системы Кызылкумов.

7. В процессе исследования топонимии региона найдено решение двух взаимосвязанных задач: определена научная этимология и выявлена исконная семантика отдельных общeturкских этнонимов, этнотопонимов с утерянной историей происхождения и затемненной семантикой.

Список сокращений

азер. – азербайджанский; алт. – алтайский; башк. – башкирский; тат. – татарский; болг. – болгарский; тув. – тувинский; др.-тюрк. – древнетюркский; турец. – турецкий; каз. – казахский; турк. – туркменский; кирг. – киргизский; узб. – узбекский; ногайск. – ногайский; хакас. – хакасский

Список источников

1. Югай Р.Л. История развития географических и картографических представлений о пустыне Кызылкум (с древнейших времен до середины XIX в.) : автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Ташкент, 1964. 21 с.
2. Нафасов Т. Топонимы Кашкадарьинской области : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1968. 30 с.
3. Нафасов Т. Толковый словарь топонимов Узбекистана (южные районы Узбекистана). Ташкент : Узбекистан, 1988. 288 с.
4. Каримова Л. Топонимы в североузбекских говорах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1972. 29 с.
5. Хужамбердиев Я. Историко-этимологическое исследование топонимики Сурхандарьинской области Узбекской ССР : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1973. 26 с.
6. Хуррамов К. Узбекские географические термины, обозначающие рельеф Южного Узбекистана : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1981. 25 с.
7. Найимов С.Н. Ойконимы Бухарской области : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1984. 23 с.
8. Камолитдин Ш.С. Древнетюркская топонимия Средней Азии / отв. ред. М. Исохов. Ташкент : Шарк, 2006. 192 с.
9. Суперанская А.В. Групповые обозначения людей в лексической системе языка // Имя нарицательное и собственное: сб. ст. / отв. ред. А.В. Суперанская. М., 1978. С. 59–83.
10. Мурзаев Э.М. Монгольская Народная Республика: Физико-географическое описание / отв. ред. А.А. Григорьев. 2-е изд., доп. М. : Географгиз, 1952. 472 с.
11. Казакевич В.А. Современная монгольская топонимика. Л. : Изд-во АН СССР, 1934. 30 с.
12. Географический энциклопедический словарь: Географические названия / гл. ред. А.Ф. Трёшников. 2-е изд., доп. М. : Сов. энц., 1989. 592 с.
13. Никонов В.А. Введение в топонимику. 2-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2011. 184 с.
14. Толковый словарь казахского языка: в 2 т. Т. 1: А–К / под общ. ред. С.К. Кенесбаева. Алма-Ата : Изд-во АН КазССР, 1959. 337 с.
15. Мынбаев Н. Этнос и этноним. Saarbrücken : Lap Lambert Academic Publishing, 2016. 180 с.
16. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов / ред. Н.А. Рожкова. М. : Мысль, 1984. 653 с.
17. Древнетюркский словарь / ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л. : Наука, Ленинградское отделение. 1969. 677 с.
18. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. А.В. Суперанская. М. : Наука, 1988. 192 с.
19. Молчанова О. Т. Топонимический словарь Горного Алтая / под ред. А.Т. Тыбыковой. Горно-Алтайск : Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1979. 400 с.
20. Марр Н.Я. Избранные работы: Этно- и глоттогония Восточной Европы / отв. ред. Ф.В. Кипарисов. М. ; Л. : Соцэкгиз, 1935. Т. 5. 689 с.

21. Еремеев Д.Е. К семантике тюркской этнонимии // *Этнонимы* : сб. статей / отв. ред. В.А. Никонов. М. : Наука (Главная редакция восточной литературы), 1970. С. 133–142.
22. Стратанович Г.Г. Проблема «скользящих этнонимов» // *Этнонимы* : сб. статей / отв. ред. В.А. Никонов. М. : Наука (Главная редакция восточной литературы), 1970. С. 51–60.
23. Чеснов Я.В. О социальной мотивированности древних этнонимов // *Этнонимы* : сб. ст. / отв. ред. В.А. Никонов. М. : Наука (Главная редакция восточной литературы), 1970. С. 46–50.
24. Крюков М.В. «Люди», «настоящие люди» (к проблеме исторической типологии этнических самоназваний) // *Этническая ономастика* / отв. ред. Р.Ш. Джарылгасинова, В.А. Никонов М., 1984. С. 6–12.
25. Мынбаев Н. Закономерности номинации и инновационная методика этимологического анализа этнических имен / отв. ред. К. Рысбергенова. Шымкент : Кызмет баспасы, 2021. 144 с.
26. Маковский М.М. Семиотика языческих культур (мифопоэтические этюды) // *Вопросы языкознания*. 2002. № 6. С. 55–81.
27. Радлов В.В., Мелиоранский П.М. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме. Санкт-Петербург, 1897 // *Орхонские надписи*: Кюль-Тегин. Бильге-каган. Тоньюкук / ред. А. Аманжолов. Семей, 2021. 253 с.
28. Мифы народов мира : энцикл. : в 2 т. 2-е изд. / гл. ред. С.А. Токарев. М. : Сов. энцикл., 1987. Т. 1: А–К. 671 с.
29. Валиханов Ч.Ч. Киргизское родословие // *Собр. соч.* : в 5 т. / сост. В.Я. Басин; науч. ред. А.Г. Поздеев. Алма-Ата, 1985. Т. 2. С. 148–166.
30. Кармышева Б.Х. Следы средневековых этнонимов и антропонимов в узбекских генеалогиях (ас, кышлык, урус) // *Ономастика Средней Азии* / отв. ред. В.А. Никонов, А.М. Решетов. М., 1978. С. 28–37.
31. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения / отв. ред. Т.А. Жданко. М. : Наука, 1974. 576 с.
32. Толстова Л.С. Отголоски ранних этапов этногенеза народов Средней Азии в ее исторической ономастике // *Ономастика Средней Азии* / ответ. ред. В.А. Никонов, А.М. Решетов. М., 1978. С. 6–17.
33. Бартольд В.В. Тюрки: Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии / ред. Р. Соболева. Алматы : Жалын, 1993. 192 с.
34. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь / ред. Е.И. Белёв. М. : Мысль (Главная редакция географической литературы), 1966. 509 с.
35. Список населенных мест Узбекской ССР и Таджикской АССР / СССР. Центр стат. упр. Узбекистана. Отд. демогр. статистики. Самарканд : ЦСУ Узбекистана, 1925–1926. Вып. 2–8.

References

1. Yugay, R.L. (1964) *Istoriya razvitiya geograficheskikh i kartograficheskikh predstavleniy o pustyne Kyzylkum (s drevneyshikh vremen do serediny XIX v.)* [History of the development of geographical and cartographic ideas about the Kyzylkum desert (from ancient times to the middle of the 19th century)]. Abstract of Geography Cand. Diss. Tashkent.
2. Nafasov, T. (1968) *Toponimy Kashkadar'inskoy oblasti* [Toponyms of the Kashkadarya region]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tashkent.
3. Nafasov, T. (1988) *Tolkovyy slovar' toponimov Uzbekistana (yuzhnye rayony Uzbekistana)* [Explanatory Dictionary of Toponyms of Uzbekistan (Southern regions of Uzbekistan)]. Tashkent: Uzbekistan.
4. Karimova, L. (1972) *Toponimy v severouzbekskikh govorakh* [Toponyms in North Uzbek dialects]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tashkent.

5. Khuzhamberdiev, Ya. (1973) *Istoriko-etimologicheskoe issledovanie toponimiki Surkhandar'inskoy oblasti Uzbekskoy SSR* [Historical and etymological study of toponymy of the Surkhandarya region of the Uzbek SSR]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tashkent.
6. Khurramov, K. (1981) *Uzbekskie geograficheskie terminy, oboznachayushchie rel'ef Yuzhnogo Uzbekistana* [Uzbek geographical terms denoting the relief of Southern Uzbekistan]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tashkent.
7. Nayimov, S.N. (1984) *Oykonimy Bukharskoy oblasti* [Oikonyms of the Bukhara region]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tashkent.
8. Kamoliddin, Sh.S. (2006) *Drevnetyurkskaya toponimiya Sredney Azii* [Ancient Turkic Toponymy of Central Asia]. Tashkent: Shark.
9. Superanskaya, A.V. (1978) Gruppye oboznacheniya lyudey v leksicheskoy sisteme yazyka [Group designations of people in the lexical system of language]. In: Superanskaya, A.V. (ed.) *Imya naritsatel'noe i sobstvennoe* [Common and Proper Nouns]. Moscow: Nauka. pp. 59–83.
10. Murzaev, E.M. (1952) *Mongol'skaya Narodnaya Respublika: Fiziko-geograficheskoe opisanie* [Mongolian People's Republic: Physical and geographical description]. 2nd ed. Moscow: Geografiz.
11. Kazakevich, V.A. (1934) *Sovremennaya mongol'skaya toponimika* [Modern Mongolian Toponymy]. Leningrad: USSR AS.
12. Treshnikov, A.F. (ed.) (1989) *Geograficheskiy entsiklopedicheskiy slovar': Geograficheskie nazvaniya* [Geographical Encyclopedic Dictionary: Geographical names]. 2nd ed. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
13. Nikonov, V.A. (2011) *Vvedenie v toponimiku* [Introduction to Toponymy]. 2nd ed. Moscow: Izd-vo LKI.
14. Kenesbaev, S.K. (ed.) (1959) *Tolkovyy slovar' kazakhskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Kazakh Language]. Vol. 1. Alma-Ata: Kazakh SSR AS.
15. Mynbaev, N. (2016) *Etnos i etnonim* [Ethnicity and Ethnonym]. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing.
16. Murzaev, E.M. (1984) *Slovar' narodnykh geograficheskikh terminov* [Dictionary of Folk Geographical Terms]. Moscow: Mysl'.
17. Nadelyaev, V.M. et al. (eds) (1969) *Drevnetyurkskiy slovar'* [Ancient Turkic Dictionary]. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie.
18. Podol'skaya, N.V. (1988) *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. 2nd ed. Moscow: Nauka.
19. Molchanova, O.T. (1979) *Toponimicheskiy slovar' Gornogo Altaya* [Toponymic Dictionary of the Altai Mountains]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskoe otdelenie Altayskogo knizhnogo izdatel'stva.
20. Marr, N.Ya. (1935) *Izbrannye raboty. Etno- i glottogoniya Vostochnoy Evropy* [Selected Works. Ethno- and glottogony of Eastern Europe]. Vol. 5. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo (GSEI).
21. Eremeev, D.E. (1970) K semantike tyurkskoy etnonimii [On the semantics of Turkic ethnonyms]. In: Nikonov, V.A. (ed.) *Etnonimy* [Ethnonyms]. Moscow: Nauka (Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury). pp. 133–142.
22. Stratanovich, G.G. (1970) Problema “skol'zyashchikh etnonimov” [The problem of “sliding ethnonyms”]. In: Nikonov, V.A. (ed.) *Etnonimy* [Ethnonyms]. Moscow: Nauka (Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury). pp. 51–60.
23. Chesnov, Ya.V. (1970) O sotsial'noy motivirovannosti drevnikh etnonimov [On the social motivation of ancient ethnonyms]. In: Nikonov, V.A. (ed.) *Etnonimy* [Ethnonyms]. Moscow: Nauka (Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury). pp. 46–50.
24. Kryukov, M.V. (1984) “Lyudi”, “nastoyashchie lyudi” (k probleme istoricheskoy tipologii etnicheskikh samonazvaniy) [“People”, “real people” (to the problem of historical

typology of ethnic self-names)]. In: Dzharlygasinova, R.Sh. & Nikonov, V.A. (eds) *Etnicheskaya onomastika* [Ethnic Onomastics]. Moscow: Nauka. pp. 6–12.

25. Mynbaev, N. (2021) *Zakonomernosti nominatsii i innovatsionnaya metodika etimologicheskogo analiza etnicheskikh imen* [Patterns of Nomination and Innovative Methods of Etymological Analysis of Ethnic Names]. Shymkent: Kyzmet baspasy.

26. Makovskiy, M.M. (2002) *Semiotika yazycheskikh kul'tur* (mifopoeticheskie etyudy) [Semiotics of pagan cultures (mythopoetic studies)]. *Voprosy yazykoznaniya*. 6. pp. 55–81.

27. Radlov, V.V. & Melioranskiy, P.M. (2021) *Drevnetyurkskie pamyatniki v Kosho-Tsaydame*. Sankt-Peterburg, 1897 [Ancient Turkic monuments in Kosho-Tsaidam. St. Petersburg, 1897]. In: Amanzholov, A. (ed.) *Orkhonskie nadpisi: Kyul'-Tegin. Bil'ge-kagan. Ton'yukuk* [Orkhon Inscriptions: Kul'-Tegin. Bilge Kagan. Tonyukuk]. Semey: Mezhdunarodnyy klub Abaya.

28. Tokarev, S.A. (ed.) (1987) *Mify narodov mira. Entsiklopediya* [Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia]. Vol. 1. 2nd ed. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

29. Valikhanov, Ch.Ch. (1985) *Kirgizskoe rodoslovie. Sobranie sochineniy* [Kyrgyz Genealogy. Collected works]. Vol. 2. Alma-Ata: Glav. redaktsiya Kazakhskoy sovetskoy entsiklopedii. pp. 148–166.

30. Karmysheva, B.Kh. (1978) *Sledy srednevekovykh etnonimov i antroponimov v uzbekskikh genealogiyakh* (as, kyshlyk, urus) [Traces of medieval ethnonyms and anthronyms in Uzbek genealogies (as, kyshlyk, urus)]. In: Nikonov, V.A. & Reshetov, A.M. (eds) *Onomastika Sredney Azii* [Onomastics of Central Asia]. Moscow: Nauka (Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury). pp. 28–37.

31. Kuzeev, R.G. (1974) *Proiskhozhdenie bashkirskogo naroda. Etnicheskiy sostav, istoriya rasseleniya* [Origin of the Bashkir People. Ethnic composition, settlement history]. Moscow: Nauka.

32. Tolstova, L.S. (1978) *Otgosloski rannikh etapov etnogeneza narodov Sredney Azii v ee istoricheskoy onomastike* [Echoes of the early stages of the ethnogenesis of the peoples of Central Asia in its historical onomastics]. In: Nikonov, V.A. & Reshetov, A.M. (eds) *Onomastika Sredney Azii* [Onomastics of Central Asia]. Moscow: Nauka (Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury). pp. 6–17.

33. Bartol'd, V.V. (1993) *Tyurki: Dvenadtsat' lektsiy po istorii turetskikh narodov Sredney Azii* [Turks: Twelve lectures on the history of the Turkish peoples of Central Asia]. Almaty: Zhalyln.

34. Nikonov, V.A. (1966) *Kratkiy toponimicheskii slovar'* [Brief Toponymic Dictionary]. Moscow: Mysl' (Glavnaya redaktsiya geograficheskoy literatury).

35. Tsentral'noe Statisticheskoe Upravlenie Uzbekistana [Central Statistical Office of Uzbekistan]. (1925–1926) *Spisok naselennykh mest Uzbekskoy SSR i Tadzhikskoy ASSR / SSSR* [List of Populated Places in the Uzbek SSR and Tajik ASSR / USSR]. Vols 2–8. Samarkand: TsSU Uzbekistana.

Информация об авторах:

Мингбаев Н.Ж. – д-р филол. наук, руководитель научного центра «Тюркология» Южно-Казахстанского университета им. М. Ауэзова (Шымкент, Казахстан). E-mail: annurtas@mail.ru

Авдонин В.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры «Языки и литература» университета им. Ж. Ташенова (Шымкент, Казахстан). E-mail: vld-55@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.Zh. Mingbaev, Dr. Sci. (Philology), head of the Turkology research centre, South Kazakhstan University (Shymkent, Kazakhstan). E-mail: annurtas@mail.ru

V.V. Avdonin, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Tashenev University (Shymkent, Kazakhstan). E-mail: vld-55@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.07.2022;
одобрена после рецензирования 06.06.2023; принята к публикации 7.03.2024.*

*The article was submitted 11.07.2022;
approved after reviewing 06.06.2023; accepted for publication 7.03.2024.*

Научная статья
УДК 811.161.1'373.6
doi: 10.17223/19986645/87/5

Императивные конструкции в «Уставе ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки»

Дмитрий Владимирович Руднев^{1,2}

¹ *Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия*

² *Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия*
^{1,2} rudnevd@mail.ru

Аннотация. Описаны типы императивных конструкций в «Уставе ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки», при помощи которых происходит инструктирование адресата. Выявляются продуктивность императивных конструкций, особенности семантики и употребления. Анализируется корреляция между русскими императивными конструкциями и немецкими конструкциями текста-источника. Сделан вывод о частичном соответствии инструктивных моделей в русском и немецком текстах.

Ключевые слова: история русского языка, XVII век, немецкий язык, Фронспергер, перевод, инструкция, императивность, модальная лексика

Источник финансирования: статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФ 23-28-00776 «Язык русских военных уставов XVII века».

Для цитирования: Руднев Д.В. Императивные конструкции в «Уставе ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 87. С. 91–109. doi: 10.17223/19986645/87/5

Original article
doi: 10.17223/19986645/87/5

Imperative constructions in the Charter of Military, Cannon and Other Matters Relating to Military Science

Dmitriy V. Rudnev^{1,2}

¹ *Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation*

² *St Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation*
^{1,2} rudnevd@mail.ru

Abstract. The Charter of Military, Cannon and Other Matters Relating to Military Science, compiled in the first quarter of the 17th century by Anisim Radishevsky, a master of the Moscow Print Yard, was a scientific and educational text that contained information about the organization of the army, the construction, defense and siege of

military camps and fortifications, the construction and use of artillery, the manufacture and use of explosives, and other information related to military science. The text was based on a selective translation of the second volume of Leonahrd Fronsperger's military treatise "Kriegsbuch" (1573). The translator of the German text was faced with the task, firstly, of adequately transferring German (and, more broadly, European) scientific and military terminology into Russian, and, secondly, of selecting imperative constructions, with the help of which the addressee was instructed. The article studies the ways of translating German imperative constructions into Russian, with the help of which the reader was instructed. In the course of the analysis, productive instructive models were identified (the imperative, the independent infinitive and the verb *dovestis'* + the infinitive) and rarer ones: the verb *podobat'*, lexemes with the root -*nadob-* (*nadobet'*, *nadobe*, etc.), lexemes with the root -*god-* (*godit'sya*, *zgodit'sya*, *prigodit'sya*, *goden*, *gozhe*, etc.), modal words *dobro*, *dolzhen*, *dolzhenno*, *dovlet'*, *dostoyat'*, *slushno*, etc. in combination with the infinitive of the prescribed action. Comparison of instructive models in Russian and German texts made it possible to conclude that there is a partial correspondence between them. The imperative in the Russian text almost always corresponds to the imperative in the source text, the verbs *dovestis'*, *podobat'* usually correspond to the German *sollen*; the words with the root -*nadob-* and the adverb *slushno* are most often used to translate *gehören*, *gehörig*; the words with the root -*god-* often appear in place of the German *vonnöten*, the verb *dostoyat'* in place of *gebühren*. However, the revealed correlation is not rigid. When translating the German verb *müssen*, the modal words *dovestis'*, words with the root -*nadob-*, the adverb *dolzhenno*, the verb *dovlet'*, etc. were used. The absence of a distinct correlation is clearly manifested when using the infinitive, which corresponds to the German constructions with the verbs *sollen*, *müssen*; when translating the infinitive, imperative and other models. On the whole, it can be concluded that the translator, whenever possible, tried to convey various German imperative models into Russian in different ways, using a variety of modal vocabulary.

Keywords: history of Russian, 17th century, German, Fronsperger, translation, instruction, imperativeness, modal modifier

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00776.

For citation: Rudnev, D.V. (2024) Imperative constructions in the Charter of Military, Cannon and Other Matters Relating to Military Science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 87. pp. 91–109. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/87/5

Введение

«Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» (далее – Устав) был создан в первой четверти XVII в., в основе текста лежал перевод второго тома военного трактата Л. Фронспергера «Kriegsbuch» (Frankfurt am Main, 1573 г.). Хотя трехтомный трактат Фронспергера имел компилятивный характер, изобилдовал повторами и порой неуклюжими речевыми оборотами, это не помешало ему стать самым популярным военным трактатом второй половины XVI в.: он был переиздан в 1578 и 1596 гг. Изложенные в трактате сведения отличались точностью и сопровождались многочисленными иллюстрациями (496 ксилографий и 25 гравюр на меди), выполненными выдающимся рисовальщиком и гравером Иостом Амманом.

Текст Устава (под названием «Воинская книга о всякой стрельбе и огненных хитростях») был составлен мастером Печатного двора Анисимом Радишевским» в 1620 г. [1. С. 5–18] на основе «Воинской книги» – выборочного перевода второго тома «Kriegsbuch», выполненного «переводчиками Посольского приказа Михаилом Юрьевым и Иваном Фоминым по повелению царя Василия Шуйского» [2. С. 53]. Вопрос о том, каков вклад Радишевского в создание текста, остается нерешенным: «...не представляется возможным установить, занимался ли Радишевский переводом или лишь редактировал уже имевшийся текст Юрьева и Фомина» [2. С. 63]. Рукопись Устава была обнаружена в 1775 г. и опубликована в 1777–1781 гг. по распоряжению Г.А. Потемкина известным русским писателем XVIII в. В.Г. Рубаном, давшим опубликованной рукописи название, под которым она известна современной науке [1. С. 97].

Устав содержит разнообразную информацию «об организации войска, о сооружении, обороне и осаде военных лагерей и укреплений и об устройстве и боевом употреблении артиллерии», в нем «обозреваются типы огнестрельных орудий, методы стрельбы, изготовление, хранение и употребление взрывчатых веществ и т.п.» [3. С. 293]. Не ясно, почему переводчиками был использован только второй том сочинения Фронспергера: тематически первый и третий тома перекликаются со вторым и содержат не менее важную информацию об устройстве артиллерии, организации войска и проч. Не исключено, что в распоряжении переводчиков был только второй том, привезенный на Русь кем-то из участников событий Смутного времени (вопрос о том, какое именно издание – 1573, 1578 или 1596 г. – было использовано, пока не ставился в науке).

Важно отметить, что теоретические и практические сведения Устава сопровождаются многочисленными наставлениями и рекомендациями, как следует поступать пушкарям, а также иным военным специалистам в различных ситуациях. Иными словами, Устав может быть охарактеризован как учебное наставление или учебно-инструктивный текст. Мнение о том, что «в допетровскую эпоху существовал лишь один жанр, который может быть рассмотрен как разновидность инструктирующего текста, – лечебник» [4. С. 13], является не вполне верным: Устав – это именно инструктирующий текст, состоящий из 663 «указов». Следствием этой особенности Устава стало большое число различных императивных моделей в его составе, изучение которых дает возможность описать способы выражения императивности в научно-инструктивном тексте первой четверти XVII в., когда традиции научной речи еще отсутствовали, а также определить степень зависимости переводчиков от языка источника при переводе императивных моделей.

На данный момент существует обширная научная литература, посвященная прагматическим и речевым особенностям инструктивных текстов. Повышенный исследовательский интерес лингвистов к инструкциям обусловлен высокой частотностью этого жанра в современной жизни – «это массово ориентированный жанр» [5. С. 96]. Инструкция представляет собой импера-

тивный речевой жанр, целью которого является сообщение адресату порядка, способов, правил осуществления какого-либо действия с тем, чтобы каузировать соответствующее поведение [6. С. 214]. Исследователи отмечают неоднородность современного жанра инструкции. Ядром жанра являются пользовательские, должностные и ведомственные инструкции (должностные и ведомственные инструкции имеют более выраженный директивный характер), периферией – рецепты, полезные советы, алгоритмы, учебные тексты практического характера, аннотации к медикаментам [4. С. 7; 7. С. 9]. Однако такое противопоставление актуально именно для современных инструктирующих текстов: «...в первых инструкциях содержалось достаточно много элементов, не свойственных инструкции в ее современном виде и сближающих ее с учительной литературой» [4. С. 13]. Это замечание актуально и для Устава.

В инструкции представлены два типа информации – описательная (дескриптивная) и инструктирующая (прескриптивная). В дескриптивной части дается описание объекта. В инструктирующей части выделяются директивные (предписывающие и запрещающие) компоненты текста. «Инструкция представляет собой разновидность побуждения, поэтому центральное положение в структуре данного жанра занимают различные по интенсивности и степени категоричности речевые акты, имеющие интенциональное значение волеизъявления» [5. С. 97].

Степень прескриптивности неодинакова в разных типах инструкций: должностные и ведомственные инструкции предписывают адресату «действия, которые тот должен совершать независимо от условий или в определенных условиях», тогда как в пользовательских инструкциях «описываются действия, которые адресат может как совершать, так и не совершать. По крайней мере, он всегда вправе выбирать, использовать ли ему то или иное техническое средство или не использовать, а если использовать, то в каких целях...» [7. С. 10].

Цель статьи – описать и систематизировать императивные модели в Уставе, при помощи которых происходило инструктирование адресата, изучить их частотность, сочетаемость, семантику, стилистическую окраску, выявить императивную модель текста-источника. Используются описательный, сравнительно-сопоставительный методы, метод количественных подсчетов.

1. Прескриптивные конструкции Устава

Инструктивный компонент текста Устава реализовывался при помощи многочисленных императивных моделей с прескриптивным (предписывающим) и прохибитивным (запрещающим) значением (отметим, что изредка встречаются модели со значением разрешения), всего было выделено в тексте около четырех десятков моделей.

Наиболее частотны и разнообразны модели с прескриптивным значением. К числу наиболее частотных относятся (в порядке убывания) следующие модели: *ты*-императив (2491 случай употребления), инфинитив (812) и

модальный оператор *довестись* (726). Остальные модели значительно уступают им по частности употребления.

1.1. Императив. Наиболее частотной формой выражения предписания является императив, который употребляется неравномерно в тексте Устава: в первой части он использован 335 раз, во второй – 2 156. Вторая часть текста насыщена разнообразными инструкциями-поучениями, которые оформляются при помощи рядов императивов:

(1) *Наука, какъ дѣлати, чтобъ сама собою загорѣлася вода. Возьми негашеной извести, столько же вѣсомъ стѣры горючія, сколько извести, да учини изъ того свѣтільню, да попрыщи на нево воды, и оно зажжется, и взлей на нево масло, и оно угаснетъ* (Устав. Т. 2. С. 197).

Императив многозначен: выделяется около трех десятков частных значений императива [8. С. 130–131]. В тексте Устава реализуется инструктивное значение императива. Прагматическими признаками инструктивного императива являются: 1) импульс каузации исходит от говорящего; 2) исполнение каузируемого действия находится в интересах слушающего; 3) говорящий ставит себя выше слушающего. «Высказывания с инструктивным императивом – это правила, соблюдая которые можно добиться оптимальных результатов» [8. С. 139].

Инструктивный императив активен при процедурном толковании действия, т.е. при «детализированном представлении действия, которое предписывается деятелю» [4. С. 17]. Выделяют две основные модели процедурного толкования – пошаговую и предложенческую. Пошаговая стратегия «представляет действие как совокупность упорядоченных операций, которые должен совершить деятель (“чтобы сделать X, сделайте X₁, X₂ и X₃”)), тогда как предложенческая стратегия «представляет действие в виде результата, который должен быть достигнут деятелем» [4. С. 17]. Пошаговая стратегия реализуется в речи при помощи рядов инфинитивов и императивов, соединенных сочинительной связью; предложенческая – оформляется при помощи причастий, деепричастий и предложно-падежных сочетаний, зависящих от единого предикативного центра.

Императив в тексте Устава в подавляющем числе случаев соответствует императиву в тексте немецкого источника:

(2) *Возьми вѣтчаную скатерть, которая бѣ была гораздо вымыта, а не укрѣпя гладиломъ, да положи ее въ новомъ горшкѣ, да укрой ея крѣпко кровлею, да постави то на огонь покамѣсть изтлится въ уголье* (Устав. Т. 2. С. 188).

Item / *nimb* ein alt Tischthuch / daß wol gewaschen sey / ohne sterck / vnnd *thu* es in ein neuwen Hafen / vnd einen Deckel darüber in ein gutes Feuwer / vnd *laß* es zu einem Kohlen werden (Fronsperger. S. 212v).

Однако встречаются и отклонения от этого правила. В некоторых случаях переводчик использовал императив и тогда, когда он отсутствовал в исходном тексте:

(3) **Возьми** четыре фунта селитры, два фунта сѣры, да фунтъ угля, мѣшай и выдѣлай ево гораздо мѣстѣ какъ прежде указано, изтолки ево; къ кручениу учинится добрымъ порохомъ (Устав. Т. 2. С. 216).

Item / 4. pfundt Salitter / zwey pfundt Schwefel / ein pfundt Kohlen / misch vnd arbeits wol durch einander / wirt gut gemein Puluer (Fronsperger. S. 223r).

По-видимому, безглагольные конструкции, возможные в немецком инструктивном тексте, были неприемлемы в русском переводе, следствием чего стало появление еще одной императивной формы *возьми*. В примере (4) часть императивов немецкого текста и русского перевода совпадают, другая часть – не совпадает (выделены случаи совпадения):

(4) И къ тому надобно взяти пороху лежалаго старого, которой въ глыбахъ, да **роспусти** ево мѣстѣ съ доброю сѣрою горячею, или **положи** тотъ порохъ послѣ въ сѣру растопленную да **смѣшай** ево гораздо да **взлей** то на чистой гладкой камень или доску, а напередъ доску намажь ветчиннымъ саломъ гораздо и послѣ того пойдетъ тотъ составъ хотню съ камени или съ доски... (Устав. Т. 2. С. 157–158).

*So nimb altverlegen Klozes Puluer / vnnd **zerlaß** guten Schwefel / vnnd **würff** das Puluer darein / **rhür** es wol durch einander / vnd **geuß** das auff ein saubern glatten Steyn / oder Bret / die vor wol mit Speckschwarten geschmieret sein / so gehet es gern daruon...* (Fronsperger. S. 201r).

Вместе с тем можно видеть в примере (4), с одной стороны, замену немецкого императива (*nimb*) на конструкцию с модальным оператором *надобно* (*надобно взяти*), с другой стороны, употребление императива (*намажь*) в русском переводе на месте немецкой инфинитивной конструкции (*geschmieret sein*).

В русском переводе между императивами используются союзы *и*, *да* с присоединительным значением, между тем в немецком тексте императивы часто употребляются в составе бессоюзных перечислительных рядов. При употреблении императивных форм обычно используются перфективные глагольные основы, в результате чего каждое последующее предписываемое действие оказывается более поздним по времени (эту временную последовательность иногда дополнительно маркирует наречие *потом*, которому в немецком источнике соответствует наречие *danach*).

1.2. Инфинитив. В инфинитивных конструкциях с инструктивным значением содержатся «указания, адресуемые анонимным говорящим (= инструктором) любому из неопределенного множества слушающих (= потенциальных потребителей инструкции)» [8. С. 198]. Отличия инфинитива от инструктивного императива сводятся к следующему. Во-первых, инфинитивные цепочки в тексте Устава никогда не достигают той длины, которая характерна для императивных форм глагола (при употреблении императива однородные цепочки могут достигать нескольких десятков форм (см. мно-

гочисленные примеры во второй части второго тома Устава), число однородных инфинитивов не превышает пяти, в редких случаях десяти форм). Во-вторых (это, видимо, связано с первым отличием), временная последовательность действий не выражается столь отчетливо, как при употреблении императива: часто однородные инфинитивные конструкции можно понять как сумму необходимых действий без указания на их последовательность. При соединении инфинитивов в однородные ряды, кроме союзов *и*, *да*, также обычен союз *а* в присоединительном значении.

Инфинитив отчасти совпадает с императивом в функциональном отношении. Он регулярно употребляется в инструктивных контекстах, где описывается порядок совершения действий:

...а подушки **зделати** брусками, и по концам **оковати** обручми желѣзными, что бѣ нерозломались, а на оси **прибить** доски желѣзные потому, что онѣ всегда имѣетъ великую тягость въ походѣ и стрѣлою, да по конецъ станку тако жѣ **учинить** брусъ между конца станку, и **пронять** съ цѣломъ желѣзнымъ, и тотъ брусъ на верху **оковати** доскою желѣзною и **провертѣти** сквозь бруска, чтобъ желѣзной гвоздь проходить... (Устав. Т. 1. С. 88–89).

В тексте Устава независимый инфинитив чаще всего использован для перевода немецкой модальной конструкции с глаголом *sollen* (5, 6), изредка с другими модальными операторами (7), а также для перевода императива (9). Используется инфинитив и при переводе немецкого инфинитива (особенно в заголовках):

(5) ...и у всякой пицали и пушки наперед и на зад и въ передкахъ **быти** пушкарямъ, который у которыхъ пушки устроены **итти** всякому пушкарю подлѣ или позади своей пицали или пушки; да къ тому **итти** большому головному снаряду на обѣихъ сторонахъ въ верху и въ низу, да къ тому одноколые боевые телѣжки **оборотити** и легкой полковой снарядъ и дробовую стрѣлою въ окольней, и затыльные на возгъхъ **устроити** (Устав. Т. 1. С. 53).

(6) Пицаль Василиска въсу въ ней седмьдесятъ пять контаревъ, ядро желѣзное въсомъ семьдесятъ гривенокъ, только ее **вести** сухимъ путемъ... (Устав. Т. 2. С. 17).

(7) ...потомъ бы ему въдомо имѣти а денежному раздавцѣ въсѣмъ тѣмъ по ево росписи **платежъ чинити**... (Устав. Т. 1. С. 61).

(8) Наука, какъ доброе уголье **выжигати**... (Устав. Т. 2. С. 213).

...vnd **soll** bey jeden Stücken fornen / hinden vnd in der mitte die Büchsenmeister so darauff **bestelt** / darbey hindern Stück **sein** vnd **bleiben** / zu **soll** das groß Haupt Geschütz **gehen** / auff beiden neben seiten / oben vnnd vnden / **sollen** die Streitwagen darauff man **ymbwendet** / leichtfeldigeschütz / Geschütz / Gestrey / Hagel / Doppelhocken / Scharppfetinle / vnd ander leicht Geschütz zu führen / auff ein ander **geordnet werden** (Fronsperger. S. 63r).

Item / ein Basiliscus wigt 75. Centner / vñ scheuft schwer 70. pfundt Eysen / So die vberland **soll geführt werden**... (Fronsperger. S. 4v).

...welche alle auff sein Handschrift der Zahlmeister **schuldigh ist** zu **entrichten** (Fronsperger. S. 78r).

Gut Kolen **zubrennen** (Fronsperger. S. 222v).

Инфинитивные конструкции относятся к древнейшим способам выражения волеизъявления: «...начиная с древнейших русских оригинальных па-

мятников, уходящих в дописьменное прошлое (“Русская Правда”) и принадлежащих деловому языку, на протяжении всей своей дальнейшей многовековой жизни русский язык пользовался формами инфинитива как одним из способов выражения волеизъявления (предписания, необходимости или желательности выполнения того или иного действия)» [9. С. 60]. С течением времени конструкция «несколько теряла свою императивную окрашенность, расширяясь и варьируясь в своих оттенках» [9. С. 61]. Смягчение императивной семантики делало возможным употребление независимого инфинитива в Уставе, т.е. в инструктивном тексте.

В Уставе изредка встречается употребление инфинитива и императива в составе однородного ряда, это явление было «яркой особенностью старорусских технических инструкций» [10. С. 17]:

(9) ...а будешь его дѣлати, но желѣзной размѣрь ино **взять** желѣзное ядро; а будешь дѣлати на свинчатой размѣрь, ино **взять** свинчатое ядро и съ иными кругъ того ядра кружаломъ фунта тяжелиною, да **сойми** кружаломъ еще столькожъ толстины, и та другая толстина ядра будетъ семь фунтовъ и ты **сойми** третью толстину кружаломъ и раздѣли его въ 19 фунтовъ; а четвертую толстину ядра **раздѣли** въ трицать семь фунтовъ, а пятую толстину ядра **раздѣли** на три доли; двѣ доли **оставь** у себя, и **раздѣли** ихъ на трицать шесть фунтовъ, а третью долю **откинь**, и такъ имѣешь прямой размѣрной жезлъ дѣлати на вѣсъ цѣльнаго контаря желѣза и свинцу (Устав. Т. 1. С. 168).

*Item / wilt du es aber auff Eysen machen / so **nim** auch Eysen / wiltu du es aber auff Bley machen / so **nim** auch Bley / vñ **nim** die dicke der Kugeln eins pfundts an einem Zirkel / vnnd **nim** noch ein dicke / so gibt dir die ander dicke der Kugel 7. pfundt / dann **nim** die 3. dicke / die **theil** auß in 19. pfundt / vnd die vierdte dicke der Kugel **theil** auß in 37. pfundt / vnd die fünffte Kugel dicke **theil** auß in 36. theil / die 2. theil **behalt** / die **theil** auß in 36. pfundt / vnnd den 3. theil **laß** fallen / also hastu ein gerechten Maßstab zumachen auff ein Centner Gewicht auff Eysen vnd Bley (Fronsperger. S. 115v–116r).*

Как можно видеть, в примере (9) немецкий императив *nim* дважды переведен на русский язык при помощи независимого инфинитива *взять*.

1.3. Довестись. На третьем по частотности месте стоят императивные конструкции с модальным глаголом *довестись*. Это новая модель выражения предписания, неизвестная текстам XVI в. (например не отмечена в [9]). Глагол *довестись* в качестве модального оператора безличного предложения известен с конца XVI в. Модальная семантика глагола была нечеткой, у него выделяются два значения: 1) ‘надлежать, следовать, быть положенным’: *А посошнымъ людемъ велели вывезти лесу для судового дѣла, сколько будетъ имъ доведется по розводу* (ААЭ II, 199. 1609 г.); 2) ‘представиться необходимым, прийти’: (1554): *И царь и великий князь, видя его такую злую измену... велел его роспросити, а доведетца, и пыткой пытати* (Лебед. лет., 227) [11. Вып. 4. С. 275].

По мнению В.И. Борковского, глагол *довестись* в текстах XVII в. имел значение необходимости, а не случайности [12. С. 131]. Более осторожно

определяет семантику глагола В.Л. Георгиева: «...семантика нерегулярности, непредвиденности, характерная для подобных оборотов в более поздние периоды жизни языка, в материалах XV–XVII вв. проявляется не во всех контекстах. <...> Однако широкое распространение таких конструкций в ином значении и больший охват ими памятников письменности позволяет сделать вывод, что глагольной форме *доведется* (*довелось*) было в то время более свойственно значение “полагается”, “следует по определенному правилу, закону”» [13. С. 262].

В Уставе глагол *довестись* обычно соответствует немецким модальным глаголам *sollen* (‘долженствовать, должно быть, надлежать’ [14. Ч. 2. С. 512]), реже – *müssen* (‘1) должно быть, долженствовать; 2) надлежать, подовать’ [14. Ч. 2. С. 93–94]):

(10) ...а что обстоит о пороху, и того **доведется** въсомъ взяти въ полы передъ ядры... (Устав. Т. 2. С. 38).

(11) 209. Чѣмъ пушкамъ **доведется** великимъ и малымъ всѣмъ тою мѣрою быти устроеннымъ, какъ они во дни или въ ночи понадобятся... (Устав. Т. 1. С. 234).

(12) ...къ тому тебѣ **доведется** примѣта имѣти... (Устав. Т. 1. С. 209).

(13) Аже будутъ заряды равные есть, для того тебѣ **доведется** своей науки больши держатися, нежели статей... (Устав. Т. 1. С. 210).

Item / Pulver Wagen **sollen** in jrer maß halb so vil wigen / als die Kugeln... (Fronsperger. S. 73r).

Die Büchsen **sollen** groß vnd klein alle dermassen geschickt sein / wann man jhr bey tag oder nacht bedarff... (Fronsperger. S. 146r).

...des **mustu** gut acht haben... (Fronsperger. S. 138v).

...wo anderst die ladung gleich ist / darumb **mustu** dich mehr deines berichts / dann der Puncten halten... (Fronsperger. S. 138v).

При употреблении в качестве средства выражения императивности глагол *довестись* не оформлял длинных перечислительных рядов. Чаще всего отмечается одиночное употребление, реже глагол *довестись* употребляется два раза подряд, случаи более длинных рядов крайне редки:

(14) Во градѣ **доведется** коему жѣ головѣ ото всякаго прапора выбирати по человекѣ для ради грабежу и добычи и отдать ихъ полковому маршалку, а маршалку **доведется** такихъ людей къ крестному цѣлованью приводити... (Устав. Т. 1. С. 132).

Императивная семантика глагола *довестись* не имела определенности. В составе простого предложения или главной части сложноподчиненного предложения он имел значение ‘следует, подобает’, но в придаточной части его модальное значение было ослаблено. В тексте немецкого источника в этом случае используется глагол не модальной, а бытийной семантики, а глагол *довестись* в русском тексте имеет значение ‘случиться, прийти’.

(15) ...коли **доведется** въ полкохожденіи пищать или пушку водою вести и порохъ намокнетъ такъ, что не можетъ выстрѣлити... (Устав. Т. 2. С. 58).

...wann etwan ein Stück in Kriegßlauffen durch Wasser geführt **wirt** / vnd das Pulver naß wirt / also daß du es nicht kanst abschieten... (Fronsperger. S. 162r).

(16) Аже будет **доведется** великая сильна рать воздвигати, или протяжливая война, походы или стояніе подъ грады и тому подобно, учинят... (Устав. Т. 1. С. 229).

*Wo gewaltige Feldtzeug fürgenommen / oder ein langwiriger Krieg zu Feldt oder Belagerung der Besagungen / vnn der gleichen **sich begeben** / allda ist...* (Fronsperger. S. 144v).

Глагол *довестись* мог употребляться без инфинитива. Так, в примере ниже он употреблен в качестве безличного предиката главной части сложноподчиненного предложения в значении ‘случится, выпадет’:

(17) И какъ **доведется** по нуже или во время потребы, что тогда нас будет до двадесяти и до тридесяти... (Устав. Т. 1. С. 226).

*...wann es von nöten **were** / daß dann unser weren zwenzig oder dreyzig die einander helfen...* (Fronsperger. S. 143r).

В других случаях употребления без инфинитива *довестись* может иметь значение ‘надобно’, ‘необходимо’, ‘приходится’, ‘выходить’ (в некоторых случаях модальный глагол в немецком тексте может отсутствовать):

(18) ...а во всякую телгу впрягати по шти лошадей, на лошадь **доведется** возки по четыре контаря, а лошадей **доведется** въ десять телгъ шестьдесят лошадей ... (Устав. Т. 2. С. 16).

Es gehören auch für jeden Wagen zu spannen sechs Pferd / tregt einem jeden Pferd vier Centener / machen die zehen Wägen sechzig Pferd (Fronsperger. S. 4r).

(19) 273. Аже будет промысломъ учнутъ стрѣляти под градомъ, и поспышной пушкаръ можетъ изъ Шарфмецы пицали на день стрѣлити тридцать шестью, и такъ, на четыре дни изъ четырехъ Шарфмецовъ **доведется** 576 ядеръ, къ Василиску **доведется** столько на день по 36 ядеръ, и къ тѣмъ къ двумъ пушкамъ въ одинъ день надобно къ нимъ 82 [!] ядра, и того на четыре дни 288 ядеръ... (Устав. Т. 2. С. 34–35).

*Item / so man fürderlich schieffen wil / oder geschossen hat / es sey vor Schössern oder Stätten / so mag ein fertiger Büchsenmeister auß einer Scharpffmezen eins tags 36. schieß thun / so **muß** man auff 4. tag Mezen Kugeln / mit 4. vor ein tag 144. Kuglen / thut vor 4. Tag 576. Kugeln.*

*Item / so **gebürt** einem Basilischcken auch so vil ein tag 36. Kugeln / der seindt zwo / macht in summa 1. tag 72. Kugeln / thut vor 4. tag 288. Kugeln* (Fronsperger. S. 42v)¹.

Кроме того, глагол *доведется* отмечен в сочетании с местоименными словами: [инно] что **доведется** (Устав. Т. 1. С. 79) (в нем. тексте *anders* (Fronsperger. S. 93v)), или индѣ гдѣ **доведется** (Устав. Т. 2. С. 104) (в нем. тексте *anderst* (Fronsperger. S. 174r)), или гдѣ **доведется** (Устав. Т. 2. С. 156) (в нем. нет) и т.д., где оно имеет значение ‘оказаться’, ‘случится’.

Наконец, отмечено употребление глагола в значении ‘касается’:

(20) А что **доведется** о лутчемъ проразумѣніи, искусности ради, и о томъ хочу въ невеликомъ объявити, что, уши у пицали именуются своимъ прямымъ именемъ Ефросина... (Устав. Т. 1. С. 154).

*...aber **von** besserm verstandts vnder einander erfahrung willen / so wil ich es ein wenig anrüren vnd vermeldten / daß die Zapffen werden geneit die Efrosiue nach jrer rechten art...* (Fronsperger. S. 108r).

¹ В источнике неправильно указан номер страницы: 32 вместо 42.

В целом это свидетельствует о том, что семантика глагола имела неопределенный характер и зависела от контекста употребления. Связь разных значений глагола могло бы прояснить исследование его семантической истории. По наблюдениям Е.И. Тимошенко, русские приставочные глаголы со значением присоединения и приближения (к ним относится и глагол *довестись*), «употребляясь в безличной форме, обнаруживают более или менее ярко выраженные модальные значения намерения, желательности, необходимости, обязательности, фатальности» [15. С. 140].

1.4. Иные модальные операторы. Остальные прескриптивные модели встречаются значительно реже. К их числу относятся глагольные, адъективные и адverbиальные лексемы модальной семантики: *подобать* (80 случаев употребления), группа лексем с корнем *-надоб-* (< на- + -доб-) (165), лексемы с корнем *-год-*, *добро*, *должен*, *должно*, *довлеть*, *достоять*.

Глагол *подобать* имел давнюю историю употребления в языке. В исторических словарях его употребление в значении ‘подобать, надлежать’, ‘следует, должно’ отмечается с древнейших памятников: <Я>ко *подобаетъ* двери и завору и оуздоу налагати оустомъ (Изб 1076, 95 об.) [16. Т. 6. С. 532], *Възвеселити же ся и възрадовати подобааше, яко братъ твои съ мрътвъ бѣ и оживе, изгыбѣ бѣ, но обрѣтесе* (ѣдѣ) (Лук. XV, 32 (Остр. ев., 119 об. 117)) [11. Вып. 16. С. 18].

Глагол *подобать* выступал в одном контексте с глаголом *довестись*:

(21) О чину и о приказѣ большаго воинскаго пристава, такому приставу **подобает** во всякихъ мѣрахъ воинскому маршалку послушину быти, и надо встѣми людѣми во всехъ полкахъ **доведется** ему призор имѣти, что бѣ разправно и урядно было в запасахъ и въ инныхъ полковыхъ дѣлахъ; а что будетъ иное, что которой власти не поддано, и то **подобаетъ** ему по приказу воинскаго маршалка строити и уряжати, какъ что въ обычаѣ ведется... (Устав. Т. 1. С. 62).

Solcher Profosz sol in allweg dem Feldmarschalck gehorsam sein / alles was sich im ganzen Lager zutregt / soll er vber all ander Profosen auch einsehen haben / darmit ein gleichheyt mit der Pronandt vnnnd anders gehalten / was sonst keim Regiment vnderworffen / soll er nach des Feldtmarschalcks befelch macht haben zu ordnen / wie sich gebürt in allerley war der Prouandt / vnd andern straff barn sachen (Fronsperger. S. 78v).

Как можно видеть, в немецком источнике обеим моделям соответствует глагол *sollen*. Особенностью употребления *подобать* в тексте Устава является его частотное распределение: из 80 случаев 71 приходится на первый том и лишь 9 – на второй.

Модальные лексемы с корнем *-надоб-* достаточно разнообразны: *надобно* (70 случаев употребления), *надобеть* (44), *надобе* (30), *надобен* (14), *надобное дело* (6), *понадобиться* (1). Чаще всего в немецком тексте им соответствует глагол *gehören* ‘принадлежать; быть требуемому’ [14. Ч. 1. С. 651], реже глаголы *müssen*, *gebühren* ‘подобать, надлежать, подлежать, быть пристойну’ [14. Ч. 1. С. 640], прилагательное *vonnöten* ‘нужно, надобно’ [14. Ч. 2. С. 858]:

(22) А запасной станокъ вести на особ-ныхъ колѣсахъ и на одръ съ дыхлами, а подѣ такой станокъ **надобѣ** шесть лошадей (Устав. Т. 2 С. 16).

(23) 228. Да во время людскаго найму, воинскому Государю **надобное дѣло**, что бѣ ему у пушкарскихъ приказныхъ людей ихъ вольности ради о тѣхъ дѣлѣхъ помыслилъ, и разумомъ совершеннымъ имѣ повѣленіе далъ... (Устав. Т. 2. С. 14).

(24) ...а лошадей къ той пицали **надобѣтъ** двадцать пять лошадей... (Устав. Т. 2. С. 17).

...а подѣ нихъ **надобѣтъ** 10 телѣгъ... (Устав. Т. 2. С. 36).

(25) ...и къ такимъ 53 телѣгамъ **надобѣ** 212 лошадей, а во всякую телѣгу четверо лошадей и къ тѣмъ 212 лошадямъ **надобно** быти 79 человекамъ форманомъ... (Устав. Т. 2. С. 38).

(26) ...и тебѣ **надобно** той селитры квасцы отдѣлить... (Устав. Т. 2. С. 209).

Item jr Laden soll einen besondern Wagen haben darauff man fie führt / mit jren Redern vnd vordern Wagen / darfür **gehören** zuspinnen sechs Pferdt (Fronsperger. S. 3v).

Item / in der bestallung ist einem Kriegsherrn **von nöten** / daß er den Arckley verwanten jre freyheit halben die sachen vorkom / abschneidt oder bewillige... (Fronsperger. S. 156v).

...vnd für solchen Wagen **gehörn** zuspinnen

25. Pferdt... (Fronsperger. S. 4v).

...die **müssen** haben 10. Wägen... [Fronsperger. S. 32r].

Item / die 53. Puluerwägen **müssen** haben 212. Rosz / darzu **gehörn** 79. Personen... (Fronsperger. S. 73r).

...so **mustu** den Alaun dauon scheiden... (Fronsperger. S. 221r).

Конструкции с предикативом *надобе*, ранее ограниченные церковной письменностью, с XVI в. обнаруживают «широкое жанровое распространение» [13. С. 272]. С XV в. отмечено употребление наречия *надобно*, образованного от *надобе*; в XVII в. оно получает широкое распространение и начинает теснить *надобе*. С XVI в. распространяется образованный от *надобе* глагол *надобеть* (*надобеть*), став, видимо, основой для образования глагола *надобиться* (от которого позже образовался *понадобиться*) [13. С. 272]. В Уставе *надобно* и *надобеть* используется чаще, чем *надобе*.

Слова *gehören*, *vonnöten*, *gebühren* могли переводиться в Уставе также лексемами с корнем -год- (*годиться*, *згодиться*–*згождаться*, *пригодиться*–*пригождаться*, *годен*, *гоже*, *згоже*, *пригоже*, *удогное дело*):

(27) ...такъ же и то **годится**, что бѣ всякой большой Воевода всегда самъ у всякихъ дѣлъ вездѣ наперед и назади былъ... (Устав. Т. 1. С. 65).

(28) ...нежели на равныхъ земляхъ осте-регатися и ими подлинно размѣрити **згожася**... (Устав. Т. 1. С. 196).

(29) ...какъ иное къ сему слушно **вѣдать згодится**... (Устав. Т. 1. С. 195).

(30) ...какъ **пригоже** (Устав. Т. 1. С. 233).

...also wers auch **von nöten** / daß ein Oberster Feldtherr in allweg selbst / bey allen sachen / hinden vnd forn daran mit vnd bey wer... (Fronsperger. S. 79v).

...dann auff den ebenen Landtschafftien zugebrauchen **von nöten**... (Fronsperger. S. 132v).

...als anders hierzu gehörig / zu wissen **von nöten**... (Fronsperger. S. 132v).

...wie sich **gebüret** (Fronsperger. S. 145v).

Глагол *годиться* (и другие лексемы с корнем -год-) первоначально развил значение непредвиденности действия, с XIV в. отмечается его употреб-

ление в значении ‘быть годным, достойным’, с XVI в. происходит его сближение с глаголами *достоять*, *подобать* [13. С. 258–260]. Новое значение долженствования сосуществовало в глаголе *годиться* с более ранними значениями, вследствие этого во многих случаях инфинитивные конструкции с *годиться* (и другими лексемами с корнем *-год-*) не имели в Уставе модального значения долженствования. По наблюдениям В.И. Борковского, употребление *годиться* в значении ‘следует’ является чертой староукраинской и старобелорусской письменности – для старорусской письменности «такое употребление *годится* составляет исключение» [12. С. 126]. В связи с этим отмечаемое в тексте Устава употребление *годиться* и других лексем с корнем *-год-* в значении ‘следует’, возможно, следует отнести к проявлению в речи Анисима Радишевского особенностей языка Волыни, откуда он был родом.

Для перевода *gehören*, *gehörig* использовалось и наречие *слушно* (см. также пример (29) выше):

(31) Указъ о нарядѣ и о всемъ что къ тому <i>слушно</i> ... (Устав. Т. 1. С. 66).	<i>Ordnung deß Geschützs / sampt der Arckelej zugehör</i> ... (Fronsperger. S. 80r).
(32) ...и все къ тому пороху и огненнымъ хитростямъ <i>слушно</i> ... (Устав. Т. 1. С. 233).	...vnd allen zu dem Puluer vnnd Feuerwerck <i>gehörig</i> ... (Fronsperger. S. 145v).
(33) ...со всемъ, что къ тому <i>служено</i> [!] и <i>пригождается</i> (Устав. Т. 2. С. 9).	...mit allem <i>zugehör</i> (Fronsperger. S. 155r).

Предикативное наречие *слушно* в значении ‘необходимо, полагается’ являлось заимствованием из польского языка (*szusno*) [11. Вып. 25. С. 145], в котором, возможно, было калькой немецкого *gehörig* (< *gehören*)¹. В модальном значении *слушно* известно русскому языку с начала XVII в., его употребление в тексте Устава следует отнести либо к польскому влиянию начала XVII в. (особенно после событий Смуты), либо к речевым особенностям Анисима Радишевского, прожившего в Речи Посполитой первые 25 лет своей жизни [1. С. 20].

Употребление в тексте Устава лексем *добро*, *должен*, *должно*, *довлеть*, *достоять* имеет единичный характер. Лексема *должен* (9 случаев) использована при переводе немецкого *schuldig* ‘обязанный; должный’ [14. Ч. 2. С. 450]:

(34) 311. Обстояніе послѣ именованныхъ статей которая пушкарямъ доведется имѣти и <i>должны</i> есть держати, преждемъ подобаетъ (Устав. Т. 2. С. 47).	<i>Innhalt nachfolgender Artikel / welchen die Büchsenmeister schuldig zu halten sind</i> (Fronsperger. S. 158r).
(35) 330. Да по наказу <i>должень</i> кой же воинской человекъ за мѣсяць 30 день <i>служити</i> (Устав. Т. 2. С. 52).	<i>Item / dreissig tag soll jeder Kriegßmann für ein Monat zu dienen schuldig sein</i> (Fronsperger. S. 159v).

¹ Глагол *слушати* в значении ‘принадлежать’ употреблялся в старобелорусском и староукраинском языке [11. Вып. 25. С. 145]. В тех же языках глагол употреблялся в модальном значении ‘подобает, причастствует’ [12. С. 126–127]. Такое употребление является калькой польского глагола *szuszać* (см. [17. S. 61]).

При этом предикатив *должно* (3) использован при переводе глагола *müssen*:

- (36) ...и той доскъ **должно** толстиною быти въ девять ладоней, что бѣ было во что цепи укрѣпити, и во что сторонніе стѣны утвердити, а стѣны сторонніе **должно** во дно впускать три, или полчетверты ладони глубиною... (Устав. Т. 1. С. 90).
 ...der gamelt Boden **muß** acht oder neun Zoll dick sein / darmit man die Ketten kan darein ziehen / daß die Wende odder Seyten darinn stehen / dann sie **müssen** ungefährllich drey oder vierdthalben Zoll tieff einge-lassen vnd gesetzt werden... (Fronsperger. S. 18r).

Глагол *довлеть* (2 случая) использован при переводе немецких *nötig* ‘надобный, потребный, нужнй, необходимый’ [14. Ч. 2. С. 152] и *müssen*:

- (37) ...и про то **довлѣть** коему пушкарю ведомость имѣти (Устав. Т. 2. С. 57).
 ...inhalt / einem jeden Büchsenmeister **nötig** zu wissen (Fronsperger. S. 161v).
 (38) ...и тамъ тебѣ **довлѣть** въ стрѣлочной подкопѣ вести... (Устав. Т. 2. С. 123).
 ...da **mustu** dann dagegen arbeiten... (Fronsperger. S. 182r).

Глагол *достоять* (5 случаев) использован преимущественно для передачи немецкого *gebühren* ‘подобать, надлежать, подлежать, быть пристойну’ [14. Ч. 1. С. 640]:

- (39) И потомъ **достойтъ** ему все то въ урядствѣ устроити и готово держати... (Устав. Т. 1. С. 231).
 Demnach **gebüret** jhn solches alles in Ordnung zuschicken vnd behalten... (Fronsperger. S. 145r).
 (40) ...какъ **достойтъ** быти къ садкѣ добраго пороху... (Устав. Т. 1. С. 233).
 ...wie es zu ansazung / oder temperierung des Puluers **gebürt**... (Fronsperger. S. 145v).

У наречия *добро* в древнерусском языке отмечено модальное значение ‘нужно, полезно, похвально’ *Книгы учити добро* (μαθεῖν δεῖ) (Менандр, 7. XIV–XV вв.) [11. Вып. 4. С. 258]. В тексте Устава наречие *добро* (16 случаев употребления) в сочетании с придаточным предложением или с инфинитивом использовано для перевода немецкого *gut* / *wohl* das...:

- (41) ...а такой сполохъ и урядъ къ тому надобенъ, и то **добро** что бѣ мочно видити и смѣтити притчею въ томъ, какіе недостатки явятся... (Устав. Т. 1. С. 63).
 Solcher lärmn oder ordnung ist auch für nemlichen darumb **gut** / daß man sehen kan vnd mag / was für mängel... (Fronsperger. S. 79r).
 (42) ...и то бѣ было **добро**, чтобѣ днемъ итти въ полномъ полковомъ устроении... (Устав. Т. 1. С. 67).
 ...were es **gut** / daß man den ganzen Tag in der Schlachtordnung fort züge... (Fronsperger. S. 80v).
 (43) ...а то бѣ **добро**, что бѣ тѣ мѣста гдѣ стороже стояти намѣчены ко-льемъ... (Устав. Т. 1. С. 71).
 Es ist auch **wol** das ort mit Stecken verzeich-net worden... (Fronsperger. S. 83r).

Такое употребление *добро* если и не может быть отнесено к очевидным средствам выражения императивности, однако придает окраску побужде-

ния. Возможность употребления таких конструкций была обусловлена широким употреблением в старорусском языке конструкции «добро + инфинитив», которая была лишена стилистической сниженности [13. С. 274].

2. Прохибитивные конструкции Устава

По частотности употребления и разнообразию средств выражения запрета Устав уступает прескриптивным конструкциям. Практически не встречается императив с запретительным значением:

(44) ...и ты не моги изъ нее стрелити по тому, что пицаль тотчасъ разорветъ (Устав. Т. 2. С. 57–58).	... so scheuß es bey leib nicht ab / dann du zersprengest das Stück... (Fronsperger. S. 172r).
(45) ...и ты себя рѣчи не давай уговори... (Устав. Т. 2. С. 103).	...so laß dich nicht vberreden... (Fronsperger. S. 173v).

Наиболее частотны при выражении запрета конструкции *не* + инфинитив (55 случаев), *не* + *довестись* (38); остальные конструкции употребляются в единичных случаях: *не* + л-причастие + *б* (6), *не* + *надобно* (3); дважды встретились конструкции *не* + *подобать*, *не* + *годиться*, *не* + инфинитив + *б*, по одному разу – *не* + *надобен*, *не* + *должен*, *недолжно*, *не* + *згождаться*.

Обычно отрицательные конструкции Устава содержат перевод немецкого глагола *sollen* с отрицанием:

(46) ...тѣмъ которые в городѣ сидятъ не доведется ни одинова стрѣлити... (Устав. Т. 1. С. 135).	... sollen die in der Statt keinen schuß thun... (Fronsperger. S. 96r).
(47) ...и та селитра не доведется в дѣло имати... (Устав. Т. 2. С. 208).	...mit solchem soll man nichts arbeiten... (Fronsperger. S. 220v).
(48) ...и тое пицаль в ее станку не возити ... (Устав. Т. 2. С. 17).	...so soll die nicht mit jrer Ladung geführt werden... (Fronsperger. S. 4v).
(49) ...и ему не давати иному никому къ своей пицали или пушки подходить... (Устав. Т. 2. С. 48).	... soll er auch kein andern drüber gehen... (Fronsperger. S. 158v).
(50) ...а казны Государевой не должно вотице растрѣливати... (Устав. Т. 1. С. 104).	...man soll den Zeug nicht vmb sonst verschiessen (Fronsperger. S. 39v).
(51) Да встѣмъ тѣмъ людемъ, которые запасы подвозятъ и тѣмъ бы помѣшки, ни тѣсноты ни которыми мѣрами нечинили ... (Устав. Т. 2. С. 54).	Item / all die jenigen so Prouiandt zuführen / solt jr nicht verhindern... (Fronsperger. S. 160v).

Русские отрицательные конструкции могут выражать не запрет, а отсутствие обязанности, необходимости или возможности осуществлять то или иное действие (*gehören*, *bedürfen* ‘иметь надобность, требовать’ [14. Ч. 1. С. 211], *dürfen* ‘иметь нужду, надобность’ [14. Ч. 1. С. 409], *schuldig* с отрицанием):

- (52) ...и такимъ на мѣсяцъ **не доведется** больши десяти золотыхъ найму давати... (Устав. Т. 1. С. 111). ...denselbigen **gehört** ein Monat **nicht** mehr zugeben. dann 10. Guldin... (Fronsperger. S. 31r).
- (53) ...а жагра **не доведется** бити... (Устав. Т. 2. С. 163). ...dann ein Zindschwam **darffst** du **nicht** klopfen... (Fronsperger. S. 203r).
- (54) ...а будетъ онъ что отъ невелика свыше того проиграетъ, и онъ тому, кто выигралъ **не долженъ** платити (Устав. Т. 2. С. 54). ...vnd ober schon was drüber verspilte / jm solchs zubezahlen **nicht schuldig** sein (Fronsperger. S. 160r).
- (55) ...и тебѣ бы **не надобно** четверо-гранцы или малые вѣсы на вервехъ (Устав. Т. 2. С. 91). ...so **bedarfst** du **keines** Quadranten / oder kleiner / Schrotwagen... (Fronsperger. S. 169r).

Кроме перечисленных моделей выражения запрета, в тексте Устава встретились глагол *заказати* и конструкция *не имѣть власти*:

- (56) ...да и о томъ людемъ **заказати**, что бѣ... (Устав. Т. 1. С. 135). Auch jhrem Volck den Feinden schmechliche wort zusagen **verbieten**... (Fronsperger: 96r).
- (57) ...а опричь его въ томъ ни кому **власти не имѣти** (Устав. Т. 1. С. 62). ...vnd sonst **niemandts macht haben** zuuerurtheylen (Fronsperger. S. 78v).

Конструкция *не имѣть власти* калькирует немецкую конструкцию *macht haben* и не употреблялась в русских текстах XVII в. (ее распространение происходит в деловой письменности второй половины XVIII в. [18]), в то время как глагол *заказать* изредка использовался в деловой письменности XVII в. для выражения запрета:

- (58) ...и тебѣ бѣ велѣти о томъ попомъ **заказати** накрѣпко, чтобъ такихъ людей [самоубийцъ] у церквѣ Божіи отнюдѣ не отпѣвали и не погребали... (Грамота Новгородского митрополита Макария Тихвинского монастыря архимандриту Иосифу, начало 1661 г. (АИ. Т. 4. С. 298)).

Глагол *заказать* не выражал идею запрета отчетливым образом, так как мог употребляться и в значении ‘приказать, наказать’, и в значении ‘запретить’ [11. Вып. 5. С. 207], однако чаще использовался для выражения запрета.

Выводы

1. Текст Устава демонстрирует большой набор императивных средств для выражения инструктивного содержания. При выражении побуждения к действию чаще всего использовались императив, независимый инфинитив и модальный глагол *довестись*. Выражение запрета осуществлялось главным образом при помощи отрицательных модификаций независимого инфинитива и глагола *довестись*.

2. Разнообразие императивных моделей было обусловлено не в последнюю очередь отсутствием устойчивых моделей оформления инструктивного компонента текста вследствие новизны этого жанра. Тональность инструктивного текста отличается от тональности как деловых документов, так и поучений – в тексте Устава используются модели, отчасти характерные для деловой письменности (инфинитив), отчасти для поучений (*подобать, доветь*). Вместе с тем широко употребляется глагол *довестись*, не типичный для них.

3. Используя разнообразные императивные модели, переводчик пытался передать на русский язык различие между немецкими моделями. Так, глагол *doventsiť* главным образом использован для перевода немецкого глагола *sollen*, прилагательное *doľžen* – немецкого *schuldīg*, *nadoľno*, *nadoľetť*, *nadoľbe* – немецких *vonnöten*, *gehören*, глагол *doťtoiatť* – немецкого *gebühren*. Наиболее отчетливая корреляция наблюдается между употреблением в Уставе конструкции *doľbro (čtoťby)* и немецкой моделью *gut (das)*, которую русская конструкция калькировала.

4. Далеко не всегда можно выявить прямую связь между немецкой моделью и ее переводом на русский язык. Наиболее многозначным оказывается инфинитив, который использован переводчиком и для перевода немецкого инфинитива, и для перевода разной модальной лексики (*sollen* и др.), и при переводе конструкций, не имевших модальной окраски.

5. На употребление разных императивных моделей, видимо, мог оказывать влияние и такой фактор, как западнорусское происхождение Радишевского (лексемы с корнем *-god-*, предикатив *слушно*).

Источники примеров

АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею : в 5 т. СПб. : Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841–1842.

Устав – Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки, состоящий в 663 указах, или статьях, в государствование царей и великих князей, Василия Иоанновича Шуйскаго и Михаила Феодоровича, всея Руси самодержцев, в 1607 и 1621 годех выбран из иностранных военных книг Онисимом Михайловым. Напечатан с рукописи найденной в 1775 году, в Мастерской и Оружейной палате в Москве. Издана под смотрением асессора Рубана. Ч. 1–2. СПб. : При Гос. воен. коллегии, 1777–1781.

Fronspurger – Fronspurger L. Kriegßbuch / Ander Theyl. Von Wagenburgk vmb die Veldleger, Wie man die schliessen, sich darein verschantzen, wider auffbrechen, vnnd ein Statt oder Festung mit vortheyl Belaegern, Vmschantzen vnd Vndergraben soll... Frankfurt am Main : Jn verlegung Sigmundt Feyerabendt, 1573.

Список источников

1. *Немировский Е.Л.* Анисим Михайлов Радишевский, ок. 1560 – ок. 1631. М. : Наука, 1997. 148 с.
2. *Русаковский О.В.* «Воинские книги» 1607/1620 гг. и их немецкий оригинал. Попытка сопоставления // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2018. Т. 73. № 3. С. 53–63.
3. *Райнов Т.[И.]* Наука в России XI–XVII веков: Очерки по истории донаучных и естественнонаучных воззрений на природу. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1940. 507 с.
4. *Лобанов И.Б.* Принципы построения инструктирующего текста в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-н/Д, 2003. 23 с.
5. *Карабань Н.А.* Речевой жанр инструкции // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2008. Т. 7. № 5. С. 96–98.
6. *Чабан Т.Ю.* Инструкция // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003. С. 213–214.
7. *Писаренко М.С.* Коммуникативно-прагматическая и структурно-семантическая характеристика текста инструкции : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2008. 22 с.
8. *Храковский В.С.,* Володин А.П. Семантика и типология императива: Русский императив. 2-е изд., стер. М. : Едиториал УРСС, 2002. 272 с.

9. Соколова М.А. Выражение волеизъявления в русских бытовых и деловых памятниках XVI века // Ученые записки ЛГУ. 1952. № 161. С. 52–79.
10. Пичхадзе А.А. Средства выражения императивной и оптативной семантики в древнерусских и старорусских прескриптивных памятниках // Вопросы языкознания. 2010. № 5. С. 14–24.
11. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* / отв. ред. С.Г. Бархударов. Вып. 1–. М. : Наука : Азбуковник, 1975–.
12. [Борковский В.И.] Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков: Типы простого предложения. М. : Наука, 1968. 291 с.
13. *Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Простое предложение* / [В.И. Борковский, В.Л. Георгиева, Л.А. Глинкина и др.]. М. : Наука, 1978. 447 с.
14. *Полный немецко-русский лексикон*, из большого грамматично-критического словаря господина Аделунга составленный, с присовокуплением всех для совершенного познания немецкого языка нужных словоизречений и объяснений; издано Обществом ученых людей. Ч. 1–2. СПб. : печатан в Императорской типографии, у Ивана Вейтбрехта, 1798.
15. Тимошенко Е.В. О лексикализации безличной формы глагола в русском языке (на материале глаголов движения) // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І.П. Шамякіна. 2014. № 2 (43). С. 138–142.
16. *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)* / гл. ред. Р.И. Аванесов. Т. 1–. М. : Русский язык, 1988–.
17. *Słownik staropolski* : w 11 t. T. 8. Z. 4 (51): Skociec–Smętek. Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk : Polska Akademia Nauk, 1980. 321 s.
18. Руднев Д.В. Прохибитивные конструкции в деловом языке XVIII века // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 4 (111). С. 56–67.

References

1. Nemirovskiy, E.L. (1997) *Anisim Mikhaylov Radishevskiy, ok. 1560 – ok. 1631* [Anisim Mikhailov Radishevsky, ca. 1560 – ca. 1631]. Moscow: Nauka.
2. Rusakovskiy, O.V. (2018) “Voinskie knigi” 1607/1620 gg. i ikh nemetskiy original. Popytka sopostavleniya [“Military books” of 1607/1620 and their German original. An attempt at comparison]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 3 (73). pp. 53–63.
3. Raynov, T.[I.]. (1940) *Nauka v Rossii XI–XVII vekov. Ocherki po istorii donauchnykh i estestvennonauchnykh vozzreniy na prirodu* [Science in Russia of the 11th–17th Centuries. Essays on the history of pre-scientific and natural-scientific views on nature]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
4. Lobanov, I.B. (2003) *Printsipy postroyeniya instruktiyushchego teksta v russkom yazyke* [Principles of constructing an instructional text in the Russian language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Rostov-on-Don.
5. Karaban', N.A. (2008) Rechevoy zhanr instruktсии [Speech genre of instructions]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 5 (7). pp. 96–98.
6. Chaban, T.Yu. (2003) Instruktсия [Instructions]. In: Ivanov, L.Yu. et al. (eds) *Kul'tura russkoy rechi: entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [Culture of Russian Speech: Encyclopedic dictionary-reference book]. Moscow: Flinta; Nauka. pp. 213–214.
7. Pisarenko, M.S. (2008) *Kommunikativno-pragmaticheskaya i strukturno-semanticeskaya kharakteristika teksta instruktсии* [Communicative-pragmatic and structural-semantic characteristics of the instruction text]. Abstract of Philology Cand. Diss. Belgorod.
8. Khrakovskiy, V.S. & Volodin, A.P. (2002) *Semantika i tipologiya imperativa: Russkiy imperativ* [Semantics and Typology of the Imperative: Russian imperative]. 2nd ed. Moscow: Editorial URSS.

9. Sokolova, M.A. (1952) Vyrazhenie voleiz'yavleniya v russkikh bytovykh i delovykh pamyatnikakh XVI veka [Expression of will in Russian household and business monuments of the 16th century]. *Uchenye zapiski LGU*. 161. pp. 52–79.
10. Pichkhadze, A.A. (2010) Sredstva vyrazheniya imperativnoy i optativnoy semantiki v drevnerusskikh i starorusskikh preskriptivnykh pamyatnikakh [Means of expressing imperative and optative semantics in Old Russian and Old Russian prescriptive monuments]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 5. pp. 14–24.
11. Barkhudarov, S.G. (ed.) (1975–cont.) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 9th–17th centuries]. Moscow: Nauka: Azbukovnik.
12. [Borkovskiy, V.I.] (1968) *Sravnitel'no-istoricheskii sintaksis vostochnoslavianskikh yazykov. Tipy prostogo predlozheniya* [Comparative-historical Syntax of East Slavic Languages. Types of simple sentences]. Moscow: Nauka.
13. Borkovskiy, V.I. et al. (eds) (1978) *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Sintaksis. Prostoie predlozhenie* [Historical Grammar of the Russian Language. Syntax. Simple sentence]. Moscow: Nauka.
14. Adelung, F.P. (1798) *Polnyy nemetsko-rossiyskoy leksikon, iz bol'shago grammatikal'no-kriticheskogo slovarya gospodina Adelunga sostavlennyy, s prisovokupleniem vseh dlya sovershennago poznaniya nemetskogo yazyka nuzhnykh slovoizrecheniy i ob'yasneniy* [A complete German-Russian lexicon, compiled from Mr. Adelung's large grammatical-critical dictionary, adding all the necessary phrases and explanations for a perfect knowledge of the German language]. Parts 1–2. Saint Petersburg: Imperatorskaya tipografiya, u Ivana Veytbrekhta.
15. Timoshenko, E.V. (2014) O leksikalizatsii bezlichnoy formy glagola v russkom yazyke (na materiale glagolov dvizheniya) [On the lexicalization of the impersonal form of the verb in the Russian language (on the material of verbs of motion)]. *Vestnik Mazyrskaga dzyarzhaynaga pedagogichnaga yivniversiteta imya I.P. Shamyakina*. 2 (43). pp. 138–142.
16. Avanesov, R.I. (ed.) (1988–cont.) *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)* [Dictionary of the Old Russian Language (9th–14th centuries)]. Moscow: Russkiy yazyk.
17. Urbańczyk, S. (ed.) (1980) *Słownik staropolski*. Vol. 8 Z 4 (51). Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Polska Akademia Nauk.
18. Rudnev, D.V. (2022) Prokhibitivnye konstruksii v delovom yazyke XVIII veka [Prohibitive constructions in the business language of the 18th century]. *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 4 (111). pp. 56–67.

Информация об авторе:

Руднев Д.В. – д-р филол. наук, канд. ист. наук, профессор кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия); доцент кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: rudnevd@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.V. Rudnev, Dr. Sci. (Philology), Cand. Sci. (History), professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation); professor, St Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: rudnevd@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.04.2023;
одобрена после рецензирования 27.09.2023; принята к публикации 07.03.2024.

The article was submitted 30.04.2023;
approved after reviewing 27.09.2023; accepted for publication 07.03.2024.

Научная статья
УДК 81.37; 811.811
doi: 10.17223/19986645/87/6

Расширение семантического объема слова на примере прилагательного *loyal*

Татьяна Сергеевна Рыжкова¹, Ирина Викторовна Зайкова²

^{1, 2} Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Иркутск, Россия
¹ ryzhkova08@mail.ru
² irazaykova@mail.ru

Аннотация. Исследуется семантический объем прилагательного *loyal* в современном английском языке. Материалом послужили данные этимологических и толковых словарей, тексты лингвистических корпусов английского языка, контексты англоязычных средств массовой информации. Выявлены не зафиксированные лексикографическими источниками значения, детерминированные изменениями, происходящими в обществе, и способностью человека к эмоционально-оценочному восприятию действительности. Определены сферы употребления лексемы.

Ключевые слова: семантический объем, расширение, компонентный анализ слова, коннотативное значение, антропоморфная метафора, лексема *loyal*

Для цитирования: Рыжкова Т.С., Зайкова И.В. Расширение семантического объема слова на примере прилагательного *loyal* // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 87. С. 110–126. doi: 10.17223/19986645/87/6

Original article
doi: 10.17223/19986645/87/6

Expanding the semantic scope of a word on the example of the adjective *loyal*

Tatyana S. Ryzhkova¹, Irina V. Zaykova²

^{1, 2} Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation
¹ ryzhkova08@mail.ru
² irazaykova@mail.ru

Abstract. The article aims to study the semantic scope of the adjective *loyal* and define the vectors of its expansion in modern English. The research is based on etymological and explanatory dictionaries of the English language, contexts presented in the British National Corpus (BNC), Corpus of Contemporary American English (COCA), Corpus of US Supreme Court Opinions, NOW Corpus (News on the Web), Corpus iWeb (The 14 Billion Word Web Corpus), and authentic texts of mass media. The study of dictionary definitions at the present stage of the language development

allows to identify the current meanings of the adjective *loyal*: 'faithful', 'loyalist', 'devoted', 'trustworthy', 'permanent', and 'legal'. These meanings were verified by examples and contexts presented in English linguistic corpora, as well as in the mass media. The analysis of dictionary definitions, component analysis, etymological and contextual analyses, as well as the study of syntagmatic partners of the adjective *loyal* enable to reveal sixteen meanings: six of them are fixed by lexicographic sources, ten are differentiated on the basis of text fragments of linguistic corpora and English-language Internet content, seven of which are defined as connotative with a pronounced emotional and evaluative component. The empirical research deals with ten thousand contexts of linguistic corpora by means of continuous sampling method. All meanings of *loyal* are ranked in terms of their penetration and fixation in four areas of public life: economic, political, social and spiritual. The obtained data demonstrate the expansion of the lexeme *loyal* in all spheres. The final stage of the study focuses on the determination of the frequency of meanings in each area on the basis of the quantitative ratio with the total number of text fragments. The results show the spread of *loyal* by a small margin in three spheres of public life: economic, social and political which is due to the significant diversity of their components. The conducted research of the semantic volume of the adjective *loyal* makes it possible to reveal non-fixed meanings that are relevant for a wide range of spheres of public life: 'reliable', 'real', 'systematic', 'persistent', 'true', 'fast', 'caring', 'fair', 'reasonable', and 'correct'. The emergence of new meanings associated with the development of social relations and connotative shades due to the emotional and evaluative human perception of reality, anthropomorphic metaphorical rethinking of ongoing changes has determined the essential vectors of expansion of the lexeme *loyal* in modern English.

Keywords: semantic scope, expansion, component analysis of word, connotative meaning, anthropomorphic metaphor, lexeme "loyal"

For citation: Ryzhkova, T.S. & Zaykova, I.V. (2024) Expanding the semantic scope of a word on the example of the adjective *loyal*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 87. pp. 110–126. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/87/6

Развитие научно-технического прогресса, поступательное развитие общества, открытие новых явлений действительности и их признаков, создание новых объектов и артефактов – определяющие факторы расширения семантического объема слова. Данный процесс континуален, поскольку детерминирован непрерывным познанием окружающего мира. Как следствие, появляются генерированные в процессе расширения семантического объема слова семы, проникающие в различные сферы организации общества.

Семантическая структура многозначных слов является одной из актуальных проблем изучения современной лингвистической науки. Существует достаточное количество отечественных [1–6] и зарубежных исследований [7–13], посвященных феномену многозначности.

Выбор темы данного исследования обусловлен отсутствием подробного и тщательного изучения семантического объема прилагательного *loyal* в современном английском языке. В частности, О.Г. Лукошус рассматривает *loyal* в контексте синонимичного ряда *true, loyal, faithful*, раскрывая сходные значения данных лексем [14]. Т.В. Варлакова, изучая особенности употреб-

ления лексических средств выражения научной юридической мысли, констатирует способность прилагательного *loyal* менять семантический оттенок [15]. Ю.А. Купцова в исследовании, посвященном изучению ассоциативного потенциала концепта «преданность», анализирует значения лексем *faithfulness, devotion, fidelity, loyalty*, распределяя их по семантическим группам [16]. М.Н. Федулова, рассматривая особенности функционирования юридических терминов в ракурсе когнитивной лингвистики, выделяет *loyal* в качестве термина-латинизма [17].

Как показывает анализ, прилагательное *loyal* в английском языке претерпело определенные семантические изменения с точки зрения эволюции его употребления, представляя тем самым определенный научный интерес.

Целью настоящего исследования является изучение семантического объема прилагательного *loyal* и определение векторов его расширения в современном английском языке.

Методами исследования послужили анализ словарных дефиниций, компонентный анализ слова, этимологический, контекстуальный анализ, метод сплошной выборки.

Прилагательное *loyal* впервые фиксируется в английском языке в начале XVI в. в значении ‘верноподданный’, ‘верный’ по отношению к действующей власти [18] вследствие прямого заимствования из французского языка, ср.: *loyal (fr.)* → *loyal (eng.)*. Этимологически прилагательное *loyal* восходит к старофранцузскому языку к лексемам *loial, leal*, у которых выделяются значения: ‘хорошее качество’, ‘верный’, ‘благородный’, ‘законопослушный’, ‘законный’, ‘рожденный в браке’ [18]. Обе лексемы своими корнями уходят к латинскому прилагательному *lēgālis* ‘законный’, образованному от существительного *lex* ‘закон’ [19]. Таким образом, развитие семантических составляющих прилагательного *loyal* было предопределено этимологическим компонентом ‘следование букве закона’.

Следует отметить, что прилагательное *loyal*, заимствованное в первой половине XVI в., подменило и практически вытеснило из употребления в среднеанглийском языке лексему *leal*, которая представляла собой более раннее заимствование из старофранцузского. Первые упоминания употребления прилагательного *loyal* в языке датируются 1477 г., ср.:

...and if i might finde my selfe in her grace i sholde loue her souerainly a ha sayde mopsius i held you for the most **loyal** & most constant **knight** that eu gaf him to serue loue (1477) [20].

Несмотря на достаточно широкий семантический объем французского прилагательного *loyal*, на этапе вхождения заимствования в английский язык актуальными становятся значения ‘верноподданный’, ‘верный’, ‘преданный’, ср.: *loyal obedience* – верноподданническое подчинение; *loyal subiection* – верная покорность; *loyal people* – преданные люди, например:

...he wold defeate him of his kyngdome, vexed with continuall persecucion: duryng which tyme dauid shewed many exammples, both of godly pacience and also of **loyal obedience** toward his prince... (1559) [20];

...but to offer to his diuine maiestie, such things as their power was able to supplie, in token of their dewe obedience, and **loyal subiection**, as of whom they receiued al goodnes... (1556) [20];

...what greater prouffe coude his grace haue had of his nobles, true and **loyal people**, than in suche occasyon to haue shewed theym selfe so faythfull, so trusty, so wyllynge, and so obeysaunte? (1536) [20].

Анализ словарных дефиниций толковых словарей на современном этапе развития языка позволил выделить следующие значения прилагательного *loyal* [21–24]: верный, верноподданный, преданный, лояльный, постоянный, законный.

Данные словарные значения были верифицированы примерами и контекстами, представленными в британском корпусе английского языка (BNC) [25], корпусе современного американского английского языка (COCA) [26], корпусе решений Верховного суда США (SCOTUS) [27], в корпусах новостного контента Интернета (NOW) [28] и (iWeb) [29], а также текстами англоязычных средств массовой информации.

Значение *верный* эксплицируется в контексте верности абстрактным, неосознаваемым сущностям, отношениям, в частности религиозным верованиям, идеалам, принципам, взглядам, слову, обету, правилу, любви, дружбе, службе, ср.: *loyal church members* – верные прихожане; *a loyal wife* – верная жена; *a loyal husband* – верный муж; *a loyal consort* – верный супруг; *a loyal companion* – верный спутник; *a loyal boyfriend* – верный парень; *a loyal follower* – верный последователь; *a loyal servant* – верный слуга; *a loyal assistant* – верный помощник; *a loyal PlayStation guide* – верный гид по PlayStation; *a loyal subordinate* – верный подчиненный; *a loyal service* – верная служба. Данное значение также актуально в контексте экспликации веры в надежность союзника во время военных действий или в качестве поддержки и солидарности на политической арене, в том числе возможности положиться на друга в сложных жизненных ситуациях, ср.: *a loyal friend* – верный друг; *a loyal comrade* – верный товарищ; *loyal soldiers* – верные солдаты; *a loyal ally* – верный союзник; *loyal defenders* – верные защитники.

Следует отметить широкий сочетаемостный потенциал прилагательного *loyal* при экспликации верности, ср.: *быть верным церкви (loyal to the Church)*; *религии (loyal to Islam, to Christianity)*; *конституции (loyal to the Constitution)*; *идеологии (loyal to the ideology)*; *стране (loyal to the United States)*; *короне (loyal to the Crown)*; *своим корням (loyal to their roots)*; *обещаниям (loyal to the pledge)*; *правилам (loyal to the rules)*; *месту, где родился или живешь (loyal to Kentucky¹; loyal to the city)*.

Значимость оценки верности гражданина своей стране четко прослеживается в юридическом дискурсе, о чем свидетельствует целый ряд примеров из решений Верховного суда с 1899 г. по настоящее время, входящих в базу Корпуса решений Верховного суда США (SCOTUS), ср.:

¹ Kentucky – Кентукки (штат на юго-востоке США).

*The leading facts of the case, as found by the court of claims, are as follows: Worthington was a **loyal citizen** of the United States, residing at Metropolis, in the state of Illinois; and the claimant was his daughter, and only heir at law (1899) [27];*

*Respondent's complaint alleged that he was «a member of the electorate and a **loyal citizen** of the United States» (1974) [27];*

*The Court sensibly held that the Government could not detain a **loyal citizen** pursuant to executive and congressional authorities that could not conceivably be implicated given the Government's factual allegations (2004) [27].*

В области права подчеркивается верность клятве, ср.:

*That humanity, he said, required the jury to weigh the evidence «fairly» and to be «**loyal to that oath**» the jurors had taken to uphold the law [27].*

В век цифровизации и формирования глобального информационного общества принципиальной для многих людей остается верность привычному укладу жизни, например оставаться верным печатным носителям информации *'loyal to the print product'*, ср.:

*I am a **loyal print-book gal**, always will be. And I'm only 23! [26].*

Следует выделить коннотативное значение исследуемой лексики *стойкий*, близкое к значению *верный*, которое актуализируется в контексте способности человека устоять, не отступить перед трудностями, сохранить верность своим убеждениям и взглядам, ср.: *a loyal supporter* – *стойкий сторонник*.

Отметим, что значение *верноподданный* не теряет своей актуальности в современном мире для выражения верности правителю, обладающему высшей государственной властью при монархической форме правления, ср.: *a loyal subject* – *верноподданный*; *loyal British subjects* – *верноподданные Британии*, *loyal greetings* – *приветствия верноподданных*, например:

*The Queen has adopted her standard practice of ignoring all the criticism and dissatisfaction in the belief that it will eventually go away. Whereas your letters indicate that **loyal subjects** who have previously supported the Monarchy now feel that mistakes need to be acknowledged and if Her Majesty is not to be seen as hopelessly out of touch and out of date it is time she stood up and publicly said sorry [25].*

Значение *преданный* напрямую ассоциируется с идеей преданности своей родине, главе государства, правительству, политическому лидеру или режиму, политической партии, в том числе преданности компании, команде, кумиру, ср.: *a loyal warrior* – *преданный воин*; *a loyal team member* – *игрок, преданный своей команде*; *loyal troops* – *преданные войска*; *a loyal army* – *преданная армия*; *loyal fans* – *преданные фанаты*; *loyal following* – *преданные поклонники*; *loyal supporters* – *преданные болельщики*; *loyal World of Warcraft subscribers* – *преданные поклонники World of Warcraft*; *a loyal Xiaomi fan* – *преданный фанат Xiaomi*, например:

*By the end though, Mexico's **loyal supporters** were quiet, while the ones in blue-and-white stripes bounced up and down in the stands [30].*

Отметим достаточно широкие сочетаемостные возможности лексики *loyal* для выражения преданности политически мотивированным идеалам и

ценностям, ср.: *be loyal to the government (to a political party; to a regime; to the country; to the then strongman of Ibadan politics; to the governing coalition; to the ex-leader etc.)*, например:

*Not only that, I hugely admire how she remained **loyal to our Party Leader*** [28].

Реалии современного развития общественно-экономических отношений и механизмов актуализировали употребление лексемы *loyal* в сфере трудовых отношений, а также в сфере предоставления медицинских услуг, ср.: *a loyal worker – преданный работник; a loyal employee – преданный сотрудник; loyal staff – преданный персонал; a loyal patient – преданный пациент*. Преданное отношение сотрудника эксплицируют словосочетания: *be loyal to his own boss; be loyal to the department; remain loyal to the company*.

Значение *лояльный* актуализируется достаточно широко в общественной сфере как нейтрально-благожелательное по отношению к политическим партиям, правительству, правящим кругам, крупному бизнесу, ср.: *loyal media – лояльные СМИ; loyal voters – лояльные избиратели; loyal party members – лояльные члены партии; loyal Democrats – лояльные демократы; loyal Republicans – лояльные республиканцы; a loyal outsider – лояльный сторонний наблюдатель*. Отмечается широкий спектр сочетаемостных возможностей прилагательного *loyal* в качестве слова-стимула при выражении политических взглядов и предпочтений, ср.: *be loyal to the Republican party; be loyal to the Democrats; be loyal to the Governor's party*.

С развитием права принцип лояльного сотрудничества фиксируется в уставах многих международных организаций, в международных договорах, многочисленных резолюциях и декларациях. Например, Договор о Европейском союзе¹ опирается на принцип лояльного сотрудничества, согласно которому государства-члены проявляют взаимное уважение и содействуют друг другу в выполнении Европейским союзом его задач [31].

С развитием рекламы, маркетинговых, информационных и PR-технологий писатели, журналисты, блогеры, специалисты по связям с общественностью, политтехнологи создают и поддерживают положительный образ организации в представлении определенных целевых групп, формируя лояльную аудиторию, ср.: *loyal audience – лояльная аудитория; loyal viewers – лояльные зрители; be loyal to Firefox – быть лояльным к браузеру Firefox*, например:

*The highly paid management must manage effectively, accountably and positively, and market this wonderful resource. In other words they must get their act together and sell the R.L.P.O. to their **loyal audience*** [25].

В дополнение к политической сфере и сфере медиапространства лояльное, нейтрально-благожелательное отношение проявляется и в межличностном взаимодействии, ср.: *loyal comments – лояльные комментарии; loyal opinion – лояльное мнение*, например:

¹ Договор был подписан 7 февраля 1992 г. в городе Маастрихт (Нидерланды) странами Европейских сообществ, положил начало Европейскому союзу.

*This is the equivalent to touching something versus holding it. Right after this she is told once again to return to her people. This opens up one of the best **loyal comments** and the best confessions with Ruth's reply [26].*

Значение *постоянный* ассоциируется с приверженностью потребителя к определенной торговой марке, что напрямую связано с развитием маркетинговых технологий и стратегий, направленных на привлечение клиентов и установлению более тесной связи с целевой аудиторией, ср.: *a loyal customer always buys the same product, uses the same store, etc.* [24], например: *a loyal customer (client)* – *постоянный клиент*; *a loyal user* – *постоянный пользователь*; *a loyal shopper* – *постоянный покупатель*; *a loyal viewer* – *постоянный зритель*; *loyal blog readers* – *постоянные читатели блога*; *a loyal subscriber* – *постоянный подписчик*; *loyal listeners* – *постоянные слушатели*; *a loyal attender* – *постоянный посетитель*.

Так, всемирно известные бренды, печатные и интернет-издания СМИ имеют широкий круг постоянных пользователей по всему миру, ср.: *loyal Nokia customers* – *постоянные клиенты Nokia*; *loyal Monkey Cage readers* – *постоянные читатели Monkey Cage*; *a loyal Amazon customer* – *постоянный клиент Amazon*; *a loyal Albertson's shopper* – *постоянный покупатель Albertson's*; *a loyal Samsung user* – *постоянный пользователь бренда Samsung*; *loyal iPhone or Android users* – *постоянные пользователи iPhone или Android*.

Семантический компонент *постоянный* реализуется не только в маркетинговой сфере, но и в межличностных отношениях, спорте, ср.: *a loyal competitor* – *постоянный соперник*, например:

*He was a tough and uncompromising player with a hard man image but he was also a supremely **loyal competitor** who stayed with Leeds at a time when a big money transfer might have been more lucrative [26].*

Значение *законный* отмечают лишь некоторые словари [23] с пометой *устар.* Отметим, что в юридической сфере прилагательное достаточно активно употребляется в контексте социального взаимодействия юрист–клиент, ср.: *loyal factotum* – *доверенное лицо*, например:

*Schwerin had been a **loyal factotum** to Hunter since the days they worked together in the Department of Commerce during the Clinton administration [32].*

Дефиниционный анализ прилагательного *loyal* позволил выделить основные концептуальные признаки лояльного отношения – *континуальность, доверие, преданность, приверженность*, которые определили векторы дальнейшего развития семантического объема исследуемой лексемы:

- континуальность:

*It was a show that drew in its viewers and kept them **loyal for 40+ years** [26]; I worked at the paper for 12 years and have been a **loyal subscriber for 25 years** and a journalist for more than 30 [26];*

- доверие:

*She would be very upset, desolated, if she knew. Monsieur Jagger does not want his wife to know and we are **loyal** to him [25];*

- преданность:

*May I close by thanking Her Royal Highness, my colleagues on Council, all my friends in our sport and our Association as well as our very **loyal and hard-working permanent staff** for all their efforts on behalf of the sport [25];*

• приверженность:

*There are so many things you need to know about this gadget that I barely know where to start! I've been using it awhile and, despite being **a loyal Mac user**, I really love it [28].*

Тем не менее анализ словарных дефиниций толковых словарей английского языка представляется недостаточным для определения семантического объема исследуемой лексемы. Несмотря на присущую лексикографическим источникам открытость и чуткую реакцию на изменения, происходящие в языке, словари не в состоянии в полном объеме своевременно фиксировать расширение семантического объема слова в силу быстротечности изменений, происходящих в обществе. Фиксация словарем языковых изменений происходит с определенным опозданием. В связи с этим на следующем этапе изучения семантического объема прилагательного *loyal* был проведен анализ 10 000 контекстов основных лингвистических корпусов английского языка (BNC, COCA, SCOTUS, NOW, iWeb). В результате были выявлены не зафиксированные современными лексикографическими источниками значения, которые существенно расширили семантический объем прилагательного *loyal*.

Значение *надежный* было выделено в контексте личностного опыта восприятия человеком определенных объектов действительности, которые ассоциируются с прочными, вызывающими доверие отношениями, сооружениями или механизмами, ср.: *a loyal partner* – *надежный партнер*; *a loyal vendor* – *надежный поставщик*; *loyal stronghold* – *надежный оплот*; *a loyal instrument* – *надежный инструмент*.

Значение *настоящий* фиксируется в вышеупомянутых корпусах в политическом дискурсе, ср.: *loyal patriots* – *настоящие патриоты*; *a loyal enemy* – *настоящий враг*; *loyal nationalists* – *настоящие националисты*; *a loyal struggle* – *настоящая борьба*, например:

*These two men have been described by the president to be **loyal patriots** and Nigerians can only have been proud to have them as the vice president and chief of staff [28].*

Кроме того, данное значение актуализируется в социальном взаимодействии, ср.: *loyal professionals* – *настоящие профессионалы*, например:

*Finally, H&E has both an experienced and motivated team of **loyal professionals** who demonstrated dedication to excellence and respect toward our customers and each other [28].*

Очень близким к значению *настоящий* является коннотативное значение *истинный*, которое употребляется в контексте преданности и желании служить своей Родине, гордиться ею и прилагать все усилия для ее процветания, ср.: *loyal Americans* – *истинные американцы*, которые делают все возможное на благо своей страны 'working for the best for the nation' [26], ср.:

*He is one of the most **loyal Americans** you would ever hope to meet and he was proud to serve his country* [28].

Следующее значение, которое удалось выделить посредством контекстуального анализа, – *системный*, ср.: *a loyal opposition* – *системная оппозиция*. Данное словосочетание характеризует системную оппозицию, которая складывается в рамках существующей политической системы, например:

*The **loyal opposition** is entitled to keep agitating for change, but must recognize the authority of the legal status quo* [28].

Изучение синтагматических отношений и сочетаемостных предпочтений исследуемого прилагательного на материале лингвистических корпусов позволило дифференцировать ряд значений, которые актуализируются лишь в конкретных контекстах и обладают ярко выраженной коннотацией. Для значений *заботливый*, *быстрый*, *правильный*, *добросовестный*, *разумный* характерны единичные случаи употребления с узконаправленным охватом определенной сферы общественной жизни. Так, сема ‘*заботливый*’ проявляется в контексте семейных отношений, ср.: *a loyal father* – *заботливый отец*, например:

*He was a very fiercely passionate man and a very **loyal father**, husband and family member* [28].

Сема *быстрый* является релевантной для сферы ИТ-технологий при оценке скорости определения и конфигурирования подключаемых к компьютеру устройств, ориентированных на простое включение и готовность к немедленному применению, ср.: *a loyal plug-and-play* – *быстрая автоматическая настройка подключаемого устройства*; *a loyal computer guidance system* – *быстрая система наведения*, например:

*The thought is sparkling and so apparent it's got to happen. Imagine a **loyal plug-and-play*** [26].

Сема *правильный* проявляется при оценке и качественной характеристике жизненного вектора человека, ср.: *a loyal way* – *правильный путь*; *a loyal decision* – *правильное решение*, например:

*If I was him I would've waited to take over at Chiefs (**the loyal decision**) or Pirates (a more interesting challenge)* [28].

В торгово-экономических отношениях актуализируются семы ‘*добросовестный*’, ‘*разумный*’, ср.: *a loyal competition* – *добросовестная конкуренция*; *a loyal price* – *разумная цена*, например:

*Juncker says they discussed international trade and free trade, and stressed the need for free but **loyal competition*** [28];

*More excellent themes from this provider, check templatemonster.com, 50 % discount during first days of December only, later all the themes will become significantly more expensive, according to this interview of David Braun LONG... (very interesting, I must admit). I think 38 % is rather a **loyal price** for such a quality* [29].

Следует отметить, что семы ‘*добросовестный*’, ‘*разумный*’ представляют собой результат метафорического переосмысления явлений действи-

тельности и встраивания нового знания в существующую систему опыта человека на основе сравнений, ассоциаций и механизме переноса признаков, свойственных одному объекту, на другой. Так, цена и конкуренция персонафицируются и наделяются антропоморфными характеристиками, например цена разумом, а конкуренция совестью.

Данные изменения, ведущие к расширению и наполнению семантического объема *loyal*, обусловлены тем, что, как указывают Дж. Лакофф и М. Джонсон, вся понятийная система человека, по сути, метафорична; метафора присутствует в его повседневной жизни, мышлении и деятельности [33], «реализуя представления о нем как о центре мира» [34. С. 52]. Антропоморфная метафорическая модель распространяется на разные понятийные области, ассоциированные с человеком как целостной, многосторонней аксиологической сущностью [35].

Антропоморфные метафорические переносы, детерминированные способностью человека выделять и переносить какой-либо признак одного объекта на другой, значительно расширяют контекст употребления прилагательного *loyal* в его основных значениях, ср.: *a loyal soul* – верная душа; *a loyal love* – верная любовь; *a loyal sword* – верный меч, *loyal weapon* – верное оружие, *a loyal compass* – верный компас; *a loyal star* – верная звезда, ср.:

*Jean-Baptiste Le Moyne de Bienville on March 29, 1721, used his **loyal** and valiant **sword** to trace the exact spot where a permanent church should be* [28];

*Antibiotic is the most **loyal weapon** against the disease caused by bacterial infection* [28];

*The cat, her **loyal compass**, steadies her onward* [28];

*Chris Pratt may be **a loyal star** of two of the biggest movie franchises of the moment* [28].

Наблюдаются также окказиональные антропоморфные метафорические переносы в IT-сфере и медицине. Интересным, на наш взгляд, представляется антропоморфное уподобление качественной характеристики сложных механизмов – робота и компьютера, действующих в соответствии с заложенными программами, ср.: *a loyal robot* – верный робот, *a loyal computer* – верный компьютер; свойство микробов, живущих в теле человека, ср.: *loyal gut microbes* – верные микробы кишечника. Такого рода сравнения основываются на интерпретации и отождествлении объекта внешнего мира с человеком, ср.:

*It ended with a soldier walking away from the camera, silhouetted against golden evening sunlight, his **loyal robot** bumping along the road at his heels* [26];

*Deep in space, the relationship between a geeky astronaut and his **loyal computer**, is sorely tested by the most deadly of foes – a power cut* [29].

Следует отметить, что при переводе на русский язык словосочетаний с прилагательным *loyal* иногда представляется уместным передать значение при помощи метафоры. Например, словосочетание *a loyal cooperation* лучше перевести как *тесное сотрудничество*, поскольку пространственная метафора практически не требует дополнительных умозаключений при её восприятии, в котором реализуется прагматический смысл близко – ‘хорошо’,

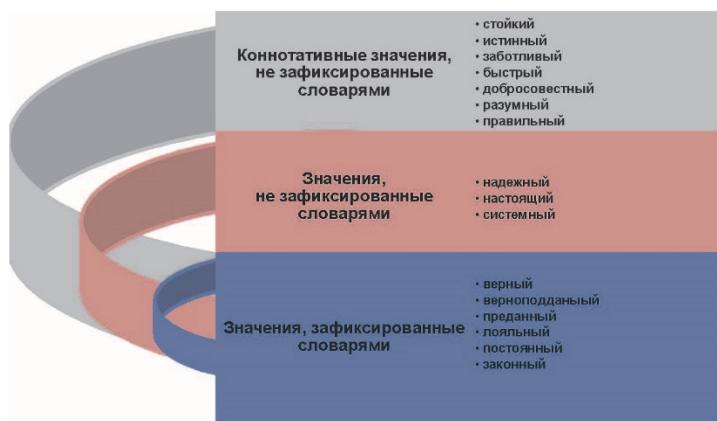
далеко – ‘плохо’. И наоборот, оперирование словосочетанием *лояльное сотрудничество* потребовало бы дополнительных умственных усилий для определенной части русскоязычного социума, например:

*To overcome our common challenges, we need unity and solidarity more than ever. I strongly believe that our community will only flourish when based on respectful dialogue and **loyal cooperation**, which I will do my best to ensure* [28].

С аксиологических позиций весьма интересными представляются семантические возможности прилагательного *loyal* в качестве метафорического эпитета, позволяющие эмоционально оценить описываемый объект и привнести дополнительные смысловые коннотации определяемой лексеме, ср.: *a loyal dog* – *верный нёс*; *a loyal guide dog* – *верная собака-поводырь*; *a loyal horse* – *верный конь*, например:

*Our Lol, our first family dog. **Loyal to the core*** [28].

Анализ словарных дефиниций, компонентный анализ слова, этимологический, контекстуальный анализ, а также изучение синтагматических партнеров прилагательного *loyal* позволили выявить 16 значений, из них шесть зафиксированы лексикографическими источниками, десять дифференцированы на основе текстовых фрагментов лингвистических корпусов и англоязычного интернет-контента, семь из которых определены как коннотативные с выраженным эмоционально-оценочным компонентом. Семантический объем лексемы *loyal* наглядно представлен на рисунке.

На следующем этапе исследования был проведен анализ 10 000 контекстов лингвистических корпусов методом сплошной выборки с целью выявления и ранжирования всех рассмотренных значений *loyal* с точки зрения их проникновения и закрепления в определенных сферах общественной жизни. За основу анализа была взята традиционная классификация четырех сфер жизни общества: экономическая, политическая, социальная, духовная. Полученные результаты приведены в табл. 1.

Таблица 1

**Употребление семантических компонентов прилагательного
loyal в различных сферах общественной жизни**

№	Семантический компонент <i>loyal</i>	Сферы общественной жизни (их составляющие)
1	Верный	Политическая (право)
		Социальная (уклад жизни)
		Духовная (религия, идеология, нравственность)
2	Стойкий	Духовная (нравственность, убеждения, взгляды)
3	Верноподданный	Политическая (государственная власть)
4	Преданный	Экономическая (производство, потребление)
		Политическая (правительство, политические партии, лидер, режим, армия)
		Социальная (трудовые отношения, профессиональное взаимодействие, медицинские услуги, спорт)
5	Лояльный	Экономическая (реклама, маркетинг, медиапространство)
		Политическая (правительство, политические партии, избиратели, политические взгляды, предпочтения)
		Социальная (межличностное взаимодействие)
6	Постоянный	Экономическая (маркетинг)
		Социальная (межличностные отношения, спорт)
7	Законный	Политическая (право)
8	Надежный	Экономическая (производственные отношения)
9	Настоящий	Политическая (политический дискурс)
		Социальная (социальное взаимодействие)
10	Истинный	Политическая (преданность Родине)
11	Системный	Политическая (оппозиция)
12	Быстрый	Экономическая (ИТ-технологии)
13	Заботливый	Социальная (семейные отношения)

№	Семантический компонент <i>loyal</i>	Сферы общественной жизни (их составляющие)
14	Добросовестный	Экономическая (торгово-экономические отношения)
15	Разумный	Экономическая (торгово-экономические отношения)
16	Правильный	Духовная (убеждения, взгляды)

Представленные данные демонстрируют интенсивное расширение семантического объема *loyal* и практически полное проникновение во все сферы общественной жизни.

На заключительном этапе исследования была выявлена частотность употребления значений *loyal* в каждой сфере на основе определения количественного соотношения с общим числом исследованных текстовых фрагментов. Результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2

Частотность употребления семантических компонентов прилагательного *loyal* в различных сферах общественной жизни

№	Сферы общественной жизни	Количественное соотношение значений
1	Экономическая	3 744 / 10 000
2	Социальная	2 931 / 10 000
3	Политическая	2 360 / 10 000
4	Духовная	965 / 10 000

Полученные результаты свидетельствуют о распространении значений *loyal* с небольшим отрывом в количественном отношении в трех сферах общественной жизни: экономической, социальной и политической, что обусловлено в большей степени значительным разнообразием их составляющих.

Проведенный анализ семантического объема прилагательного *loyal* позволил выделить не зафиксированные современными словарями английского языка значения, актуальные для широкого спектра сфер общественной жизни: *стойкий, надежный, настоящий, истинный, системный, быстрый, заботливый, добросовестный, разумный, правильный*. Появление новых значений, связанных с развитием общественных отношений, и коннотативных оттенков, обусловленных способностью человека к эмоционально-оценочному восприятию действительности, антропоморфному метафорическому переосмыслению происходящих изменений определило основные

векторы расширения семантического объема прилагательного *loyal* в современном английском языке.

Список источников

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М. : Школа «Языки русской культуры», 1974. 368 с.
2. Боярская Е.Л. Некоторые аспекты когнитивной теории многозначности // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта, 2010. № 2. С. 19–27.
3. Зализняк А.А. Феномен многозначности и способы его описания // Вопросы языкознания. 2004. № 2. С. 20–45.
4. Леуцёва Л.М. Когнитивные аспекты лексической полисемии. Минск, 1996. 245 с.
5. Песина С.А. Полисемия в когнитивном аспекте. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. 325 с.
6. Селиверстова О.Н. Компонентный анализ многозначных слов. М. : Наука, 1975. 240 с.
7. Caramazza A., Grober E. Polysemy and the structure of the subjective lexicon // Semantics: theory and application / ed. by C. Rameh. Washington, 1976. P. 181–206.
8. Dean P. Polysemy and cognition // Lingua 75. 1988. P. 325–361.
9. Kilgariff A. Inheriting polysemy : Ph.D. thesis. University of Sussex, 1992.
10. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago ; London : The University of Chicago Press, 1987. 631 p.
11. Nunberg G. The-non-uniqueness of semantic solutions: polysemy // Linguistics and philosophy. 1979. Vol. 3. P. 143–184.
12. Pause P., Boltz A., Egg M. A Two-Level Approach to polysemy // Current issues in linguistic theory: lexical knowledge in the organization of language. Amsterdam ; Philadelphia, 1995. P. 247–281.
13. Schwarze Ch., Schepping M.-T. Polysemy in a Two-Level-Semantics // Current issues in linguistic theory: lexical knowledge in the organisation of language. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins publishing company, 1995. P. 114–299.
14. Лукошус О.Г. Особенности семантической структуры многозначного слова (на примере английского синонимичного ряда true, loyal, faithful) // Вестник Московского государственного областного университета. Лингвистика. 2014. № 1. С. 53–61.
15. Варлакова Т.В. Лексические средства выражения научной юридической мысли // Академическая мысль. 2022. № 1 (18). С. 47–51.
16. Купцова Ю.А. Ассоциативный потенциал лексем-репрезентантов концепта преданность (на материале английского языка) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 12-2. С. 43–46.
17. Федюлова М.Н. Юридическая терминология как составная часть терминологической науки // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. № 4. С. 192–194.
18. Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 01.06.2022).
19. The American Heritage Dictionary of the English language. URL: <https://ahdictionary.com/> (дата обращения: 05.06.2022).
20. Early English Books Online. URL: <https://www.english-corpora.org/eebo/> (дата обращения: 02.05.2022).
21. Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 05.06.2022).
22. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 02.06.2022).
23. Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 10.06.2022).

24. *Cambridge Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 10.06.2022).
25. *Британский национальный корпус*. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 10.06.2022).
26. *Корпус современного американского английского языка*. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 10.06.2022).
27. *Корпус решений Верховного Суда США*. URL: <https://www.english-corpora.org/scotus/> (дата обращения: 11.06.2022).
28. *Корпус NOW (News on the Web)*. URL: <https://www.english-corpora.org/now/> (дата обращения: 11.06.2022).
29. *Корпус iWeb (The 14 Billion Word Web Corpus)*. URL: <https://www.english-corpora.org/iweb/> (дата обращения: 10.02.2023).
30. *Clegg J. Messi's World Cup Hopes Survive With Argentina's 2-0 Win Over Mexico // The Wall Street Journal*. URL: <https://www.wsj.com/articles/argentina-mexico-world-cup-li-onel-messi-11669497361> (дата обращения: 01.02.2023).
31. *Treaty on European Union*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/treaty/teu/sign> (дата обращения: 10.10.2022).
32. *Devine M. Hunter Biden engaged in some daddy pay care // New York Post*. URL: <https://nypost.com/2021/07/04/hunter-biden-engaged-in-some-daddy-pay-care-devine/> (дата обращения: 01.02.2023).
33. *Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By*. Chicago : The University of Chicago Press, 1980. 242 p.
34. *Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000)*. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.
35. *Юсупова Л.Г. Метафора с точки зрения антропоморфной семантики // Вестник Башкирского университета*. 2019. Т. 24. № 2. С. 470–472.

References

1. Apresyan, Yu.D. (1974) *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Lexical Semantics. Synonymous means of language]. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury".
2. Boyarskaya, E.L. (2010) Nekotorye aspekty kognitivnoy teorii mnogoznachnosti [Some aspects of the cognitive theory of polysemy]. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta*. 2. pp. 19–27.
3. Zaliznyak, A.A. (2004) Fenomen mnogoznachnosti i sposoby ego opisaniya [The phenomenon of polysemy and methods of its description]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2. pp. 20–45.
4. Leshcheva, L.M. (1996) *Kognitivnye aspekty leksicheskoy polisemii* [Cognitive Aspects of Lexical Polysemy]. Minsk: Minsk State Linguistic University.
5. Pesina, S.A. (2005) *Polisemiya v kognitivnom aspekte* [Polysemy in the Cognitive Aspect]. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia.
6. Seliverstova, O.N. (1975) *Komponentnyy analiz mnogoznachnykh slov* [Component Analysis of Polysemous Words]. Moscow: Nauka.
7. Caramazza, A. & Grober, E. (1976) Polysemy and the structure of the subjective lexicon. In: Rameh, C. (ed.) *Semantics: Theory and application*. Washington: Georgetown University Press. pp. 181–206.
8. Dean, P. (1988) Polysemy and cognition. *Lingua* 75. pp. 325–361.
9. Kilgarriff, A. (1992) *Inheriting Polysemy*. Ph.D. Thesis. Sussex.
10. Lakoff, G. (1987) *Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago; London: The University of Chicago Press.
11. Nunberg, G. (1979) The non-uniqueness of semantic solutions: polysemy. *Linguistics and Philosophy*. 3. pp. 143–184.

12. Pause, P., Boltz, A. & Egg, M. (1995) A Two-Level Approach to polysemy. In: *Current Issues in Linguistic Theory: Lexical knowledge in the organization of language*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins publishing company. pp. 247–281.
13. Schwarze, Ch. & Schepping, M.-T. (1995) Polysemy in a Two-Level-Semantics. In: *Current Issues in Linguistic Theory: Lexical knowledge in the organisation of language*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins publishing company. pp. 114–299.
14. Lukoshus, O.G. (2014) Osobennosti semanticheskoy struktury mnogoznachnogo slova (na primere angliyskogo sinonimichnogo ryada true, loyal, faithful) [Features of the semantic structure of a polysemantic word (using the example of the English synonymous series true, loyal, faithful)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Lingvistika*. 1. pp. 53–61.
15. Varlakova, T.V. (2022) Leksicheskie sredstva vyrazheniya nauchnoy yuridicheskoy mysli [Lexical means of expressing scientific legal thought]. *Akademicheskaya mysl'*. 1 (18). pp. 47–51.
16. Kuptsova, Yu.A. (2013) Assotsiativnyy potentsial leksem-representantov kontsepta predannost' (na materiale angliyskogo yazyka) [Associative potential of lexemes representing the concept of devotion (based on the material of the English language)]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 12–2. pp. 43–46.
17. Fedulova, M.N. (2017) Yuridicheskaya terminologiya kak sostavnaya chast' terminologicheskoy nauki [Legal terminology as an integral part of terminological science]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4 (23). pp. 192–194.
18. *Online Etymology Dictionary*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.etymonline.com/> (Accessed: 01.06.2022).
19. *The American Heritage Dictionary of the English language*. (n.d.) [Online] Available from: <https://ahdictionary.com/> (Accessed: 05.06.2022).
20. *Early English Books Online*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.english-corpora.org/eebo/> (Accessed: 02.05.2022).
21. *Collins English Dictionary*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.collinsdictionary.com> (Accessed: 05.06.2022).
22. *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.macmillandictionary.com/> (Accessed: 02.06.2022).
23. *Merriam-Webster Dictionary*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.merriam-webster.com/> (Accessed: 10.06.2022).
24. *Cambridge Dictionary*. (n.d.) [Online] Available from: <https://dictionary.cambridge.org/> (Accessed: 10.06.2022).
25. *British National Corpus (BNC)*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (Accessed: 10.06.2022).
26. *Corpus of Contemporary American English (COCA)*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.english-corpora.org/coca/> (Accessed: 10.06.2022).
27. *Corpus of US Supreme Court Opinions*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.english-corpora.org/scotus/> (Accessed: 11.06.2022).
28. *Korpus NOW (News on the Web)*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.english-corpora.org/now/> (Accessed: 11.06.2022).
29. *Korpus iWeb (The 14 Billion Word Web Corpus)*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.english-corpora.org/iweb/> (Accessed: 10.02.2023).
30. Clegg, J. (2022) Messi's World Cup Hopes Survive With Argentina's 2-0 Win Over Mexico. *The Wall Street Journal*. 26 November. [Online] Available from: <https://www.wsj.com/articles/argentina-mexico-world-cup-lionel-messi-11669497361> (Accessed: 01.02.2023).
31. EUR-Lex. (1992) *Treaty on European Union*. [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/eli/treaty/teu/sign> (Accessed: 10.10.2022).
32. Devine, M. (2021) Hunter Biden engaged in some daddy pay care. *New York Post*. 4 July. [Online] Available from: <https://nypost.com/2021/07/04/hunter-biden-engaged-in-some-daddy-pay-care-devine/> (Accessed: 01.02.2023).

33. Lakoff, G. & Johnson, M. (1980) *Metaphors We Live By*. Chicago: The University of Chicago Press.

34. Chudinov, A.P. (2001) *Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in a Metaphorical Mirror: A cognitive study of political metaphor (1991–2000)]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.

35. Yusupova, L.G. (2019) Metafora s tochki zreniya antropomorfnoy semantiki [Metaphor from the point of view of anthropomorphic semantics]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 2 (24). pp. 470–472.

Информация об авторах:

Рыжкова Т.С. – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков № 1 Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия). E-mail: ryzhkova08@mail.ru

Зайкова И.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры иностранных языков № 1 Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия). E-mail: irazaykova@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

T.S. Ryzhkova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: ryzhkova08@mail.ru

I.V. Zaykova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: irazaykova@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.03.2023;
одобрена после рецензирования 27.04.2023; принята к публикации 7.03.2024.*

*The article was submitted 21.03.2023;
approved after reviewing 27.04.2023; accepted for publication 7.03.2024.*

Научная статья

УДК 811.111

doi: 10.17223/19986645/87/7

Особенности употребления метаграфемных средств в различных типах речевых актов англоязычных блогов

Ольга Валерьевна Хоцкина¹, Дарья Сергеевна Ланкина²

^{1,2} *Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия*

¹ *o.khotskina@g.nsu.ru*

² *d.lankina@g.nsu.ru*

Аннотация. Определяются особенности употребления метаграфемных средств (графические средства репрезентации письменной речи) в пяти типах речевых актов (репрезентативы, директивы, комиссивы, интеррогативы, экспрессивы) на материале англоязычных блогов, публикуемых на платформе Blogspot. Рассматривается использование средств, соответствующих пунктуационным нормам, и употребление нестандартной пунктуации. Также уточняется взаимосвязь между употреблением метаграфемных средств и осуществлением иллокутивной силы высказывания.

Ключевые слова: метаграфемика, компьютерно-опосредованная коммуникация, пунктуация, речевые акты, блог

Для цитирования: Хоцкина О.В., Ланкина Д.С. Особенности употребления метаграфемных средств в различных типах речевых актов англоязычных блогов // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 87. С. 127–145. doi: 10.17223/19986645/87/7

Original article

doi: 10.17223/19986645/87/7

Metagraphemics of different types of speech acts in English blogs

Olga V. Khotskina¹, Daria S. Lankina²

^{1,2} *Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation*

¹ *o.khotskina@g.nsu.ru*

² *d.lankina@g.nsu.ru*

Abstract. The article deals with metagraphemic means (graphical means of visual representation of a text) found in five types of speech acts: representative, directive, commissive, interrogative, and expressive (200 items in each group acquired by mixed-sampling technique). Blogs published on blogspot.com are the source of the data. The authors consider the ways users treat the visual means (mainly in terms of punctuation) dividing them into three groups: (1) derivations from the punctuation and other written speech norms; (2) supplemental means which are not obligatory to use, but are applied by the user; (3) the combination of the two groups, i.e. the supplemental means which do not meet the standard norms of written speech. In addition, the influence on the

illocutionary force of a speech act is considered. The metagraphemics of blogs is relatively standard. The supplemental non-standard graphic means are used in 6,5% of interrogatives, 9,5% of directives, 13% of commissives and 24,5% of representative speech acts. In general, metagraphemics does not affect the illocutionary force of interrogatives (request for information); it merely provides additional emotional tone. The main function of directives is reinforced by chromographemics, topographemics, supragraphemics, and iconic supragraphemics. Metagraphemics is used to emphasize and strengthen the promise function of commissive speech acts, especially in “planning” commissives when the user regards the future event as a pleasant one. Syngraphemics (punctuation) is extensively applied in representative speech acts. Expressive speech acts demonstrate the highest number of derivations from the norm. Non-standard additional punctuation and iconic symbols are found in 27,5% of them. Expressives perform the phatic function substantially. Most of graphic means applied in them (topographemics, supragraphemics and syngraphemics in particular) maintain the illocutionary force of expressive speech acts, i.e. demonstrate the psychological state of a person. Therefore, despite the absence of natural paralinguistic means peculiar of oral speech, Internet users manage to invent various methods to express feelings and emotional tones so that they are able to convey their ideas and attitudes towards the topic and interlocutors.

Keywords: metagraphemics, computer-mediated communication, punctuation, speech acts, blog

For citation: Khotskina, O.V. & Lankina, D.S. (2024) Metagraphemics of different types of speech acts in English blogs. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 87. pp. 127–145. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/87/7

В настоящее время к изучению языковых явлений все чаще применяется прагматический подход, фокус смещается на человека как носителя языка, на цели, которые он пытается реализовать в процессе речи, и результаты, которые он получает. С этой точки зрения большой интерес вызывает язык компьютерно-опосредованной коммуникации¹, предоставляющий лингвистам обширное поле для исследования. Уникальным явлением его делают две основные черты: гибридность и отсутствие паралингвистических средств, свойственных устной речи.

По мнению многих исследователей (Е.И. Горшкова [2], О.В. Лутовинова [3], С.А. Лысенко [4], Д. Кристал [5], А.Ф. Ибраева [6]), одной из основных особенностей компьютерно-опосредованной коммуникации является ее гибридность – она обладает чертами как устной, так и письменной речи, при этом в разных жанрах эти черты проявляются по-разному. В жанре блога, например, тексты постов отличаются более высокой степенью проявления признаков письменной речи, в то время как в комментариях преобладают признаки устной речи.

¹ В данной работе для определения языка общения в интернете мы используем термин *компьютерно-опосредованная коммуникация*, предложенный И.Н. Розиной [1. С. 218]. Нам представляется важным то, что объектом исследования в данном случае является не язык сам по себе, а коммуникация, осуществляемая посредством электронных средств связи, которые оказывают на нее определенное влияние.

Вторая особенность компьютерно-опосредованной коммуникации, заслуживающая внимания, – невозможность использования обычных паралингвистических средств (например, мимика, жесты) в процессе коммуникации. Например, Н.А. Ахренова [7. С. 20] определяет основное отличие коммуникации в Интернете от непосредственной коммуникации следующим образом: в ней невозможно участие некоторых информационных каналов либо вообще, в принципе (обоняние и осязание), либо, в случае письменной коммуникации, отсутствует зрительное восприятие коммуниканта, таким образом, паралингвистические средства передачи информации остаются недоступны.

В таком случае большое значение приобретают графические средства репрезентации текста. В последнее время исследователи все чаще склоняются к применению прагматического подхода к пунктуации и графическому оформлению текста в целом. Для нашего исследования мы воспользуемся классификацией А.Н. Баранова и П.Б. Паршина [8. С. 6–8]. Авторы в особой семиотической системе – метаграфемике – выделяют семь уровней средств:

– обязательные:

1) **субстанциональная метаграфемика** – материальное воплощение текста (носитель, средства передачи);

2) **хромографемика** – цветовое оформление текста;

3) **супраграфемика** – шрифтовое оформление текста, кегль, употребление заглавных и строчных букв;

4) **топографемика** – расположение текста в пространстве (например, если речь идет о печатном тексте – его расположение на странице);

– дополнительные (авторы предлагают рассматривать их в качестве самостоятельных семиотических систем):

1) **синграфемика** – знаки пунктуации;

2) **кинемографемика** – различные анимационные эффекты;

3) **иконическая супраграфемика** – иллюстрации, а также визуальные образы, составленные из букв.

Такое деление на уровни позволяет рассматривать метаграфемiku блогов с разных сторон, не упуская ничего из виду, структурировать полученную информацию, а также, в какой-то мере, сравнивать данные, полученные в разных группах исследуемых единиц.

В качестве классификации рассматриваемых единиц мы воспользуемся классификацией речевых актов, предложенной М.А. Шелякиным [9. С. 264–274], с некоторыми оговорками. Данная классификация – наиболее подробная из всех, которые нам встречались, в ней выделяются:

1) репрезентативы. С помощью таких актов говорящий признает за собой некую ответственность за истинность утверждения. К этой группе относятся предсказания, констатации, утверждения, предположения, информативные сообщения, а также описания, характеристики, ответы на вопросы, объяснения, заверения, осуждения;

2) директивы. Иллокутивная сила этих актов в попытках говорящего убедить слушающего сделать что-либо. Эти попытки могут быть разной степени интенсивности – говорящий может и заставлять, и умолять, и советовать, и разрешать. К этой группе также относятся нормативные акты;

3) комиссивы. Такие акты налагают на говорящего обязательства по выполнению каких-либо действий в будущем. Это обещания, намерения, клятвы и обеты, угрозы и т.д.;

4) экспрессивы. Их иллокутивная цель состоит в выражении психологического состояния относительно положения вещей, определенного пропозицией. Экспрессивы – это неинформативные акты, их основная функция – фатическая (приветствие, прощание, извинение, изъявление благодарности и т.д.);

5) декларации. Успешное осуществление такого акта устанавливает соответствие между пропозиционным содержанием и реальностью. Это объявление войны, назначение на должность, посвящение в рыцари, вынесение приговора и т.д. При этом обязательным условием является наличие у говорящего определенных полномочий;

6) интеррогативы. Это вопросы, целью которых является получение информации (риторические вопросы к данной группе не относятся);

7) перформативы. Произнесение данного речевого акта совпадает с действием, обозначаемым этим актом (например, сдаюсь, клянусь, прошу, каюсь, протестую, одобряю, уведомляю, извиняюсь и т.д.);

8) вокативы. Их цель – привлечь внимание, это призывы и обращения.

Опираясь на классификацию М.А. Шелякина, мы тем не менее исключили из нее три класса речевых актов. Во-первых, в рамках компьютерно-опосредованной коммуникации практически невозможно обнаружить декларации, речевые акты, для осуществления которых говорящий должен обладать определенными полномочиями.

Во-вторых, мы не рассматриваем перформативы. Данный класс, несомненно, представляет большой интерес для исследователей-лингвистов, однако существует огромное количество различных типов перформативных речевых актов, что потребовало бы дополнительного исследования, посвященного только им и включающего анализ значительно большего количества единиц.

В-третьих, мы исключаем из анализа вокативные речевые акты. В текстах комментариев, для того чтобы привлечь внимание другого комментатора, достаточно нажать на текст его комментария или его имя. В результате автоматически формируется обращение, оформленное в виде гиперссылки формата @имяпользователя, #имяпользователя и т.д. Обычные обращения, используемые изредка в текстах постов и в комментариях, мы не рассматриваем, так как основная их функция, по нашим наблюдениям, – фатическая, в то время как иллокутивная сила обращений – привлечение внимания.

Итак, мы рассматриваем пять классов речевых актов: репрезентативы, директивы, комиссивы, экспрессивы и интеррогативы (по 200 единиц каждого класса, отобранных методом смешанной выборки). 392 речевых акта были найдены в текстах блогов, 608 – в комментариях. Несмотря на то, что исследователи утверждают, что в текстах блогов проявляется большее количество признаков письменной речи по сравнению с комментариями, в данной работе мы не разделяем эти два жанра. Во время поиска и отбора материала наряду с блогами, язык которых отличается грамотностью и соблюдением норм пунктуации, нам встретилось множество текстов, демонстрирующих наиболее яркие проявления метаграфемки КОК. Такая же неоднородность была обнаружена и в комментариях. На наш взгляд, особенности употребления пишущим метаграфемных средств зависят не только от жанра, но и, не в последнюю очередь, от его индивидуальных предпочтений, а также от типа речевого акта, поэтому в данном исследовании мы заостряем внимание на источнике рассматриваемых единиц лишь там, где это представляет определенный интерес.

Употребление метаграфемных средств мы рассматриваем на примере текстов англоязычных блогов на платформе [blogspot.com](https://www.blogspot.com), предоставляемой сервисом Blogger. Тематика блогов достаточно разнообразна – это в первую очередь онлайн-дневники, содержащие информацию о повседневной жизни и отвлеченные размышления автора, также встречаются обзоры прочитанных книг, кулинарные рецепты, полезные советы, связанные с профессиональной деятельностью пишущего (психология, педагогика, информационные технологии и т.д.), творческие блоги (рисование, рукоделие и т.д.). Данный ресурс предоставляет отличную возможность для проведения исследования благодаря огромному количеству пользователей: по данным *Handbook of Research on Web 2.0, 3.0 and X.0: Technologies, Business, and Social Applications* [10. Р. 765], посещаемость платформы [blogspot.com](https://www.blogspot.com) составляла 44 миллиона уникальных пользователей в месяц в 2015 г. и находилась на 13-м месте в рейтинге по посещаемости. Согласно данным сайта Alexa [11] (сайт компании Alexa Internet, занимающийся сбором и размещением статистических данных о посещаемости сайтов) [blogspot.com](https://www.blogspot.com) на февраль 2020 г. находился на 24-м месте в мире по количеству трафика и посещаемости, сервис [blogger.com](https://www.blogger.com) – на 257-м месте.

Метаграфемика англоязычной компьютерно-опосредованной коммуникации

Из всех средств метаграфемки внимание исследователей привлекают в первую очередь супраграфемика и синграфемика. Наиболее развернутые описания пунктуации англоязычной компьютерно-опосредованной коммуникации принадлежат Д. Кристалу [5, 12] и М.Р. Нашхоевой [13]. Д. Кристал отмечает, что конец 90-х гг. XX в., когда Интернет стал доступен большому числу пользователей, был периодом экспериментов. В настоящее

время можно говорить о том, что сложились определенные паттерны пунктуации в Интернете. Более того, с ростом количества пользователей изменился и их «качественный» состав. Коммуникация в интернете более не является прерогативой молодежи, участие в ней представителей старших возрастных групп внесло коррективы и в систему пунктуации: она вернулась (насколько это возможно) к более традиционному состоянию. Автор предполагает, что употребление стандартной пунктуации зависит от длины текста и определяется в первую очередь ее прагматической функцией. В коротких сообщениях можно обойтись без знаков препинания, в то время как длинный неразмеченный текст воспринимается с трудом. Следовательно, в мгновенных сообщениях (ранее популярный сервис ICQ, современные приложения для смартфонов WhatsApp, Viber и т.д.), в чатах, на форумах и в микроблогах нет необходимости в строгом соблюдении пунктуационных норм в отличие от блогов и интернет-страниц.

Д. Кристал выделяет несколько характерных графических особенностей компьютерно-опосредованной коммуникации. Во-первых, пунктуация используется минимально, в некоторых ситуациях, например в чатах, она может полностью отсутствовать. С другой стороны, иногда отсутствие знака привносит дополнительную эмоциональную окрашенность, так, отсутствие точки в конце предложения является одним из способов придания высказыванию теплоты и симпатии.

Появляются новые знаки или комбинации знаков, например использование многоточия вместо запятой в середине предложения для обозначения паузы, а также многократное повторение других знаков (---), (,,) и т.д. М.Р. Нашхоева также отмечает употребление многоточий. Многоточие (часто состоящее из большого количества точек) может заменять собой вопросительный знак в конце предложения, придавая тем самым большую эмоциональную напряженность, или восклицательный знак. В середине предложения многоточие чаще всего либо отражает размышления, работу мысли автора либо дает получателю возможность обдумать сказанное ранее.

Таким образом, с тенденцией к почти полному отсутствию знаков препинания в языке КОК сосуществует прямо противоположная тенденция к употреблению избыточной пунктуации. Это касается в первую очередь многократно повторенных восклицательного и вопросительного знаков. Если их функция достаточно ясна (усиление эмотивного компонента), то понять, для чего служат последовательности некоторых других знаков (например, >>>>>>>) возможно только на основе контекста.

Еще одной особенностью является нетрадиционное использование прописных и строчных букв. Очень часто встречается использование только нижнего регистра, без исключений для имен собственных и начала предложения. При этом использование заглавных букв имеет особое значение. Текст, полностью написанный верхним регистром, воспринимается как крик, регулярное использование прописных букв без уважительной причины считается признаком дурного тона и не поощряется. М.Р. Нашхоева также отмечает множество случаев использования заглавных букв как для

всего текста, так и для отдельных слов в качестве эмпатического приема, и, в противоположность этому, столь же большое количество текстов, написанных полностью строчными буквами.

Отдельную группу графических средств представляют эмотиконы – комбинации знаков препинания, изображающие различные выражения лица или жесты. Их появление связывают с необходимостью замещения обычных паралингвистических средств, таких как жесты, мимика, тон, громкость голоса и т.д. Некоторые могут заменять целые фразы, другие ставятся в конце предложения, обозначая общий тон высказывания, интонацию и т.д. Д. Кристал утверждает, что частота их употребления не так велика, как может показаться, – они используются всего в 10–20% случаев коммуникации онлайн. Эмотиконы чаще встречаются в жанрах, для которых характерны короткие сообщения, чем в более длинных текстах (например, в жанре блога). Более того, в настоящее время частота их употребления значительно сократилась благодаря появлению иконических значков (эмодзи). Помимо этого, по мнению автора, эмотиконы не способны в полной мере справляться с выполнением возложенной на них функции: во-первых, один и тот же символ можно интерпретировать по-разному; во-вторых, повсеместное избыточное употребление в конечном итоге привело к тому, что эмотиконы начали терять ценность и значимость.

Интересно наблюдение М.Р. Нашхоевой, касающееся эмотиконов. Помимо употребления после знаков препинания, они могут использоваться самостоятельно в качестве индикатора конца предложения, так как следующее за ними предложение начинается с заглавной буквы. Таким образом, они функционируют в качестве самостоятельных пунктуационных знаков.

Особенности метаграфемки блогов Blogspot

Анализ метаграфемки блогов платформы Blogspot в целом совпадает с наблюдением Д. Кристала: чем длиннее текст, тем более он тяготеет к стандартной пунктуации. Нами не было обнаружено определенной корреляции между тематикой блога и его метаграфемикой. По большей части графическое оформление зависит от индивидуальных предпочтений хозяина интернет-страницы, так как это личные блоги авторов, их пространство для творчества, в котором они могут использовать разнообразные средства на свое усмотрение.

На уровне **субстанциональной метаграфемки** различий, естественно, не может быть найдено. Все блоги находятся на одном носителе – сервере. Они могут по-разному выглядеть на экране компьютера или смартфона, однако визуальная репрезентация рассматриваемых нами единиц остается неизменной и в том и в другом случае. Таким образом, в каждом классе речевых актов анализу подлежат следующие шесть уровней: **хромографемика, супраграфемика, топографемика, синграфемика, кинемографемика** (средств данной группы в рассматриваемых единицах не найдено, однако это не означает, что они не могут использоваться) и **иконическая супраграфемика**.

Средства хромографемии в блогах в целом используются активно, однако на уровне отдельных речевых актов почти не употребляются. Цветом выделяются гиперссылки, также могут выделяться речевые акты, входящие в состав заголовков:

- On Sunday, I am going to **Tornillo, Texas** on the Mexican border, where Donald Trump has jailed innocent children.

- **HELP ME** (заголовок к посту о сборе денег для больного ребенка)

Среди **супраграфемных средств** можно отметить выделение значимых слов и смысловых отрезков жирным шрифтом, курсивом, прописными буквами, а также подчеркиванием. Выделение прописными буквами используется чаще, чем другие средства.

В репрезентативах курсивом могут выделяться названия книг, фильмов и т.д., что является характерным для публицистического стиля:

- *Cry Danger* is yet another example of why the B-movies from the 1930s/40s/50s always have a hold on me.

Написание первого слова в предложении со строчной буквы встречается в общей сложности 33 раза, что составляет 3,3% от общего количества рассматриваемых единиц в блогах Blogspot. Из них три найдены в тексте постов, 30 – в комментариях. Меньше всего подобных примеров в группе интеррогативов (три) и комиссивов (два).

Топографемика блогов довольно стандартна, дополнительно может использоваться для выделения смысловых отрезков, на которые необходимо обратить внимание. Также интерес представляет **топографемика экспрессивов прощания** в комментариях – она повторяет шаблон, принятый в эпистолярном стиле, – деление на две строки, например:

- Cheers,

Philipp

- Take care,

Linda and Dad

Наиболее активно в блогах работают **средства синграфемии**. Среди особенностей пунктуации компьютерно-опосредованной коммуникации, выявленными Д. Кристалом и М.Р. Нашхоевой, в блогах нам встретились:

- 1) частое употребление многоточий, например:

- That's in the past and I'm going to update y'all in this post about all the goings-on that have been....going....on....o.o.....in the past few months xP

- 2) случаи нулевой пунктуации (отсутствие знаков):

- ok in my book I have a person that appears in the beginning of the book but I don't want to the persons id known until later on in the book so do I still have to give the persons name cause he is a and if not how could I do it so nobody knows who he is until later on in the book

- 3) нестандартные последовательности восклицательных, вопросительных знаков и точек:

- Am I missing something hugely fundamental here from your blogs????

- 4) нестандартное употребление других знаков:

- (((((Hugs))))
- Blessings ~
- =smile=
- ...*Panic*...

5) различные варианты написания тире:

- Another random appearance I really liked was the short story in DC Villains Giant #1 where (--spoiler--) Supergirl shows up, out of the blue, in time to save Jimmy Olsen from Deathstroke.

Это особенности, свойственные всем рассмотренным классам речевых актов.

Эмотиконы (комбинации знаков препинания, изображающие различные выражения лица или жесты) употребляются нечасто – в 42 случаях, что составляет чуть более 4% от общего количества всех рассмотренных единиц (1000).

Средства кинемографемки на уровне речевых актов не используются.

Средства иконической супраграфемки используются очень редко, это иконические значки – эмодзи, встречаются в общей сложности в девяти случаях, например:

- Huge thank you 🌹
- Probably next time i will go there earlier or i should just wait until next week and let's hope the viewer is less than this week 🍷

Особенности метаграфемки различных групп речевых актов

Для того чтобы систематизировать данные, полученные в результате анализа пяти групп речевых актов, мы условно выделяем следующие способы употребления метаграфемных средств.

1. **Нестандартное** употребление средств метаграфемки, отличное от общепринятого. В список **нестандартных** метаграфемных средств включены:

а) отсутствие внешнего знака (точки, многоточия, вопросительного и восклицательного знака), например:

- I'm so sorry

б) написание имен собственных, личного местоимения I, а также первого слова в предложении со строчной буквы:

- great article, very beautiful photos just loved it

в) отсутствие запятых в случаях, когда правила предписывают их обязательное присутствие:

- I really want to purchase those tents for my niece and nephew but my brother will probably yell at me about it.

г) отсутствие апострофа:

- Youre probably the first military person I've ever seen point out the complete irrelevance of properly ironed trousers and parade drill.

д) употребление многоточия в случаях, когда стандартно используются запятая, тире или точка с запятой:

- I did make time to bake bread last week...a delicious honey wheat bread.

е) нестандартные последовательности точек, вопросительных и восклицательных знаков:

- Keep it up.....!

ж) использование эмотиконов:

- Blessings to you, хoho, Susie

В этот список не включается употребление эмодзи, так как они используются крайне редко (один раз в группе директивов, четыре – в группе комиссивов и пять – в группе экспрессивов). Блоги предоставляют возможность использования эмодзи, однако при чтении с разных носителей они могут выглядеть по-разному или не отображаться вовсе (мы столкнулись с некоторыми случаями, когда эмодзи отображаются следующим символом: , это значок, обозначающий отсутствие кодировки). Чаще всего это происходит при просмотре с компьютера, гораздо реже – при чтении со смартфона. Также, если пользователь набирает текст со смартфона, у него есть легкий и быстрый доступ к различным эмодзи, достаточно нажать на соответствующую кнопку, в то время как при использовании компьютерной клавиатуры для вставки иконических значков необходимо пользоваться мышью, что требует дополнительных усилий. Таким образом, столь незначительное количество эмодзи может объясняться как проблемами с их отображением, так и желанием сэкономить время и силы.

Вышеперечисленные депривации относятся к **супраграфемному** и **синграфемному** уровням, что позволяет составить представление о том, насколько стандартна в данных группах пунктуация в широком смысле (знаки препинания и соблюдение норм употребления прописных букв).

2. Употребление дополнительных средств. Мы считаем, что пишущий, используя какие-либо знаки препинания и иную метаграфимику, прилагая для этого определенные усилия, очевидно, делает это не только с целью деления текста на смысловые отрезки; часто графические средства необходимы, чтобы подчеркнуть, усилить или смягчить сказанное, попытаться передать эмоцию, продемонстрировать отношение, постараться избежать недопонимания и т.д. Представляется интересным рассмотреть, насколько часто коммуниканты прибегают к помощи метаграфимики в передаче дополнительных оттенков смысла, также именно выделение данной группы отчасти помогает понять, насколько графические средства влияют на иллюкативную силу речевого акта. В качестве дополнительных средств мы рассматриваем любые средства, отличные:

а) от стандартного употребления прописной буквы в начале предложения, в именах собственных и других устойчивых паттернах использования заглавных букв (*Merry Christmas, Happy New Year* и т.д.), например:

- LOVE, LOVE, LOVE this card!!

б) употребления точки в репрезентативах, комиссивах и экспрессивах (например, восклицательный знак):

- I will be adding lots of round things to my menu planning doc!

в) точки и вопросительного знака в директивах (директив может быть представлен в форме вежливого вопроса с вопросительным знаком на конце) и интеррогативах (если интеррогатив имеет форму косвенного вопроса, в конце вместо вопросительного знака должна использоваться точка). Например, в следующем интеррогативе в вопросительном знаке нет необходимости:

- I wonder what other pasta "sauces" I can co-opt?

3. Случаи, когда нестандартная метаграфемика используется в качестве дополнительной. Так, на наш взгляд, чаще всего отсутствие прописной буквы в начале предложения или отсутствие апострофа не являются средствами, которые пишущий использует для того, чтобы внести добавочный оттенок смысла в высказывание или изменить его эмоциональную окраску. В одном и том же речевом акте могут присутствовать и нестандартное написание, и дополнительная метаграфемика, но это не всегда одни и те же средства. Мы выделяем эту группу, чтобы понять, насколько часто пишущие, желая подчеркнуть сказанное или привнести какую-либо эмоцию, обращаются к нестандартной метаграфемике КОК (или изобретают что-то свое) вместо стандартных средств пунктуации.

Наибольшее количество случаев употребления **нестандартной супраграфемики и синграфемики** приходится на класс экспрессивов – 42% от общего количества рассмотренных единиц (200) содержат те или иные нестандартные средства. Наименьшее количество – в интеррогативах, всего 18,5% содержат некие отклонения от норм пунктуации (рис. 1). В целом на 1000 единиц рассматриваемых речевых актов нестандартная пунктуация отмечается в 21,2% примеров, т.е. чуть менее чем в 80% случаев пользователи выбирают стандартную пунктуацию. При этом интересно отметить, что в группе репрезентативов некоторые отклонения от норм пунктуации встречаются в постах даже чаще, чем в комментариях, хотя тексты постов должны отличаться более высоким уровнем грамотности. Напротив, большая часть интеррогативов (184) найдена в комментариях, при этом эта группа демонстрирует наиболее высокий процент соблюдения норм пунктуации. Таким образом, мы можем предположить, что на уровне речевого акта метаграфемика не зависит от жанра.

Дополнительные средства супраграфемики и синграфемики используются абсолютно в каждом классе, **хромографемика** задействована только в директивах, **топографемика** неактивна в комиссивах, **иконическая супраграфемика** не работает в репрезентативах и интеррогативах. При этом не следует забывать, что средства **хромографемики, топографемики и иконической супраграфемики** используются в целом очень редко, а **топографемика** не всегда работает на уровне одного речевого акта. Частота употребления дополнительных метаграфемных средств в речевых актах разных классов представлена на рис. 2.

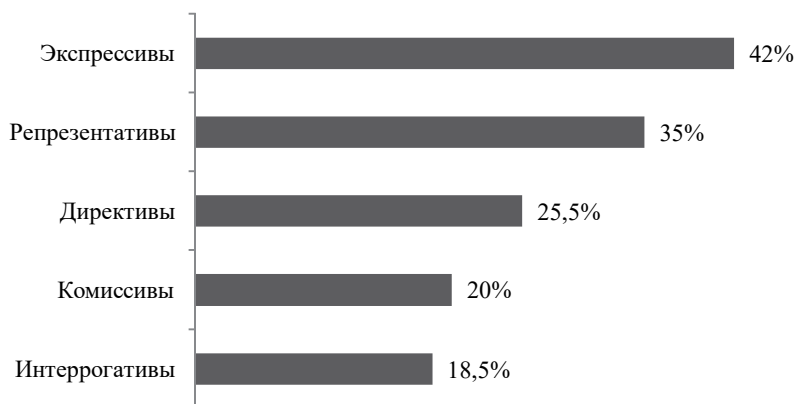

Рис. 1. Употребление нестандартных супраграфемных, синграфемных средств и средств иконической супраграфемии в разных классах речевых актов (на материале Blogspot)

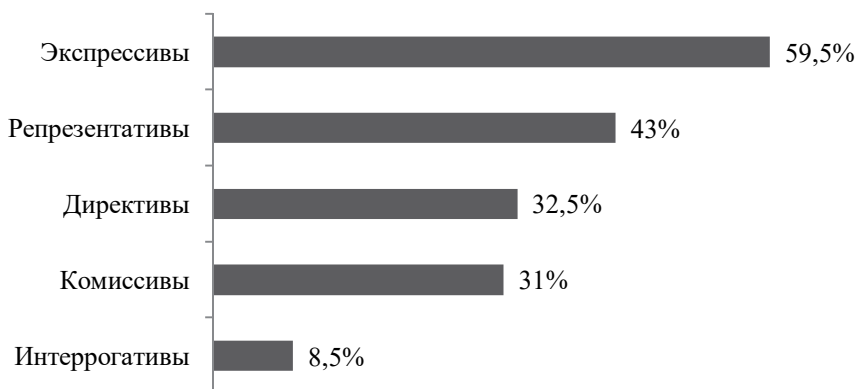

Рис. 2. Употребление дополнительных метаграфемных средств в разных классах речевых актов (на материале Blogspot)

Наконец, необходимо рассмотреть, насколько часто в качестве **дополнительных** средств пишущие выбирают именно **нестандартные** средства (рис. 3).

Наиболее редко отклонения от общеупотребительных норм встречаются в интеррогативных речевых актах. Случаи нестандартной метаграфемии составляют 18,5%, дополнительные средства используются в 8,5%, дополнительные нестандартные – в 6,5%. При этом употребление дополнительных средств чаще всего не направлено на выражение основной иллокутивной силы интеррогативов – эмотиконы, например, придают дополнительную эмоциональную окраску, не оказывая влияния на основную цель речевого акта – получение информации, например:

- What do you want to be when you grow up? ;D

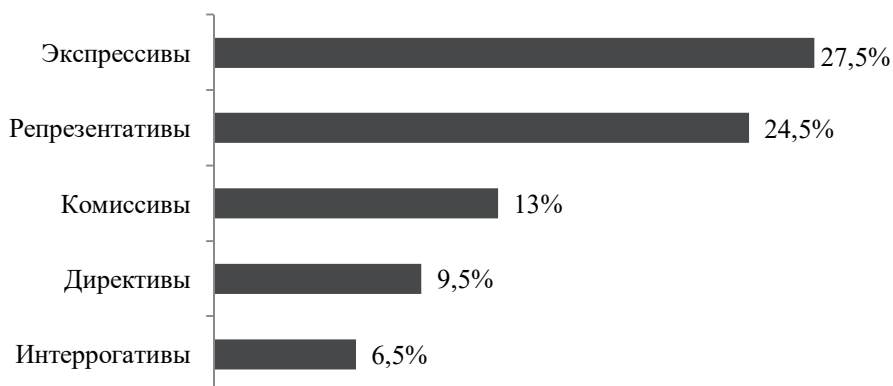

Рис. 3. Употребление дополнительных нестандартных метаграфемных средств в разных классах речевых актов (на материале Blogspot)

В директивных речевых актах нестандартные метаграфемные средства используются в 25,5% случаев, дополнительные средства употребляются в 32,5%, дополнительные нестандартные – в 9,5%. В данной группе чуть активнее, чем в группе репрезентативов, употребляются средства **хромографемики, топографемики, супраграфемики и иконической супраграфемики**, например:

- please ♥

Today is the LAST DAY to ♥ my artwork at <http://universal-sea.org/top-100-artworks> to enter the finalists in *The Universal Sea: Pure or Plastic?* exhibition opening in Budapest this fall. Simply click the rainbow coloured link above and "like" Broken Dream No.1

- You SHOULD be able to, but that is not supported.
- Wanna Help Me Celebrate?...

Случаи употребления нестандартной метаграфемики в комиссивных речевых актах составляют 20%, дополнительных средств – 31%, дополнительных нестандартных – 13%. Чаще других дополнительных средств используется восклицательный знак, который употребляется в комиссивах обещаний, а также в комиссивах планирования, если будущее действие расценивается пишущим как приятное, например:

- I will definitely be sharing your post!!!
- I am going to a conference in the **Cape** on Saturday!

В репрезентативных речевых актах на 200 рассмотренных единиц нестандартная метаграфемика найдена в 35% случаев, дополнительные средства используются в 43%, дополнительные нестандартные – в 24,5%.

На уровне **синграфемики** в репрезентативах активно используется многообразие. В середине высказывания оно может служить различным целям.

Интересно его употребление для обозначения пауз – своеобразная имитация устной речи или мыслительного процесса, например:

- I know what you're thinking...that's a steak...not pasta with the broccoli rabe.
- You are correct...they do not make them like they used to!
- I like looking at patterns in wood on doors or the cork flooring at our school... once you get going it is neat to 'see' all kinds of dragons and monsters... heads and full body poses...

Обращает на себя внимание метаграфемика экспрессивных речевых актов. Нестандартная метаграфемика отмечена в 42% случаев, дополнительные средства используются в 59,5%, дополнительные нестандартные средства составляют 27,5% от общего числа экспрессивов. Средства **топографемики** работают на уровне приветствия и прощания (стандартные средства эпистолярного стиля), используются **супраграфемные** средства, например:

- Roseanna wishing you and yours A HAPPY,HEALTHY,BLESSED NEW YEAR.

• GORGEOUS card Beccy! THANK YOU for sharing and INSPIRING ... and reminding me that using "real" stamps opens a whole new world of CREATIVE techniques to get EXCITED about :)

- **Untilnexttime**, Lisa.

На уровне **синграфемики** наблюдается большое количество как стандартных средств, так и разнообразных отклонений от нормы. Почти в половине случаев употребляется восклицательный знак (что является обычным паттерном в случае экспрессивов приветствия, поздравления, положительной оценки, а также в восклицаниях), также в качестве внешнего знака употребляются многоточия, например:

- GORGEOUS!!
- Thanks for the inspiration Kristin!!
- Owwwwsocute.....
- Success for you.....!!!
- Wishing you a all the best in the new year.....

Основная функция знаков препинания, а также средств других уровней – фатическая.

Влияние метаграфемных средств на реализацию иллокутивной силы речевого акта

Метаграфемные средства различным образом влияют на реализацию иллокутивной силы речевого акта. В случае репрезентативных речевых актов говорящий или пишущий берет на себя некую ответственность за истинность высказывания. В данном случае метаграфемные средства могут являться лишь вспомогательным инструментом для выделения значимых отрезков, для придания эмоциональной окрашенности и т.д., но на основную иллокутивную силу речевого акта они не влияют:

- January zoomed by too quickly, but at least we are nearer Spring :)

- I do have a couple of the others but still not got to them :(
- Yeah... cats... they love to scratch everything :D

В вышеприведенных примерах эмотиконы отражают отношение автора к тому, что он пишет (в первом случае несмотря на то, что январь пролетел очень быстро, автор испытывает радость, так как это означает, что весна стала чуть ближе; во втором – расстроен тем, что до сих пор не приступил к использованию неких вещей, находящихся в его собственности; в третьем – улыбающийся или смеющийся эмотикон показывает, что пишущий довольно снисходительно относится к тому, что кошки точат когти обо все подряд, так как, скорее всего, любит этих животных), но на истинность высказывания они не влияют.

В директивах дополнительные средства оказывают влияние на степень интенсивности речевого акта, т.е. на то, с какой силой говорящий или пишущий убеждает слушающего или читающего сделать что-либо. Могут употребляться восклицательный знак или супраграфемное выделение прописными буквами (чаще всего выделяется глагол), выделение цветом, в вежливых просьбах – вопросительный знак:

- Let me know in the comments below!
- DON'T set default values of variables to NULL.
- Please go to comment section and ask what's bothering you.
- I would be interested to hear your view?

В данных примерах синграфемика, супраграфемика и хромографемика акцентируют значимые слова, привлекают внимание и, таким образом, усиливают иллокутивную направленность директивов.

В комиссивах восклицательный знак маркирует речевые акты обещания, в других случаях он, скорее, добавляет дополнительную эмоциональную окрашенность, не влияя на иллокутивную силу, – взять на себя некое обязательство по выполнению каких-либо действий в будущем. Аналогично работают и иные средства:

- I'll be back in a couple of weeks! ♥

Здесь восклицательный знак и эмодзи демонстрируют дружеское расположение автора, но не оказывают особого влияния на степень интенсивности речевого акта.

В интеррогативах на иллокутивную силу – получение информации – работает вопросительный знак, который является стандартным метаграфемным средством. Дополнительные же средства, используемые в интеррогативах (за исключением, возможно, топографемики), не влияют на иллокутивную силу речевого акта.

В группе экспрессивов найдено наибольшее количество случаев нестандартного употребления метаграфемных средств; в целом варианты графического представления экспрессивов весьма разнообразны, существует множество способов, которыми пользователи могут маркировать один и тот же экспрессив прощания, пожелания, благодарности, отношения и т.д., например:

- Thanks admin, for submitting this type post.
- Thanks!
- Thanks so much for sharing this story with us all...Thanks to for taking the time to stop by!!
- And thanks for sharing the recipe! <3
- Thanks For Sharing.....
- THANKS!
- thanks for sharing ~ This is awesome!
- Thanks
- Thanks.
- Also thanks for inspiring me for my own entry this month :P
- Thanks !!
- Thanks for your very useful Information.
- Thanks for Sharing That...
- Thanks for featuring it!!

Also, thanks for stopping by and commenting on my own Tuesday Intros post!! :))

- Thank you so much Mary

Наиболее активно метаграфемные средства поддерживают иллюкативную силу экспрессивов – выражение психологического состояния говорящего или пишущего. Например, восклицательные знаки не просто придают дополнительную эмоциональную окрашенность, а усиливают уже имеющуюся, так как в самом экспрессиве уже заложена некая эмоция, например в следующих примерах удивление и/или восхищение выражены самим экспрессивом *Wow*, однако с помощью восклицательного знака (а также верхнего регистра) реакция пишущего становится более яркой:

- Wow..
- Wow.
- Wow!
- WOW!

То же самое касается и других средств данного уровня (многоочия, эмотиконы), а также средств синграфемного уровня (выделение с помощью шрифта, курсива, прописных букв), топографемного уровня (выделение речевых актов (поздравления, похвала), на которых пишущий хочет сделать акцент, в отдельную строку), уровня иконической супраграфемии (использование крупных и разноцветных графических изображений).

Заключение

Активнее всего на уровне речевого акта в блогах работают супраграфемика и синграфемика (это закономерно, так как классический блог – это текст, поэтому шрифт, прописные и строчные буквы, пунктуация являются

его неотъемлемой частью), встречаются случаи употребления хромографемы, топографемы и иконической супраграфемы, не найдено ни одного случая кинемографемы.

Метаграфемика блогов на уровне супраграфемы и синграфемы достаточно стандартна – в 78,8% случаев пользователи предпочитают соблюдать общепринятые нормы пунктуации. В целом нами были обнаружены те же самые девиации, что были ранее описаны другими авторами: отсутствие пунктуации и избыточная пунктуация, нестандартное употребление знаков препинания, ограниченное количество эмотиконов и т.д.

Дополнительные средства супраграфемного и синграфемного уровня используются в каждом рассмотренном классе речевых актов (чаще других встречаются употребление прописных букв, восклицательный знак, многоточие). Работают также хромографемика и топографемика, в первую очередь в экспрессивах.

Чаще всего дополнительные нестандартные средства обнаруживаются в экспрессивах, реже всего – в интеррогативах (то же справедливо и в отношении нестандартных и дополнительных средств по отдельности). Группа экспрессивов демонстрирует самое большое разнообразие и оригинальность используемой метаграфемы. Именно в данном случае она максимально поддерживает реализацию иллюкутивной силы речевого акта благодаря тому, что совпадает фатическая функция экспрессивов и используемых метаграфемных средств.

Таким образом, несмотря на отсутствие стандартных паралингвистических средств, доступных в устной речи, коммуниканты в Интернете находят различные способы для выражения дополнительных оттенков смысла, для передачи эмоций и для придания большей силы высказыванию. Пишущие воспринимают такой разговор скорее как устную, а не письменную речь и пытаются компенсировать недостаток визуальной, тактильной и другой информации посредством употребления доступных им графических средств.

Список источников

1. Розина И.Н. Компьютерно-опосредованная коммуникация в практике образования и бизнеса // Теория коммуникации & прикладная коммуникация // Вестник Российской коммуникативной ассоциации. 2004. № 2. 244 с.
2. Горшкова Е.И. Блог как вид интернет-коммуникации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2013. 24 с.
3. Лутовинова О.В. Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 71. С. 58–65.
4. Лысенко С.А. Взаимодействие устной и письменной формы существования языка в интернет-коммуникации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2010. 24 с.
5. Crystal D. Language and the Internet. Cambridge University Press, 2004. 272 p.
6. Ибраева А.Ф. Языковые особенности текстов англоязычной и русскоязычной блогосферы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8–2. С. 333–336.
7. Ахренова Н.А. Доминанты современной интернет-лингвистики : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Мытищи, 2018. 53 с.

8. Баранов А. Н., Паршин П. Б. О метаязыке описания визуализаций текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2018. Т. 17. № 3. С. 6–15.
9. Шелякин М.А. Язык и человек: к проблеме мотивированности языковой системы : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2005. 289 с.
10. Fuchs C. Social Software and Web 2.0: Their Sociological Foundations and Implications // Handbook of Research on Web 2.0, 3.0 and X.0: Technologies, Business, and Social Applications. 2009. P. 764–791.
11. Alexa.com Site Info // Alexa Internet. [Б.м.], 2020. URL: https://www.alexa.com/siteinfo/blogspot.com#section_traffic (access date: 17.02.2020).
12. Crystal D. Making a Point: The pernickety story of English punctuation. London : Profile Book, 2015. 378 p.
13. Нашихоева М.Р. Особенности пунктуации в сетевых текстах форумов и блогов (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 29 с.

References

1. Rozina, I.N. (2004) Komp'yuterno-oposredovannaya kommunikatsiya v praktike obrazovaniya i biznesa [Computer-mediated communication in the practice of education and business]. *Teoriya kommunikatsii & prikladnaya kommunikatsiya // Vestnik Rossiyskoy kommunikativnoy assotsiatsii*. 2. pp. 217–226.
2. Gorshkova, E.I. (2013) *Blog kak vid internet-kommunikatsii* [Blog as a type of Internet communication]. Abstract of Philology Dr. Diss. Saint Petersburg.
3. Lutovinova, O.V. (2008) Internet kak novaya “ustno-pis'mennaya” sistema kommunikatsii [Internet as a new “oral-written” communication system]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 71. pp. 58–65.
4. Lysenko, S.A. (2010) *Vzaimodeystvie ustnoy i pis'mennoy formy sushchestvovaniya yazyka v internet-kommunikatsii* [Interaction of oral and written forms of language existence in Internet communication]. Abstract of Philology Dr. Diss. Voronezh.
5. Crystal, D. (2004) *Language and the Internet*. Cambridge University Press.
6. Ibraeva, A.F. (2018) Yazykovye osobennosti tekстов angloyazychnoy i russkoyazychnoy blogosfery [Linguistic features of texts in the English and Russian blogosphere]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 8–2. pp. 333–336.
7. Akhrenova, N.A. (2018) *Dominanty sovremennoy internet-lingvistiki* [Dominants of modern Internet linguistics]. Abstract of Philology Dr. Diss. Mytishchi.
8. Baranov, A.N. & Parshin, P.B. (2018) O metayazyke opisaniya vizualizatsiy teksta [About the metalanguage for describing text visualizations]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*. 3 (17). pp. 6–15.
9. Shelyakin, M.A. (2005) *Yazyk i chelovek: k probleme motivirovannosti yazykovoy sistemy* [Language and Man: To the problem of motivation of the language system]. Moscow: Flinta: Nauka.
10. Fuchs, C. (2009) Social Software and Web 2.0: Their Sociological Foundations and Implications. In: Murugesan, S. (ed.) *Handbook of Research on Web 2.0, 3.0 and X.0: Technologies, Business, and Social Applications*. IGI Global. pp. 764–791.
11. Alexa.com. (2020) *Site Info*. [Online] Available from: https://www.alexa.com/siteinfo/blogspot.com#section_traffic (Accessed: 17.02.2020).
12. Crystal, D. (2015) *Making a Point: The pernickety story of English punctuation*. London: Profile Book.
13. Nashkhoeva, M.R. (2012) *Osobennosti punktuatsii v setevykh tekstakh forumov i blogov (na materiale angliyskogo yazyka)* [Peculiarities of punctuation in online texts of forums and blogs (based on the English language)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

Информация об авторах:

Хоцкина О.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры систем информатики факультета информационных технологий Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: o.khotskina@g.nsu.ru

Ланкина Д.С. – ассистент кафедры систем информатики факультета информационных технологий Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: d.lankina@g.nsu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.V. Khotskina, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: o.khotskina@g.nsu.ru

D.S. Lankina, teaching assistant, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: d.lankina@g.nsu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.11.2022;
одобрена после рецензирования 05.07.2023; принята к публикации 07.03.2024.*

*The article was submitted 07.11.2022;
approved after reviewing 05.07.2023; accepted for publication 07.03.2024.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 82–32

doi: 10.17223/19986645/87/8

Итальянская литературная сказка и ее влияние на формирование сказочного жанра в Европе

Мария Игоревна Балаева¹, Лола Кадыровна Бободжанова²

^{1, 2} Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия

¹ tulipan@mail.ru

² balaeva.mi@yandex.ru

Аннотация. Изучено влияние итальянской литературной сказки на формирование сказочного жанра в Европе. Рассмотрен диахронический аспект развития мировой сказочной литературы, итальянская сказка интерпретирована как прототипический жанр европейской сказочной литературы от итальянского Возрождения до Викторианской эпохи. Проанализированы этапы становления французской, немецкой и английской сказочной традиции. Сделан вывод о том, что в сказках сохраняется представление о языковой картине мира и культурном своеобразии той нации, которая обрабатывает универсальный сказочный сюжет.

Ключевые слова: европейская сказочная литература, фольклорная сказка, литературная сказка, итальянская новелла

Для цитирования: Балаева М.И., Бободжанова Л.К. Итальянская литературная сказка и ее влияние на формирование сказочного жанра в Европе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 87. С. 146–158. doi: 10.17223/19986645/87/8

Original article

doi: 10.17223/19986645/87/8

Italian literary fairy tales: Influence on the development of the fairy tale genre in Europe

Maria I. Balaeva¹, Lola K. Bobodzhanova²

^{1, 2} Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
Saint Petersburg, Russian Federation

¹ balaeva.mi@yandex.ru

² tulipan@mail.ru

Abstract. The article focuses on issues related to the study of Italian literary fairy tales and the way how they influence the development of the fairy tale genre in Europe. The research aims to provide the diachronic overview of the development of world fairy

tale literature highlighting the fact that the Italian novella gave rise to European fairy tale literature starting from the Italian Renaissance to the Victorian era. The research data were collected using the works of N. Machiavelli, G. Boccaccio, G. Fiorentino, P. Bracciolini, M. Salernitano, A. Firenzuola, G. F. Straparola, G. Basile, Ch. Perrault, Madame d'Aulnoy, J. M. Leprince de Beaumont, C. Brentano, Brothers Grimm, L. Tieck, F. F. von Hardenberg, J. Jacobs, A. Lang, and others. Particular attention is paid to the stages of the development of Italian fairy tale literature and to the analysis of the history of French, German, and English fairy tale traditions. One of the most significant current discussions in the research demonstrates how strong the link between medieval Italian novellas and European fairy tales is. There is a large volume of published studies stating that the development of European fairy tale literature is inseparable from the medieval Italian fairy tale; thus, narrative and ideological similarities are often seen in them. However, any fairy tale is considered to be a product of cultural influence: even though many European fairy tales are based on similar folklore motifs and plots, cultural adaptation within the centuries made them completely new works of art that vividly reflect national cultural peculiarities. Further, it is argued that cultural adaptation of medieval Italian fairy tales allowed French, German, and English fairy tales to avoid various unwanted and taboo topics, and to focus on positive characteristics, such as helpfulness, kindness, courage, and so on, which were so appreciated in later epochs. It should be noted that different historical periods provoke writers to create and adapt fairy tales to new and relevant trends, whether they are ancient philosophical musings or the cynical black humor of the Renaissance, the sophistication of the Enlightenment or the elegance and passion of Romanticism, the virtue and manners of the Victorian era or the pragmatism of modern times. The conducted research has shown that Italian fairy tales made an invaluable contribution to the formation of the genre of the literary fairy tale. Indeed, fairy tales provide the opportunity to discover and preserve a unique national linguistic world picture, cultural identity, and common values shared by people. Thus, world fairy tale literature allows preserving the centuries-long experience of humankind, and it may be regarded a universal legacy of worldwide culture, since its exceptional artistic forms make it possible for fairy tales to illustrate the world view of various nations and to reflect their unique cultural diversity and identity.

Keywords: European fairy tale literature, folktale, literary fairy tale, Italian novella

For citation: Balaeva, M.I. & Bobodzhanova, L.K. (2024) Italian literary fairy tales: Influence on the development of the fairy tale genre in Europe. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 87. pp. 146–158. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/87/8

Развитие европейской сказочной литературы неразрывно связано с итальянской литературной сказкой. Более того, можно с уверенностью утверждать, что она являлась предтечей европейской литературной сказки и оказала значительное влияние на формирование жанра литературной сказки в целом. Итальянская литературная сказочная традиция сохранила разнообразные старинные фольклорные сюжеты, которые в дальнейшем на протяжении многих веков адаптировались под культуры европейских народов и становились неотъемлемой частью их литературного наследия. Итальянская сказочная традиция чрезвычайно богата и обширна: в ней оставили свой след такие известные личности, как гений Возрождения Леонардо да Винчи

и философ Никколо Макиавелли, которые были увлечены написанием итальянских новеллистических сказок. Хотя они известны миру за достижения в совершенно других областях, их литературное наследие нашло отражение в сборниках многих поздних сказочников. Известно, что жанр европейской сказки начал формироваться задолго до эпохи Средневековья.

Первый итальянский сказочный сюжет можно найти уже во II в. – это известная история об Амуре и Психее, вошедшая в роман «Золотой осел», который был написан на латинском языке Луцием Апулеем. На протяжении последующего тысячелетия значимых сказочных литературных памятников не наблюдалось, что может быть обусловлено общей неграмотностью населения. Становление итальянской сказочной литературы берет начало в XIII в. с появлением *новеллы* – жанра, который объединил в себе народные и литературные традиции и обрел такую же популярность, как басни и анекдоты [1. Р. 504]. Следует также упомянуть и о влиянии переводов письменных текстов «Панчатантры», «Тысячи и одной ночи» и многих других восточных литературных памятников на развитие итальянских сказочных сюжетов: древние истории находили отражение в европейской культуре, а их фабулы использовались писателями (в том числе и итальянскими сказочниками).

Огромное влияние на европейскую средневековую литературу оказало творчество значимой фигуры Итальянского Возрождения Джованни Боккаччо (1313–1375). Хотя существуют и более ранние итальянские собрания рассказов в прозе (к примеру, анонимный сборник *Il Novellino*, XIII в.), именно Дж. Боккаччо стал основоположником жанра итальянской новеллы, объединив сто сюжетов в своей книге «Декамерон» (итал. *Decameron*, 1348–1351). В сборник вошли рассказы из разных источников – некоторые из них уже ранее являлись частью письменной литературной традиции, в то время как другие были позаимствованы из фольклора. Все истории «Декамерона» звучат из уст десяти благородных юных дам и господ, покинувших Флоренцию во времена Черной смерти, чтобы укрыться от эпидемии на вилле во Фьезоле. На протяжении десяти дней они рассказывают друг другу занимательные сюжеты, а затем в конце каждого дня обмениваются впечатлениями. Примечательно, что рамочное повествование, которого придерживался Дж. Боккаччо, в дальнейшем послужило своего рода образцом для структурной композиции сборников многих известных европейских сказочников [2. Р. 13].

Особую роль в развитии литературы эпохи Итальянского Возрождения также играл многотомный трактат Дж. Боккаччо «Генеалогия языческих богов» (итал. *Genealogia deorum gentilium*, 1360), в котором запечатлены его рассуждения об истине и магии в художественных произведениях, о культурной значимости мифологии и поэтического вымысла. Дж. Боккаччо упоминал, что вымысел есть способ изложения скрытых истин, и в зависимости от его выраженности выделял четыре типа художественной литературы. К последнему типу относились сказочные истории о феях, людоедах и ведь-

мах, о которых писатель отзывался с некоторой иронией, называя их «выдумками сумасшедших старух», не содержащими ни явной, ни глубинной правды. Тем не менее гуманистические идеи Дж. Боккаччо фактически положили начало восприятию сказки как части литературного мира, поскольку они также имели определенную нарративную ценность [3. Р. 148].

На протяжении более двухсот лет «Декамерон» Боккаччо представлял собой стилистическую и концептуальную модель для таких итальянских новеллистов, как Джованни Серкамби (итал. *Il Novelliere*, 1374), Джованни Фиорентино (итал. *“Il Pecorone”*, 1390), Франко Саккетти (итал. *Il Trecentonovelle*, ок. 1395), Поджо Браччолини (итал. *Liber Facetorum*, 1471), Мазуччо Салернитано (итал. *Novellino*, 1476), Джироламо Морлини (итал. *Novellae*, 1520) и Аньоло Фиренцуола (итал. *Ragionamenti d'amore*, 1548). Как и в «Декамероне», во многих сборниках использовалась рамочная схема повествования, а также прослеживались мотивы болезни, смерти, бедности, невзгод и горестей, продиктованные условиями жизни того времени, равно как и интерес к возрождению Античности и идеалам гуманизма [4. Р. 9]. Стоит отметить, что у Дж. Фиорентино и Дж. Серкамби среди новелл встречались и истории со сказочными сюжетами, другими словами, уже в XIV в. некоторые итальянские писатели стали проявлять интерес к сказочному жанру.

Несмотря на то, что в эпоху Возрождения фольклор и народная культура пользовались большой популярностью в итальянской литературе, вплоть до середины XVI в. в новеллах реалистичные сюжеты преобладали над волшебными. Итальянская сказка как литературный жанр начала формироваться благодаря произведениям Джованни Франческо Страпаролы (XV–XVI вв.), объединившего в своем двухтомном сборнике «Приятные ночи» (итал. *Le piacevoli notti*, 1550–1553) семьдесят четыре новеллы и сказки, большинство из которых были основаны на европейском, а некоторые на восточном фольклоре [5. Р. 22]. Считается, что Дж.Ф. Страпарола был самым ранним европейским автором, перенявшим сказочные сюжеты устной народной традиции, и именно благодаря его трудам многие из них дошли до нашего времени – в течение полувека «Приятные ночи» переиздавались двадцать пять раз и были переведены на французский (1560, 1580) и немецкий языки (1791) [6. Р. 14]. Любопытно, что автор также перенял структуру «Декамерона» и создал в сборнике особую композиционную рамку, согласно которой истории на самом деле повествуются гостями дома сеньоры Лукреции Сфорца в качестве увеселения во время карнавала в итальянском городе Мурано. По сравнению с более поздними культурными адаптациями эти сюжеты были полны жестокости, насилия и вызывающих отвращение подробностей. Подобно своим итальянским предшественникам и европейским современникам, Дж. Ф. Страпарола заимствовал многие истории из более ранних сборников – несмотря на то, что писатель заявлял об исключительной оригинальности своих сказок, схожие сюжеты можно встретить в новеллах Дж. Морлини, Ф. Саккетти и Дж. Боккаччо [1. Р. 505].

Начало XVII в. в истории развития жанра сказки обозначил другой итальянский писатель – Джамбаттиста Базиле. В изданном уже после смерти самого автора сборнике «Пентамерон», известном также под названием «Сказка сказок, или Забава для малых ребят» (итал. *Lo cunto de li cunti*, 1634–1636), насчитывается пятьдесят волшебных историй [7. С. 86]. Большая часть сказок Дж. Базиле основана на индоевропейском фольклоре, который до этого не имел отражения в мире европейской литературы, к примеру сюжеты о Спящей красавице, Рапунцель и мн. др. [5. Р. 24]. Перенятые из устной народной сказочной традиции и написанные на неаполитанском диалекте, они отражали культурные реалии Неаполя – в повествовании зачастую встречаются описания местных обычаев, политических интриг, случаев семейной вражды [6. Р. 17]. Дж. Базиле также использовал прием рамочного повествования, ранее встречавшийся в сборниках Дж. Боккаччо и Дж. Ф. Страпаролы, и объединил сказки общим сюжетным обрамлением – историей о принцессе Зозе, пожелавшей пробудить заколдованного принца Тадео из старинной легенды и впоследствии обманутой служанкой, которая крадет ее счастье и суженого. При этом Дж. Базиле перенял образы персонажей-рассказчиков Дж. Боккаччо и даже создал их гротескную пародию: десять благородных дам и господ из Флоренции здесь превращаются в десять старух с уничижительными прозвищами (например, Менека Зобатая и Толла Носатая) [2. С. 31]. Как и у Дж. Ф. Страпаролы, повествование в сказках Дж. Базиле наполнено подробностями ужасных событий и бесчеловечных поступков персонажей. Однако многие детали (в особенности сексуального и сатанинского характера) подвергались цензуре, продиктованной Индексом запрещенных книг, в противном случае книга могла быть не напечатана за пределами Неаполя [3. Р. 178].

Таким образом, можно утверждать, что известная на весь мир итальянская сказка начала формироваться еще задолго до эпохи Средневековья, и, безусловно, она уходит своими корнями в ранние итальянские новеллы, которые объединили в себе народный фольклор и самобытные авторские идеи. Литературные сказки Дж. Ф. Страпаролы и Дж. Базиле, в свою очередь, пронизаны идеями эпохи Ренессанса: гениальным итальянцам удалось передать представления, господствовавшие в этот период, и отразить его типологические черты. Под влиянием жанра итальянской новеллы объектом сказок становится реальная жизнь во всем ее многообразии и подлинности, что отличает литературу эпохи Возрождения от средневековой. Это был период поиска новых художественных поэтических форм, с чем итальянские авторы справились блестяще.

Сформировавшись как отдельный жанр, итальянская литературная сказка сыграла значительную роль в развитии европейской сказочной литературы. Так, неоспоримым является итальянское влияние на французскую литературу, в частности на жанр новеллы: широкую известность приобрели сборники Дж. Боккаччо, М. Салернитано и П. Браччолини, которые послужили образцом для произведений многих французских новеллистов. Несмотря на то, что французская сказочная традиция начала складываться еще

в Средневековье и постепенно развивалась в эпоху Ренессанса, по-настоящему популярными сказки во Франции стали лишь в середине XVII в. [1. Р. 379]. В это время широко распространились литературные салоны, наиболее занимавшие женскую часть аристократического общества. Участники демонстрировали друг другу свое остроумие и красноречие, рассказывая удивительные волшебные истории и в то же время затрагивая темы любви и галантности [8. Р. 15]. Сказки, написанные французскими авторами, отражали социальные нравы и кодексы, господствовавшие в литературных салонах. Вдохновляясь сказочными сюжетами, бытовавшими в среде простого народа, писатели изменяли их до неузнаваемости. Оригинальные версии салонных сказок отличались сложным прециозным стилем и воспринимались как модное веяние среди образованных людей [9. Р. 277].

Неоценимый вклад во французскую сказочную литературу внес Шарль Перро (1628–1703), написав в общей сложности одиннадцать сказок, основанных на фольклоре. Довольно иронично, что самый известный сказочник Франции того времени в действительности боялся осуждения со стороны высшего общества за уделение внимания культуре «простолюдинов»: свою версию «Спящей красавицы» (фр. *La belle au bois dormant*) Перро опубликовал, не указывая имени, а последующий сборник «Сказки матушки Гусыни», или «Рассказы, или Сказки былых времен» (фр. *Histoires ou contes du temps passé, avec des moralités, Contes de ma mère l'Oye*, 1697) был издан под авторством его сына Пьера [10]. Написанные для образованных аристократических кругов эпохи Возрождения, культурные адаптации фольклорных сказок Ш. Перро сочетали в себе традиции народа, национальный колорит и оттенки прециозного, галантного стиля, характерного для французских литературных салонов. Исключение из сюжетов присущей им жестокости, акцент на нравственных качествах персонажей отличали сказки Ш. Перро от их итальянских предшественников. Однако они не были идентичны салонным литературным сказкам – писатель изменил популярный возвышенный стиль письма, сохранив типичные для фольклорной сказки структуру и формулы [9. Р. 277]. Сам Ш. Перро говорил, что сказочный жанр объединяет поучение и забаву. Каждая из «Сказок матушки Гусыни» имеет свое послесловие, которое раскрывает мораль истории и является неким наставлением для читателя [7. С. 87]. К примеру, сказка «Синяя Борода» учит сдерживать излишнее любопытство, а «Мальчик-с-пальчик» – не судить книгу по обложке.

Следует упомянуть, что женщины-авторы также внесли значительный вклад в формирование классических французских сказок. Ярким свидетельством тому являются Мари-Катрин д'Онуа, издавшая два сборника «Волшебные сказки» и «Новые сказки, или Модные Феи», и Жанна-Мари Лепренс де Бомон, которая написала наиболее известную литературную версию сюжета о «Красавице и Чудовище». В XVIII в. их работы, вместе со сказками Ш. Перро и других французских авторов, были выпущены в общей антологии «Кабинет Фей» (фр. *Le Cabinet des Fées*, 1786–1789), состоящей из сорока одного тома, куда также вошли переводы арабской народной прозы,

известной как «Тысяча и одна ночь» [5. Р. 24]. Однако если в основе сказок Ш. Перро лежала фольклорная традиция, то произведения мадам д'Онуа были чисто литературными [7. С. 88]. Интересным фактом является то, что общепринятое английское название жанра *fairy tale* («сказки фей») происходит от французского термина *conte de fées*, которым обозначались салонные сказки, принадлежавшие высшему свету [11. С. 180]. Согласно некоторым исследованиям впервые термин *conte de fées* встречается в названиях собраний сказок Мари-Катрин д'Онуа (*Les contes des fées*) и Генриетты-Жюли де Кастельно де Мюрат (*Nouveaux contes de fées*), а впоследствии он становится общеупотребительным для французского жанра сказки [1. Р. 380].

Безусловно, большинство французских сказочников описываемого периода заимствовали идеи своих итальянских предшественников. Например, в предисловии к сборнику Генриетты-Жюли де Кастельно де Мюрат *Nouveaux contes de fées* упоминается, что ее истории написаны под влиянием «Приятных ночей» Дж.Ф. Страпаролы. В свою очередь, в сказке Ш. Перро «Ослиная шкура» повторяются сюжетные элементы произведений Дж. Базиле «Медведица» и Дж.Ф. Страпаролы «Дораличе». Любопытно отметить, что во французской литературе волшебство стало неотъемлемой частью сказки. Таким образом, если Дж.Ф. Страпарола только начал вводить в сказку чудесные допущения, а Дж. Базиле упрочил восприятие волшебства как помощи, получаемой в награду за добродетель персонажей, то одной из ключевых особенностей французских литературных сказок стало воплощение волшебного в образе чистой невинности, что произошло под влиянием церковных воззрений и христианских ценностей того времени [3. Р. 181].

Говоря о развитии немецкой сказки, необходимо отметить, что в немецком языке для обозначения жанра сказки существует свой собственный, не менее известный термин *Märchen*, который появился еще в Средневековье и первоначально имел аналогичный смысл со словами «новость», «известие». В просторечии термин приобрел уничижительный оттенок и предполагал некие надуманные слухи – это значение до сих пор сохранилось в немецком выражении *Erzähl mir keine Märchen* («Не лги мне»). Впоследствии слово *Märchen* стало обозначать устные повествования и народные сказки. В эпоху Возрождения термин *Märchen* был популяризован в литературном мире Западной Европы: как следствие производится жанровое разделение сказки на народную (*Volkmärchen*) и литературную (*Kunstmärchen*). На современном этапе эти термины прочно закрепились в лексиконе западных фольклористов и литературоведов и часто используются для замены английских наименований сказочных жанров *folktale* и *literary fairy tale*. Интересно, что подобное жанровое разделение сказок наблюдается повсеместно – в итальянских *le fiabe* Джованни Боккаччо, Джованни Франческо Страпаролы и Джамбаттисты Базиле, во французских *conte de fées* XVII–XVIII вв. и в последующих *Märchen* под авторством немецких писателей эпохи Просвещения Иоганна Вольфганга фон Гете, Иоганна Людвига Тика, Клеменса Брентано и Фридриха фон Харденберга [1. Р. 604].

Проявление малого жанра сказки в немецкой литературе во многом определили произведения Якоба и Вильгельма Гримм, которые в 1806 г. начали собирать бытовавшие в народе сказочные сюжеты, обращаясь при этом главным образом к устным текстам [5. С. 25]. Важно отметить, что писатели стремились к сохранению первоначального вида сказок, их традиционных черт и избегали излишней обработки. Тем не менее сказки братьев Гримм можно считать литературными, поскольку авторы усиливали красочное повествование, внося яркие описательные изменения в места действия и поведение персонажей и включая насущные назидательные элементы. Склонность братьев Гримм к гротескному повествованию также свидетельствует о литературном стиле сказок [12. С. 10]. В 1812 г. они издали свой первый том сборника «Детские и семейные сказки» (нем. *Kinder- und Hausmärchen*), включавший восемьдесят шесть адаптаций фольклорных сюжетов. Второй том вышел в свет в 1815 г. и насчитывал семьдесят сказок, а в 1819 г. к нему прибавилось дополнение из девяти коротких волшебных историй под общим названием «Детские легенды». Свое издание 1819 г. братья Гримм называли «учебной книгой» (*Erziehungsbuch*) и стремились к наибольшей правдивости, достоверности и справедливости описываемых волшебных историй. Однако когда их сказки стали набирать популярность у средних слоев общества, а основная читательская аудитория постепенно сместилась в сторону детской, многие неподобающие подробности, взятые из народных сюжетов, стали подвергаться редакции лично Вильгельмом Гримм, чтобы соответствовать устанавливавшимся этическим нормам того времени [6].

Идеи романтизма вступили в противоречие с идеями эпохи Просвещения, и это противостояние оказало значительное влияние на развитие сюжетов немецких сказок. Литература того времени идеализировала прошлое, в ней отражался интерес к национальной истории, во главу угла ставились сентиментализм и борьба с обывательским материализмом. В эпоху Романтизма господствовали сильные чувства, которые выражались либо в страстной любви, либо в зависти, честолюбии и жадности. В романтических сказках появляется понятие судьбы, ведущей героя, который наперекор обстоятельствам доказывает свою состоятельность.

Итальянская сказочная литература на первый взгляд не оказала значительного влияния на английскую сказку, однако при более детальном изучении можно проследить схожесть сюжетов, которые, вероятнее всего, базируются на итальянском фольклоре, так же как и французские и немецкие сказки. В Великобритании фольклорные сюжеты начали собирать и записывать значительно позже – лишь в конце XIX в. стали появляться первые сборники сказок. Однако необходимо упомянуть, что и до этого многие писатели проявляли интерес к народной сказочной поэзии и использовали ее мотивы в своих произведениях (к примеру, пьесы Уильяма Шекспира «Сон в летнюю ночь», «Зимняя сказка», «Буря» содержат красочные фольклорные образы) [13. С. 190].

Самые ранние издания двух томов английских народных сказок принадлежали Джозефу Джейкобсу (*English Fairy Tales*, 1890), который состоял в

английском фольклорном клубе и был его президентом [14. С. 96]. Дж. Джейкобса заслуженно называют своего рода «спасителем» народных сюжетов Англии, многие из которых в противном случае могли бы быть навсегда утрачены. Более того, он сохранил изначальную форму английских фольклорных сказок, не подвергнув их литературной обработке. В своих заметках Дж. Джейкобс сравнивал проделанную работу с трудами братьев Гримм и извинялся за «скудность» своих собраний (в них вошли восемьдесят семь историй) [1. Р. 298]. Наиболее авторитетное собрание «Цветные книги сказок» (англ. *The Lang's Fairy Books*, 1889–1914) было издано Эндрю Лэнгом и содержало фольклорные и литературные сказки со всего мира. Оно насчитывало 798 волшебных историй, вошедших в двенадцать книг, каждая из которых называлась по цвету обложки. Как писал Э. Лэнг, эти тома предназначались для детского чтения и представляли своего рода «нетронутую летопись зарождения культуры» [15. Р. 269]. Благодаря «Цветным книгам сказок» Э. Лэнг обрел славу в английском литературном мире и оказал значительное влияние на популярность сказок в Великобритании.

Становление авторских литературных сказок как жанра английской детской художественной литературы относят к середине XIX в. В Викторианскую эпоху сказки в Британии стали восприниматься как способ преподавания молодежи нравственных уроков. Многие английские авторы писали их как для детской, так и для взрослой аудитории [1. Р. 302]. В 1865 г. вышла в свет одна из самых знаменитых английских литературных сказок «Алиса в стране чудес» (*Alice's Adventures in Wonderland*), написанная профессором математики Чарльзом Лютвиджем Доджсоном под псевдонимом Льюис Кэрролл. Его сказка таила в себе особенности, которые впоследствии стали характерными для всех английских литературных сказок, а именно остроумный юмор, языковая игра, обращение к печальным и даже трагичным мотивам. Примечательно, что сказка Л. Кэрролла стала первой английской литературной сказкой с ребенком в роли главного героя [13. С. 191].

В свою очередь, сказочные миры, созданные в произведениях Оскара Уайльда (*The Happy Prince and Other Tales*) и Редьярда Кипплинга (*The Jungle Book*), отражали борьбу с табуированными социальными темами и затрагивали вопросы английской практики воспитания детей и их роли в обществе. У многих сказок отсутствовал привычный счастливый конец, что контрастировало с общепринятыми литературными тенденциями Викторианской эпохи. Особенно пессимистичными представляются сказки О. Уайльда, наполненные гротескными изображениями, тяжелыми философскими рассуждениями, суровыми жизненными ситуациями и конфликтами [6. Р. 159].

Таким образом, английские литературные сказки сформировались на основе самых разных источников. Сказочные сюжеты попадали на территорию Британских островов в разные периоды. Некоторые сюжеты распространялись еще среди кельтских народов, полноценно адаптировались под местный фольклор и становились его частью, а в дальнейшем находили отражение в сборниках собирателей народных сказок в своей особой культурной форме. Другие сказки попадали в Великобританию уже в литературном

виде через произведения знаменитых европейских писателей, а их адаптация под культуру английского общества была частью авторского творческого процесса и отчасти отражала идеи Викторианской эпохи. Сказки стали более добродетельными – в них были усилены идеи общественной морали, значительное внимание стало уделяться трудолюбию, хозяйственности и умеренности.

Обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод, что сказка развивалась и претерпевала изменения на протяжении всего исторического пути становления жанра. Многие тысячи лет сказочные сюжеты иллюстрируют мировосприятие разных национальных сообществ. Каждый автор привносил в жанр нечто новое: итальянские сказки одновременно пугают и завораживают, а изысканные французские сказки, напротив, носят возвышенный характер и делают акцент на нравственности. Немецким сказкам свойственны простота и народность, в то время как английские сказки постепенно отходят от своих фольклорных корней и заостряют внимание на злободневных социальных проблемах. Жанр сказки отражает духовный опыт народов и дает яркое представление об уникальных и самобытных культурах.

Таким образом, проанализировав влияние итальянской сказки на европейскую сказочную литературу, необходимо отметить следующее: формирование европейской сказочной литературы неотделимо от средневековой итальянской сказки; во всех сказках наблюдается сюжетная и идейная схожесть; сказка – это некий продукт культурного влияния. Это обусловлено тем, что основой для многих европейских сказок послужили итальянские фольклорные мотивы и фабулы из различных средневековых авторских литературных сказок. При этом речь идет не о банальном присвоении сюжетов – в таких случаях имеет место именно их культурная адаптация, создание совершенно нового художественного произведения, которое отражает особенности национальной культуры. Жанр сказки удивительно многогранен: за ним стоит языковая картина мира, и с полной уверенностью можно утверждать, что, несмотря на смену эпох и ценностей, сказки сохраняют традиции и обычаи, отражают национальный колорит и культурное своеобразие. Культурная адаптация позволяет опускать нежелательные и табуированные темы и вместо этого уделять внимание положительным характеристикам, таким как оказание помощи, доброта, храбрость и пр. В разные периоды истории писатели придают сказке новую направленность, будь то античные философские размышления или циничный черный юмор Ренессанса, возвышенность и утонченность эпохи Просвещения или элегантность и страсть Романтизма, добродетель и чопорность Викторианской эпохи или утилитаризм современности.

Возникновение различий между европейскими литературными сказками также во многом зависело от сложившегося в определенный исторический период менталитета национального сообщества, к которому принадлежал каждый отдельный автор. Вместе с тем важную роль играли индивидуальные намерения писателей, а именно их желание сохранить своеобразие фольклорных сказок или же, напротив, внести в сюжет свои собственные

творческие изменения. Другими словами, под влиянием национальной культуры и творческой индивидуальности авторов появилась особая национальная сказка, что и привело к существованию такого европейского сказочного разнообразия.

Проанализированный материал позволяет с полной уверенностью утверждать, что жанр европейской литературной сказки сформировался благодаря итальянской сказочной традиции, которая, в свою очередь, берет начало от жанра средневековой новеллы. Адаптированные итальянские сюжеты не только оказали значительное влияние на европейскую сказочную литературу, но и послужили основой для создания уникальных европейских национальных литературных сказок, которые в полной мере могут считаться зеркалом своей эпохи.

Список источников

1. *Haase D.* The Greenwood Encyclopedia of Folktales and Fairy Tales. Vol. 1–3. Westport, Connecticut : Greenwood Press, 2008. 1161 p.
2. *Bottigheimer R.B.* Fairy Tales Framed: Early Forewords, Afterwords, and Critical Words. New York : State University of New York Press, 2012. 254 p.
3. *Bottigheimer R.B.* Magic Tales and Fairy Tale Magic: From Ancient Egypt to the Italian Renaissance. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2014. 208 p.
4. *Bottigheimer R.B.* Fairy Godfather: Straparola, Venice, and the Fairy Tale Tradition. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2002. 176 p.
5. *Ashliman D.L.* Folk and Fairy Tales: A Handbook. Westport, CT : Greenwood Press, 2004. 268 p.
6. *Zipes J.* Fairy tales and the Art of Subversion: The Classical Genre for Children and the Process of Civilization. 2d ed. New York : Routledge, 2006. 268 p.
7. *Иванова Э.И.* Предшественники // Гуманитарное пространство. 2014. Т. 3. С. 81–91.
8. *Zipes J.* When Dreams Came True: Classical Fairy Tales and Their Tradition. New York ; London : Routledge, 2007. 322 p.
9. *Jean L.* Charles Perrault's Paradox: How aristocratic fairy tales became synonymous with folklore conservation // *Trames Journal of the Humanities and Social Sciences.* 2007. Vol. 11(61/56). № 3. P. 276–283.
10. *Daniygorova B.A.* Morality in Charles Perrault fairy-tales // *International Journal of Innovations in Engineering Research and Technology.* 2021. Vol. 8 (04). P. 1–3.
11. *Пропп В.Я.* Русская сказка: Собрание трудов. М. : Лабиринт, 2000. 416 с.
12. *Брайде Л.Ю.* Сказочники Скандинавии. Л. : Наука, 1974. 215 с.
13. *Тананыхина А.О.* Традиции развития английской волшебной сказки // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2015. № 2. С. 190–192.
14. *Норец Т.М., Дидковский И.А.* Национальные особенности сказок Западной Европы (на материале английских, немецких и французских сказок) // *Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Филологические науки.* 2015. № 2. С. 95–99.
15. *Bottigheimer R.B.* Fairy tales and folk tales // *International companion encyclopedia of children's literature.* 2004. Vol. 1. P. 261–274.

References

1. Haase, D. (2008) *The Greenwood Encyclopedia of Folktales and Fairy Tales. Volumes 1-3*. Westport, Connecticut: Greenwood Press.
2. Bottigheimer, R.B. (2012) *Fairy Tales Framed: Early Forewords, Afterwords, and Critical Words*. New York: State University of New York Press.
3. Bottigheimer, R.B. (2014) *Magic Tales and Fairy Tale Magic: From Ancient Egypt to the Italian Renaissance*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
4. Bottigheimer, R.B. (2002) *Fairy Godfather: Straparola, Venice, and the Fairy Tale Tradition*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
5. Ashliman, D.L. (2004) *Folk and Fairy Tales: A Handbook*. Westport, CT: Greenwood Press.
6. Zipes, J. (2006) *Fairy tales and the Art of Subversion: The Classical Genre for Children and the Process of Civilization*. 2nd ed. New York: Routledge.
7. Ivanova, E.I. (2014) Predshestvenniki [Predecessors]. *Gumanitarnoe prostranstvo*. 3. pp. 81–91.
8. Zipes, J. (2007) *When Dreams Came True: Classical Fairy Tales and Their Tradition*. New York and London: Routledge.
9. Jean, L. (2007) Charles Perrault's Paradox: How aristocratic fairy tales became synonymous with folklore conservation. *Trames Journal of the Humanities and Social Sciences*. 11 (61/56):3. pp. 276–283.
10. Daniylova, B.A. (2021) Morality in Charles Perrault fairy-tales. *International Journal of Innovations in Engineering Research and Technology*. 8 (04). pp.1–3.
11. Propp, V.Ya. (2000) *Russkaya skazka: Sobranie trudov* [The Russian Folktale: Collected Works]. Moscow: Labirint. (In Russian)
12. Braude, L.Yu. (1974) *Skazochniki Skandinavii* [Storytellers of Scandinavia]. Leningrad: Nauka.
13. Tananykhina A.O. 2015. Traditsii razvitiya angliiskoi volshebnoy skazki [Traditions of development of an English fairy tale]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2. pp. 190–192.
14. Norets, T.M. & Didkovskii, I.A. (2015) Natsional'nye osobennosti skazok zapadnoi Evropy (na materiale angliiskikh, nemetskikh i frantsuzskikh skazok) [National peculiarities of the fairy tales of Western Europe (based on the materials of the English, French, and German fairy tales)]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*. 2. pp. 95–99.
15. Bottigheimer, R.B. (2004) Fairy tales and folk tales. *International companion encyclopedia of children's literature*. 1. pp. 261–274.

Информация об авторах:

Балаева М.И. – студент магистратуры, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: balaeva.mi@yandex.ru

Бободжанова Л.К. – канд. пед. наук, доцент ВШИППиПЛ, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: tuli-pan@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.I. Balaeva, master's student, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: balaeva.mi@yandex.ru

L.K. Bobodzhanova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: tulipan@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 30.01.2023;
одобрена после рецензирования 24.02.2023; принята к публикации 07.03.2024.*

*The article was submitted 30.01.2023;
approved after reviewing 24.02.2023; accepted for publication 07.03.2024.*

Научная статья
УДК 821.112.2
doi: 10.17223/19986645/87/9

Хронотоп предвоенной Италии в «новелле о художнике» Томаса Манна («Смерть в Венеции», «Марио и волшебник»)

Дмитрий Александрович Беляков¹, Елена Ивановна Зейферт^{2,3}

^{1,2} Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

³ Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

¹ d.belyakov@linguanet.ru

^{2,3} elena_seifert@list.ru

Аннотация. Хронотоп «новелл о художнике» Томаса Манна «Смерть в Венеции» и «Марио и волшебник», объединённых итальянской темой, формируют социально-политический, индивидуально-творческий, психологический, геомедицинский аспекты. Взгляды нарратора и центрального персонажа в «Смерти в Венеции» сначала стремятся вширь и ввысь (дохолерное пространство), а потом внутрь и вниз (оптика умершего, которого везут в Аид). Жанровая замкнутость новеллы «Марио и волшебник» усилена хронотопом.

Ключевые слова: хронотоп, «новелла о художнике», локус, Томас Манн, «Смерть в Венеции», «Марио и волшебник»

Для цитирования: Беляков Д.А., Зейферт Е.И. Хронотоп предвоенной Италии в «новелле о художнике» Томаса Манна («Смерть в Венеции», «Марио и волшебник») // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 87. С. 159–174. doi: 10.17223/19986645/87/9

Original article
doi: 10.17223/19986645/87/9

The chronotope of prewar Italy in Thomas Mann's "Künstlernovelle" (*Death in Venice*, *Mario and the Magician*)

Dmitry A. Belyakov¹, Elena I. Zeifert^{2,3}

^{1,2} Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

³ Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

¹ d.belyakov@linguanet.ru

^{2,3} elena_seifert@list.ru

Abstract. The objective of the research is to provide a detailed description of the key aspects of existential borderline experience underlying the chronotope of Thomas Mann's novellas *Death in Venice* (1912) and *Mario and the Magician* (1930). Methods employed in the study include close reading, biographical approach, and motivic analysis. The novelty of the research lies in the suggested approach that allows studying Mann's novellas from a new perspective and shedding an additional light on their

poetics and historical and philosophical context. The research is conducted with the use of methodology based on theoretical literary studies and historical literary works of H. Kurzke, H. Böhm, K. Müller-Salget, J. Hurta, M. Dirks, M. Beller, M. Reich-Ranicki, M. Bakhtin, S. Nekhludov, Y. Lotman, V. Tyupa, and others. The results of the analysis of the poetics of Mann's novellas in the aspect of their space and time show that the chronotope in Mann's "Künstlernovelle" *Death in Venice* and *Mario and the Magician*, correlated by the Italian theme, forms sociopolitical, individual-creative, psychological, and geomedical aspects. Being one of the most fundamental genre mediums in Mann's novellas, the chronotope, on the one hand, serves as a genre-shaper and, on the other hand, absorbs genre dominants of the novellas. Unexpected plot twists in the novellas reinforced by the tragic endings intensify the strained situation and hopelessness in the prewar Italy and the intimidating nature of liminal circumstances. The suspenseful plot accelerates the development of the chronotope: from a desired holiday destination to a repulsive place of death. The space structure of Mann's novella takes active part in literary senseformation supported by the motivic field of an Italian "local text". Not only Gustav von Aschenbach's spiritual crisis, but also a cholera pandemic affects the space structure of the novella *Death in Venice*. At first, the narrator and the protagonist look up and broadwise (pre-cholera space) and then inside and down: this reflects close inner optics of a deceased carried to Hades. The genre isolation of the novella *Mario and the Magician* is intensified by the chronotope, in particular, by the space-time dome above Torre di Venere. The literary time in *Mario and the Magician* is enclosed with an emotional veil: the memory lane that forms the basis of the novella "is shrouded in heavy atmosphere" and gravitates towards the sense of liminality. The picture of intertwined loci inside the Italian chronotope in Mann's *Death in Venice* and *Mario and the Magician* demonstrates the principles of mirroring and complementarity. The locus of a restaurant in the two novellas can be regarded as a micro model of their whole space-and-time domains. The loci of boat (*Death in Venice*) and of stage (*Mario and the Magician*) expose the reality and form the image of actuality.

Keywords: chronotope, "Künstlernovelle", locus, Thomas Mann, *Death in Venice*, *Mario and the Magician*

For citation: Belyakov, D.A. & Zeifert, E.I. (2024) The chronotope of prewar Italy in Thomas Mann's "Künstlernovelle" (*Death in Venice*, *Mario and the Magician*). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 87. pp. 159–174. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/87/9

Введение

Проблемное и проблематизирующее бытие художника – одна из ключевых тем в творчестве Томаса Манна. Оппозиция дух (искусство) / жизнь (бюргер), постепенно переходящая в корреляцию, – магистральный путь эволюции его художественного мира. На языке Манна этот процесс представляет собой движение от «симпатии к смерти» (*Sympathie mit dem Tode*) к ее преодолению – во имя концепции «человека как хозяина противоречий» (*Mensch als Herr der Gegensätze*), диалектического образа «всеразрушающей лавы как удобрения» (*die Lava vernichtet, aber auch düngt*), а также принципа «двойного благословения» (*doppelter Segen*) – благословения не только небом, но и бездной. Иными словами, всего того, что впоследствии – в 1930–1940-е гг. будет осмыслено им в качестве нового, углубленного, лишенного

наивной риторичности гуманизма – того гуманизма, который только и может лежать в основании ответственного художественного высказывания, существующего в большом историческом времени творца.

Именно с восходящего к йенскому романтизму жанра «новеллы о художнике» (*Künstlernovelle*), в сущности, начинается творческий путь Манна. Фигуры художников присутствуют в новеллах «Воля к счастью» (1896) и «Разочарование» (1896). Погружен в мир искусства и господин Фридеман – герой ранней новеллы Манна (1897), именем которого назван первый новеллистический сборник писателя, изданный годом позднее (1898). Развивают эту традицию новеллы первых лет XX в.: «Тристан» (1902) и «Тонио Крёгер» (1903). В более поздней прозе Манна неоднократно актуализируется и жанровая форма *Künstlerroman* («Лотта в Веймаре», 1939, «Доктор Фаустус», 1943).

Не менее фундаментальное значение обретает в жизни и творчестве Томаса Манна образ Италии, обретающий амбивалентное смысловое и эмоциональное наполнение. Это и отсылка к одному из ключевых духовных ориентиров Манна – Гёте и его «второго рождения» в Италии. Именно в Палестрине, под Римом, Манн принимает решение посвятить свою жизнь творчеству, именно там он начинает работу на «Будденброках». Италия – место многократного отдыха Манна с семьей, его эстетического наслаждения и интеллектуального напряжения. Это место действия целого ряда его текстов («Разочарование», «Воля к счастью», «Тонио Крёгер», «Смерть в Венеции», «Марио и волшебник»). Это многочисленные аллюзии и прямые отсылки к Данте, Петрарке, Боккаччо, Микеланджело, которыми наполнено его творчество.

Стихия Италии – созидаящая и разрушающая, служащая цементирующим стержнем и размывающая; поле битвы Эроса и Танатоса. Это и классический миф об Италии, и дионисийское наваждение Густава фон Ашенбаха, и выступающий пародией на просветительский (аполлонический) гуманизм Сеттембрини, и место сделки Адриана Леверкюна с чертом. Мысль об Италии, как правило, сопряжена у героев Манна с жадной преодоления глубокого мировоззренческого кризиса.

Как новелла о художнике, так и «итальянская тема» тяготеют у Манна к лиминальному, пограничному, «предвоенному» – как в прямом, так и в переносном смысле слова – мироощущению. И сопряжено оно далеко не только с военно-политическим противоборством (будь то канун Первой мировой войны или канун прихода к власти национал-социалистов). Речь идет, главным образом, об экзистенциальном конфликте, и жанр новеллы служит его развитию.

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы с опорой на метод «пристального чтения», биографический метод и метод мотивного анализа выделить и дать дифференцированное описание ключевых аспектов экзистенциального пограничного опыта, формирующих хронотоп новелл «Смерть в Венеции» (1912) и «Марио и волшебник» (1930). Предложенный

подход позволит изучить новеллы Манна с нового ракурса, пролить дополнительный свет на их поэтику и историко-философский контекст, что обуславливает **научную новизну** работы.

Общим и частным особенностям новелл «Смерть в Венеции», «Марио и волшебник», а также итальянской теме у Манна в целом посвящены сотни исследований. В настоящей работе мы, прежде всего, опираемся на труды Х. Курцке, Х. Бёме, К. Мюллера-Зальгета, Я. Хурты, М. Диркса, М. Беллера, М. Райх-Раницки, Г.Р. Фагета, М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, Н.С. Павловой, В.Г. Зусмана, В.М. Толмачева, Н.Д. Тamarченко, В.И. Тюпы, В.Л. Топорова и других учёных.

Жанр, хронотоп, локус

Жанр новеллы достаточно разработан в литературоведении: выявлены истоки жанра, определены жанровые признаки [1–3]. Однако и сама новелла, и модификация «новеллы о художнике» нуждаются в дальнейшем изучении.

Е. Мелетинский сетует на отсутствие теоретического определения новеллы из-за разнообразия её образцов [4. С. 3]. Чёткое разграничение рассказа и новеллы предлагает М. Кудрина [5]. Н. Тamarченко определяет новеллу и повесть как жанры канонические, т.е. развившиеся на стадии рефлексивного традиционализма (С. Аверинцев), или эйдетической поэтики (С. Бройтман) [6]. В диссертации о новелле Л.Г. Хоревой представлен «новый подход к изучению жанра новеллы, заключающийся в сопряжении теории инвариантных жанровых стратегий с рассмотрением его генезиса в исторически конкретных условиях бытования» [2. С. 7]. В. Тюпа рассматривает новеллу в качестве «малой эпической формы, восходящей к коммуникативной стратегии анекдота, предполагающей релятивизацию картины мира» [3. С. 192]. К признакам новеллы учёные относят малый эпический объём, нарратора, близкого к действительности читателя, сюжет, развивающийся по принципу кумуляции, пуант, асимметрию, драматизм и исчерпанную замкнутость сюжета, монособытийность и др. *Künstlernovelle* Т. Манна как итальянский «локальный текст» создаёт многомерность, в целом свойственную «локальным текстам», к примеру многоуровневому Петербургу [7. С. 3].

Теоретико-литературное понятие хронотопа, по М. Бахтину, представляет собой «сжатие пространственно-временных примет в осмысленном и конкретном целом» [8. С. 234]. Понятие локуса, активно разрабатываемое Ю. Лотманом [9], взявшим его из трудов С. Неклюдова [10], служит для обозначения социокультурно значимых пространств, предполагающих некий круг устойчивых ситуаций и мотивов (локусы леса, степи, храма, ресторана, улицы, подвала и т.п.). Для исследуемых новелл Манна важными становятся локусы итальянского пляжа, лодки, ресторана, сцены и др.

Разработка теоретико-литературной проблемы предвоенного хронотопа Италии в новеллистике Томаса Манна требует различных исследовательских подходов – изучения материала сквозь призму, во-первых, «новеллы о

художнике» (*Künstlernovelle*) как модификации жанра новеллы, а также итальянского «локального текста»; во-вторых, содержательно-структурных парадигм «политика / искусство», «Танатос / Эрос», «чувственное / интеллектуальное», «аполлоническое / дионисийское» в эстетической системе Томаса Манна; в-третьих, сходства и различия новелл «Смерть в Венеции» и «Марио и волшебник» (на уровне хронотопа и взаимодействующего с ним мотивного поля, локусов, нарратора, образа главного героя, сюжета, композиции, языка).

«Смерть в Венеции»: поэтика пандемии

Как известно, творчество Томаса Манна глубоко автобиографично. При этом, по его глубокому убеждению, поэта «рождает не дар творческого мышления, а дар одухотворения». Последний в художественной практике Манна превращается в принцип «высшего списывания» (*höheres Abschreiben*).

С.С. Аверинцев и А.В. Михайлов отмечают, что «это автопортрет не буквальный, а преображенный, экспериментальный, являющийся продуктом транспозиции своего Я на разные ситуации, разные эпохи и с заменой ряда черт на противоположные» [11. С. 9–10].

Известно, что Манн использует медицинские источники для изображения страданий умирающего от тифа Ганно Будденброка и музыковедческие – в период работы над «Доктором Фаустусом». Создавая «Смерть в Венеции», писатель ориентируется на современные газеты, показывая маршрут распространения эпидемии холеры, соответствующий действительности.

В «Смерти в Венеции» для Т. Манна работают автотерапевтические рецептивные механизмы: он делает Г. фон Ашенбаха автором так и не написанного им самим эссе («создатель страстного трактата «Дух и искусство»). Итальянский хронотоп в «новелле о художнике» «Смерть в Венеции» невзначай подпитывается темой музыки (с её итальянской терминологией).

Перед написанием «Смерти в Венеции» Томас Манн был потрясён смертью Густава Малера¹ (и поэтому назвал своего центрального персонажа Густавом и дал ему внешность известного композитора), впечатлён посещением Венеции и встречей с прототипом Тадзио – прекрасным польским подростком, очарования от которого Манн не скрывает [12].

В обеих исследуемых новеллах уже в первых абзацах рассыпаны многочисленные указания на координаты художественного пространства и вре-

¹ Режиссёр Лукино Висконти, экранизируя «Смерть в Венеции», изобразил Ашенбаха как музыканта, в саундтреке звучит музыка Малера. Берлинский театр *Schaubühne* (режиссёр Томас Остермайер) назвал постановку «Der Tod in Venedig / Kindertotenlieder»: новеллу Томаса Манна 1912 г. режиссёр соединил с вокальным циклом «Песни об умерших детях» 1904 г. Густава Малера. Герой Остермайера изъясняется вокальными сочинениями Малера: малеровская боль выражает страдания другого Густава.

мени: то убедительно конкретизированные и даже обстоятельно прочерченные, то окутанные флёром загадочности: «тёплый весенний вечер 19... года – года, который в течение столь долгих месяцев грозным оком взирал на наш континент» [13. Т. 7. С. 448]; «из своей мюнхенской квартиры на Принцрегентштрассе» [13. Т. 7. С. 449]; «дневным трудом», «после обеда», «было начало мая» («Смерть в Венеции»); «Торро-ди-Венере», «Торре расположено примерно в пятнадцати километрах от Порте Кlemente, одного из наиболее посещаемых курортов на Тирренском море» [13. Т. 8. С. 168]; «Марина-Петриера», «в середине августа» [13. Т. 8. С. 170] («Марио и волшебник»). Одна из новелл содержит итальянский топоним уже в названии. Томасу Манну свойственно описание курортов, мест лечения как локусов обитания Танатоса и Эроса, и в изучаемых новеллах именно итальянские пляжи становятся основными художественными ландшафтами.

Рыжие предвестники смерти в «Смерти в Венеции» (прохожий в немецком парке, гондольер, музыкант) бросаются в глаза, словно бессознательно предупреждая, пытаясь спасти главного героя. У предмета его страсти Тадзио тоже золотые локоны. Необыкновенной красотой мальчика восхищается не только центральный персонаж: подросток Яшу раболепно смотрит на него и подчиняется в играх, Тадзио (снисходительно любующийся спящим рядом с ним Яшу как своим «вассалом») – лидер и окружён восхищением. Ашенбах пленён красотой златокудрого подростка, которого постоянно сравнивает с античными богами. «Пышущая жаром квадрига» (в мечтах), раскалённый «золотисто-жёлтый, как воск» песок пляжа (наяву) создают локус для ухода главного персонажа из жизни. Античность, к которой воспаряет Ашенбах в своих грёзах о мальчике, становится для него смертоносной.

Дохолерная оптика у Манна вдохновляет читателя. Ашенбах воспринимает путешествия как «гигиеническую меру»: и действительно, путешествия омывают сетчатку, перезагружают нервную систему. В холерном мире путешествия становятся малодоступными, и оптика меняется.

«Желание странствовать», налетевшее на Ашенбаха уже в самом начале сюжета «Смерти в Венеции», изменило его оптику: «Он жаждал видеть, его фантазия, ещё не умиротворившаяся после долгих часов работы, воплощала в единый образ все чудеса и все ужасы пёстрой нашей земли, ибо стремилась их представить себе все зараз» [13. Т. 7. С. 451]. Герой смотрит по сторонам, изучает рейсы паровых линий, вглядывается в даль. По дороге в Венецию Ашенбах глядит «на праздную толпу» и пассажиров. Взглядом он охватывает весь горизонт: «Нигде на горизонте ни полоски земли» [13. Т. 7. С. 464]. Внутренним зрением он вызывает в воображении дальние виды своей мечты. Зрение Ашенбаха многослойно, ракурсы многочисленны, перед ним открывается горизонт, «терпимо обнимавший все и вся» – широкий охват взглядом у Ашенбаха, весь жизненный путь которого был «восхождением к достоинству». Вместе с плотским взглядом на мальчика, чувство к которому сначала даже дало ему приток вдохновения, сужается оптика

Ашенбаха: теперь он следит за мальчиком и его семьёй, всюду видит атрибуты одежды Тадзио, рассматривает себя в зеркале, смотрит под ноги. Многогранность оптики гаснет.

Интересно, что глаголы с семантикой зрения в «Смерти в Венеции» обслуживают ближние ракурсы и планы до желания Ашенбаха отправиться в путешествие («...вдруг он увидел, что тот отвечает на его взгляд и притом так воинственно, так в упор» [13. Т. 7. С. 450]) и после одолевшей его деструктивной одержимости мальчиком («...он увидел, что это всё тот же красивый мальчик прошёл слева от него по песку» [13. Т. 7. С. 480]), а в предвкушении близкого путешествия и в начальный, духоподъёмный период пребывания в Венеции – дальние планы и перспективы («Он видел: видел ландшафт, под небом...» [13. Т. 7. С. 452]). Аполлоническое восхождение Ашенбаха переходит в дионисийское буйство.

Сюжетно-композиционная схема новеллы «Смерть в Венеции» создаёт своеобразный треугольник: от рождения и становления Ашенбаха – вверх («...он выработал в себе чувство собственного достоинства, к которому, по его утверждению, всегда стремится большой талант» [13. Т. 7. С. 458]) и после обуздавшего его влечения к четырнадцатилетнему мальчику – вниз. Водоразделом служит попытка Ашенбаха заговорить, познакомиться с мальчиком, оборванная одышкой, учащённым сердцебиением, сдавленностью голоса: начальный этап очарования мальчиком ещё дополняет восхождение Ашенбаха, даёт ему творческое вдохновение, но затем, вслед за манией, следует довольно стремительное падение, переходящее в смерть. Герой отбрасывает творчество, перестаёт смотреть на море. Свежее, разреженное, наполненное дуновением и парением художественное пространство взлёта заменяется плотным, душным, тесным пространством резкого спуска. Правда жизни берёт верх над правдой иллюзии.

Специфика сюжетно-композиционной организации «Смерти в Венеции», прочерченная магистральной линией взлёта и падения Густава фон Ашенбаха, коррелирует с начавшейся пандемией, сначала максимально расширяя влекомое вверх и вперёд пространство в стороны, затем категорически сужая пространство, направленное вниз. Холера меняет оптику человечества, закрывая возможности свободного перемещения. Венеция предстаёт царством мёртвых, её воды – Стикс, Лета и другие реки смерти, гондольеры – Хароны. Т. Манн передаёт ощущения, близкие человеку, безвольно сопровождаемому вниз, в Аид: «Тихо, всё тише становилось вокруг него. Уже слышны только всплески весла, глухие удары волны о нос гондолы...» [13. Т. 7. С. 468]. Сцена, когда цирюльник красит Ашенбаху волосы и наносит грим, напоминает подготовку мёртвого к погребению.

Упоминается в новелле и Россия, вовлекающаяся в смертоносную стихию Танатоса: «...этот мор необычно долго свирепствовал в Индостане, перекинулся на восток – в Китай, на запад – в Афганистан и Персию, и по главным караванным путям во всем своем ужасе распространился до Астрахани, более того – до Москвы. Европа дрожала, что оттуда призрак будет

держат свой въезд по суше, но сирийские купцы привезли его водным путем» [13. Т. 7. С. 514].

Томас Манн исподволь постоянно подчёркивает, что Густав фон Ашенбах может умереть. Он «только призван к постоянным усилиям, а не рождён для них». «Его любимым словом было "продержаться"» [13. Т. 7. С. 455]. Ашенбах подмечает нездоровье мальчика и сожалеет, что тот, «видно, не доживет до старости», а сам «страстно хотел дожить до старости». Влюблённый, но умирающий Густав словно обезболен своим наркотическим опьянением, он движется, «повинуясь указанию демона». Гонка гондол, изображённая Манном, преследование Ашенбахом гондолы, в которой находится Тадзио, – экстраполяция жизненной суеты на хронотоп смерти (лодка Харона). Герой изображён в контексте «катастрофы, надвигающейся на мир» и не желает делать шаг «к целительному отрезвлению».

Напряжённое, длительное нагнетание тяжёлой обстановки по удельному весу приравнивается Т. Манном летальному событию в финале: «...сюжетная структура новеллы своей асимметричностью противоположна повести, а своей замкнутостью, смысловой закруглённостью и исчерпанностью противостоит открытости и незавершённости сюжета рассказа» [1. С. 58]; «...нисходящая линия неизмеримо короче восходящей, а одно финальное событие по своей значимости равно всей предшествующей цепи событий» [1. С. 58]. В новелле «Смерть в Венеции» повествователь постоянно приближает к себе читателя с помощью модусов вероятности, неожиданности и др. («возможно, что Ашенбах, рассеянно, хотя и пытливо, разглядывая незнакомца, был недостаточно деликатен»; «вдруг он увидел, что тот отвечает на его взгляд и притом так воинственно, так в упор»); в «Марио и волшебнике» выделена личность рассказчика («мы»). В обоих случаях изображается определённое стечение обстоятельств, ставшее поводом для рассказывания, и наблюдение со стороны отвлекает от конкретики, переводя экстраординарное событие в статус вневременного.

«Сколько игры, упорства и упоения включает в себя самовыращивание таланта!» – восклицает повествователь в «Смерти в Венеции» [13. Т. 7. С. 459]. Ашенбах-писатель в зрелые годы делает свой стиль «образцово-непререкаемым, отшлифованно-традиционным, незыблемым, даже формальным и формулообразным», уйдя от «молодой отваги» и «тонкой игры светотеней». Но Ашенбах-человек словно пытается обмануть время и снова оказаться на дневном отрезке жизни. Для Т. Манна важна оппозиция день / ночь. В начале произведения Ашенбах устал от изнуряющего «дневного труда» (он отдаёт работе «лучшие, плодотворные часы», занимается «ежедневным кропотливым трудом»), «спасительный дневной сон» не идёт к нему. Жизнь Ашенбаха клонится к вечеру. В путешествие он отправляется ночью («ночь в спальном вагоне», «отбыл с ночным поездом»): ночь с её покоем и тьмой призвана родить полный динамики и света день. Ночь для Ашенбаха – инициация: «Если за одну ночь хочешь достичь сказочно необычного, несравнимого, куда направиться? О, это ясно!» [13. Т. 7. С. 462]. С момента превращения его восторга перед идеальной красотой подростка

в дионисийский порыв ночи становятся то не восстанавливающими, «почти бессонными», то наполненными пёстрыми сновидениями в «крепком, непробудном сне», то в итоге – короткими, полными «счастливых тревог». Венецианская ночь тепла, но с «тихо плещущей ночью» в воспалённом сознании Ашенбаха связываются «неслышные и преступные похождения». Вечер его жизни теперь неумолимо продвигается к ночи, одновременно возвращая к детству. В городе, охваченном холерой, ночью становится «небезопасно», орудуют злоумышленники. В последнюю ночь Ашенбах видит во сне предзнаменование своей кончины. Таким образом, ночной поезд уносит его в ложный день, а на самом деле в ночь его жизни.

«Марио и волшебник»: поэтика национализма

В 1920-е гг. Манн вместе с супругой и детьми регулярно проводил отпуск в Италии, на тосканских курортах. В 1926 г. в письме Гуго фон Гофмансталю Манн с сожалением делится своими впечатлениями об атмосфере местечка Форте-деи-Марми, отмечая парящий в воздухе национализм. В ходе той же поездки Манн посещает представление местного гипнотизера Чезаре Габриелли. Мастерство этого «художника» так поразило Манна, что спустя несколько лет он сделал Чезаре прототипом Чиполлы в новелле «Марио и волшебник». В одном из писем 1930 г. Манн признается, что единственной выдумкой в недавно опубликованном тексте стал роковой выстрел Марио в Чиполлу. Более того, этот поворот сюжета был подсказан писателю его дочерью Эрикой, обронившей: «Я бы не удивилась, если бы он его застрелил». Манн вспоминает, что именно в этот момент пережитое и стало новеллой, поскольку возникла столь нужная неожиданная концовка. (Заметим, что неправдоподобность концовки неоднократно обсуждалась в критике – имелись в виду обстоятельства появления у неизменно дружелюбного официанта Марио заряженного пистолета.)

В нашем исследовании мы разделяем позицию Х. Коопмана, Х. Курцке и Я. Хурты, трактующих образ Чиполлы в качестве характерного для творчества Манна проблемного художника, склонного к декадансу и восприимчивого к демоническому. Курцке пишет, что Чиполла – *Künstlergestalt*, страдающий от физического бессилия: «...его мотив – это месть духа, обделенного жизнью» [14. С. 237]. (Увечье карлика Оскара Мацерата в «Жестяном барабане» Гюнтера Грасса сопряжено с отторжением фашизма. Чиполла со своим увечьем страстно встает на сторону фашизма.) Амбивалентность образа Чиполлы (художник и самозванец, властитель и неудачник) подчеркивает Х. Коопманн [15. С. 172].

Обращает на себя внимание характерное имя гипнотизера (итал. *chipolla* – лук), отсылающее и к многослойности образа этого «волшебника», и к драматическим – полным слез – последствиям его гипнотических сеансов.

История рецепции новеллы «Марио и волшебник» имеет несколько ключевых этапов. На первом, самом раннем, этапе и сам Манн, и современная ему критика не были склонны трактовать новеллу в политическом ключе.

Так, в 1932 г. Манн пишет, что проблематика его новеллы скорее этическая, чем сатирико-политическая (15.04.1932). В другом, более позднем письме он не исключает влияние фигуры Муссолини на формирование образа Чиполлы (1941). В послевоенном письме одному американскому исследователю (1947) акценты в очередной раз корректируются. Писатель признается, что в момент написания новеллы он и подумать не мог, что Чиполла возможен в Германии (20.04.1947). В позднем автобиографическом эссе «On Myself» Манн пойдет еще дальше и напишет, что политико-моральный намек, содержащийся в тексте, был понят в Германии задолго до 1933 г. (и либо принят с симпатией, либо отвергнут с негодованием).

Одним из первых критиков, указавших на политическое содержание новеллы вскоре после ее публикации, стал Ю. Баб. В дальнейшем политическое, «антифашистское» прочтение «Марио и волшебника» станет общепринятым подходом в литературоведении ГДР (особенно отметим роль Г. Лукача, Г. Майер и И. Дирзен). В 60-е гг. и многие западногерманские филологи начнут трактовать новеллу как исследование фашистской психологии (при этом чрезвычайно распространены были и иные трактовки, например ее философско-психологическое прочтение; особенно стоит отметить здесь исследования М. Диркса).

Несмотря на то, что в новелле неоднократно поднимается тема итальянского фашизма, а также называется Дуче, представление, согласно которому нарратор является носителем строго гуманистических взглядов, а Италия оказывается средоточием национализма, представляется несостоятельным и нуждается в коррекции.

Хронотоп этой новеллы – несколько сфер, вдетых друг в друга: дети воспринимают происходящее как театральное зрелище, немцы-нарраторы – как ростки фашизма, итальянцы – как трагический случай. Торре-ди-Венере и сцена, на которой царит Чиполла, – родственные, кажущиеся не тем, чем они являются, пространства: Торре, тишина которого в прошлом, но влечёт посетителей, не «идиллическая Аркадия», а шумный филиал Портеклементо; сцена предназначена не для театрального действия, а для политического гипноза. Близнечные образы в новелле «Марио и волшебник» – два города: большой, Портеклементо, и «его скромный филиал» Торре-ди-Венере, «изысканнее и дешевле»; два отеля: в Торре «Гранд-отель» и пансион «Элеонора» создают удивительно похожие тандемы. Небольшой из пары в обоих случаях оказывается обманкой, он лишь кажется лучше большого: слышущий «идиллической Аркадией» Торре, тишина в котором, желанная для туристов, давно стала прошлым, описывается Манном с раздражённой интонацией, усиленной обилием синтаксической ткани и однородных конструкций; хозяйка «Элеоноры» продаёт билеты на представление Чиполлы.

Несмотря на трагизм ситуации, повествование в новелле «Марио и волшебник», как и свойственно письму Т. Манна, размеренное, обстоятельное, детализированное. Прослойки юмора, лёгкой самоиронии со стороны немцев позволяют, с одной стороны, создать поле релаксации, с другой – «держат хорошую мину при плохой погоде»: «*приключение стоит такого взноса в итальянскую государственную казну*» [13. Т. 8. С. 179].

Не только место Торре-ди-Венере, но и время (высокий сезон для местных) – не для иностранцев, которые – из-за политики, итальянской «идеи нации» – считаются здесь людьми третьего сорта. К тому же в этот сезон царит свирепая жара. «Злокачественность настроения» создают «озлобленность, раздражение, нервная взвинченность» [13. Т. 8. С. 168]. Пространственно-временной жаркий купол, накрывающий тяжёлое эмоциональное поле, способствует накаливанию «злокачественности тамошних настроений».

Появление пляжа в «итальянской новелле» Томаса Манна – индикатор наличия иного, карнавального и/или мистифицирующего пространства (Венеция как царство мёртвых в «Смерти в Венеции», сцена для гипноза в «Марио и волшебнике»). Пляж, на котором Ашенбах как вуайер наблюдает за Тадзио (и здесь же в конце новеллы умирает), или пляж, где супругов-немцев штрафуют за минутную наготу их восьмилетней дочки, – пространство, подобное мосту, посреднику, мерцающей границе: здесь отдых соединяется / разделяется с насилием, смертью.

Повествование в новелле идёт от лица мужчины, крайне редко проявляющегося местоименно (девочка прикорнула на коленях у отца («у меня»), мальчик – у матери), и безмолвно солидарной с ним дружественной жены; «мы» необходимо для поддержки, эмпатии, солидарности, защиты). Немцы-нарраторы сначала надеются, что в Италии можно добиться справедливости (приглашают врача, чтобы он осмотрел их ребёнка, из-за кашля которого всполошилась «элегантная соседка»; пытаются оправдать «проступок малолетней преступницы» её физической неразвитостью), но со временем понимают, что дело в политике, «идее нации», сверхамбициозно возвеличивающей своё и резко, жестоко не принимающей чужое. По пляжу шныряет «шпик в котелке», крайне недружелюбно настроены к приезжим полицейские. Даже дети нарраторов (обычно, как и любые дети, легко общающиеся с иностранными детьми даже без общего языка), в новелле обескуражены непониманием и враждебностью со стороны местных ребят.

Немцы-нарраторы отлично понимают не только литературный итальянский, но и «отрывистое тосканское наречие». Этим фактом Томас Манн, страстный ценитель Италии, показывает, как часто они гостят здесь, чтят культурные традиции. Их прежние визиты в Италию были приятными: вопреки прошлому опыту, немцы-рассказчики и на пляже не чувствовали себя легко и радостно. Но в эту поездку и сами немцы словно заранее нацелены на неприятие Италии: их раздражают вполне нейтральные кусты и даже ребёнок (пусть и капризный) на пляже («Крики эти были обращены к дрянному мальчишке, с тошнотворной язвой от солнечного ожога между лопатками...») [13. Т. 7. С. 175]. Обычно люди снисходительны к детям; до такой степени не терпящие детей не становятся родителями или столь же нетерпимы к своим детям, но супруги, по всем фактам любящие родители (к примеру, беспокоятся о том, что позднее представление Чиполлы нарушит режим отдыха их детей). Ответ супругов-немцев, согласно которому они гости не Италии, а госпожи Анджольери, по меньшей мере странен, ведь не она пригласила их на отдых, более того они оказались в её пансионате только после того как

пришлось покинуть гранд-отель, где их обидели, но и их самих корбило из-за невозможности обедать там на элитарной веранде с иллюминацией или жить в основном здании. Пожалуй, подобный снобизм и неприязнь к чужому говорят о трагедии фашизма, назревающей не только в Италии, но и в Германии. Пожалуй, именно поэтому автор в большей степени отдалён, отстранён от нарратора в новелле «Марио и волшебник».

Почему нарраторы не покидают место отдыха при первых признаках неудобства? И даже не уходят в антракте с представления? Томас Манн объясняет это притяжением «необычного в здешней обстановке».

Горбун-гипнотизёр своим именем уводит нас к позитивным корням – сказка и волшебство (Zauberei), любимый созданный им роман (Zauberberg), наконец, семья и дом Манна, его домашнее прозвище (Zauberer). Достоевский даёт своё имя героям-убийцам (Федька Каторжный, Фёдор Смердяков), возможно, как раз желая отвести от себя соответствующие негативные мотивы. Предположим, что аналогичный механизм имеет место и с персонажем Манна.

Появившись в новелле, «волшебник» сразу же обнажает существо бесовской карнавализации, происходящей вокруг: возникает своего рода «театр в театре». Нарраторы уже стали невольными зрителями жестокой игры итальянцев в «идею нации», и Чиполла своими действиями уже не оставляет сомнения в националистических настроениях. Иллюзионист, гипнотизёр, захватив сцену, он в меньшей степени демонстрирует цирковое искусство, чем глумится над людьми, морально уничтожая их, подвергая глубинному унижению. Чиполла, несомненно, талантлив и сразу завораживает зрителей уже красноречием, но, преступно направляя свой талант против человека, дискредитирует свой дар. Он показывает как власть над другими, так и собственное подавление, ведь сам бесконечно подчинён власти фашизма.

Соотношение локусов новелл

Сопоставим локусы обеих новелл. Рисунок переплетения локусов внутри итальянского хронотопа в новеллах Т. Манна «Смерть в Венеции» и «Марио и волшебник» демонстрирует принципы зеркальности и взаимодополнительности. Локус ресторана в обоих случаях является микромоделью всего пространства-времени в новелле. В ресторане Густав фон Ашенбах может любоваться подростком Тадзио, окружённым семьёй, только издали, как и во всей новелле. Семья повествователей в новелле «Марио и волшебник» ранжируется в ресторане по статусу, как и в целом в тексте, показывающем зарождающийся фашизм: они не наши – не «вправе кушать при свете красных лампочек» (на веранде), там «для наших клиентов», «ai nostri clienti!».

Локусы «лодки» («Смерть в Венеции») и «сцены» («Марио и волшебник») являются в этих новеллах образами достоверности, разоблачения действительности: лодка направляет к смерти; сцена, на поверхностный взгляд являясь площадкой игры, художественного обмана, усиления условности (тем более в случае с фокусником), акцентирует внимание на подлинном ужасе гипнотизирующего фашизма (унижения, потеря личности, смерть).

Не только гондола, но и корабль, на котором плывёт отправившийся в путешествие Ашенбах, приближает его к Венеции как царству мёртвых, подчёркивая, что уже и до странствия он вплотную подошёл к своей смерти. На прогулке в Мюнхене герой оказывается «за заборами каменотесных мастерских, где предназначенные к продаже кресты, надгробные плиты и памятники образовывали как бы второе, ненаселённое кладбище», и с интересом читает речения типа «Внидут в обитель Господа». Именно здесь он встречает первого рыжего вестника смерти: похожий на странника примечательный человек способствует тому, что у Ашенбаха «расширилась душа» (впереди встреча Ашенбаха с рыжим гондольером, вызвавшим у писателя ужас; третий рыжий вестник смерти – комедиант – встретится центральному персонажу незадолго до смерти). На корабль, «выдавшее виды итальянское судно, допотопной конструкции, всё в копоти, мрачное», писателя провожает «горбатый, неопрятный матрос», а принимает человек с «козлиной бородкой», который ликующе произносит «В Венецию!». На палубе Ашенбах с ужасом замечает «поддельного юношу», изо всех сил молодящегося человека в летах. Нет условий, при которых Харон возьмёт с собой попутчика из царства мёртвых, оттуда обратной дороги нет: Ашенбах отправляется в Венецию навсегда.

Античность в новеллах Томаса Манна «Смерть в Венеции» и «Марио и волшебник» назойлива и сниженна. Какие функции несёт снижение Античности, в том числе в пародийных контекстах, помимо лежащего на поверхности сравнения Венеции с царством Аида, Тадзио с Эротом, итальянского солнца с жарким солнцем Древней Греции?

Во-первых, своей жаркой, плотной завесой Античность как «солнце Гомера» (в совокупности с летним зноем) влияет на ясность сознания персонажей, замутняя его. Нарраторы в новелле «Марио и волшебник» изнывают от тяжёлой, «поистине африканской» жары, «свирепой тирании солнца». В «Смерти в Венеции» Эрот словно овладевает сознанием Ашенбаха: без него невозможно творчество, Эрот награждает своей праздностью, он ранит именно такую жизнь, как у Ашенбаха, горькую, упорную, воздержанную, полную хрупкого героизма, на бога любви похож Тадзио.

Во-вторых, благодаря своей патетике Античность снижает мнимые достоинства субъекта в новелле «Марио и волшебник» и центрального персонажа в «Смерти в Венеции»: немцы-нарраторы с язвительной насмешкой сравнивают укушенного крабом маленького Фуджеро с испутившим вопль античным героем, показывая своё презрение к людям, скрывающееся за благопристойностью; Густаву фон Ашенбаху видятся античные любовные грёзы с участием подростка Тадзио, назойливые сравнения мальчика с Эротом вызывают у читателя намеренное раздражение.

Выводы

Хронотоп, являясь одним из важнейших носителей жанра, в новеллах Т. Манна, с одной стороны, работает на жанрообразование, с другой – впитывает в себя жанровые доминанты новеллы. Пуантированность новелл

«Смерть в Венеции» и «Марио и волшебник», усиленная трагическими развязками, акцентирует внимание на тревожности и фатальности предвоенной Италии, пугающей критичности лиминальной обстановки. Остросюжетность работает на стремительность преобразования хронотопа и локусов – от желанного места отдыха до отталкивающего места смерти. Пространствостроение новеллы Томаса Манна активно участвует в художественном смыслообразовании, чему способствует мотивное поле итальянского «локального текста». Не только духовный кризис Густава фон Ашенбаха, но и пандемия холеры влияют на пространствостроение новеллы Томаса Манна «Смерть в Венеции». Взгляды нарратора и центрального персонажа сначала стремятся вширь и ввысь (дохолерное пространство), а потом внутрь и вниз: это внутренняя и ближняя оптика умершего, которого везут в Аид. Жанровая замкнутость новеллы «Марио и волшебник» усилена хронотопом, а именно пространственно-временным куполом, надетым на Торре-ди-Венере. Художественное время в новелле Томаса Манна «Марио и волшебник» огорожено эмоциональной завесой (замкнуто, как и сам жанр новеллы, зачастую стремящийся к сюжетной истощенности): воспоминание, составляющее суть новеллы, «окутано тяжёлой атмосферой», тяготеет к лиминальному ощущению.

В числе выявленных нами аспектов экзистенциального пограничного опыта, формирующих хронотоп исследуемых новелл: социально-политический (вооруженный межгосударственный конфликт, конец классической бюргерской эпохи); индивидуально-творческий (война за самоидентификацию); психологический (деконструкция картезианско-просветительского рационализма, битва аполлонического и дионисийского начал), наконец, геомедицинский (наступающая пандемия холеры).

Список источников

1. *Теория литературных жанров: учеб. пособие для студентов учреждений высш. проф. образования* / М.Н. Дарвин, Д.М. Магомедова, Н.Д. Тамарченко, В.И. Тюпа [под ред. Н.Д. Тамарченко]. М., 2011. 256 с.
2. *Хорева Л.Г.* Жанр новеллы и традиции анекдота (на материале испанской литературы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 34 с.
3. *Тюпа В.И.* Аналитика художественного. М., 2001. 192 с.
4. *Мелетинский Е.А.* Историческая поэтика новеллы. М., 1990. 276 с.
5. *Кудрина М.В.* Жанровая структура рассказа : дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 292 с.
6. *Тамарченко Н.Д.* Теория литературных родов и жанров: Эпика. Тверь, 2001. 72 с.
7. *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб., 2003. 616 с.
8. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 234–407.
9. *Лотман Ю.М.* В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988. 352 с.
10. *Неклюдов С.Ю.* К вопросу о связи пространственно-временных отношений с сюжетной структурой в русской былине // Тезисы докладов II Летней школы по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1966. С. 42–44.

11. Аверинцев С.С., Михайлов А.В. Манн Томас // Культурология. XX век : энцикл. : в 2 т. / гл. ред., сост. и авт. проекта С.Я. Левит. СПб., 1998. Т. 2: М–Я. С. 9–10.
12. Толмачёв В.М. О символизме Томаса Манна // *Studia Litterarum*. 2017. Т. 2. № 3. С. 118–136.
13. Манн Т. Полное собрание сочинений : в 10 т. / под ред. Н. Вильмонта, Б. Сучкова. М., 1960.
14. Kurzke H. Thomas Mann: Epoche – Werk – Wirkung. München, 2010. 350 s.
15. Koopmann H. Führerwille und Massenstimmung: Mario und der Zauberer, in: Hansen, Volkmar (Hrsg.): Interpretationen. Thomas Mann. Romane und Erzählungen. Stuttgart, 1993. S. 151–185.

References

1. Tamarchenko, N.D. (ed.) (2011) *Teoriya literaturnykh zhanrov* [Theory of Literary Genres]. Moscow: Akademiya.
2. Khoreva, L.G. (2015) *Zhanr novelly i traditsii anekdota (na materiale ispanskoy literatury)* [The genre of the short story and the tradition of the anecdote (based on Spanish literature)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
3. Тупа, В.И. (2001) *Analitika khudozhestvennogo* [Analytics of the Artistic]. Moscow: Labirint; Russian State University for the Humanities.
4. Meletinskiy, E.A. (1990) *Istoricheskaya poetika novelly* [Historical Poetics of the Short Story]. Moscow: Nauka.
5. Kudrina, M.V. (2003) *Zhanrovaya struktura rasskaza* [Genre structure of the story]. Philology Cand. Diss. Moscow.
6. Tamarchenko, N.D. (2001) *Teoriya literaturnykh rodov i zhanrov. Epika* [Theory of Literary Types and Genres. Epica]. Tver: Tver State University.
7. Toporov, V.N. (2003) *Peterburgskiy tekst russkoy literatury: Izbrannye trudy* [Petersburg Text of Russian Literature: Selected works]. Saint Petersburg: Iskusstvo–SPb.
8. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of Literature and Aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 234–407.
9. Lotman, Yu.M. (1988) *V shkole poeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol'* [At the School of Poetic Words: Pushkin. Lermontov. Gogol']. Moscow: Prosveshchenie.
10. Neklyudov, S.Yu. (1966) [On the issue of the connection between space-time relations and plot structure in Russian epics]. *Abstracts of the 2nd Summer School on Secondary Modeling Systems*. Tartu. 16–26 August 1966. Tartu: Tartu State University. pp. 42–44. (In Russian).
11. Averintsev, S.S. & Mikhaylov, A.V. (1998) Mann Tomas [Mann, Thomas]. In: Levit, S.Ya. (ed.) *Kul'turologiya. XX vek: entsiklopediya* [Culturology. 20th century: encyclopedia]. Vol. 2. Saint Petersburg: Universitetskaya kniga; Aletyeya. pp. 9–10.
12. Tolmachev, V.M. (2017) O simvolizme Tomasa Manna [On the symbolism of Thomas Mann]. *Studia Litterarum*. 3 (2). pp. 118–136.
13. Mann, T. (1960) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Translated from German. Moscow: Goslitizdat.
14. Kurzke, H. (2010) *Thomas Mann: Epoche – Werk – Wirkung*. München: C.H. Beck.
15. Koopmann, H. (1993) Führerwille und Massenstimmung: Mario und der Zauberer. In: Hansen, V. (ed.) *Interpretationen. Thomas Mann. Romane und Erzählungen*. Stuttgart: Reclam, Philipp, jun. GmbH, Verlag. pp. 151–185.

Информация об авторах:

Беляков Д.А. – канд. филол. наук, директор института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета, руководитель лаборатории сравнительного литературоведения и креативных практик Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия). E-mail: d.belyakov@linguanet.ru

Зейферт Е.И. – д-р филол. наук, профессор кафедры теоретической и исторической поэтики Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия); ведущий научный сотрудник научной лаборатории сравнительного литературоведения и креативных практик Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия). E-mail: elena_seifert@list.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

D.A. Belyakov, Cand. Sci. (Philology), Director of the Institute of International Relations and Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation); head of the Research Laboratory for Comparative Literature and Creative Practices, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: d.belyakov@linguanet.ru

E.I. Zeifert, Dr. Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation); leading research fellow, Research Laboratory for Comparative Literature and Creative Practices, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: elena_seifert@list.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.04.2023;
одобрена после рецензирования 13.05.2023; принята к публикации 07.03.2024.*

*The article was submitted 16.04.2023;
approved after reviewing 13.05.2023; accepted for publication 07.03.2024.*

Научная статья
УДК 821.111
doi: 10.17223/19986645/87/10

Специфика фантастического в романах С. Рушди (на материале произведений «Дети полуночи» и «Стыд»)

Екатерина Владимировна Васильева¹

¹ Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж, Россия,
vevvrn@mail.ru

Аннотация. В результате сравнительного анализа фантастического в романах С. Рушди «Дети полуночи» и «Стыд» выявляются отличительные особенности фантастики в этих произведениях, что обусловлено различным культурно-историческим материалом, который лег в основу изображаемых событий. В «индийском» романе «Дети полуночи» активно используются мифопоэтические приемы для художественного воплощения исторической реальности и внутреннего мира героев. В «пакистанском» романе «Стыд» гиперболизация, гротеск становятся основными приемами фантастического, которое служит сатирическому разоблачению общественных и нравственных пороков.

Ключевые слова: С. Рушди, «Дети полуночи», «Стыд», магический реализм, фантастическое, миф, гротеск, гиперболизация

Для цитирования: Васильева Е.В. Специфика фантастического в романах С. Рушди (на материале произведений «Дети полуночи» и «Стыд») // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 87. С. 175–193. doi: 10.17223/19986645/87/10

Original article
doi: 10.17223/19986645/87/10

Specifics of the fantastic in Salman Rushdie's novels (on the material of *Midnight's Children* and *Shame*)

Ekaterina V. Vasiljeva¹

¹ Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russian Federation, vevvrn@mail.ru

Abstract. The article analyzes the specific of the fantastic in the works of Salman Rushdie, a British writer of Indian origin. The difference of fantasy in his novels *Midnight's Children* and *Shame* is revealed by a comparative analysis. The principles of comparative, structural typological, socio-cultural, and mythopoetic analyses are used in the work. The article specifies the definition of magic realism as it is applied to a wide range of literary phenomena. The similarity of cultural and historical conditions in the development of India and the countries of Latin America in the 20th century

allows comparing the literary techniques of Rushdie and of Marquez, who Rushdie was influenced by. The research shows that, in *Midnight's Children*, the main way to create its artistic world is mythological fantasy. The presence of mythological and folk images is characteristic of this type of the fantastic. Frequent uses of metaphorisation to represent the reality as a special principle of organizing the literary world is typical for it as well. The article justifies that metaphor in Rushdie's novel looks like mythological identity. Mythopoetic techniques are actively used in the "Indian" novel *Midnight's Children* to reveal the historical reality, the inner world of the characters, their personal development, and the development of the new independent India. In the research, the reality of the novel is described as marvelous, where fantasy exists in the routine, and this brings *Midnight's Children* close to magic realism. The analysis proves that myth disappears in the novel *Shame* and the fantastic becomes more grotesque and absurd. Rushdie, choosing an allegorical way of literary synthesis, depicts a phantasmagoric, not marvelous, reality. In the "Pakistan" novel, hyperbolization and grotesque become the main techniques of fantasy that help to reveal satirically social and moral vices. In Pakistan, violations of fundamentals of natural life, rejection of its historical past, harsh moral laws, and absence of liberty lead to the deformation of personality and destructive social life. Fantasy in this novel is shown as grotesque exaggeration, distortion of normal proportions, absurd and consternation. The article concludes that the significant difference between the literary worlds of these two novels is the nature of fantasy, which is an inherent part of their realities. The specification of the novels' fantastic is based on the different cultural and historic data of the depicted events.

Keywords: Salman Rushdie, *Midnight's Children*, *Shame*, magic realism, fantastic, myth, grotesque, hyperbolization

For citation: Vasiljeva, E.V. (2024) Specifics of the fantastic in Salman Rushdie's novels (on the material of *Midnight's Children* and *Shame*). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 87. pp. 175–193. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/87/10

Англоязычный писатель индийского происхождения С. Рушди (р. 1947), бесспорно, является одним из наиболее ярких представителей постколониальной литературы. Творческая манера С. Рушди формируется на основе восточной и западноевропейской культуры и литературы: в его произведениях достигается удивительно органичный художественный синтез различных элементов, начиная с фольклорно-мифологических образов и мотивов и заканчивая приемами постмодернистской литературы. Многообразие и многогранность художественного мира романов этого писателя поражают воображение, конкретно-чувственное воплощение реального и фантастического приковывает внимание.

Отталкиваясь от принятого в отечественном литературоведении различения содержательного и формального аспектов проявления фантастического в произведении (фантастика-содержание реализуется в особых жанровых формах; фантастика-форма присутствует в произведении как прием) [1], мы будем рассматривать фантастическое как структурный элемент поэтики романов С. Рушди. Понятие «фантастическое» в нашей работе используется в смысле фантастическое начало, характерное для произведений, в которых фантастика (различные виды фантастических элементов и приемы

их включения в повествование) в качестве вторичной условности становится важным моментом организации художественного мира писателя. «Фантастика обладает своим фантастическим типом образности со свойственными ему высокой степенью условности. Откровенным нарушением реальных логических и закономерностей, естественных пропорций и форм изображаемого объекта. <...> Поэтика фантастического образа достигается за счет резкого отталкивания от эмпирической действительности, поэтому в основе всякого фантастического произведения лежит оппозиция фантастического – реального» [2. Стб. 1119]. В историко-литературной перспективе фантастика прошла долгий путь развития, фантастическое начало на каждом этапе развития художественной литературы приобретает новые виды и формы¹.

С. Рушди в своем творчестве активно использует разнообразные средства вторичной условности, и прежде всего фантастику. «Фантазия писателя неумна и необузданна, его воображение находится на постоянной точке кипения, в нем бурлят эпохи, события, судьбы, люди, звери, боги, монстры» [7. С. 228]. Свою писательскую стратегию изображения исторической и повседневной реальности С. Рушди формулирует в автобиографическом произведении «Джозеф Антон»: «...привычка лишает нас умения видеть необычное в жизни; что мы привыкаем к заведенному ходу вещей, к обыденности, что-то вроде пленки или слоя пыли туманит наше зрение, и поэтому от нашего взора ускользает подлинная, чудесная суть земной жизни. Задача художника в том и состоит, чтобы убрать мутную пелену и вернуть нам способность удивляться» [8. С. 147]. Включение С. Рушди различных форм фантастического в художественное повествование и становится одним из способов воздействия на читательское воображение.

Более пристальный анализ художественных миров таких романов, как «Дети полуночи» (1981) и «Стыд» (1983), позволяет говорить, что художественные реальности «индийского» романа «Дети полуночи» и «пакистанского» «Стыд» во многом отличаются, так как имеют в своей основе различные виды фантастического. Специфика фантастики, особенности соединения реального и фантастического при изображении исторических событий и судеб героев в произведениях С. Рушди и являются предметом исследования в данной статье.

¹ Проблемы фантастического и фантастики (фантастическое в историко-литературной перспективе, разграничение содержательного и формального аспектов фантастического, различные виды и приемы фантастики) рассматриваются в трудах Ю.И. Кагарлицкого [3], Е.Н. Ковтун [4], Т.А. Чернышевой [1], Р. Лахманн [5]. Концепция завуалированной, неявной фантастики представлена в трудах Ю. Манна. Ц. Тодоров [6] предлагает принципиальное различие «необычного-фантастического-чудесного».

Творческий метод этого автора определяют как «магический реализм» и часто сравнивают его произведения с романом Г.Г. Маркеса «Сто лет одиночества»¹. Термин «магический реализм» используется по отношению к достаточно широкому кругу эстетических явлений, поэтому, на наш взгляд, требуются некоторые уточнения. В отечественном литературоведении проблему содержания термина «магический реализм» одним из первых затрагивает А.Ф. Кофман [15]. В своей статье он обращает внимание на то, что понятие «магический реализм», возникнув в недрах европейского изобразительного авангардизма, оказалось востребованным в литературоведении и во многом отражает суть латиноамериканской литературы 40–60-х гг. XX в. Обозначая различные художественные явления, термин «магический реализм» изменил со временем и свое содержание. В исследовании А.А. Гугнина [16] прослеживаются возникновение термина и его семантическая эволюция, а также дается аналитический обзор различных художественных явлений в области изобразительного искусства и литературы (в основном Западной Европы), для описания которых используется данный термин. Чтобы акцентировать принципиальное отличие латиноамериканского варианта «магического реализма», в «Литературной энциклопедии терминов и понятий» [2] предложен дифференцированный подход в использовании данного термина: в энциклопедию включены две статьи, раскрывающие понятия «магический реализм» и «магический реализм латиноамериканский».

Принципиальным отличием между европейским² и латиноамериканскими вариантами магического реализма является то, что для европейского типа магического реализма фантастика носит преимущественно субъективный характер: сознание автора, персонажа, рассказчика деформирует, трансформирует изображаемую реальность; латиноамериканский вариант предполагает художественное воплощение действительности с точки зрения

¹ В ряде работ отечественных исследователей (Л.В. Братухина [9], Е.Б. Маслова [10], Н.З. Шамсутдинова [11]) рассматриваются проблемы своеобразия художественного мира произведений С. Рушди в контексте поэтики «магического реализма». В зарубежном литературоведении соединение реального и фантастического при изображении исторической реальности рассматривается как явный признак «магического реализма» в работах А.Дж. Анантса [12], С. Андерсона [13], У. Клювик [14]. Аналитический обзор различных точек зрения по данной проблеме дается в статье Л.В. Братухиной [9].

² Термин «магический реализм», впервые введенный немецким искусствоведом Францем Роо в 1923 г. по отношению к живописи, получил дальнейшую разработку благодаря итальянскому писателю и критику М. Бонтемпелли, издателю литературного журнала «Новеченто». Концепция М. Бонтемпелли предлагала различать два уровня «магического». «Эпитет “магический” заключал в себе два уровня: во-первых, наряду с первичной, видимой, реальностью он включал в себя вторую, загадочную и необъяснимую, скрытую от наивного взгляда сторону действительности, которую писатель должен был обнаружить и “реалистически” изобразить в своем произведении, и, во-вторых, “магической” должна была быть сама способность художника снова соединить воедино распавшийся и обособившийся мир предметов и человеческих отношений...» [16. С. 27]. Европейский вариант «магического реализма» представлен в немецкой литературе второй половины 1940-х гг. Подробнее см.: [16].

фольклорно-мифологического мироощущения, для которого характерно восприятие реальности как чудесной. На это различие обратил внимание А. Карпентьер в предисловии к повести «Царство земное» (1949): «...мир чудесного, когда его пытаются вызвать к жизни в безверии, как столько лет делали сюрреалисты, – был и будет всего лишь литературным трюком, который в конечном итоге оказывается столь же малоинтересным, как некоторые произведения той литературной школы, которая берет в качестве материала сновидения, но организует их по законам логики» [17. С. 33].

Карпентьер объясняет наличие чудесного в своем произведении, смешение фантастического и реального как отражение действительности Латинской Америки (природные особенности, история, культура, верования), которая и есть чудесная реальность: «Понятие чудесной реальности, которое я отстаиваю, – это наша, американская чудесная реальность, которую мы обнаруживаем в ее первозданном, пульсирующем, вездесущем виде во всей латиноамериканской действительности. Здесь необычное – повседневность...»; «Что касается чудесной реальности, стоит только протянуть руку – и коснешься ее» [18. С. 115]. Новое качество присутствия фантастического в произведениях латиноамериканских авторов заключается в том, что намеренно стирается граница между тем, что воспринимается как фантастическое с рациональной точки зрения, и реальным, обыденным, повседневным. По собственному признанию Г.Г. Маркеса, он исходит «из необходимости разрушить демаркационную линию между тем, что казалось реальным, и тем, что казалось фантастическим, ибо в мире... этого барьера не существовало» (цит. по: [19. С. 361]). Важнейшей особенностью художественного мира знаменитого романа Маркеса «Сто лет одиночества» является взаимопроникновение различных фантастических элементов (сказочных, сверхъестественных, чудесных) и реальных при изображении событий личного и исторического масштаба. «Для воплощения этой «фантастической реальности», как называл ее сам автор, он прибегает к различным средствам, используя то манеру устных рассказов, памятных с детства, то опыт газетной работы, научивший его придавать достоверность невероятным вещам с помощью подчеркнуто будничных деталей» [19. С. 362]. Т.Н. Красавченко обращает внимание на оценку специфики «магического реализма» Маркеса, которая дана С. Рушди в его речи по поводу кончины великого колумбийского писателя в 2014 г.: «Проблему с понятием “магический реализм”... С. Рушди видит в том, что люди слышат лишь первую часть определения – “магический”, не обращая внимание на вторую половину “реализм”. Будь “магический реализм” просто “магическим”, он был бы просто “игрой”, “плодом” прихоти. Именно потому, что магическое в “магическом реализме” имеет глубокие корни в реальности, вырастает из реального и преподносит его в неожиданном свете, оно и работает, производит впечатление» [20. С. 215].

Развернутую характеристику магического реализма как художественного типа мышления можно увидеть в исследованиях А.Ф. Кофмана [15],

Е.Г. Масловой [10], Н.З. Шамсутдиновой [11]. Опираясь на работы отечественных исследователей, можно выделить основные знаковые особенности латиноамериканского варианта магического реализма:

- использование архаических мифов, этнографических легенд и других фольклорных элементов в качестве моделирования коллективного бессознательного, которое становится призмой художественного изображения действительности;

- изображение фантастического (чудесного и сверхъестественного с рациональной точки зрения) в детально выписанных конкретно-чувственных образах, что создает иллюзию реальности и естественности происходящего;

- неразличение реального и фантастического, действительного и воображаемого в художественном мире произведения (имитация мифологического мироощущения);

- карнавализация авторского мироощущения.

В дальнейшем в нашей статье мы будем использовать термин «магический реализм» именно в этом значении. «Традиция магического реализма, воспринимаемая сегодняшним литературоведением как один из важнейших культурно-художественных ориентиров, характерная тенденция в развитии западного литературного сознания XX века, по общему признанию, вырастает из его латиноамериканского варианта» [10. С. 254]. Мы разделяем точку зрения отечественных литературоведов [10, 15, 16], что литература магического реализма конца XX – начала XXI в. опирается, прежде всего, на традиции его латиноамериканского варианта, потому что «латиноамериканским магическим реалистам удалось вдохнуть новую жизнь в малопопулярное в европейских литературах направление» [2. Стб. 490].

Стоит согласиться с А.Ф. Кофманом, что произведения латиноамериканских писателей оказали «существенное воздействие на европейскую и североамериканскую литературы, в особенности на литературы стран “третьего мира”» [2. Стб. 493]. Типологически схожие художественные миры мы можем встретить, прежде всего, в произведениях с характерными чертами мультикультурализма, например в произведениях Т. Моррисон и С. Рушди. В целом ряде исследований [9, 10, 11, 14] проводится сопоставление поэтики романов Рушди (прежде всего, «Детей полуночи») и художественной манеры Г.Г. Маркеса. На близость художественного видения указывает и сам Рушди: «Его (Маркеса. – *Е.В.*) мир был моим миром, существовавшим на испанском. Неудивительно, что я полюбил его» (цит. по: [20. С. 216]). По утверждению С.П. Толкачева, «как метод отображения действительности, магический реализм строится на разъятии и трещинах между различными культурными формациями, и его художественная ось пронизывает пласты пересечения и наложения радикально различных способов мышления» [21. С. 250].

«Дети полуночи» – широкое эпическое полотно, охватывающее промежуток времени с 1914 по 1978 г., где повествуется о трудном рождении Независимой Индии, о формировании новой национальной мифологии и о непростом обретении героем своего «я», осознании своей «индийскости».

В данном произведении Рушди подлинные исторические события второй половины XX в.: провозглашение независимости Индии в 1947 г., разделение бывшей британской колонии на два новых государства, кровавый индо-пакистанский конфликт, политическое противостояние и битвы за власть – изображаются в соответствии с традициями магического реализма, т.е. конкретные исторические и повседневные события присутствуют в тесном переплетении с фантастическими и фольклорно-мифологическими образами.

Повествование ведется от имени героя-рассказчика, Салема Синая, который излагает свою биографию как историю своей семьи и историю своей страны. Опираясь на конкретные исторические факты и факты собственной биографии, С. Рушди при этом прибегает к приему фантастического допущения. Салем Синай – дитя полуночи, рожденный с 14 на 15 августа 1947 г., в знаменательный момент провозглашения независимости Индии. Салем появляется на свет ровно в полночь, когда премьер-министр Временного правительства Джавахарлал Неру сообщил индийскому народу о конце британского владычества: «Стрелки сошлись, словно ладони, почтительно приветствуя меня... именно в тот момент, когда Индия обрела независимость, я кувыркнулся в этот мир... и моя судьба неразрывно сплелась с судьбой моей страны» [22. С. 5].

В соответствии с особым историческим моментом в эту полночь рождаются чудо-дети, свободные от условностей человеческой природы и наделенные самыми различными фантастическими качествами и способностями: родился мальчик, «который умел входить в зеркала и выходить через любую отражающую поверхность на земле» [22. С. 305], девочка Сундари отличалась такой красотой, «что через несколько секунд после рождения ослепила собственную мать» [22. С. 305], а малышка из Гоа обладала даром умножать рыб, были также мальчик-оборотень, ребенок, меняющий пол, Парвати-колдунья.

Сам Салем Синай был наделен даром читать мысли людей, что позволило в дальнейшем детям полуночи, живущим в разных частях Индии, устраивать телепатические заседания Конфедерации Детей Полуночи на территории сознания Салема. Рассказчик при этом утверждает, что не грешит против законов реальности, не фантазирует и его сознание не затуманено болезнью. «Я уже говорил, что не собираюсь выражаться метафорически; все, что я написал <...>, следует понимать буквально: это истинная, святая правда. Реальность может содержать в себе метафору; это не делает ее менее реальной. Тысяча и одно дитя было рождено: тысяча и одна возможность, какие раньше никогда не предоставлялись в одном и том же месте, в одно и то же время» [22. С. 309].

В романе Рушди чудесное и фантастическое является неотъемлемой частью богатой в своем многообразии индийской реальности, о которой повествует рассказчик. Авторская концепция художественной реальности С. Рушди в данном случае во многом совпадает с утверждением чудесной, магической реальности родоначальников «магического реализма», в частности А. Карпентьера, который утверждал, что в его книге «мир чудесного

возникает... самопроизвольно порождаемый действительностью», что за ней он «следовал неотступно и во всех ее подробностях» [17. С. 35].

Автор наделяет героя-рассказчика целым рядом чудесных качеств, таких как способность читать чужие мысли, различать и определять чужие запахи, а также амбивалентной сущностью, что сближает его с мифологическим персонажем, трикстером, способным быть проводником во времени и пространстве: связывать прошлое и настоящее, восток и запад, фольклорно-мифологическое наследие Индии и феномены западноевропейской культуры и литературы. Герой неоднократно сопоставляется с индуистским божеством – слоголовым Ганешей – богом мудрости и образованности, покровителем искусства и литературы.

Цивилизованное сознание Салема Синая тем не менее опирается на многовековые традиции индийской культуры и определяется опытом коллективного мифологического сознания, что и порождает магическую, чудесную реальность романа. В произведении присутствует следующая характеристика героя-рассказчика: «...голова его, кроме веры в Аллаха, была забита самыми разными религиями (я... жил в стране, где численность богов соперничает с народонаселением)» [22. С. 479]. По мнению А.Ф. Кофмана, повествование магического реализма «строится на взаимодействии художественных ракурсов; “цивилизованное” сознание осмысляет мифологическое сознание и переосмысляет себя самое в сопоставлении с ним» [2. С. 492]. Эту особенность мы можем наблюдать в романе Рушди. Фольклорно-мифологический пласт многовековой многоликой индийской культуры становится тем магическим кристаллом, через призму которого герой-рассказчик освещает события личной жизни и историю всей страны, что способствует возникновению чудесной реальности, где одновременно присутствует реальное и фантастическое. В рамках сознания повествователя мы сталкиваемся с причудливым, чудесным, но удивительно органичным миром, где фантастическое существует в самой повседневности. Чудесное, уравновешенное легкой иронией, искрометным юмором, подается конкретно, обстоятельно, зримо.

В «Детях полуночи» активно используются мифопоэтические приемы при художественном воплощении исторической реальности и внутреннего мира героев, их личностного становления и развития новой независимой Индии. Стирание границ между реальным и фантастическим, что является характерной особенностью литературы магического реализма, достигается в романе Рушди имитацией мифологического мышления. По мнению Э. Кассирера, специфика мифологического мышления заключается «в неразличении реального и идеального, вещи и образа, «начала» и принципа, в силу чего сходство или смежность преобразуются в причинную последовательность, а причинно-следственный процесс имеет характер материальной метафоры» [23. С. 18]. Художественная литература XX в. активно использует эти особенности мифологического мышления как особый прием. Такой способ изображения можно условно назвать «мифологической фантастикой». В результате такого подхода к изображению исторических событий и

жизни героев в художественном мире Рушди достоверная, скрупулезно воссозданная реальность и фантастический вымысел не просто сосуществуют, а переплетаются, «перетекают» друг в друга, а иногда словно меняются местами, действительность превосходит самое безудержное воображение.

Одной из важнейших особенностей детей полуночи являлась неразрывная связь с судьбой и историей Новой Индии: «...родились дети, бывшие лишь частично отпрысками своих родителей – дети полуночи были детьми времени, рожденными, как вы понимаете, самой историей. Такое бывает» [22. С. 180]. В романе автором как важный художественный прием используется логика мифологического тождества смежных явлений во времени и пространстве, поэтому судьбы героя и страны переплетаются в фантастическом единстве. По словам Салема Синая, он чувствует «буквальную и метафорическую» связь со своей страной, которую называет кровной сестрой: «...меня переполняло мучительное чувство сопричастности стране, с которой мы не только родились в один день и час, словно близнецы, но и росли и мужали вместе, так что все, что случалось с каждым из нас, случалось с обоими вместе. Если я... терпел невзгоды, то же было и с моей сестрицей-двойняшкой, занимающей целый субконтинент» [22. С. 597].

Выстраивая повествование об истории своей семьи, Салем пытается проследить «способы сцепления» личности и истории. Тождество, которое сродни мифическому, сопричастность героя-рассказчика происходящему и дают особый ракурс изображения. Вследствие этого одним из важных проявлений фантастического становится использование перевернутых причинно-следственных связей. Исторические события в романе зачастую объясняются личными или семейными происшествиями. Так начало индо-пакистанского конфликта мотивируется тоской семьи Салема, которой пришлось бежать в Пакистан, по родному Бомбею и Кашмиру.

В «Детях полуночи» С. Рушди выбирает одним из ведущих приемов изображения метафору, которая, как в мифе, не утрачивает конкретно-чувственного наполнения, а иногда и намеренно подчеркивается ее первоначальный прямой, материальный смысл. «Слияние метафорического и прямого смыслов становится основным художественным приемом магического реализма Рушди, на котором базируется авторский замысел: представить метафору как художественную реальность» [10. С. 261]. В романе мир изображен как единое нерасторжимое целое, где люди, конкретные предметы и события имеют тесную взаимосвязь, в результате чего приобретают свойства и качества друг друга: «Вещи – даже люди – пропитывают друг друга... как вкус при готовке» [22. С. 52].

На пограничье «миф – метафора» и существует фантастическая условность в «Детях полуночи». Синай, обладая особым даром распознавать различные ароматы, воспринимает через запах и другие явления реальности, в том числе абстрактные, нематериальные: «Ароматы чувств и мыслей, запахи вещей-каковы-они-есть – все это я вынюхивал без труда. Когда подправили Конституцию, дабы предоставить премьер-министру чуть-ли-не

абсолютную-власть <...> ноздри мне снова защекотал резкий запахок деспотизма. Так воняют старые промасленные тряпки, когда их жгут на костре» [22. С. 659]. Запах Карачи (Пакистан) резко отличается от запаха Бомбея (Индия): «...мои новые сограждане выпускали пресный, выхолощенный запахок молчаливого согласия, и он, этот запах, угнетал мой нос, который вдыхал – совсем недавно, хоть и короткое время – пряный, богатый специями бомбейский нонконформизм» [22. С. 476].

После финансовых неудач бледность Ахмеда Синая, отца главного героя, стала такой сильной, что «он начал самым буквальным образом обесцвечиваться... кожа его постепенно бледнела, волосы выцветали, и через несколько месяцев он стал совершенно белым...». Врачи не смогли объяснить причину такой бледности, а Ахмед Синай начинает бравировать своей бледностью: «Все лучшие люди – белые под своей кожей; я только бросил прикидываться» [22. С. 277]. Развивая и обыгрывая эту деталь, Рушди превращает ее в метафору, а потом и в символ стремления индийских предпринимателей занять место ушедших англичан. Этот эпизод заканчивается ироническим выводом героя-рассказчика: «...в первые девять лет независимости подобному расстройству пигментации <...> подверглось немалое число индийских бизнесменов. По всей Индии я наткнулся на добросовестных национальных дельцов... и эти деловые люди сильно, сильно побледнели или продолжали бледнеть на глазах!» [22. С. 277].

Используя возможности магического реализма, С. Рушди осмысляет и оценивает противоречивые события становления индийской независимости в XX в., сложные и не всегда однозначные политические и социальные преобразования. Один из важнейших политических вопросов, который затрагивается в романе: что произошло со свободой Субконтинента? «Как могло получиться, что забитые, неграмотные, вечно голодные массы сумели объединиться, восстать против организованной мощи Британской империи <...> и остаться с пустыми руками?» [7. С. 227].

При художественном осмыслении исторических событий Рушди избегает рациональных причинно-следственных мотивировок произошедшего. В романе Рушди возникает одиозный, шокирующий образ главы Новой Индии – Индиры Ганди. В нашем сознании – это прогрессивный политический деятель, под руководством которого в стране проходили демократические преобразования. Но в романе образ Индиры Ганди дается через субъективное восприятие Салема Синая, а точнее, через призму мифологического коллективного бессознательного, поэтому приобретает противоположные, демонические черты.

Новому политическому мифу о главе Национального конгресса, который тиражируется средствами массовой информации и сторонниками Индиры Ганди («Индия – это Индира, а Индира – Индия»), рассказчик противопоставляет совсем другой образ, который тоже имеет мифопоэтические черты. Индиру, мать нации, в повествовании Салема вытесняет Индира-Вдова. Именно как Вдова она присутствует в повествовании, зловещей тенью осе-

няя события и являясь предвестницей гибели героя. Излагая биографию Индиры Ганди, рассказчик намеренно подчеркивает ее положение вдовы. Традиционно в Индии женщина, потерявшая мужа, должна была как благочестивая вдова последовать за мужем на погребальный костер. И хотя обряд самосожжения был официально запрещен британскими властями еще в 1829 г., отношение к вдовам в Индии было особое: они должны носить траур, не имели права посещать публичные места. С точки зрения архаического сознания вдова не принадлежит жизни. Поэтому, подчеркивая вдовий статус женщины, возглавившей нацию, рассказчик отказывает ей в отождествлении с богиней-матерью, дарующей жизнь. Во главе страны стоит женщина, несущая смерть.

Вдова расправляется с детьми полуночи, которые являлись воплощением, а точнее, потенциалом свободы. Дети полуночи, первое поколение свободы, погибают, не реализовав себя, как не реализовались и условия, ради которых «они были зачаты Историей».

«Но рука Вдовы (Менака Ганди, невестка Индиры Ганди, ее политический союзник. – Е.В.) поведала мне, что тот, кто претендует на роль высшего существа, более всего боится других потенциальных божеств, поэтому... нас, волшебных детей полуночи, ненавидела, боялась, погубила Вдова, которая не довольствовалась ролью премьер-министра Индии, которая стремилась также стать Деви, Богиней-Матерью в самом грозном ее обличье» [22. С. 681].

Фантазмагорические события, связанные с личностью Индиры Ганди, выстраиваются в мифологическое тождество: политическая борьба – благоустройство городов и связанное с ним уничтожение трущоб – насильственная стерилизация населения (планирование семьи) – уничтожение детей полуночи – гибель свободы. Устранение детей полуночи приобретает мифологический подтекст: их ждет не физическая смерть, а вазэктомия («Сперэктомия – выкачивание надежды», – утверждает Салем Синай), лишение возможности продолжения жизни. Этот эпизод расправы, который носит мрачный фантазмагорический характер, заканчивается достаточно буднично. После устранения детей полуночи были назначены политические выборы – теперь Индире Ганди бояться нечего. Индира-Мать обращается своей темной стороной, предстает Вдовой, несущей не жизнь, а смерть. В 1947 г. появился миф о свободе Индии. Через 31 год в очередной День Независимости «тусклые запахи: разочарование, коррупция, цинизм», говорят о том, что «миф о свободе уже не тот» [22. С. 712].

В романе «Дети полуночи» фольклорно-мифологическое начало становится базой, основой всего повествования и призмой изображения, мифологическая фантастика ассимилирует различные формы и приемы современной западноевропейской литературы, что позволяет автору создать яркое метафорическое повествование, где реальность органично уживается с чудесным. Многоликая, богатая различными культурными, религиозными, мифологическими традициями действительность Индии XX в. в повество-

вании Рушди предстает как чудесная реальность, где одновременно присутствует реальное и фантастическое, комическое и трагическое, сакральное и бытовое.

Можно утверждать, что фантастическое в контексте магического реализма в литературе второй половины XX в. приобретает новое качество. Читатель постоянно пребывает в ситуации некоей двойственности: с одной стороны, автором намеренно стирается граница между реальным и фантастическим, таким образом разрушается традиционная оппозиция фантастического произведения, противопоставление фантастического – реального, с другой стороны, читательское восприятие, преимущественно рациональное, фиксирует наличие различных фантастических элементов в художественном мире произведения, что и создает особый художественный эффект.

Роман «Стыд» (1983) был написан всего два года спустя после нашумевшего бестселлера «Дети полуночи». На первый взгляд эти произведения строятся по схожей художественной модели и имеют общие принципы повествовательной организации. Так, Н.З. Шамсутдинова [11] в результате сопоставления романов Г.Г. Маркеса («Сто лет одиночества») и С. Рушди («Дети полуночи», «Стыд») выявляет общие сквозные темы и мотивы, характерные для произведений этих авторов.

«Стыд», как и «Дети полуночи», – это история нескольких семей, где судьбы персонажей соотносятся с историей страны. Общим является и то, что повествование ведется от имени рассказчика, который имеет автобиографические черты и выступает сторонним наблюдателем, свидетелем происходящего, используются метакомментарии – рассуждения повествователя о выборе художественной стратегии своего повествования. По замечанию индолога М. Салганик, «“Стыд” – в еще большей степени, чем “Дети полуночи”, – композиционно держится на жестком каркасе подлинных событий новейшей политической истории Пакистана, и действующие лица истории описаны с опознаваемым портретным сходством: Зульфикар Али Бхутто и члены его семьи, включая, конечно, Беназир; диктатор Зия-уль-Хак...» [7. С. 230].

Сам автор замечает: «Рассказ мой не о Пакистане. Или почти не о Пакистане. Есть две страны, вымышленная и реальная, и занимают они одно и то же пространство. Или почти одно и то же. Рассказ мой, как и сам автор, как и вымышленная им страна, находятся словно бы за углом действительности. <...> Мне думается, что пишу я все же не только о Пакистане» [24. С. 34–35]. В одном из авторских отступлений Рушди обосновывает свой отказ написать «реалистический» роман о Пакистане. Он перечисляет различные отрицательные явления и нелепости политической и общественной жизни этой страны: «Рассказал бы я и о мусульманском клубе в Карачи, там по сей день красуется табличка «Женщинам и собакам вход запрещен» [24. С. 98]; «...страна создает собственные атомные реакторы, а выпускать собственные холодильники не под силу» [24. С. 98]; «...почему бы тогда не осудить самого главного бандита – государство, ведь у него грабеж возведен в ранг

политики. Да, примеров хоть отбавляй. Зверски истребляют людей в Белуджистане; целевые стипендии для учебы за рубежом достаются экстремистам из партии «Джамаат»; сари чуть не всенародно объявляется неприличной одеждой» [24. С. 99]. Приведя подобные примеры, автор утверждает, что напиши он об этом, такую книгу запретили бы. Поэтому, по ироническому замечанию автора-повествователя, он пишет «что-то вроде сказки на современный лад» [24. С. 100]. Таким образом, С. Рушди выбирает условно-иносказательный способ художественного обобщения при воплощении исторической реальности.

Важным отличием художественных миров этих романов является природа фантастического, которое становится неотъемлемой частью художественной реальности произведений. Мы уже говорили, что в «Детях полуночи» фантастическое носит преимущественно мифологический характер. Коллективное бессознательное мифа во многом становится призмой художественного преобразования исторической реальности. В романе «Стыд» миф исчезает, фантастическое приобретает черты гротеска и абсурда. Рушди изображает не чудесную, а фантасмагорическую реальность.

Основным лейтмотивом романа становится стыд, понятие, вынесенное в заглавие произведения. Рушди специально останавливается на значении этого слова: «This word: shame. No, I must write it in its original form, not in this peculiar language tainted by wrong concepts and the accumulated detritus of its owners' unrepented past, this Angrezi in which I am forced to write, and so for ever alter what is written <...> Sharam, that's the word. For which this paltry 'shame' is a wholly inadequate translation. Three letters, shin rè mim (written, naturally, from right to left); plus zabar accents indicating the short vowel sounds. A short word, but one containing encyclopaedias of nuance» [25] («СТЫД. Написать бы мне это слово на родном, а не на чужом языке... ШАРАМ – вот нужное мне слово! Вроде маленькое слово, а значений и оттенков – на целые тома» [24. С. 51]). В отечественных критических работах уточняется перевод английского слова «shame». С точки зрения М. Салганик [7], более точным будет слово «срам», а Е. Калининкова [26] предлагает «shame» перевести как «позор».

«А что суть противоположность стыда? Что останется, если, подходя арифметически, вычешь шарам из нашей жизни? Останется, очевидно, бесстыдство» [24. С. 51–52]. О крайних проявлениях этого морального качества, о стыде и бесстыдстве общественной, политической и частной жизни героев и будет вести рассказ повествователь: «...это рассказ о любовном соперничестве, честолюбии, власти, покровительстве, предательстве, смерти, мести» [24. С. 264].

Человек, утративший стыд, способен на все: он не гнушается предательства и злодейства, зверства и вероломства. Для него все это лишь неизбежные средства достижения власти и благополучия. Олицетворением бесстыдства в романе становится Омар-Хайам Шакиль. Описание детства и отрочества героя включает различные элементы фантастического. Необычна исто-

рия рождения ребенка: он появился в богатой семье сестер Шакиль. Воспитанные строгим отцом, не получившие образования и заточенные в женской половине особняка, девушки были лишены общения с внешним миром. После смерти отца они устроили роскошный званый вечер. А вследствие этого знаменательного события «пополз по городским базарам слухок: мол, в ту разудалую ночь одна из задавак сестер что-то потеряла и что-то очень скоро обретет – прибавление в семействе, так сказать. О, какой стыд! Стыд и срам!» [24. С. 16].

Чтобы скрыть свой позор, сестры возвращаются к затворническому образу жизни, ограждая себя и ребенка от осуждения и сплетен. В городе так никто и не узнал, кто является матерью незаконнорожденного ребенка. Об этом не узнает и сам Омар. Описывая поведение сестер, автор прибегает к явному преувеличению, фантастическая гиперболизация приводит к возникновению гротескных образов. Чтобы сохранить тайну, они «держались единым фронтом, во всем до мелочей повторяя друг друга. <...> втроем выказывая все признаки беременности» [24. С. 20]. «И вот все трое одновременно начали раздаваться в бедрах, у них стали наливаться груди. Случись затошнит одну, остальных тут же выворачивало наизнанку, причем их сердобольные позывы совпадали с точностью до секунды <...>. Прочие запросы их организмов тоже совпадали. Весили они одинаково, уставали одновременно, просыпались минута в минуту... Даже схватки у всей троицы были одинаковы, три чрева готовились исторгнуть одного младенца» [24. С. 21]. Рушди изображает сестер Шакиль как фантастическое триединое существо: «Путаница коснулась не только душ, но и тел, обратив сестер то ли в кентавров, то ли в русалок» [24. С. 53].

Ограждаемый от позора Омар Шакиль, разделяя образ жизни своих матерей-затворниц, не имеет прямых контактов с внешним миром, вследствие чего в его сознании формируется фантастическая картина мира: «И представление о перевернутом мире сызмальства не покидало Омар-Хайяма: все-то на белом свете вверх тормашками. Или того хуже: ему казалось, что он живет на самом краешке мироздания и вот-вот упадет» [24. С. 24]. Дом Шакилей представляется ребенку как бесконечный лабиринт, населенный тенями прошлого, в котором смещаются представления о времени и пространстве. Лишенный сна из-за ночных кошмаров, Омар бродит по огромному дому, в котором царят запустение и разруха. «А однажды Омар-Хайям даже заблудился. Он исступленно метался по закоулкам – так, наверное, путешественник во времени, лишившись своей чудесной машины, страшится навечно затеряться в пучине истории – и вдруг замер в ужасе на пороге комнаты: сквозь разваленную стену к нему тянулись толстые древесные корнищупальца, словно умоляя напоить» [24. С. 39]. Итак, описание детства героя строится с помощью приемов явного преувеличения, сгущения, нарушения пропорций, гротеска, что создает у читателя ощущение фантастической неестественности, абсурдности жизни героя. Огражденный от позора, не знающий чувства стыда, но лишенный свободы до двенадцати лет, Омар Шакиль так и будет жить, не признавая норм морали, не различая добра и зла.

«Порой о нем отзываются как о настоящем выродке без стыда и совести» [24. С. 116].

Ключом к пониманию основного принципа фантастического в романе «Стыд» является метафора «фальшивое чудо», использованная по отношению к героине Суфии Зинобии и к самой стране Пакистан. Если Омар Шакиль – олицетворение бесстыдства, то Суфия Зинобия, дочь диктатора генерала Резы Хайдара, – олицетворение стыда, которого лишены окружающие, ее жизнь – воплощение женской судьбы, рабского униженного положения женщины в мусульманском мире. Нелюбимая дочь своей матери, Стыдоба, слабоумная Суфия обладала обостренным чувством стыда: «...краснела всякий раз, когда кто-либо замечал ее присутствие на белом свете. А еще, мне думается, краснела она за весь белый свет» [24. С. 180]. Ненависть и унижение, которым подвергалась Суфия Зинобия, порождают в ней неконтролируемую агрессию. В душе героини поселяется Зверь – в состоянии сомнамбулизма она совершает страшные убийства. В конце романа она превращается в чудовище, «белую пантеру», как окрестили ее в народе; именно она убивает своего мужа Омара Шакиля. По меткому замечанию М. Салганик, «метафорой Индии стали ее чудо-дети, так никому и не понадобившиеся. Метафора Пакистана – “фальшивое чудо”, слабоумная и тем освобожденная и от прошлого, и от вины за него Суфия Зинобия, дочь, обманувшая родителей, уверенных в том, что зачали сына» [7. С. 229].

Рушди воспринимает Пакистан как искусственно созданное государственное образование, в котором отсутствует живое органическое начало, жители этой страны постарались отмежеваться от Индии, от общего исторического прошлого, от ее культуры и мифологии. «Ни для кого не секрет, что само слово ПАКИСТАН – акроним, его придумали в Англии в кругах мусульманской интеллигенции. <...> Итак, Пакистан родился на Западе и лишь потом попал на Восток, перешел все границы и барьеры (в том числе и языковые) и утвердился в Истории. Такой вот возвращенец-переселенец на поделенную надвое землю, похоронивший прошлое под надгробием, с которого спешно стерли все надписи. Будто и не бывало никогда индийского прошлого, новой стране – новая история. И не важно, на каком фундаменте она зиждется, все индийское – стереть и переписать заново!» [24. С. 125–126]. Размышляя об искусственном разделе Индии, неоднозначный политический эксперимент – создание страны для мусульман (Пакистан – страна чистых) и современную историю страны – Рушди называет «неудачей мечтателей-утопистов», которые «для этого полотна выбрали нестойкие краски, как у Леонардо; то ли не достало создателям воображения – вот и сложилась картина, полная вопиющих несуразиц» [24. С. 126]. И в заключение делает вывод: «Пакистан – это фальшивое чудо» [24. С. 126].

Именно поэтому стихия мифа, стихия чудесного исчезает в этом романе. Нарушение естественных основ бытия, отказ от исторического прошлого, суровые моральные законы, отсутствие свободы приводят к деформации личности и общественной жизни. Фантастическое в этом романе возникает

как гротескное преувеличение и искажение нормальных пропорций, как абсурдное и чудовищное.

Ярким примером гротескного преувеличения является судьба Благовесточки, младшей дочери Резы Хайдара и сестры Суфии Зинобии. Выйдя замуж, она начинает рожать детей. Ее плодовитость описывается как чудовищное явление, выходящее за рамки естественного: в первый год – один ребенок, во второй – два, и дальше каждый год прибавление семейства в соответствии с немислимой прогрессией: «...как из рога изобилия исторгались из ее чрева все новые и новые дети... Все чувствовали жуткую предрешенность: на этот раз родится не иначе как восьмеро, и на будущий год – девятеро, а потом целый десяток» [24. С. 348].

Мотивировкой фантастического в романе «Стыд» часто становятся людская молва, сплетни, досужие вымыслы, миф, но в его бытовом, а не бытийном воплощении, что и ведет к фантастическому преувеличению. Фантастическое может порождаться и различными состояниями измененного сознания. Больное воображение, кошмар искажают реальную картину мира: сознание Омара Шакиля, затуманенное малярийным бредом, порождает кошмарные видения; страх расплаты за содеянное ведет к тому, что диктатор Реза Хайдар слышит голос свергнутого им и уничтоженного премьер-министра Искандера Хараппы. Фантастика в романе «Стыд» утрачивает мифологическую основу и приобретает черты абсурда и фантазмагии. Эти особенности фантастического ставят под сомнение соотношение романа «Стыд» с произведениями «магического реализма».

Таким образом, романы «Дети полуночи» и «Стыд», имея явное сходство в организации повествования, тем не менее обладают концептуальным отличием художественных миров. Автор относится к исторической и культурной реальности Индии и Пакистана по-разному. Политические и общественные изменения в независимой Индии могут изображаться Рушди как драматические и даже трагические, но при этом в романе присутствует вера автора в способность Индии к самообновлению и развитию благодаря богатой, самобытной и многообразной культуре этой страны. Отказ от исторического прошлого, утверждение религиозного диктата по отношению к общественной и личной жизни в Пакистане вызывает критическое неприятие С. Рушди. Авторская позиция реализуется в выборе различных типов фантастического для воплощения «индийской» и «пакистанской» реальностей: мифологическая фантастика формирует богатую, вызывающую удивление чудесную реальность Индии; фантастика гротеска и абсурда порождают чудовищную действительность Пакистана.

Список источников

1. Чернышева Т.А. Природа фантастики. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1984. 336 с.
2. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М. : Интелвак, 2003. 1600 стб.
3. Захаров Ю.И. Что такое фантастика? М. : Худож. лит., 1974. 352 с.

4. Ковтун Е.Н. Поэтика необычайного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа: (На материале европейской литературы первой половины XX века). М. : Изд-во МГУ, 1999. 308 с.
5. Лахманн Р. Дискурсы фантастического. М. : Новое литературное обозрение, 2009. 384 с.
6. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу. М. : Дом интеллектуальной книги, 1999. 144 с.
7. Салганик М.О. О благотворности сомнений. Салман Рушди – «Стыд» и другие романы // Иностранная литература. 1989. № 9. С. 225–233.
8. Рушди С. Джозеф Антон. М. : Corpus, 2012. 864 с.
9. Братухина Л.В. Онтология «иноного» мира в контексте поэтики «магического реализма» (по роману С. Рушди «Два года, восемь месяцев и двадцать восемь ночей») // Мировая литература в контексте культуры. 2019. № 8 (14). С. 18–31.
10. Маслова Е.Г. Магический реализм как парадигма культурно-художественного сознания современного общества // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Филология и искусствоведение, 2012. № 10. С. 254–269.
11. Шамсутдинова Н.З. «Магический» реализм в современной британской литературе (Анжела Картер, Салман Рушди) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 181 с.
12. Ananth A.G. Traits of Magic Realism in Salman Rushdie's *Midnight's Children* // International Journal of Computer Techniques. 2017, May–June. Vol. 4. Is. 3. P. 79–83.
13. Anderson S. A New Definition of Magic Realism: An Analysis of Three Novels as Examples of Magic Realism in a Postcolonial Diaspora // Honors Program Projects/ 2016. URL: https://digitalcommons.olivet.edu/honr_proj/82/? (дата обращения: 12.02.2023).
14. Kluwick U. Exploring Magic Realism in Salman Rushdie's Fiction. New York : Routledge, 2011. 234 p.
15. Кофман А.Ф. Проблема «магического реализма» в латиноамериканском романе // Современный роман: Опыт исследования. М. : Наука, 1990. С. 183–201/
16. Гугнин А.А. Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века: (Феномен и некоторые пути его осмысления). М. : НЦ германо-славянских исследований РАН, 1998. 117 с.
17. Карпентьер А. Избранное. М. : Радуга, 1988. 576 с.
18. Карпентьер А. Барочность и чудесная реальность // Карпентьер А. Мы искали и нашли себя: Художественная публицистика. М. : Прогресс, 1984. С. 109–121.
19. Кутейщикова В.Н., Основат Л.Н. Новый латиноамериканский роман. М. : Сов. писатель, 1983. 424 с.
20. Красавченко Т.Н. Рушди С. Вспоминая жизнь и творчество Габриэля Гарсиа Маркеса: магия, служащая истине // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. 2014. № 4. С. 213–217.
21. Толкачев С.П. Смешение культур и чуждых этических систем как источник тематики постколониальных романов // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2 (2). С. 248–254.
22. Рушди С. Дети полуночи. СПб. : Лимбус Пресс, 2006. 760 с.
23. Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. М. : Сов. энцикл., 1991. Т. 1. 671 с.
24. Рушди С. Стыд. СПб. : Амфора, 2007. 444 с.
25. Rushdie S. Shame. URL: <https://www.bookfrom.net/salman-rushdie/page,4,35105-shame.html> (дата обращения 10.12.2022).
26. Калининкова Е. Феномен Салмана Рушди // Азия и Африка сегодня. 1997. № 1. С. 44–47.

References

1. Chernysheva, T.A. (1984) *Priroda fantastiki* [The Nature of Fantasy]. Irkutsk: Irkutsk State University.

2. Nikol'yukin, A.N. (ed.) (2003) *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]. Moscow: Intellvak.
3. Kagarlitskiy, Yu.I. (1974) *Chto takoe fantastika?* [What is Fantastic?]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
4. Kovtun, E.N. (1999) *Poetika neobychnogo: Khudozhestvennye miry fantastiki, volshebnoy skazki, utopii, pritchi i mifa (Na materiale evropeyskoy literatury pervoy poloviny XX veka)* [Poetics of the Extraordinary: Artistic worlds of fantasy, fairy tales, utopia, parables and myths (Based on the material of European literature of the first half of the 20th century)]. Moscow: Moscow State University.
5. Lakhmann, R. (2009) *Diskursy fantasticheskogo* [Discourses of the Fantastic]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
6. Todorov, Tz. (1999) *Vvedenie v fantasticheskuyu literaturu* [The Fantastic: A Structural Approach to a Literary Genre]. Moscow: Dom intellektual'noy knigi.
7. Salganik, M.O. (1989) O blagotvornosti somneniy. Salman Rushdi – “Styd” i drugie romany [About the benefits of doubt. Salman Rushdie – “Shame” and other novels]. *Inostrannaya literatura*. 9. pp. 225–233.
8. Rushdie, S. (2012) *Dzhozef Anton* [Joseph Anton: A Memoir]. Translated from English. Moscow: Corpus.
9. Bratukhina, L.V. (2019) Ontologiya “inogo” mira v kontekste poetiki “magicheskogo realizma” (po romanu S. Rushdi “Dva goda, vosem' mesyatsev i dvadtsat' vosem' nochey”) [Ontology of the “other” world in the context of the poetics of “magical realism” (based on the novel by S. Rushdie Two Years, Eight Months and Twenty-Eight Nights)]. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury*. 8 (14). pp. 18–31.
10. Maslova, E.G. (2012) Magicheskiy realizm kak paradigma kul'turno-khudozhestvennogo soznaniya sovremennogo obshchestva [Magic realism as a paradigm of cultural and artistic consciousness of modern society]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filologiya i iskusstvovedenie*. 10. pp. 254–269.
11. Shamsutdinova, N.Z. (2008) “Magicheskiy” realizm v sovremennoy britanskoy literature (Anzhela Karter, Salman Rushdi) [“Magical” realism in modern British literature (Angela Carter, Salman Rushdie)]. Philology Cand. Diss. Moscow: Moscow State University.
12. Ananth, A.G. (2017) Traits of Magic Realism in Salman Rushdie's *Midnight's Children*. *International Journal of Computer Techniques*. 3 (4). pp. 79–83.
13. Anderson, S. (2016) A New Definition of Magic Realism: An Analysis of Three Novels as Examples of Magic Realism in a Postcolonial Diaspora. *Honors Program Projects*. [Online] Available from: https://digitalcommons.olivet.edu/honr_proj/82/ (Accessed: 12.02.2023).
14. Kluwick, U. (2011) *Exploring Magic Realism in Salman Rushdie's Fiction*. New York: Routledge.
15. Kofman, A.F. (1990) Problema “magicheskogo realizma” v latinoamerikanskom romane [The problem of “magical realism” in the Latin American novel]. In: Tsuranova, E.A. (ed.) *Sovremennyy roman. Opyt issledovaniya* [Contemporary Novel. Research experience]. Moscow: Nauka. pp. 183–201.
16. Gugin, A.A. (1998) *Magicheskiy realizm v kontekste literatury i iskusstva XX veka (Fenomen i nekotorye puti ego osmysleniya)* [Magical Realism in the Context of Literature and Art of the 20th Century (Phenomenon and some ways of understanding it)]. Moscow: Institute of Slavic Studies RAS.
17. Karpent'er, A. (1988) *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: Raduga.
18. Karpent'er, A. (1984) *My iskali i nashli sebya: Khudozhestvennaya publitsistika* [We Searched for and Found Ourselves: Artistic journalism]. Moscow: Progress. pp. 109–121.
19. Kuteyshchikova, V.N. & Ospovat, L.N. (1983) *Novyy latinoamerikanskiy roman* [New Latin American Novel]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
20. Krasavchenko, T.N. (2014) Rushdi S. Vspominaya zhizn' i tvorchestvo Gabrielya Garsia Markesa: magiya, sluzhashchaya istine [Rushdie S. Remembering the life and work of

Gabriel García Márquez: magic serving the truth]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 7: Literaturovedenie*. 4. pp. 213–217.

21. Tolkachev, S.P. (2015) Smeshenie kul'tur i chuzhdykh eticheskikh sistem kak istochnik tematiki postkolonial'nykh romanov [Mixing of cultures and alien ethical systems as a source of themes for postcolonial novels]. *Vestnik nizhegorodskogo un-ta im. N.I. Lobachevskogo*. 2 (2). pp. 248–254.

22. Rushdie, S. (2006) *Deti polunochi* [Midnight's Children]. Translated from English. Saint Petersburg: Limbus Press.

23. Tokarev, S.A. (ed.) (1991) *Mify narodov mira. Entsiklopediya* [Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia]. Vol. 1. Moscow: Sov. Entsiklopediya.

24. Rushdie, S. (2007) *Styd* [Shame]. Translated from English. Saint Petersburg: Amfora.

25. Rushdie, S. (n.d.) *Shame*. [Online] Available from: <https://www.bookfrom.net/salman-rushdie/page,4,35105-shame.html> (Accessed: 10.12.2022).

26. Kalinnikova, E. (1997) Fenomen Salmana Rushdi [The phenomenon of Salman Rushdie]. *Aziya i Afrika segodnya*. 1. pp. 44–47.

Информация об авторе:

Васильева Е.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж, Россия). E-mail: vevvrn@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Vasiljeva, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Voronezh State Pedagogical University (Voronezh, Russian Federation). E-mail: vevvrn@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.03.2023;
одобрена после рецензирования 18.04.2023; принята к публикации 07.03.2024.*

*The article was submitted 21.03.2023;
approved after reviewing 18.04.2023; accepted for publication 07.03.2024.*

Научная статья

УДК 821.161.1

doi: 10.17223/19986645/87/11

Типология женских персонажей в прозе М.А. Кузмина

Вероника Борисовна Зусева-Озкан¹

¹ ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия, v.zuseva.ozkan@gmail.com

Аннотация. Предпринята попытка выстроить типологию женских персонажей во всем корпусе прозаических фикциональных текстов М.А. Кузмина. Исследуются образы девочек, девушек, взрослых и пожилых женщин. Выявляются постоянно повторяющиеся у Кузмина женские типы и связанные с ними характерные мотивы. Подтверждается гипотеза о литературной мизогинии Кузмина, при этом демонстрируется тонкая модификация писателем топосов маскулинного гендерного порядка в соответствии с его художественной аксиологией.

Ключевые слова: М.А. Кузмин, проза, конструирование фемининности, мизогиния, маскулинный гендерный порядок

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10100, <https://rscf.ru/project/19-78-10100/>) в ИМЛИ РАН.

Для цитирования: Зусева-Озкан В.Б. Типология женских персонажей в прозе М.А. Кузмина // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 87. С. 194–220. doi: 10.17223/19986645/87/11

Original article

doi: 10.17223/19986645/87/11

Typology of female characters in the fictional prose by Mikhail Kuzmin

Veronika B. Zuseva-Özkan¹

¹ A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, v.zuseva.ozkan@gmail.com

Abstract. The article examines an aspect of Mikhail Kuzmin's fictional prose – the typology of female characters. The careful and “continuous” reading of his novels, tales, and short stories shows that the writer regularly reproduced certain characters, with which constant motifs and plots are associated. The author of the article considers the following female types in Kuzmin: enthusiasts; oppressing mothers; female predators’ “Potiphar’s wives” (meaning the Old Testament prototype: a situation of failed seduction followed by revenge); “blessed women”, succumbing to carnal temptation (mainly Old Believers); harlots; “femmes fatales”; murderous women – vampiresses and witches; “brides from beyond the grave”; Amazons; occultists (“Anna Minclovas”); girls chasing suitors; “platonic Charlottes”, who voluntarily indulge in illusions about the man they love and agree to any role, even the most modest, just to

be present in his life; women who do not understand art; and crippled girls. In addition to these types of unmarried and married women, the line between whom turns out to be very thin (sometimes they move from one category to another throughout the narrative, and their behavior differs little in Kuzmin), girls and old women, revealing in their characters specific features similar to those in young and mature women, are also studied. Apparently, girls already have qualities that fully flourish in adult women and are ridiculed and/or condemned by the writer, and older women are even more dangerous than young ones because, due to their age, status and often wealth, they have more influence and power that are destructive to others, especially men. It is demonstrated that positive female characters in Kuzmin's prose are quite rare. The thesis about Kuzmin's literary misogyny is confirmed: in the overwhelming majority of cases, he portrays women without any sympathy and endows them with many negative qualities. At the same time, Kuzmin does not only reproduce the topoi of the masculine gender order, which legitimizes men's dominant position over women who are considered as inferior beings, but finds very original interpretations of these topoi. Such is one of Kuzmin's main accusations against women, i.e. their tendency to fantasize, the "extremeness" of the female imagination, their need for constant agitation, and their "enthusiasm". Although the origins of this claim can be found in the stereotype of women's "inherent" hysterical nature, Kuzmin presents it in an elegantly modified form. The same applies to the traditional idea of "witchcraft", to which women are allegedly inclined: on this basis, Kuzmin develops the female occultist type, but even here the main accusation of the writer is not that they allegedly serve evil, but that they exterminate the "spirit of life", obscure the immediate joy of being with their muddy statements and "insights". Ultimately, Kuzmin invariably acts as a "reality's advocate", a defender of the immediate joy of life, the ability to see a source of consolation in its little things, and his greatest allegation against women is their perceived inability to do so, to enjoy life in its many details and facets.

Keywords: Mikhail Kuzmin, fictional prose, construction of femininity, misogyny, masculine gender order

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-78-10100, <https://rscf.ru/project/19-78-10100/>

For citation: Zuseva-Özkan, V.B. (2024) Typology of female characters in the fictional prose by Mikhail Kuzmin. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 87. pp. 194–220. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/87/11

Творчество М.А. Кузмина к настоящему моменту остается мало и выборочно исследованным, и особенно это относится к его прозе [1. С. 80], которая при этом количественно составляет основную часть его наследия. Тем более прозаический корпус Кузмина, насколько нам известно, не изучался в его тотальности, пусть и в отдельных аспектах – например, с точки зрения сюжетологии или характерологии. Предлагаемая статья ставит целью проанализировать такой аспект кузминской прозы, как типология женских персонажей: внимательное и «сплошное» чтение его прозаических текстов показывает, что писатель регулярно воспроизводил в них определенные характеры, с которыми связаны константные мотивы и сюжеты.

Но прежде следует сказать несколько слов о том литературном и, шире, культурном контексте, в котором работал Кузмин. Как известно, эпоха «ру-

бежа веков» была отмечена существенными изменениями в положении женщин, а также литературных форм его репрезентации: поэзия и особенно проза не только отражали изменявшуюся социальную реальность, но и сами становились местом разработки новой системы ценностей, предлагая новые ролевые модели. Появилось огромное число женщин-авторов. Резко интенсифицировались литературные поиски в сфере «психологии пола». Центральным для эпохи стал мотив андрогинности, наделявшийся мистическими коннотациями. Нельзя не отметить и грандиозный по значению и влиянию образ Вечной Женственности. Наконец, проводились литературные эксперименты с гендерными ролями, проявлявшиеся, в частности, в «женских» речевых масках писателей-мужчин и «мужских» масках писательниц.

При этом гендерный порядок эпохи «рубежа веков» оставался маскулинным; его продолжали определять бинарное и комплементарное противопоставление полов, как и «нейтральность» маскулинной категории при маркированности и внутренней «раздвоенности» фемининной, когда женщина предстала либо прекрасной и бестелесной, либо падшей и активной, сексуальной, угрожающей. И всё же, несмотря на доминанту андроцентризма, в эпоху модернизма активизируются ранее не характерные для маскулинного гендерного порядка социальные и культурные роли, свидетельствующие о его постепенном разрушении. Происходил, с одной стороны, явный отход женщин, прежде всего женщин-авторов, от стереотипов нормативной женственности. С другой стороны, этот отход художественно рефлексировался – как авторами-мужчинами, так и, в первую очередь, самими писательницами. Соответственно, конструирование М.А. Кузминым женских персонажей проходило в атмосфере интенсивнейшей рефлексии о женщинах и женском, простиравшейся от приземленных дискуссий о «женском вопросе» до возвышенных символистских концепций Вечной Женственности. Встает вопрос о том, как соотносились художественные построения Кузмина с идеями века, – вопрос, на который мы тоже постараемся ответить.

При построении типологии женских персонажей мы будем двигаться по возрастной шкале, поскольку возраст в значительной степени определяет различия социальных ролей, а в художественном тексте – и ролей сюжетных. В прозе Кузмина появляются не только взрослые и пожилые женщины, но и, хоть и гораздо реже, *девочки*, дети. Самая маленькая из женских персонажей Кузмина – это Марианна, дочь Зинаиды Львовны из романа «Мечтатели» (1912). Будучи младенцем, Марианна не имеет собственных сюжетных функций и выступает лишь как символ таинственной связи между своей матерью и ее духовным возлюбленным, Андреем Ивановичем Толстым: «– Милая моя детка <...> ты не похожа ни на папу, ни на маму – не правда ли? – а ты похожа на Андрюшу, на Андрюшу, на Андрюшу. Ты будешь большая и счастливая, только никогда не мечтай, а мама постарается тебя отучить от этого, потому что сама была слишком несчастна оттого, что много мечтала» [2. Т. 3. С. 606]. «Мечтания», о которых говорит мать девочки, в этом романе Кузмина – и в целом в его прозе, как мы покажем да-

лее, – подразумевают стремление к романтике вопреки всему, к чрезвычайности чувств, к запутанности личных отношений и при этом закрытость реальности в ее радостной обыденности, недоступность для духовной жизни более высокого порядка.

Напротив, Андрей Иванович Толстой олицетворяет мирскую «святость» и принадлежит к целой галерее сходных мужских персонажей Кузмина (это, в частности, Виктор Павлович Фортов в романе «Плавающие-путешествующие», Андрей Иванович Фонвизин в повести «Нежный Иосиф»). Такие герои служат центром притяжения и внутри художественного мира, т.е. для персонажей, и вне его, т.е. для читателя, поскольку к ним обычно «прикрепляются» основные мотивы, с их участием развязываются сюжетные узлы и от их роли в произведении так или иначе отталкиваются все попытки извлечь «смысл», «суть» текста. Они обладают неизъяснимой властью над душами других людей, для которых они всегда окутаны завесой тайны – даже для персонажей-скептиков, которые в какой-то момент тоже подпадают под их власть, их странное обаяние (такова Александра Львовна в «Мечтателях»). Эти герои окружены слухами, недомолвками, загадками – даже для тех, кто наиболее к ним близок, – и связаны с иным, высшим духовным миром, являются обладателями неизъяснимой тайны, знания; так, Андрей Иванович Толстой принадлежит к обществу «вольных каменщиков», т.е. масонов. Как правило, Кузмин представляет таких персонажей безбрачными, отказавшимися от земной, физической любви, хотя иногда они отказываются лишь от Афродиты Пандемос, связанной для Кузмина с гетеросексуальностью, а не от Афродиты Урании, которую писатель, согласно античной традиции, усматривал в любви между мужчинами. Марианна, таким образом, будучи физически дочерью Пети Мельникова, мужа Зинаиды Львовны, оказывается духовной дочерью Андрея Толстого, через общение с которым ее мать находит душевное равновесие и внутреннее успокоение.

Почти столь же отвлеченна и нежизненна, как младенец Марианна, девочка Нина «лет десяти» в новелле «Смертельная роза» (1917), полной гофмановскими аллюзиями. Если первая – своего рода символ, то вторая – просто сюжетная функция: она выступает ангелом-хранителем своего отца, композитора Каспара Ласки, и как бы заместительницей умершей матери, предостерегая отца от того, чтобы принять странный заказ на сочинение похоронной музыки, а потом – от любви к «страшной», демонической женщине Розалии.

Гораздо более жизненны, хотя и несколько шаржированны, дети в сказке «Где все равны» (1914). Здесь возникает мотив *войны полов*, отраженный в детском восприятии мальчика-рассказчика: «Отец думал, что, если с детства мы приучимся играть с девочками, мы будем не так шалить <...>. Они приходили каждое воскресенье, мы их колотили и дразнили девчонками, они ревели, ябедничали, называли нас мальчишками и исподтишка норовили сделать какую-нибудь гадость. Задирали первые обыкновенно они, а потом бежали жаловаться; нас ставили в угол, а они ходили и дразнились» [2. Т. 4. С. 119]. То, что такое

положение вещей не есть случайность или несовместимость характеров, доказывается тем обстоятельством, что «все время мы проводили в спорах о том, кто лучше: мужчина или женщина» [2. Т. 4. С. 120]. Отсюда другой важный мотив рассказа – *равноправие*. Отец рассказчика относится, очевидно, к либералам и прогрессистам, для которых «женский вопрос» решается однозначно: «...он говорил, что, конечно, все люди равны и что если теперь это не всеми еще признается, то наступит такое время, когда женщины будут и адвокатами, и боевыми генералами, и кондукторами, а мужчины (ну, конечно, кормилицами они не будут) останутся тем же, что и теперь¹. Эти ответы нас очень сердили, потому что Маша и Клаша торжествовали и показывали нам языки...» [2. Т. 4. С. 120]. Но в авторском горизонте эта позиция подвергается сомнению – голосом мудрости здесь назначена нянька Прасковья, которая равноправие отрицает: «Ведь это как кому Бог дал и кто к чему приставлен»; равенство достигается только за гробом: «Там милость Божия равна для всех, а человеку, пока он жив, равным с другим сделаться трудно. Так уж нас Господь создал. Тут ничего не поделаешь, как ни мудри» [2. Т. 4. С. 123]. Вопрос о женском равноправии Кузмин и вслед за ним его персонаж переводят из социальной сферы в сферу философской проблемы равенства людей, тем самым осуществляя своего рода «подтасовку»; уже здесь очевиден как минимум скептицизм Кузмина в отношении гендерного равноправия.

В другом рассказе, «Воспитание Нисы» (1916), мотив войны полов вообще звучит необыкновенно жестко. Героиня, приютская девочка, взятая на посылки в швейную мастерскую, получает от женщин уроки жизни, последовательно направленные на воспитание в ней *вражды к противоположному полу* и стремления потребительски относиться к мужчинам, не вкладывая в отношения с ними ни грамма эмоциональности. Девочки чуть старше нее запрещают ей играть с дворовыми мальчишками: «Они драчуны и дряни. <...> Если нас много, а мальчишка один, да никого нет, так можно его отколотить – вот и всё! <...> Они тебе на шею сядут, а уж прибьют, как пить дадут» [2. Т. 5. С. 342]. Мастерницы бранят и высмеивают всех своих поклонников, а также некую «дуру Клавдию», которая к мужчине «в чувства пускается». Когда Нису посылают с картонкой к барышне Кадниковой, она становится свидетельницей такого же отношения и в более высоких социальных кругах. Мать барышни «доктринерски» высказывается: «Мужчина – вечный враг женщины, мы постоянно во вражде. Любовь это поединок². Кто

¹ Здесь ощущается отголосок знаменитой сценической миниатюры Тэффи «Женский вопрос» (1907), где во сне главной героини женщины уже добились не только равноправия, но и гендерного доминирования и женщины, действительно, стали генералами, а мужчины – именно что няньками и кормилицами. Пьеса была широко известна и породила ряд подражаний [3].

² Постоянный топос русской поэзии, по крайней мере начиная с Ф.И. Тютчева, широко востребованный и модернистами, в том числе акмеистского круга – Н.С. Гумилевым, А.А. Ахматовой. Очевидно, Кузмина глубоко раздражало такое представление о

любит, тот и побежден. <...> я понимаю, что бывают влечения, в нас еще слишком много животного... Но чтобы я полюбила мужчину, как тебя, например, это вздор! Тут все свое, родное, женское, а там – враждебное. Да, борьба, любопытство <...> инстинкт, но не любовь! <...> Потом, равноправие женщин! Это же абсурд. Мы – властительницы, всегда были и будем ими, какое равноправие между нами и нашими рабами?» [2. Т. 5. С. 346].

Любопытно, что героиня даже упоминает гремевшую тогда книгу Отто Вейнингера «Пол и характер» – довольно мизогинную, но новаторскую тем, что в ней начинается размыываться гендерный эссенциализм, которым проникнута речь героини: Вейнингер вводит категории М и Ж, не вполне совпадающие с реальными, физическими их носителями, и показывает, что в каждом человеке есть как маскулинное, так и фемининное начала [4]. Естественно, героиня Кузмина эту теорию отвергает: «Ведь это все вздор, что этот еврейчик писал (который еще имел тактичность застрелиться) про М и Ж» [2. Т. 5. С. 346]. Барышня Кадникова принимает решение расстаться с женихом, который, действительно, изменяет ей, и Нису посылают с письмом по его адресу. Однако там девочка встречает его сожительницу, которая преподает ей последний урок – оказывается, что Настасья Алексеевна совсем не любит Сурова: «Что еще за любовь. Поит, кормит, одевает, потешает, – вот и живу. Да и ленива я, мать, лень другого-то искать» [2. Т. 5. С. 351]. Она терпит свое положение с равнодушием по отношению к тому, с кем живет, и в принципе отрицает даже способность мужчины быть красивым (ср. тот же мотив в рассказе «Ванина родинка»). Связь с мужчиной женщине нужна для того, «чтобы было над кем куражиться»: «Мужчина женщине первый враг, вот что я тебе скажу. Скрючить его следует и уничтожить...»; само мужское присутствие раздражительно для женщины – до физического отвращения: «...каждая его вещь – чужая, противная, поганая! <...> дух мужчинский нашей сестре не по носу...» [2. Т. 5. С. 351, 352]. Через пять месяцев Ниса узнает, что Настасья Алексеевна бросила Сурова ради более выгодной добычи – старого генерала; окружающие инсинуируют, будто она «спутается» с молодым пасынком, но оказывается, что она с ним дружна исключительно потому, что он «совсем не мужчина» (видимо, намек на гомосексуальность последнего). Ниса от всего услышанного и узнанного начинает плакать, но зерно мужененавистничества упало в землю: «– Ничего, прошло! – сказала Ниса и взглянула <...> сухими серыми глазами <...> приготовительный класс она уже прошла» [2. Т. 5. С. 354].

Появляются девочки и в прелестном рассказе «Антракт в овраге» (1916), где мотив войны полов присутствует, но отчасти сглажен и войной разных «сословий», т.е. разных групп дачников. Девочки здесь – дочери немецкого пастора Берта, Гертруда и Фредегонда, которых главный герой, сын проку-

любви – см., в частности, его пародийное изображение женщин-воительниц, пытающихся победить мужчин, в том числе эротически, в поэме «Всадник» и романе «Подвиги Великого Александра».

рора Гриша, придумал называть Бря, Тря и Фря. Подчеркивается «амазонская», воинственная природа его врагов: они «не боялись никаких сражений и стычек. Особенно амазонничала младшая, Фредегонда, или, по-нашему, Фря. Она была почти неуловима и неистощима на сложные каверзы» [2. Т. 6. С. 135]. Нарратив также подчеркивает «подлость» женской природы, выказывающуюся уже в детском возрасте: «Девочки были еще незаменимы как доносицы, кажется, эту обязанность они исполняли всего охотнее. Доносицы и вдохновительницы¹...» [2. Т. 6. С. 136]. То есть в девочках у Кузмина, как правило, оказываются уже заложены те качества, которые вполне расцветают во взрослых женщинах и высмеиваются и/или осуждаются писателем.

Посмотрим теперь на наиболее многочисленную группу женских персонажей Кузмина – это девицы на выданье и замужние дамы. Грань между ними оказывается очень тонка: порой они переходят из одной категории в другую на протяжении нарратива, и, кроме того, поведение тех и других у Кузмина мало различается. В обоих случаях речь в основном идет о женщинах, которые вступают в эротические или матримониальные отношения с мужчинами – или пытаются вступить.

Один из самых частых у Кузмина и при этом очевидно неприятных автору женских типов – это женщины-энтузиастки, которые непременно должны чем-то «гореть» и свою миссию видят в том, чтобы и других этим горением «заражать». Часто такие героини принадлежат к богеме или хотя бы пытаются показать, что к ней принадлежат. Такова, например, Зоя Николаевна Горбунова в рассказе «Высокое искусство» (1910): «Со всех сторон я слышал похвалы ее красоте, неженскому уму, таланту, а главное – “заразительности”. Говорили, что у нее такой запас энтузиазма, что его хватит на всех окружающих...» [2. Т. 3. С. 440]. Героиня прямо опасна для окружающих, в первую очередь для своего мужа, который прежде был, по оценке рассказчика, поэтом с «легким, острым и примечательным по своеобразности дарованием», но под давлением жены с ее требованиями «высокого искусства» («...Костю <...> за уши тянули к возвышенности, где он уже начал несколько задыхаться» [2. Т. 3. С. 447]) он растерял свой дар и покончил с собой.

Другой яркий образец этого типа героини – Полина Аркадьевна из романа «Плавающие-путешествующие» (1914), которая представляет собой шарж на богемную даму рубежа веков и по степени художественной выразительности даже превосходит «демоническую женщину» Тэффи: «Казалось, что такой оригинальный и несуразный человек мог произойти только как-то сам собою, а если и имел родителей, то разве сумасшедшего сыщика

¹ Если в маскулинном гендерном порядке русского модернизма [5] женщины получали объектный статус вдохновительниц-муз (так или иначе патерналистский, поскольку женщина не мыслилась субъектом, творцом), то в сниженном варианте у Кузмина женщины и девочки уже вдохновительницы не мужского творчества, а мужских дурных поступков.

и распутную игуменью. <...> Святые куртизанки, священные проститутки, непонятые роковые женщины, экстравагантные американки, оргиастические поэтессы, – всё это в ней соединялось <...> Она официально считалась и сама себя считала “безумной”, и потому волей или неволей “безумствовала”» [2. Т. 4. С. 260]. Ей, как воздух, необходима «атмосфера если не катастроф и сильных страстей, то всяких интриг и сложностей» [2. Т. 4. С. 317], которым она и не стесняется всячески способствовать: «У нее, как у пьяницы, сосало под ложечкой, почему никто не расстраивается, не тормозится, не объясняется, – вообще, никак себя не проявляет, так что ей осталось только <...> создать самой волнения, если их нет» [2. Т. 4. С. 385]. Другой героиней «Плавающих-путешествующих», которая входит в ту же категорию женских персонажей, является Лелечка Царевская, тоже постоянно ищущая сильных ощущений, испытывающая бесконечные перемены настроений и при этом сама не знающая, чего хочет, кроме того, чтобы «иметь восторженные глаза на всё, восторженные чувства» [2. Т. 4. С. 273]. В результате оба ее поклонника, Лаврентьев и Лаврик Пекарский, которых она вдоволь помучила, остывают к ней, обнаружив ее внутреннюю пустоту, и даже ее муж, бесконечно устав от капризов, придирок и смен настроения, влюбляется в актрису Зою Лиlienфельд – именно потому, что ему кажется, будто, по контрасту с Лелечкой, она всегда знает, чего хочет (что тоже оказывается иллюзией).

Схожа с этими героинями Ольга Николаевна в «Прогулке в сумерках» (1916): идя пешком со станции на дачу со случайным попутчиком, она старательно создает вокруг себя атмосферу таинственности, почти потусторонности, особым образом пересказывая события своей жизни; в итоге же от ее соседа, который является приятелем героя, тот узнает, что она просто «фантазерка», замучившая мужа «причудами и изменами»: «То возилась с Алексеем, заставляла его носить средневековый костюм, гулять с ней при луне, то начала заводить романы с кем попало у него под носом. Теперь вот совсем сбежала» [2. Т. 5. С. 257]. Еще одна общая черта таких героинь – некоторый *мазохизм*: насилие по отношению к себе они принимают за проявление сильных чувств. Так, Лелечка соглашается развестись с мужем и выйти за Лаврентьева только после того, как он ударяет ее (причем соглашается не от страха, а испытав прилив желания). Эти героини саморазрушительны (некоторые из них доходят до самоубийства исключительно потому, что любят «поступки неожиданные», как Анна из рассказа «Снежное озеро» (1923), или стремятся совершить «великодушный, прекрасный и, ах, какой смелый поступок» [2. Т. 2. С. 326], как Тамара Панкратьевна в повести «Федя-фанфарон», 1917) – но они разрушают и жизни окружающих. Такова, в частности, Александра Львовна из романа «Мечтатели», которая доводит до самоубийства влюбленного в нее Владимира Мейера.

В рассказе «Два брата» из сборника «Военные рассказы» к типу неустойчивых, «чрезвычайных», вечно ажитированных фантазерок принадлежит Варвара Игнатьевна: «Будет ли она нежна, горда, недоступна, насмешлива, ласкова – ничего не известно. Вероятнее всего, что она всё это соединит так

своеобразно, что Леонид по прямоте и рассудительности сразу рассердится, почувствует себя виноватым и даст себя победить такой именно победой, какой захочет соперник» [2. Т. 5. С. 307]. Но в конце рассказа, когда Леонид почти погибает на войне, она чудесным образом исправляется, перестает «думать только о себе» и испытывает любовь к миру и людям вообще и к герою в особенности.

Но с военной темой связаны и самые неприятные героини такого типа у Кузмина: Лидия Васильевна в рассказе «Четыре масти», госпожа Радованова в «Волнениях госпожи Радовановой» и Фофочка в «Обыкновенном семействе» (рассказы написаны в 1916 г.). Все они характеризуются тем, что не могут и не желают воспринять происходящие трагические события «в простоте души», а стремятся во что бы то ни стало выставить на авансцену собственную персону, продемонстрировать окружающим, занятым действительными делами, собственные невероятные страдания. Так, Лидия Васильевна в «Четырех мастях» упрямо утверждает, будто брат ее подруги Маргариты Дмитриевны (которого она производит постфактум в собственные возлюбленные: «Помнишь, Марго, как я полюбила твоего брата, как это произошло? Когда он решил ехать на войну, я сразу увидела его другим человеком» [2. Т. 5. С. 368]) убит на войне, и оказывается прямо разочарована, когда выясняется, что он жив и бежал из плена. Своей ложной патетикой и ажитацией она превращает живую жизнь в нечто искусственное и небывалое: «...на какого угодно слушателя выразительный и драматический рассказ вдовы в невестах легко мог произвести впечатление повествования о событиях, действительно необыкновенных и потрясающих, но не особенно близких по времени и месту. <...> Никак не пришло бы в голову, что дело идет о сегодняшнем дне и о гибели ближайшего человека» [2. Т. 5. С. 370]. В итоге, когда Костя возвращается, героиня поспешно оставляет его ради поклонника, наделенного схожими с ней качествами, т.е. «всё, что не на ходулях» видящего «буржуазным и пошлым» [2. Т. 5. С. 385]. Она фактически предпочла бы видеть своего «женых» мертвым, нежели живым, но не соответствующим ее «возвышенным» представлениям.

Схожая ситуация в рассказе «Обыкновенное семейство», где героиня по имени Феофания Ларионовна, «в просторечьи Фофочка», объявляет себя влюбленной в брата своей подруги Кирилла тогда, когда он решает идти на фронт добровольцем. Рассказчик подчеркивает в натуре героини «вздорность», искусственную ажитацию, постоянное стремление кого-то из себя разыгрывать: «Фофочка следила за модою и потому менялась почти каждые три года, а то и чаще, но на все фасоны умела накладывать какой-то свой фасончик, отчего все выходили скверными, а иногда и прямо оскорбительными, когда ее увлечение коверкало не моду, а искреннее и глубокое стремление. В настоящую минуту Фофочка находилась в неопределенном положении, так как, после того, как она только что приучилась к демоническому образу мыслей, ей сейчас же пришлось перестраиваться на легкомысленный, а теперь как-то непонятно опрощаться (не по-толстовски и не по-

народнически) и чуть ли не обращаться к религиозности. Самым удобным она нашла пуститься в теософию...» [2. Т. 6. С. 260]. В военное время, когда русская армия отступала, все эти ужимки именно что коверкали «искренние и глубокие стремления» – стремление Кирилла пойти в добровольцы, отношение Лизаветы Семеновны к собственному жениху на фронте, чувства отца Кирилла. Патриотизм Фофочка понимает как бессмысленное кипение, проявляющееся в основном в разговорах: «– Что же, по-вашему, русские дома лишены энтузиазма? Возьмите хоть Кискиных: там всё горит, чуть не до драки, с пеной у рта обсуждают и Италию, и Англию, и Японию. Саксонский сервиз разбили, портреты Гёте и Шопенгауэра убрали – вот это я понимаю. А вы, как копчущки в жестянке, – апатичны, систематичны, сонны, будто сами – немцы» [2. Т. 6. С. 277].

Если в «Обыкновенном семействе» «кипение» героини только оскорбляет, а сама она подана отчасти в комическом духе, то в «Волнениях госпожи Радовановой» комизма уже не остается, а «кипение» заканчивается поистине трагически – самоубийством сына героини. Героиня аттестует себя так: «– Я рассуждаю зигзагами! Я не претендую на мужской ум! Слава богу, у меня ум женский, считающийся с сердцем, чувствами. И потом я горю, толкаю, воспаляю – в этом моя жизнь, мое назначение» [2. Т. 6. С. 251]. В итоге ее сын Вася, которому мать не в состоянии уделить внимание среди своих гражданских «волнений», кончает самоубийством, оставляя записку, что «всё ему кажется пустым и фальшивым». То есть с «сердцем, чувствами» госпожа Радованова на самом деле никоим образом не считается, и нарратив отчетливо осуждает «женский ум», столь распространенный у героинь Кузмина.

Госпожа Радованова являет собой не только тип энтузиастки, опасной для окружающих своими фантазиями, но и тип *матери-угнетательницы*, тоже не раз встречающийся в прозе Кузмина (типы персонажей очевидно гибридизируются). Особенно яркие его представительницы – матери в рассказе «Петин вечер» (1915), в незаконченном романе «Талый след» (1917) и повести «Нежный Иосиф» (1909). Рассказ «Петин вечер» имеет комические обертоны, но нельзя не заметить, как мать использует маленького ребенка в своих целях (пугает его, вытаскивая ночью из кровати без всяких объяснений, заставляет няню одеть его и тащит к отцу в кабинет, где между родителями происходит объяснение из-за ее измены, а ребенок оказывается «игрушкой», «плясуном» в ее руках и способом шантажа мужа). Более того, она обещает выбросить все его игрушки, поскольку сама находится в ажитации и хочет на ком-то выместить злость, и заставляет его плакать перед отцом, больно дергая за волосы, чтобы поменять ситуацию, в которой очевидно виновата, в свою пользу:

Мама заплакала, и в ту же минуту Петя почувствовал, что его больно дернули за волосы и чей-то шепот донесся сквозь наушники:

– Плачь, плачь! всё выброшу!

Неужели это мама? она же стоит молча и плачет! Но дергала-то его, очевидно, мама и притом так больно, что Петя в голос расплакался [2. Т. 6. С. 166].

В итоге героиня выходит сухой из воды, ловко манипулируя мужем и сыном.

Полностью лишена комизма ситуация в романе «Талый след». Здесь мать героя после смерти мужа – которого она, судя по всему, сама и убивает – навсегда выкидывает сына из дому. «Первою он заметил маму, ужасную, хотя ничего в ней не изменилось <...>. Он еще раз закричал, раньше чем заметил лежащего на полу отца. Только тогда мать поглядела на мальчика <...> Вошел Назар (тогда уже старик); мать с гадливостью прошептала: “Уберите его, Назар!” <...> Вика не двигался, не воображая, что это он – “он”, которого нужно убрать. Назар взял его за руку и увел. Мальчику показалось, что мать прошептала: “какой ужас” или “какая гадость”. <...> До сих пор всего острее его пронизывает незабываемый голос матери: “Уберите его, Назар!”, и белая, только что вымытая рука, медленно поднятая, которая, как живая, вдруг торопливо спряталась за спину...» [2. Т. 6. С. 432–433]. В «Нежном Иосифе» Екатерина Петровна тоже не жалеет сына, чтобы достичь своих целей, – она убийца, лгуныя, распутница, темная личность, которая идет по головам и остается безнаказанной. Ее сын Виктор, еще подросток, уходит из дому, лишь бы не иметь с ней никакого дела, и она его легко отпускает, даже довольная тем, что его отсутствие поможет ей обделывать свои делишки. Когда же тот забирает некие бумаги, могущие ее скомпрометировать, она готова чуть ли не убить его, во всяком случае обокрасть, лишь бы эти документы вернуть, – и поручает это темное дело Саше Броскину, которому отдается в уплату.

Екатерина Петровна – не только мать-угнетательница: она одна из представительниц типа *зрелой женщины-хищницы* – другого константного типа героинь Кузмина. В «Нежном Иосифе» таких героинь две: другая – купчиха Ольга Ивановна Зыкова, судя по всему, убившая своего первого мужа, чтобы завладеть его богатством и жить по-своему. Иосиф спасается от той же судьбы исключительно потому, что, будучи своего рода «блаженным» (за что его и любят окружающие), решает отказаться от своего состояния и нового наследства в пользу жены – а самому уехать в Рим, куда вообще часто уезжают герои Кузмина и который представляется своего рода «финальной точкой» духовного путешествия, местом, где открываются истина и покой. Такой тип героинь – женщины-убийцы и распутницы, лишенные всякого нравственного чувства, ведомые исключительно желанием хорошо устроиться в жизни и на своем пути уничтожающие мужчин – как мужей, так и любовников и сыновей. В некоторых, более «легких», случаях это женщины, конкурирующие с собственными дочерьми, – как в рассказе «Опасный страж» (1910). Здесь мать семейства Лидия Петровна, якобы заботясь о благополучии дочери Верочки, фактически становится третьей в ее романе с Сергеем Павловичем Павиликиным: «Она с несколько неожиданным жаром предалась своей роли, стараясь узнать, что встретит Верочкино чувство <...>. Вероятно, ни одна ревнивая жена, следящая за ветреным мужем, ни одна стареющая любовница, что старается сохранить слишком юного возлюбленного, ни одна влюбленная институтка <...> никто из них так не искал

встреч, уединенных tête-à-tête'ов и задушевных намеками разговоров, как делала это любящая мать на страже» [2. Т. 3. С. 468]. Лидия Петровна доходит до того, что перехватывает письмо Павиликина Косте Гамбакову, где тот говорит о своих истинных чувствах к дамам Хвостовым, и открывает его содержимое дочери, тем самым разрушая ее возможное счастье – пусть и «слепое» (за день до того Сергей Павлович сделал ей предложение). По-видимому, она делает это из обиды – в письме Косте Павиликин называет себя «альфонсом старухи Хвостовой». Таким образом, мать здесь конкурирует с собственной дочерью и прикрывается ее интересами, тогда как, по сути, занята только собой.

Стареющая женщина, гонимая за равнодушным к ней юношей, составляет еще один постоянный женский тип в прозе Кузмина. Условно можно назвать его «*женой Потифара*», имея в виду ветхозаветный прототип: ситуация неудавшегося соблазнения, за которым следует месть, является магистральной в сюжетах с участием таких женщин. У Кузмина их множество в разных антуражах – например, в восточном это вдова Ноза из повести «Путешествие сэра Джона Фирфакса по Турции и другим примечательным странам» (1909) («...нежность и настойчивость влюбленной вдовы всё усиливались, но я под разными предлогами уклонялся от страстных ласк...» [2. Т. 3. С. 419]), а в российском и современном Кузмину – Сандра Яковлевна в «Княгине от Покрова» (1918) («Она ясно видела в зеркале пожилую женщину, правда, с прекрасными глазами, но которую завтра можно будет назвать старухой, рядом с красивым, но безнадежно вульгарным молодым человеком...» [2. Т. 2. С. 424]) или Варвара Павловна в рассказе «Те же глаза» («Незадолго до смерти мужа она изменила ему с человеком моложе ее самой, пустым и нечестным. <...> Он всё вспоминал о несчастной влюбленной женщине, размякшей, с дергающимся ртом...» [2. Т. 5. С. 424, 428]); правда, во всех перечисленных случаях мужские персонажи – далеко не добродетельные Иосифы. Даже Марья Дмитриевна в романе «Крылья» (1906) – казалось бы, женщина очень религиозная, староверка, обнаруживающая в Ване родственную «младенческую» душу, и при этом персонаж, которому приписаны важные размышления о любви, по многим пунктам весьма близкие самому Кузмину, – обнаруживает свою слабую женскую природу, покушаясь на Ваню:

...она обняла Ваню и стала целовать его в рот, глаза и щеки, все сильнее прижимая его к своей груди.

Ване, сразу отрезвевшему, стало жарко, неловко и тесно, и, освободившись от объятий, он тихо повторял совсем другим уже голосом:

– Марья Дмитриевна, Марья Дмитриевна, что с вами? Пустите, не надо!

Но та все крепче его прижимала <...>

– Да пусти же меня, противная баба! – крикнул, наконец, Ваня и, отбросив со всей силой обнимавшую его женщину, выбежал вон, хлопнув дверью [2. Т. 3. С. 147].

Марья Дмитриевна соединяет в себе с отмеченным типом «жены Потифара» еще и тип, который можно условно обозначить как «*блаженная*», под-

дающаяся плотскому искушению. Очень близка ей староверка Марина в повести «Нежный Иосиф»; она, как может, пытается противостоять своему влечению к Иосифу, который очень похож на ее умершего мужа. Она добровольно стремится к тихому умиранию, но незадолго до смерти признается: «...все равно умирать... скажу вам сегодня для такого дня. Я люблю вас, Иосиф Григорьевич, крепко люблю, не как брата, а как бы мужа, если б он жив был, любила» [2. Т. 3. С. 367]. Другой вариант того же типа – «святая блудница» Устинья в романе «Тихий страж» (1915): «...и она богомолка, и она девица, и четверо детей растут. Сама на клиросе псалтырь читает, а об амурных делах начнет говорить, так хоть святых вон выноси» [2. Т. 5. С. 13]. Причем она не «тартюф в юбке», а искренно соединяет в себе эти, казалось бы, противоположности: «Очень трудно с телом бороться, да я не знаю, и нужно ли. Ведь это такие пустяки, а на то, чтоб себя удерживать, уходят силы. <...> Все дни, все часы, все минуты он (человек. – В. З-О.) мыслит о том, от чего соблудности себя желает. <...> Уж лучше тогда сделай – и позабудь; вот ты и покойна» [2. Т. 5. С. 33–34]. Это женщина могучего темперамента, которая считает, что подавление полового инстинкта ведет к одержимости сексом, и единственный способ обрести покой и Бога – это отделить телесную сферу от духовной.

Женщины у Кузмина вообще *блудницы* по своей сути (что, конечно же, являет собой типичный мизогинный топос), не способные удовлетвориться одним мужчиной. Характерна, например, фигура Манто из «Повести об Елевсиппе, рассказанной им самим» (1906). Герой выкупает Манто из публичного дома и женится на ней, но она несчастна: «Я знаю, что я – неблагоприятное и дурное создание, но я так не могу дольше жить, привыкшая к той жизни <...> дай мне уйти назад» [2. Т. 3. С. 240]. По доброй воле и без особенной надобности продают себя героини повестей «Приключения Эме Лебёфа» (1907) и «Путешествие сэра Джона Фирфакса...». Луиза де Томбель совращает Эме, а затем выгоняет его, когда он застает ее со старым графом де Шефревиль; Паска в этой же повести, как и Жакелина Дюфур в «Путешествии сэра Джона Фирфакса...», ведет совершенно свободный образ жизни, сожительствуя с мужчинами и мошенничая. Образ современной блудницы комически подан в новелле «Двое и трое» (1916): муж, приходящий в театр в годовщину смерти жены, обнаруживает там же двоих ее любовников, тоже пришедших вспомнить о ней, причем если романтическая фигура первого его почти не оскорбляет, то второй, «маленького роста, с животиком», пробуждает в нем возмущение – ему тягостна неразборчивость жены: «...ему было горько и стыдно за Вареньку. <...> И зачем только черт принес эту третью чучелу?! Прямо срам!» [2. Т. 6. С. 209]. Совсем иначе, со зловещим отблеском Пиковой Дамы, изображена тетушка Иосифа Александра Матвеевна в повести «Нежный Иосиф». Формально старая дева, на самом деле она имела множество любовников, и сейчас, в довольно преклонном возрасте, имеет «наложника» в лице кучера Пармена. «Мечтая о прошлом», она говорит: «...все они, как до дела дойдет, грубые мужики. И отдать себя навсегда одному! Я не дура...» [2. Т. 3. С. 246]. Она любит

поговорить о скабрезностях, и предметом ее постоянного расстройства остается то, что «лицо раньше всего тела стареется» [2. Т. 3. С. 248].

Рядом с типом блудницы стоит тип *роковой женщины*, поддерживающей в мужчинах самые низменные наклонности. Такие фигуры довольно редки у Кузмина, поскольку он имеет тенденцию скептически относиться к власти женщин над мужчинами в принципе. Но всё же иногда они появляются; самая яркая представительница этого типа – Вероника Чибо из романа «Крылья». Она изображена в паре со своей соперницей Анной Блонской, к которой художник Сергей относится как к «прекрасной даме» – любви духовной, не вызывающей плотского желания; напротив, Вероника – воплощенная власть плоти. Она изображена даже не слишком привлекательной, но имеющей неотразимое влияние как на мужчин, так и на женщин; это «небольшая женщина с ярко-черными волнистыми волосами, стоячими белесоватыми огромными глазами на бледном, не нарумяненном лице, с густо-красным, большим ртом, в ярко-желтом, вышитом золотом платье <...> Ваня машинально слушал рассказы о похождениях этой Вероники Чибо, где сплетались разные имена мужчин и женщин, погибших через нее» [2. Т. 3. С. 161].

Описание ее внешности напоминает одновременно вампирессу и ведьму (определение глаз как «стоячие» характерно у Кузмина для женских фигур, соотнесенных с потусторонностью). По мнению окружающих, она «просто – поганая баба, – и самые грубые названия слышались из уст корректных кавалеров, глядевших с желанием на <...> русалочки развратные глаза на бледном лице» [2. Т. 3. С. 161]. В итоге Вероника побеждает Блонскую, даже не вступая в борьбу за художника, и тот уезжает с ней на верную «погибель»:

– Сережа, опомнитесь! Вернемся, ведь вы погибнете, не только как художник, но и вообще!

– Что тут говорить? Поздно поправлять, и потом я так хочу! – вдруг почти крикнул художник [2. Т. 3. С. 163].

Вероника Чибо рождает у тех, кто подпадает под ее власть, страсть к саморазрушению, но не убивает собственными руками. Но есть у Кузмина и тип *женщин-убийц – вампиресс и ведьм* – в прямом смысле слова. Таковы несущие мужчинам гибель своими руками героини рассказов «Нечаянный провиант», «Неразлучимый Модест», сказки «Рыцарские правила», «декамероновской» новеллы «Мачеха из Скарперии», повести «Путешествие сэра Джона Фирфакса...». В «Нечаянном провианте» (1910) и «Неразлучимом Модесте» (1918) героини убивают мужчин из ревности. Первый из этих двух рассказов организован по принципу вставной и рамочной истории. В «рамке» повествование ведет незнакомец в вагоне, некогда монах; он рассказывает, как в монастырь приехали «старая старушка и молодая барыня» в тяжелом душевном состоянии. Когда они отбыли, выяснилось, что в привезенном ими и брошенном в монастыре мешке с замороженным «провиантом» находится расчлененное тело мужа этой барыни: «Потом в газете уже прочитали, что это был Петр Прохорович, которого из ревности жена его,

Зинаида Павловна, убила, разрезала, заморозила и с собою недели три возила, пока до нас не довезла» [2. Т. 3. С. 460]. Особенно любопытно, что рассказчик, бывший монах, подпал под власть этой страшной женщины:

– Вы все-таки ведь ее искали и теперь ищите?

Еле слышно тот прошептал:

– Может быть [2. Т. 3. С. 461].

Героиня рассказа «Неразлучимый Модест», купчиха Васса Петровна, убивает изменившего ей возлюбленного иначе – колдовским способом, заказав сорокоуст за упокой его души, притом что он еще жив. Таким образом она как бы переводит его из разряда живых в разряд мертвецов; Модест Несторович попадает под автомобиль рядом с ее домом и погибает. Более того, он теряет волю – в последние минуты, перед тем как впасть в смертельное забытие, он говорит Вассе Петровне: «Да <...> неразлучимо твой. Я так устал» [2. Т. 5. С. 204].

Страстная любовь перерождается у некоторых героинь Кузмина в стремление к уничтожению объекта любви – по принципу «не доставайся же ты никому». Так происходит с Валерией в новелле «Мачеха из Скарперии» (1916), которая влюбляется в своего пасынка Нарчизетто, равнодушного к ней. Эта героиня, спроецированная одновременно на Федру и на Изабетту из пятой новеллы четвертого дня «Декамерона», подсылает к пасынку убийцу, который отрезает ему голову, и Валерия хранит ее в горшке с базиликом, а когда правда открывается, она вешается на своей рыжей косе.

Кстати, рыжий цвет волос, традиционно считающийся ведьминским, отличает и Стефанию в «Путешествии сэра Джона Фирфакса...». Это тоже красавица, чья обманчивая внешность таит угрозу смерти для связанных с ней мужчин. Джон едва избегает гибели, когда пробирается к ней в дом, околдованный ее красотой: «...она предложила мне поцеловать ее, но с тем условием, что я позволю себя привязать к дереву <...>. Когда я согласился и гречанка крепкой веревкой привязала меня к дубу, она вместо того, чтобы приблизиться ко мне, отбежала и, смеясь, сказала, что сейчас придет ее муж <...>. И она вложила в руку старика длинный кинжал, но грек, схватив оружие, закричал на жену: “Подлая колдунья! ты думаешь, я не знаю, что всё это значит? Ты заманиваешь для проклятого колдовства юношей, пользуешься их молодостью и хочешь, чтоб я проливал их кровь?!”» [2. Т. 3. С. 412–413]. Назовем среди представительниц названного типа еще Эдиту в сказке «Рыцарские правила» (1914): юный рыцарь Ульрих спасает от смерти прекрасную собой даму, а потом узнает, что «эта Эдита – не дама, а просто, простите, чертовка. Она пятерых мужей отравила, ростовщица и мошенница, да к тому же и колдовством занимается» [2. Т. 4. С. 99].

Следующий женский тип, характерный для прозы Кузмина, – это *невеста с того света*, тоже несущая гибель влюбленным в нее мужчинам. В отличие от персонажей предшествующего типа, у таких героинь нет злого умысла, тем не менее они оказываются смертоносными для героев. Такова Альбина, героиня «римского рассказа» «Невеста» (1915), которая приходит к своему жениху Семпронию через пять дней после своей смерти, и эротический акт с нею становится для героя смертным приговором:

Вдруг она укусила его в шею больно и сразу ослабла.

– Жизнь моя, Семпроний, жизнь моя.

Странная слабость напала и на Семпрония <...> он лежал сам без чувств <...> [2. Т. 2. С. 468–469].

Схожий сюжет разыгрывается в новелле «Тень Филлиды» (1910): здесь героиня, любовь которой отверг ее возлюбленный Панкратий, стремится во что бы то ни стало вызвать ответное чувство и ради этого притворяется, будто совершила самоубийство. Однако в финале выясняется, что самоубийство таки имело место, и, когда Панкратий, действительно, отвечает на любовь Филлиды, оказывается, что он совершил любовный акт с мертвой. Хотя о дальнейшей судьбе героя не сообщается (лишь о его ужасе, когда он видит «трехнедельное тление на ее челе»), легко предположить, что преступление священной границы между жизнью и смертью, пусть и невольное, не пройдет для него даром. Близка к этому женскому типу и таинственная Розалия из новеллы «Смертельная роза» – до конца непонятно, жива она или мертва, но, во всяком случае, маленькая дочь влюбленного в нее композитора предупреждает отца, что это «страшная» женщина, и предостерегает его от любви к ней, которая его погубит; между тем спутник Розалии заказывает композитору похоронную музыку.

Еще один губительный для мужчин женский тип у Кузмина – тип *амазонки*, воительницы. Хотя амазонки как таковые появляются у него довольно редко, Кузмин снабжает эпитетом «амазонский» тех женщин, которые ни во что не ставят мужчин и считают женский пол неизмеримо выше мужского. Такова, например, мать семейства в рассказе «Ванина родинка» (1916): «Сама – вдова, не чаявшая души в Сонечке, Вареньке и Катеньке, она была убеждена, что мир существует только для женщин <...>. Лишенные чрезмерного фанатизма матери, и дочери смутно разделяли эти амазонские взгляды, и в доме Комаровых и прославлялось, и воспевалось, и утверждалось лишь вечно-женское, как перл единственный создания. Мужчины могли только получать жалование, хорошо грести и править, когда катаются барышни, охотиться и танцевать, но вы бы несказанно удивили и оскорбили этих милых дам, спросив, например: “красив ли соседний реалист?” <...> Такой вопрос, когда есть сонм подруг и, наконец, три розы!?!» [2. Т. 3. С. 474].

Типологически близкие амазонкам (в качестве вариантов типа воительницы) валькирии пародийно упоминаются в рассказе «Завтра будет хорошая погода» (1915), где с этим образом связывается представление о силе, энергии, упрямстве и – что принципиально – способности «перебороть» мужчину: «...она была года на полтора старше моего друга, имея при русской широте и смелости какую-то не русскую настойчивость <...>. Если б дело пошло на то, кто кого переупрямит, то было бы еще неизвестно, кто одержит верх <...>. При том, она обладала завидною энергиею и, казалось, была рождена вдохновлять на геройские подвиги и великие произведения. Хотелось ее представить себе в виде рослой валькирии с какого-нибудь немецкого полотна, которая одною рукой поддерживает героев в шлемах и звериных шкурах, а дебелою шуйцею указывает на вдохновительную даль...» [2. Т. 4. С. 158].

В своем «натуральном» виде воительницы появляются у Кузмина дважды – в поэме «Всадник» (1908), где это «девица-муж» Браманта, призывающая героя вступить с ней в отношения «любви-ненависти» («Скуем любви союз и ненависти звенья!» [2. Т. 1. С. 165]), и в романе «Подвиги Великого Александра» (1909), где действуют собственно амазонки. Кузмин умножает детали, призванные вызвать отвращение читателя и показать этих женщин как «ухудшенный», «сниженный» вариант мужчины: «мужеподобие», короткие волосы, «грубые, хриплые голоса» и, конечно, запах «козлиного пота» – и это при том, что амазонки в исторических и литературных источниках обычно изображаются в героико-романтическом духе [6. С. 372–387]. Благодаря специфической соотнесенности эпизода с амазонками и эпизодов с Кандакией, девой Горгонией и царицей Роксаной (все эти фрагменты характеризуются эротическими домогательствами женщин к Александру, которые с равным отвращением героем отвергаются), амазонки предстают в «Подвигах Великого Александра» как женщины, ничем принципиально от других не отличающиеся, а отношения с ними – как один из вариантов явственно «несовершенной», профанной любви (в противовес отношениям героя с Гефестионом). Тем самым Кузмин как бы «снимает» специфику образа амазонки и, шире, воительницы вообще. Если у других авторов русского модернизма воительница противопоставлена «нормальным», «обычным» женщинам, то Кузмин отказывает ей в какой-либо исключительности.

Далее, в прозе Кузмина возникает еще такой специфический женский тип, который можно условно обозначить как «Анны Минцловы», – то ли они шарлатанки, то ли настоящие оккультистки, но, во всяком случае, фигуры темные, угрожающие, противопоставленные «живой жизни» и ее маленьким радостям. Сам Кузмин, как известно, испытал влияние Анны Рудольфовны Минцловой; как пишут Н.А. Богомолов и Дж. Малмстад, «сколько мы можем судить по опубликованным и не опубликованным при жизни текстам Кузмина, он довольно скептически относился ко всякого рода теософическим, оккультистским, масонским и тому подобным концепциям. Однако личность Минцловой, связавшись с его собственными переживаниями этого времени¹, произвела на него очень сильное впечатление» [7. С. 218]. Но уже в 1908 г. «он решительно уходит от попыток приобщиться к оккультизму, по-прежнему прокламировавшемуся в кругу Иванова А.Р. Минцловой, и даже в тех случаях, когда еще по старой памяти пускает мистический опыт в ход, это уже становится лишь игрой, которой он сам забавляется тем больше, чем больше в нее верят другие» [7. С. 231–232].

Как Минцлова пыталась подчинить своей воле Вяч. Иванова, особенно после смерти его жены Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, так ее навязывают окружающим и героини романа «Покойница в доме» (1914) Елена Артуровна и Софья Артуровна Ламбер. Они неожиданно появляются в доме Прозоровых после смерти матери семейства и претендуют на то, что способны слышать

¹ Речь идет о 1907 г.

желания своей умершей сестры. Они «обрабатывают» прежде всего вдовца (которого Софья Артуровна склоняет жениться на ней) и его дочь Екатерину Павловну, которая являет собой редкую у Кузмина фигуру положительной героини. Положительность ее состоит в природной веселости, решительности и жизнелюбии, которые всячески пытаются вытравить из нее зловещие тетушки. Катя изо всех сил сопротивляется их тягостному влиянию, ощущению «покойницы в доме», которое они навязывают, но временами теряет способность им противостоять: «...как ни бодрилась Екатерина Павловна, какая-то отравка в ней оставалась. Какая-то серая и липкая муть вошла в ее душу, и казалось временами необходимым встряхнуться, омыться в светлых и звонких струях всегда молодой жизни, отогнать от себя настойчивое воспоминание о белесоватых глазах, одутловатых бледных лицах и хромящей походке сестер Ламбер, об их странных, то нелепых, то таинственных словах...» [2. Т. 4. С. 24].

Интересно, что нарратив не ставит вопроса о том, действительно ли сестры обладают оккультной силой: некоторые события романа можно трактовать как в пользу этого предположения, так и против него. Как кажется, для Кузмина в принципе неприемлемо заглядывать за завесу жизни – противоестественно, опасно (как показывает судьба отца и сына Вейсов, поддавшихся влиянию сестер Ламбер), да и просто противно. Заканчивается роман вполне духоподъемно – Кате удастся сбросить с себя морок:

Катенька перечла письмо два раза и сказала ожидавшей горничной:

– Ответа не будет. Извинитесь перед Еленой Артуровной и скажите, что я очень устала и ложусь спать. А мне принесите холодной воды.

Потом, открыв окно в прозрачную зеленую ночь, она сказала громко:

– Пусть никогда не угаснет во мне дух жизни! [2. Т. 4. С. 87].

К тому же типу оккультных дам принадлежит Ревекка Вельтман в повести «Двойной наперсник» (1908), хотя ее образ и лишен пугающей силы Елены Ламбер. Но она тоже обладательница «белесоватых глаз» (негативный признак у Кузмина), «медленной, слегка прихрамывающей походки», гипнотизирующей манеры: герой, Модест Брандт, «шагая по узкой пустынной набережной, думал о белых огромных глазах Ревекки, ее всегда черном, всегда шелковом платье, ее собраниях, ее чем-то таинственных, чем-то влекущих словах, теплых, несколько полных полулюбовных, полуматеринских руках и груди, медленной прихрамывающей походке...» [2. Т. 6. С. 309]. Когда Модест начинает освобождаться от ее власти (прежде всего – женской) и влюбляется в Анастасию Веткину, «вещая сивилла» превращается просто в ревнивую мегеру, почти ведьму, хоть и пытается прикрываться потусторонними материями:

– Я люблю Веткину, – ясно повторил тот. <...> Она вскричала гневно и горестно:

– Несчастный! Я проклинаю вас, я отлучаю вас, я предаю вас Сатане. Через три дня вы умрете жалкою смертью, клянусь, телесною смертью, духовно же вы уже погибли. <...> Вот я даю вам смерть!

Она дунула на него всем существом, и белыми глазами, и грудью, и широким лицом [2. Т. 6. С. 322].

Но ничего не случается, и Ревекка вновь приходит к нему – уже с просьбой делить себя между нею и Веткиной. «Боже мой, ведь вам же сорок семь лет!» – оскорбительно для героини (которая, конечно же, соединяет с типом оккультной дамы и тип «жены Потифара») реагирует Модест.

Еще один женский тип Кузмина, очень распространенный, – это *девицы, гоняющиеся за женихами*, которые ими не интересуются. В отличие от «жен Потифара», речь идет о девицах, притом из «приличных» семей; их главная цель не столько эротическая, сколько матримониальная. Таковы, например, Ната в «Крыльях», Настя Гамбакова в «Кушетке тети Сони», Леля в «Нежном Иосифе». Они либо действительно не замечают, либо просто не желают замечать, что мужчины, намеченные в качестве брачной цели, ими не интересуются – и зачастую, кстати, потому, что увлечены мужчинами, как Штруп в «Крыльях», влюбленный в двоюродного брата Наты Ваню, или Сергей Павиликин в «Кушетке...» (1910), который находится в эротических отношениях с братом Насти Костей. Если матримониальные планы таких героинь всё же увенчиваются успехом, их замужняя жизнь оказывается незавидной – мужья так же продолжают свои похождения, героини же стараются их по-прежнему не замечать: такова судьба Насти Гамбаковой, как она показана в рассказе «Охотничий завтрак» (1910). Нарратив явно отмечен иронией по отношению к добровольной слепоте этих девиц и к тому, что цель выйти замуж «перекрывает» в их глазах реальность и реальные чувства.

Особенно любопытен рассказ «Синий ридикюль» (1916), где героиня-невеста обнаруживает, что у ее жениха была или даже есть содержанка. Катя стремится познакомиться с ней, чем крайне недовольны и ее жених, и ее брат: «Кате так самой понравилось быть чистой, идеалистически, несколько по-старомодному настроенной, что ей было тягостно перенести что бы то ни было, что хотя бы малейшим образом могло нарушить то идеальное состояние, ту позицию счастливой невесты, которая теперь стала казаться ей необыкновенно привлекательной. Не вполне выясненная история с Солнцевой томила Катину душу, и Лобанчикова захотела сама развязать этот последний узел, притом развязать так, чтобы не выйти из взятого тона, то есть возвышенно, идеально и благородно» [2. Т. 6. С. 186]. Пребывая в этих фантазиях, Катя назначает Солнцевой встречу, в ходе которой «благородно» собирается «отдать» ей своего жениха, но та понимает внутреннюю оскорбительность всего этого разговора: «Идите прямо домой, выходите замуж и живите с Богом, а всякие истории оставьте – это будет для всех лучше: и для вас, и для Алексея Ивановича, и для меня» [2. Т. 6. С. 189]. В итоге Катя, которая, казалось бы, совершила желаемый благородный поступок, не чувствует никакого облегчения – более того, она начинает смутно ощущать завистливость своей роли и будущей жизни и, видимо, не осознавая стремления поменаться с любовницей своего жениха местами, предлагает ей обменяться сумочками.

Помимо добровольной слепоты, героиня «Синего ридикюля» отмечена еще и стремлением навязать жениху свою волю – примечательно, что его она вообще ни о чем не спрашивает, в том числе тогда, когда собирается

«отдать» его сопернице, которая замечает: «...Алексей Иванович не вещь, которую можно передавать из рук в руки. Едва ли он согласится, чтобы вы мне его уступили» [2. Т. 6. С. 188]. Эта склонность обращаться с мужчинами, как с вещами, вообще отличает героинь Кузмина, к какому бы типу они ни принадлежали. (Любопытно, что Кузмин не замечает: он просто инвертирует то положение дел, которое веками существовало в отношении женщин, а именно лишение их субъектности, отношение к ним как к вещи. То, что возмущает его применительно к мужчинам, даже не фиксируется им применительно к женщинам.)

Своего рода противоположностью героинь, стремящихся навязать мужчинам собственную волю, являются женские персонажи, относящиеся к типу «*платонической Шарлотты*» (позаимствуем название одного из рассказов Кузмина). Это персонажи, добровольно предающиеся иллюзиям по поводу любимого мужчины и согласные на любую, самую скромную роль, лишь бы присутствовать в его жизни. Своей жизни они как бы не имеют, отказываются от нее – и это имплицитно осуждается Кузминым. Такова героиня рассказа «Решение Анны Мейер» (1910), которая, увидев в Летнем саду двух офицеров, влюбляется в одного из них, ничего о нем не зная, следит за ним, нанимается в няни к детям сестры своего «возлюбленного» и начинает с ним переписку, признаваясь в любви. Она даже получает ответы на свои письма, хотя в реальности ничего как будто не меняется. Однажды она узнает, что на ее письма отвечает второй офицер. Но даже узнав правду и решив выйти замуж за давнего и не нравящегося ей поклонника, Анна просит офицера отвечать ей и дальше на письма, как раньше: наутро после свадьбы «Анна прошла в кухню и, сев за кухонный стол, начала писать быстро, как ранее обдуманное: “Милый друг, моя любовь к вам остается непоколебимой...”». Писала она долго, временами вздыхая и сладко улыбаясь» [2. Т. 3. С. 84].

Добровольное пребывание в иллюзиях характерно и для заглавной героини рассказа «Платоническая Шарлотта» (1915): влюбившись в Илью Петровича и всецело посвятив ему свою жизнь («...платонически любить значило: вставать чуть свет, бегать самой на рынок, ходить с Песков на Морскую за какими-то особыми французскими булками, относиться с благоговением к минутам, когда Илья Петрович поправлял ученические тетрадки, пришивать ему пуговицы и штопать носки и, главное, находить во всем этом источник не очень разнообразных, но неистощимых удовольствий» [2. Т. 4. С. 150]), она лишается положения «приличной» девушки, отказывает влюбленному в нее студенту выйти за него замуж и в итоге узнает, что Илья Петрович выгодно женится: «...наши отношения, которые мне так дороги, останутся такими же. Ведь между нами – платоническая любовь, которая ничего не требует и счастлива тем, что другой существует. Не так ли? Илья Петрович еще раз дружески пожал руку ничего не говорившей Шарлотте Ивановне и вышел...» [2. Т. 4. С. 157]. Рассказ заканчивается безмолвной и неподвижной позой героини, которая, с одной стороны, находится в шоке от

краха своих иллюзий, а с другой – продолжит, по-видимому, их культивировать и в изменившихся условиях. Так, по крайней мере, поступает героиня рассказа «Остановка» (1915): англичанка мисс Брайтон, служащая чем-то вроде гувернантки у молодой девушки, влюблена во Владимира Петровича, ее брата; случайно выясняется, что он имеет любовницу французенку и, кроме того, собирается жениться на приличной девушке своего круга. Французенка реагирует трезво, хотя и несколько цинично («...дела – делами, любовь – любовью...»), тогда как англичанка, оставаясь «фантазеркой», говорит: «...а я, что же? Я не изменюсь, конечно! Ведь я не ищу никаких прав, я просто люблю!» [2. Т. 4. С. 244]. Но Кузмин проводит грань между «просто любовью», которая, в его системе координат, и есть единственная настоящая любовь [8. С. 220–221], и фантазиями, не имеющими под собой почвы: любовь у него либо взаимна, либо неистинна, либо убийственна для объекта любви.

Фантазии и склонность к драме, к резким аффектам подрывают не только чувство любви у героинь Кузмина, но и их способность понимать искусство, что, по мнению писателя, составляет еще один типичный женский «грех». Таким образом, еще один тип его героинь – это *женщины, не понимающие искусства*. Среди подобных героинь нужно назвать, например, Фанни из новеллы «Портрет с последствиями» (1916). Возлюбленная талантливого художника, она изображена на его полотне «Женщина с зонтиком», которое пользуется огромным успехом на выставке. Но, сидя и любящая сама собой, героиня вдруг слышит суждение одной дамы: «Картина, безусловно, прекрасна, но какая противная изображена особа, вульгарная кривляка. Она воображает, что тут есть усталая чувственность, загадочность, демонизм! Ничего подобного: одна поза» [2. Т. 5. С. 209].

Это суждение заставляет саму героиню переменить свое прежде высокое мнение о портрете, и она требует от возлюбленного снять его с выставки. Когда тот отказывает, она разрывает отношения. В неожиданном финале новеллы выясняется, что истинное мнение дамы на выставке совсем иное: «Мне почему-то показалось смешным, что [она] сидит и смотрит на собственный портрет, и мне захотелось ее подразнить. Конечно, шалость. <...> Если она понимает искусство, умна и любит художника, конечно, она поймет, что я говорила вздор...» [2. Т. 5. С. 213]. Таким образом, шалость разрушает отношения художника и его возлюбленной – но только потому, что Фанни не понимает искусство, не умна и не любит художника.

Другая героиня такого типа – Варвара Павловна Свечина в рассказе «Слава в плюшевой рамке» (1916). Герой рассказа Виктор Карпинский – «поэт и мечтатель», его музой выступает Варвара Павловна, его дальняя родственница, в которую он влюблен: «...ее внимание к его таланту (она всегда говорила “гений”), вообще любовь к искусству, неплохое, несколько дамское исполнение музыкальных вещей, которые завтра должны сделаться модными, всемирно известными, – всё <...> пленяло Карпинского...» [2. Т. 6. С. 213]. Но постепенно его начинает смущать именно ее склонность к модному искусству, к «слишком внешней» стороне его труда, к мысли о

славе и деньгах, которые его ждут в будущем. Окончательный перелом происходит тогда, когда в ресторане Свечина аплодирует знаменитому романисту Викентию Брысю, который пользуется, по выражению героя, «кабацкой известностью». Его коробят «какой-то скорбный восторг», слезы, с которыми смотрит Свечина на этого бесталанного человека: «он просто чувствовал себя разбитым, уничтоженным, будто у него отняли какую-то очень дорогую ему вещь...» [2. Т. 6. С. 220], а именно – источник вдохновения и чувство любви. Возвращает ему способность к творчеству знакомство с молодым писателем, который восхищается его книгой: лишь признание равных составляет «прекрасную, настоящую славу» для человека искусства.

В ряду героинь, не понимающих искусства и тем оскорбляющих художника (писателя, композитора), убивающих его любовь, стоит и Анна Павловна в повести «Шелковый дождь» (1918). Возлюбленная талантливого композитора Лугова, она настаивает на своей любви к романсу «Шелковый дождь», который она воспринимает как подходящий звуковой фон к «легким, глупым, но понятным и милым мечтам» [2. Т. 2. С. 395]. Лугов оскорблен ее непониманием и сам исполняет романс: «Куда девались легкость, певучая легкомысленность и искренняя, правда, несколько слишком доступная, чувственность? Все грубее и грубее звучал мотив <...> будто играющий снимал дешевые тряпки с модницы, обнажая нескладное, вульгарное и стыдящееся тело» [2. Т. 2. С. 404]. Впоследствии выясняется, что романс сочинил в молодости сам Лугов; теперь, пройдя путем искусства гораздо дальше, он стыдится его – а убедившись, что у его возлюбленной нет вкуса, теряет любовь к ней: «Как бы ни нравилась мне женщина, как бы телесно я ни был к ней привязан, по-настоящему полюбить я могу только тогда, когда лучшие мои стремления могут быть поняты теми, кого люблю» [2. Т. 2. С. 411]. Сама же героиня искренне не понимает, что произошло, и приписывает произошедшие перемены ревности художника к ее юному поклоннику Фэзи, чья влюбленность ей нравится; фактически она любит только самое себя, о чем свидетельствует, в частности, сцена перед зеркалом: «Она долго смотрела на свою голую руку у локтя, улыбаясь <...> тихонько поцеловав свою ладонь, рассмеялась, глянула боком опять <...> на свое отражение» [2. Т. 2. С. 398]. О ее самовлюбленности догадывается Лугов, увидев ее легкомысленное отношение к Фэзи: «И опять уже новые сомнения зародились в голове у Лугова, может ли понять его искусство, и всякое, человек, который проходит мимо настоящей любви, даже не замечая ее» [2. Т. 2. С. 419].

В тех же случаях, когда «творцом» выступает сама женщина, Кузмин высмеивает уже не ее непонимание чужого искусства, а способность к творчеству (неверие в женские творческие способности – стереотип маскулинного гендерного порядка [9. С. 126–155]). Так, в новелле «Исполненный совет» (1918) изображена писательница-эмансипе, в жизни которой подчеркивается контраст между реальностью и ее писаниями («...чем пыльнее и грязнее было вокруг нее, чем больше к ней приставали с хозяйственными невзгодами, тем больше ей хотелось выводить в своих повестях богатых молодых великосветских людей со сложными эротическими переживаниями,

изысканных, свободных и современных» [2. Т. 5. С. 215]) и которая навязывает себя молодому любовнику. «Как писательнице ей часто приходилось отвечать разным неизвестным корреспондентам, там более что романы ее затрагивали вопросы по большей части любовные или семейные» [2. Т. 5. С. 213]; однажды она дает письменный совет молодому мужчине, который полюбил девушку и не знает, как порвать с «прежней любовью к пожилой женщине», «отбросить ненужную жалость» и «быть откровенным и смелым до конца» [2. Т. 5. С. 216]. Когда же выясняется, что этот совет она дала собственному любовнику, вся ее бумажная решительность испаряется. После разрыва она ищет утешения в писании: «И, взяв перо, большими буквами написала: “Глава восьмая”» [2. Т. 5. С. 221]. Очевидно, Кузмин высмеивает здесь беспочвенность, поверхностность и иллюзионизм женского творчества – точнее, то, как он это творчество видит.

Наконец, обозначим еще один тип женских персонажей Кузмина – это *девушки-калеки*, не-совсем-женщины, которые как бы лишены телесности, претензий на взаимную любовь к мужчине («Меня никто полюбить не может», – говорит Соня в «Нежном Иосифе» [2. Т. 3. С. 263]) – и потому терпимы автором. Таковы Соня в «Нежном Иосифе» и Люба в «Тихом страже» – героини, спроецированные на женских персонажей Ф.М. Достоевского, прежде всего на Лизу Хохлакову из «Братьев Карамазовых», отчасти на юрродивую Хромоножку в «Бесах». Это героини, питающие глубокую, неэгоистичную и чистую, спасительную любовь к Иосифу и Павлуше соответственно. В «Нежном Иосифе» Соня отправляется вместе с Иосифом и Андреем Ивановичем Фонвизиним в Рим, создавая с ними духовный союз: «Все любившие и любящие с вами, – сказал Фонвизин и поцеловал обоих в губы» [2. Т. 3. С. 380].

Но, как только любовь такой героини получает надежду осуществиться в земном плане или обретает хоть какой-то намек на телесность, она оказывается брошенной. Так, Павлуша, поцеловав исцелившуюся Любу и с ужасом осознав свое влечение к ней, якобы оскорбляющее души обоих, покидает ее. Основным маркером становится претензия героини на обладание героем; поэтому калека Феклуша, являющаяся в то же время богатой невестой и ищущая приобрести себе мужа, изображается в «Нежном Иосифе» такой гадкой: «В двери, подпрыгивая и семеня ногами, вошло небольшое существо в ярком платье и платке поверх кокетливо растрепанной прически, оно шипело и делало приветственные жесты маленькими ручками, не то танцуя, не то приседая» [2. Т. 3. С. 343].

Совсем редки у Кузмина всецело положительные женские персонажи. Таковы уже упоминавшаяся Катя из романа «Покойница в доме», борющаяся за то, чтобы сохранить в себе «дух жизни», горничная Поля в рассказе «Своему делу мастер» (1915), мужественно и просто воспринимающая известие о потере мужем ног на войне («устройство на уме, не ропот, не бунт, не отчаяние, а крепкая верная любовь и хозяйственность» [2. Т. 4. С. 249]); швейка Ксюша в рассказе «Аврорин бисер» (1916), молящая Бога о том, чтобы «от ее добра другим худа не было» [2. Т. 6. С. 176]; Софья Петровна,

разоблачающая шпиона, в рассказе «Правая лампочка» (1914), а также героини из произведений, чье действие отнесено к далекому прошлому, в том числе легендарному: верная жена Ксанфа Калла из «Рассказа о Ксанфе...» (1913); Лавиния в новелле «Хорошая подготовка» (1916), парадоксальным образом приобретающая себе «верного и спокойного мужа»; Лоренца в «Чудесной жизни Иосифа Бальзамо, графа Калиостро» (1919) – «глупая», но верная подруга и спутница своего мужа; Машенька в повести «Набег на Барсуковку» (1914), не терпящая «маскарада» и иллюзий, а также героини сказок «Дочь генуэзского купца» (1913), беззаветно любящая своего супруга просто за то, что он существует, и «Золотое платье» (1913), где героиня, «не гордая и щедрая сердцем» [2. Т. 4. С. 119], ради спасения родного города отказывается от того, что любит больше всего. На этом список почти исчерпывается. Кроме того, почти в каждом из названных произведений положительная героиня состоит в контрастной паре персонажей: Кате противопоставлены сестры Ламбер, Поле – ее хозяйка, Ксюше – заказавшая платье барышня и пр. Таким образом, счет явно не в пользу положительных героинь.

Может быть, ситуация лучше в другой группе женских персонажей – старшего возраста? Но и *старух* Кузмин изображает весьма нелицеприятно. Вспомним, например, Матильду Петровну из «Тихого стража», ненавидящую побочного сына своего умершего супруга – Павлушу, так сказать, ангела-хранителя ее собственного сына, буквально готового отдать за него свою жизнь. Правда, перед смертью, когда рядом с ней остаются только Павел и Валентина, а ее сын задерживается у любовницы, она осознает свою неправоту перед Павлом: «<...> прости... Была зла... Теперь вижу... Благодарю...» [2. Т. 5. С. 82]. Отравляет жизнь своей семье бабушка Маргарита из одноименного рассказа (1916), вечно всем недовольная, счастливая только тогда, когда ждет какого-либо несчастья. Крепко держит в своих руках всю семью тетя Павла, сестра генерала Гамбакова в рассказе «Кушетка тети Сони», доходя порой до тирании – в отличие от своего мягкосердечного брата. В рассказе «Княгиня от Покрова» Нина Яковлевна фактически прогоняет из дому красивую племянницу, оставшуюся без крова над головой и без гроша в кармане, чтобы та не мешала ей «пристроить» собственных непривлекательных дочерей. В «Нежном Иосифе» тетушка героя Александра Матвеевна выступает некой пародией на старуху-графиню из «Пиковой дамы» Пушкина и изображена, как уже говорилось выше, старой развратницей, не считающейся ни с чьими чувствами и пользующейся людьми исключительно ради собственного удовольствия. А безумная Поликсена (на самом деле – Пелагея Николаевна) в рассказе «Балетное либретто» (1917) преследует героя горячечными фантазиями на грани «эротического помешательства».

Не лучше обстоят дела и в «исторически-легендарных» повестях и рассказах Кузмина. Обычно старухи изображаются у него своднями, мошенницами и старыми, а потому еще более отвратительными, распутницами. Так, в рассказе из византийской жизни «Девственный Виктор» (1916) его тетушка Пульхерия, ханжа и лицемерка, готова заплатить за то, чтобы ее

набожного племянника свернули с пути добродетели блудницы и бражники, лишь бы удостовериться в том, что его девственность не проистекает из тайной гомосексуальности. А экономка Фелиция в рассказе «Папаша из дымовой трубы» (1918) просто груба и жестока; она забрала власть в доме над всеми, в том числе над своим хозяином, а также способствовала тому, что мать маленького героя была выброшена из дому и утопилась с горя. В общем, женщины старшего возраста у Кузмина показаны ничуть не лучше молодых; они даже опаснее, ибо в силу возраста, статуса и зачастую богатства у них больше влияния и власти, губительных для окружающих.

Таким образом, анализ конструирования фемининности Кузминым во всем его прозаическом корпусе подтверждает уже выдвигавшийся различными исследователями на частном материале тезис о литературной мизогинии Кузмина [10. С. 104–116; 6. С. 354–387; 1. С. 91]: женщины, действительно, в подавляющем большинстве изображаются им без всякой симпатии и наделяются множеством отрицательных качеств. В этом аспекте кузминского творчества гораздо более выражены константы, нежели эволюция: хотя те или иные женские типы оказываются более или менее востребованы в связи как с внутренними обстоятельствами (скажем, героиня-окультистка появляется в художественном мире писателя примерно с 1908 г., после разочарования Кузмина в мистических концепциях Минцловой, тип староверки-блаженной тоже в основном относится к раннему периоду творчества, когда сам писатель был близок к старообрядцам), так и с обстоятельствами внешними (после начала Первой мировой войны тип энтузиастки, ранее сводившийся у Кузмина к богемным дамам, активно включается им в рассказы с военной тематикой), практически все они спорадически возникают в разных по времени произведениях – им только придаются разные акценты. По-видимому, все эти женские типы складываются в некое общее и весьма неодобрительное представление Кузмина о женщинах, являя собой разные его грани.

Из всего сказанного очевидно, что многие модернистские мифы, связанные с женственностью, у Кузмина подверглись модификации. Те из них, что высвечивали темную сторону женственности, вполне находили у него отражение (типы мертвой невесты, блудницы, вампирессы, демонессы и вообще представление о женщине как несущей опасность и смерть были крайне востребованы у модернистов, проистекая из ключевого текста культуры *fin de siècle*, эсхатологической по своей сути, – Откровения Иоанна Богослова, или Апокалипсиса, с ярким образом «авилонской блудницы», сидящей на Звере), другие же, подчеркивавшие комплементарность женского начала мужскому, напротив, отрицались. Скажем, центральный для модернизма образ андрогина как идеального единства маскулинного и фемининного был Кузмину чужд, и в своих фигурах воительниц, в частности амазонок, писатель довольно зло пародировал его. Откровенное равнодушие, если не неприятие, демонстрировал писатель по отношению к концепции Вечной Женственности и к мифу о Софии Премудрости – при том что он был одним из лучших знатоков гностицизма в эту эпоху [6. С. 369–370, 384–385]. Более

того, он неоднократно травестировал этот миф, подставляя на место Софии маскулинного персонажа – как происходит это, например, в поэме «Всадник» (1908), где вместо Беатриче и Психеи (персонификаций Вечной Женственности в литературе русского модернизма) странствующий герой в мистериальном центре находит мальчика Амура.

Если же говорить о том, в какой мере и как Кузмин воспроизводит топосы маскулинного гендерного порядка, ставящего женщину «от природы» ниже мужчины (а этот порядок господствовал в рассматриваемую эпоху, хотя в нем намечались существенные «трещины»), то нужно подчеркнуть, что писатель находит весьма оригинальные трактовки этих топосов. Такова, например, одна из главных «претензий» Кузмина к женщинам – их склонность к фантазированию, «чрезвычайность» женского воображения, потребность в постоянной ажитации, «энтузиазм». Хотя истоки этой претензии можно обнаружить в стереотипе о якобы «истеричности» женщин, у Кузмина он подается в очень изящно модифицированном виде. То же касается и традиционного представления о «ведьмовстве», к которому якобы склонны женщины: на этой почве у Кузмина возникает тип оккультистки, но и здесь основная претензия писателя заключается не в стереотипе о том, что они якобы служат злу, а в том, что они истребляют «дух жизни», затемняя непосредственную радость бытия своими мутными высказываниями и «прозрениями». В конечном счете Кузмин неизменно выступает «адвокатом реальности» – непосредственной радости жизни, умения видеть в ее мелочах источник утешения, пользоваться минутой – и это неумение и есть то главное, что ставит он в вину женщинам.

Список источников

1. Панова Л.Г. Сюжет как металитературный ребус: Михаил Кузмин – забытый провозвестник модернистской прозы // Сюжетология и сюжетология. 2017. № 1. С. 79–149.
2. Кузмин М.А. Собрание сочинений : в 6 т. М., 2017.
3. Зусева-Озкан В.Б. Новый матриархат: гендерные инверсии в пьесах «Женский вопрос» Тэффи и «Судьба мужчины» Н. Урванцова // Женщина модерна: Гендер в русской культуре 1890-х – 1930-х годов. М., 2022. С. 297–314.
4. Вейнинггер О. Пол и характер: Теоретическое исследование / пер. с нем. В. Лихтенштадта ; под ред. и с предисл. А. Волынского. СПб., 1908. 484 с.
5. Эконен К. Творец, субъект, женщина: Стратегии женского письма в русском символизме. М., 2011. 400 с.
6. Зусева-Озкан В.Б. Дева-воительница в литературе русского модернизма: образ, мотивы, сюжеты. М., 2021. 712 с.
7. Богомолов Н., Малмстад Дж. Михаил Кузмин: Искусство, жизнь, эпоха. СПб., 2007. 664 с.
8. Панова Л.Г. «Портрет с последствиями» Михаила Кузмина: ребус с ключом // Русская литература. 2010. № 4. С. 218–234.
9. Савкина И.Л. Пути, перепутья и тупики русской женской литературы. М., 2023. 472 с.
10. Дмитриев П.В. М. Кузмин: разыскания и комментарии. СПб., 2016. 552 с.

References

1. Panova, L.G. (2017) *Syuzhet kak metaliteraturnyy rebus: Mikhail Kuzmin – zabytyy provozvestnik modernistской prozy* [The plot as a metaliterary rebus: Mikhail Kuzmin – the forgotten herald of modernist prose]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*. 1. pp. 79–149.
2. Kuzmin, M.A. (2017) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Moscow: Knizhnyy Klub Knigovek.
3. Zuseva-Ozkan, V.B. (2022) Novyy matriarkhat: gendernye inversii v p'esakh "Zhenskiy vopros" Teffi i "Sud'ba muzhchiny" N. Urvantsova [New matriarchy: gender inversions in the plays The Women's Question by Teffi and The Fate of a Man by N. Urvantsov]. In: Zuseva-Ozkan, V.B., Akimova, A.S. & Andreeva, A.S. (eds) *Zhenshchina moderna: Gender v russkoy kul'ture 1890-kh – 1930-kh godov* [Modern Woman: Gender in Russian Culture of the 1890s – 1930s]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 297–314.
4. Weininger, O. (1908) *Pol i kharakter: Teoreticheskoe issledovanie* [Sex and Character: A theoretical study]. Translated from German by V. Likhtenshtadt. Saint Petersburg: Tipografiya Pechatnoe iskusstvo.
5. Ekonen, K. (2011) *Tvorets, sub'ekt, zhenshchina: Strategii zhenskogo pis'ma v russkom simvolizme* [Creator, Subject, Woman: Strategies of women's writing in Russian symbolism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
6. Zuseva-Ozkan, V.B. (2021) *Deva-voitel'nitsa v literature russkogo modernizma: obraz, motivy, syuzhety* [The Warrior Maiden in the Literature of Russian Modernism: Image, motives, plots]. Moscow: Indrik.
7. Bogomolov, N. & Malmstad, Dzh. (2007) *Mikhail Kuzmin: Iskustvo, zhizn', epokha* [Mikhail Kuzmin: Art, life, epoch]. Saint Petersburg.
8. Panova, L.G. (2010) "Portret s posledstviyami" Mikhaila Kuzmina: rebus s klyuchom [Portrait with Consequences by Mikhail Kuzmin: a rebus with a key]. *Russkaya literatura*. 4. pp. 218–234.
9. Savkina, I.L. (2023) *Puti, pereput'ya i tupiki russkoy zhenskoy literatury* [Paths, Crossroads and Dead Ends of Russian Women's Literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
10. Dmitriev, P.V. (2016) *M. Kuzmin: razyskaniya i kommentarii* [M. Kuzmin: Research and comments]. Saint Petersburg: Renome.

Информация об авторе:

Зусева-Озкан В.Б. – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Отдела литератур Европы и Америки Новейшего времени ИМЛИ им. А.М. Горького РАН (Москва, Россия). E-mail: v.zuseva.ozkan@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.B. Zuseva-Özkan, Dr. Sci. (Philology), leading research fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: v.zuseva.ozkan@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.01.2023;
одобрена после рецензирования 17.02.2023; принята к публикации 07.03.2024.

The article was submitted 11.01.2023;
approved after reviewing 17.02.2023; accepted for publication 07.03.2024.

Научная статья

УДК 821.161.1

doi: 10.17223/19986645/87/12

«Три сестры» Чехова и их претекст у Достоевского

Сергей Акимович Кибальник¹

¹ *Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия,
kibalnik007@mail.ru*

Аннотация. Роман Достоевского «Идиот» послужил одним из претекстов пьесы Чехова «Три сестры». Старшая сестра Ольга Prozorova напоминает старшую дочь Епанчиных Александру. Младшая сестра Ирина принадлежит к тому же типу женщин, что и Аглая. Больше всего сходства между Тузенбахом и Мышкиным. Писатели камуфлировали их автобиографичность дворянскими титулами, именем-отчеством Льва Толстого или немецким происхождением. И тем не менее Чехов дал Тузенбаху имя-отчество, роднящее его с Мышкиным: Николай Львович.

Ключевые слова: Чехов, Достоевский, «Три сестры», «Идиот», пьеса, роман, претекст

Для цитирования: Кибальник С.А. «Три сестры» Чехова и их претекст у Достоевского // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 87. С. 221–232. doi: 10.17223/19986645/87/12

Original article

doi: 10.17223/19986645/87/12

Chekhov's *Three Sisters* and its Dostoevsky's pretext

Sergei A. Kibalnik¹

¹ *Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation, kibalnik007@mail.ru*

Abstract. The late Chekhov is closely connected with Dostoevsky, especially with his top works and, first of all, with the novels of the so-called Great Pentateuch. At the same time, polemically interpreting the works of French writers, primarily Maupassant, in his decision on the topic, Chekhov, as a rule, relied on Tolstoy and Dostoevsky. Dostoevsky's novel *The Idiot* served as one of the pretexts for Chekhov's play *Three Sisters*. The elder sister Olga Prozorova resembles the eldest daughter of the Yepanchins, Alexandra. The younger sister Irina belongs to the same type of women as Aglaya. The main characters of these works, Baron Tuzenbach and Prince Myshkin, are the most similar. With his rare noble title, Baron Tuzenbach stands out among all the characters of Russian classics. It may be his belonging to "barons" that brings him a little closer to Prince Lev Nikolayevich Myshkin. Moreover, his own name is Nikolai Lvovich. It was a tradition in German families to call their son after his grandfather. In this sense, Baron Tuzenbach could be the son of Prince Myshkin. The tragic end also brings them closer. Undoubtedly, there is a "great distance" between them. Chekhov

was by no means trying to present the ideal of a “positively beautiful person” in the image of Tuzenbach. There seems to be nothing remarkable in this character (Myshkin is by no means an ideal image as well). Nevertheless, there is something in common between the baron and the prince. In *Three Sisters*, it is Tuzenbach who could claim to be the protagonist (there is none in the play, however): it is both the most sympathetic of the characters and the victim, which always causes additional sympathy. Most importantly, both of these aspects are tacitly autobiographical. As in the case of Chimsha-Himalayan, a character of Chekhov’s “small trilogy,” the features of the author also vaguely appear in Tuzenbach. However, Chekhov would not be Chekhov if he had not simultaneously given some of his own features to a completely different character that is gradually losing himself – Andrey Prozorov. The relationship between Tuzenbach, who is passionately in love, and Irina, who succumbed to his courtship but remained cold to him, reminds of the love vicissitudes in Guy de Maupassant’s popular novel *Fort comme la mort* (1889). In the literature of the late 19th century, André Mariolle’s fiery speeches addressed to Michèl de Burne became a kind of a cliché for expressing hopeless love. Many episodes of Chekhov’s *The Seagull* echo these speeches. Partly the cliché is Tuzenbach’s dialogue with Irina. However, Tuzenbach’s speeches also contain purely Chekhovian notes that sound in his letters to Knipper at the time of the creation of the play. Thus, Tuzenbach has a lot in common with the main character of Dostoevsky’s novel *The Idiot*, which shows Baron Tuzenbach as a kind of Chekhov’s version of a “positively beautiful person” – simply a “good person” who loves one specific woman with ordinary love, driven by the desire for ordinary human happiness with her, and not the desire to save someone. – who resembles Chekhov, just like Prince Myshkin resembles Dostoevsky.

Keywords: Chekhov, Dostoevsky, *Three Sisters*, *The Idiot*, play, novel, pretext

For citation: Kibalnik, S.A. (2024) Chekhov’s *Three Sisters* and its Dostoevsky’s pretext. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 87. pp. 221–232. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/87/12

1

В последнее время традиционный взгляд на Чехова как на писателя, ориентированного в первую очередь на Толстого, подвергся значительной коррекции. Оказалось, что становление раннего Чехова происходило прежде всего в форме пародии и одновременно стилизации под Достоевского [1]. Так, его «газетный» детективный роман «Драма на охоте» (1885), как выяснилось, явился для него в своего рода «семинарием по Достоевскому»: настолько он наводнен различными тайными и явными отсылками и реминисценциями из его произведений [1, 2].

При этом Чехов, как отмечал Р.Г. Назиров, «тоскует по здоровью – и прежде всего нравственному. Ставрогины и Раскольниковы, опасно размножившиеся к концу XIX века, ему были “гадки” <...> Чехов усматривал в криминальной литературе и в известной мере у самого Достоевского романтизацию преступления, и она ему сильно не нравилась» [1. С. 167] (здесь и далее выделено полужирным мной. – С.К.).

Более того, в известной степени главный герой «Драмы на охоте» Камышев представляет собой полемическую интерпретацию образов Раскольников и отчасти Ставрогина: **«...осознанные или бессознательные сближения чеховского героя с Раскольниковым** поддерживали основную художественную интуицию автора “Драмы на охоте”. Она заключается в ощущении Чеховым несовпадения внутреннего облика героя Достоевского – такого, каким он обрисован в его романе, с обликом человека, зарубившего топором двух женщин и так до конца и не раскаявшегося в этом. <...> Как и будущие интерпретаторы “Преступления и наказания” в конце XIX – начале XX веков: Федор Сологуб в его романе 1894 года “Тяжелые сны” или Иван Бунин в напечатанном в 1916 году рассказе “Петлистые уши” – **Чехов полемизирует с некоторой неестественностью и нетипичностью истории Раскольникова**» [2. С. 195–196, 197].

Р.Г. Назиров подчеркивал, что Чехов «не только пародировал и стилизовал Достоевского – он еще **у него учился**, особенно в юношеской Дrame без названия, изобилующей заимствованиями из Достоевского (особенно из “Бесов”), и в “Драме на охоте”. Лучший ученик – тот, кто дерзает спорить с учителем. И глубокая, **уважительная полемика Чехова с Достоевским**, делающая прямое заимствование неузнаваемым, – **одна из форм преемственности**» [1. С. 167].

Показав в двух своих статьях 2015 и 2016 гг. «Ранний Чехов “за” и “против” Достоевского» [2, 3], вошедших затем в мою монографию «Из истории детективной литературы в России...» [4], сложное переплетение пародии и стилизации под Достоевского в романе «Драма на охоте», я также писал в них **о пьесе «Иванов»** как о полемической интерпретации мотива «деятельной любви» («Братья Карамазовы») и как о «своего рода **унисонном гипертексте “Игрока”**» [2. С. 240].

Н.В. Живолупова полагала, что «смысловая позиция Чехова по отношению к Достоевскому (как, впрочем, и Толстому) может быть до некоторой степени описана понятием “деконструкция”». По ее мнению, оно «провоцирует “расчленение” проблемы под углом зрения, актуальным для автора, и имплицитно в себе спектр раскрывающихся “веерно” значений или смыслов, предлагаемых читателю. С этой точки зрения Чехов не “закрывает темы” предшествующих авторов, как обычно принято думать, а, диалогически разрушая монолитность каких-то представлений (бесспорных для выражающих их Достоевского и Толстого и с доверием или автоматически-бездумно воспринятых читателями), проблематизирует частные аспекты человеческого бытия, находя богатую сюжетную событийность в том, что бралось как аксиома» [5. С. 13].

Любопытные наблюдения относительно связи позднего Чехова с Достоевским изложила С.Б. Евдокимова в статье 2017 г. «Симпатические чернила (Достоевский?)» [6]. В частности, она справедливо писала о переключках Чехова с Достоевским в трактовке **мотива «все равно»**: в «Палате № 6», «Трех сестрах», с одной стороны, и в «Сне смешного человека» – с другой: «Отказ от активного участия в жизни, погруженность в “газетное время”

вместо настоящей аутентичной темпоральности ведет его (героя «Трех сестер» Чебутыкина. – С.К.) к **моральному релятивизму и устранению ответственности**» [6. С. 332].

При этом, по мнению исследовательницы, «в том, как Чехов касается этих тем, проявляется его **не только полемическое, а скорее диалогическое отношение к Достоевскому**» [3. С. 331]. Тем не менее в самой трактовке этого соотношения она подчеркивает в том числе и полемичность: «В отличие от “смешного человека”, герои Чехова не прозревают и не находят “Истину”. Чехов строит свою пьесу, а также повесть “Палата № 6” в первую очередь так, чтобы осознание губительности философии “все равно” наступило у читателя и зрителя» [3. С. 332]. Вдобавок, не совсем точно изложив позицию Р.Г. Назирова и мою, С.Б. Евдокимова безосновательно утверждала: «...исследователи, как правило, рассматривали связь Чехова с Достоевским **только с точки зрения пародии** на произведения Достоевского, а между тем связь эта глубже, чем может показаться на первый взгляд» [6. С. 323].

Достаточно взглянуть на приведенные выше цитаты из работы Р.Т. Назирова и моей, чтобы убедиться: то, что Чехов учился у Достоевского, и то, что он не только пародировал его, но и стилизовал под него свои произведения, а также «уважительно полемизировал» с ним, отмечено еще Назировым. А то, что нередко Чехов следовал художественным интуициям Достоевского и развивал их, показано мной на примере романа Достоевского «Игрок».

Что же касается мотива «все равно», то Чехов действительно вслед за Достоевским показал в «Палате № 6» и «Трех сестрах» губительность для окружающих и разрушительность для самого человека равнодушия к тому, что происходит. Однако он делал это и гораздо раньше: в том же «Иванове» (о чем бегло сказано в моей второй статье [3. С. 91–92]), в его модификации в прозе – повести «Дуэль» (1891) (отмечено: [4. С. 248]) и даже еще в «Скучной истории» (1889). Причем Чехов воспринял этот мотив не только и даже скорее не столько из «Сна смешного человека», сколько из «Братьев Карамазовых» (образ Ивана), а еще ранее – из «Бесов» (Ставрогин).

Пройдя мимо внутреннего диалога Чехова с Достоевским в его произведениях конца 1880-х – начала 1890-х гг., Н.В. Живолупова зато обнаружила его в чеховской повести «Моя жизнь» (1896): «...герой “Моей жизни” Мисаил подобен Идиоту по особым качествам его геройности и способу существования в мире (в финале рассказа это похоже на “монастырь в миру”). Как частный человек (к этому состоянию он стремится) он тоже идиот (“дурачком” его считает в начале рассказа весь город), но к концу происходит чудо – как Мышкин “излечил” души жителей швейцарской деревни – сначала детей, а потом взрослых – от зла (история Мари), так и Мисаил изменяет нравы города – дети и молодые девушки сознают его “особость” и переходят от насмешек к состраданию» [5. С. 13, 15]¹.

¹ Как показала А.Г. Головачева, некоторые образы романа Достоевского «Идиот» преломились в отдельных героях ранней чеховской пьесы «Безотцовщина» [6. С. 310–312].

Только в «Мой жизни», по мнению Н.В. Живолуповой, Чехов от «деконструкции Достоевского» приходит к диалогу со своим предшественником: «...сюжетное действие обусловлено присутствием качества христоподобия в герое (это основная сюжетная коллизия – испытание окружающих, условно говоря, святостью героя). <...> Нейтрализация в новозаветной традиции противоположения “мужественности” и “женственности” (в будущей жизни “не посягают”, а будут, как “ангелы небесные”) отзывается в героях Достоевского и Чехова» [5. С. 16, 18].

Как мы видели выше, в действительности такой диалог имел место у Чехова и раньше. Однако по отношению к роману «Идиот» он по-настоящему развернулся в «Моей жизни». И был продолжен в пьесе «Три сестры» (1900).

2

Эта пьеса могла стать последней пьесой Чехова: писать ему становилось все труднее. Вот почему, наверное, чисто внешне, даже своим заглавием, она немного напоминает итоговый роман Достоевского «Братья Карамазовы».

Правда, у Достоевского в заглавии вместо указания на число братьев – их фамилия. Ему было важно, чтобы просто прозвучало само понятие «братья». Ведь сюжет романа выявляет, что в России даже родные братья далеки от воплощения центрального из идеалов «социального христианства» – идеала «братства» в отношениях друг с другом.

Хотя в заглавии об этом у Достоевского не сказано, но братьев у него тоже три. Правда, есть ещё один, незаконнорожденный брат Смердяков. При всём несхождении романа Достоевского с «Тремя мушкетёрами» Александра Дюма-отца, братьев у него, таким образом, не три, а четыре – как у Дюма-отца мушкетёров. Однако и в этом плане некоторое сходство с чеховскими «Тремя сёстрами» всё же сохраняется: ведь у чеховских сестёр был еще и брат. Та или иная «кватротичность», следовательно, мерцает во всех этих – внешне «троичных» – случаях.

Говорить о братьях Чехову, разумеется, было не с руки. Проблематика «социального христианства» ему была чужда. Вдобавок у него самого было четверо братьев. Так что писать Чехову, конечно, было удобнее о сёстрах.

Одна сестра – Мария Павловна – у него тоже была. То, что именно она – прототип одной из «трёх сестёр», отмечено ещё Б.А. Лазаревским [7. Т. 13. С. 423–424]. Иногда к ней как бы примешивалась Лика Мизинова. Вместе их, в паре, И.Н.Потапенко иногда называл «сёстрами» [8. С. 278]. Так что две как бы «сестры» имели место и в жизни самого писателя. Причём, как и Ольга и Маша Прозоровы, обе они служили в гимназии. Более того, черты Лики в Маше довольно заметны [8. С. 281–284].

Со временем Мария Павловна сблизилась и с Ольгой Книппер. Чехов впервые увидел ее в МХТ на репетициях «Царя Федора Иоанновича» в роли царицы Ирины. Вскоре после этого, в письме от 8 октября 1898 г., он писал

А.С. Суворину: «Если бы я остался в Москве, то влюбился бы в эту Ирину» [9. Т. 7. С. 289]. И потом не раз поминал ее в письмах как «**Ирину-Книппер**» (см., например: [9. Т. 7. С. 303]).

Как бы сросшееся в сознании Чехова с Книппер имя ее героини в пьесе Алексея Толстого могло навести его на мысль назвать так же и самую привлекательную из его «трёх сестер».

3

Таковы не все, но наиболее вероятные, с моей точки зрения, их биографические прототипы. Однако, как обычно, были у них и литературные прототипы. Здесь сразу на ум приходят сёстры Епанчины из романа Достоевского «Идиот».

Ведь отец сестёр Епанчиных, как и сестёр Прозоровых, был генералом. Более того, бегло обрисованный характер старшей из сестёр Прозоровых Ольги в основе своей совпадает с характером старшей из сестёр Епанчиных Александрой: «Это была девушка хотя и с твердым характером, но **добрая, разумная и чрезвычайно уживчивая**; могла выйти за Тоцкого даже охотно, и если б дала слово, то исполнила бы его честно. Блеска она не любила, не только не грозила хлопотами и крутым переворотом, но **могла даже усладить и успокоить жизнь**» [10. Т. 8. С. 38].

К тому же типу добродушной и домовитой хозяйки дома принадлежит чеховская Ольга: «Всё хорошо, всё от бога, но мне кажется, **если бы я вышла замуж и целый день сидела дома, то это было бы лучше**» [7. Т. 13. С. 120–122].

В третьем действии, советуя Ирине выйти за барона, Ольга даже говорит: «Ведь замуж выходят не из любви, а только для того, чтобы исполнить свой долг. Я, по крайней мере, так думаю, и я бы вышла без любви. Кто бы ни посватал, все равно бы пошла, лишь бы порядочный человек. **Даже за старика бы пошла...**» [7. Т. 13. С. 168]. Здесь она сама, волею Чехова, как бы уравнивает себя с Александрой, соглашавшейся выйти за Тоцкого.

Между средними дочерьми: Машей Прозоровой и Аделаидой Епанчиной – общего немного. Учительница Маша уже замужем, и у нее роман с женатым мужчиной. Более молодая, чем она, Аделаида художница и не слишком похожа на Машу, из которой временами выглядывает непоседа Лика Мизинова [8. С. 281–284].

Правда, прототипом Аделаиды Епанчиной была Софья Корвин-Круковская, в будущем знаменитый математик Софья Ковалевская. Будучи ещё ребенком, она была влюблена в Достоевского. В черновиках к роману «Идиот» она наделена «немой любовью» к Мышкину [10. Т. 8. С. 267]. Однако в основном тексте ничего этого не осталось, а с черновыми редакциями «Идиота» Чехов вряд ли был знаком.

Зато типологически сходны младшие сёстры: Ирина Прозорова и Аглая Епанчина. Обе они красавицы, обе очень молоды и обе склоняются к отрицанию традиционных моделей жизни.

Если Ирина и собирается замуж за барона Тузенбаха, то безо всякой любви к нему, скорее уступая его желанию и под влиянием приверженности к семейной жизни своей старшей сестры. Аглая же и с самого начала ищет чего-то необыкновенного: с этим связаны ее увлечения Ганей Иволгиным и князем Мышкиным.

А в конце концов она и вовсе выходит замуж за какого-то самозванного графа и мнимого богача, польского эмигранта, который вовлекает ее в «заграничный комитет по восстановлению Польши» и «в католическую исповедальню какого-то знаменитого патера, овладевшего ее умом до исступления» [10. Т. 8. С. 509].

4

Некоторое сходство есть и между главными героями рассматриваемых нами произведений.

Своим редким дворянским титулом барон Тузенбах выделяется среди всех героев русской классики. Быть может, его «баронство» немного сближает его как раз с князем **Львом Николаевичем** Мышкиным? Тем более что его самого зовут **Николай Львович**.

В немецких семьях была традиция называть сына по имени деда. В этом смысле барон Тузенбах мог бы быть сыном князя Мышкина.

Разумеется, между этими двумя героями «дистанция огромного размера». В отличие от Достоевского, Чехов никогда не писал, что попытался представить в образе Тузенбаха идеал «положительно прекрасного человека». Однако и в романе «Идиот» изображен отнюдь не идеальный герой. Мышкин отнюдь не лишен недостатков – просто, как Христос, он пытается помочь всем, с кем сталкивается, а то даже спасти тех, кто погибает, как Настасья Филипповна. В результате он никого не спасает, погибает сам, но оставляет по себе «неисследимую черту» [9. С. 242].

Казалось бы, ничего этого в Тузенбахе нет. Он вовсе не стремится кого-то спасти. Его цель – устроить свое личное счастье с Ириной.

И тем не менее нечто общее между бароном и князем есть. Если кто-то мог бы претендовать в «Трёх сестрах» на роль протагониста – которого на самом деле в пьесе нет так это Тузенбах. Это одновременно и наиболее симпатичный из её героев, и жертва – а это всегда вызывает дополнительную симпатию.

Тузенбах, безусловно, «хороший человек». Недаром таковым его называет даже Чебутыкин [7. Т. 13. С. 178]. Правда, он не лишен некоторой близорукости в отношениях с людьми, однако ровно то же самое присуще и Мышкину. Точно так же, как Мышкин, в финале он погибает.

И самое главное, оба образа скрыто автобиографичны (об автобиографии князя Мышкина см.: [8. С. 176–195]).

В Тузенбахе обращает на себя внимание его немецкое имя и немецкое происхождение. Казалось бы, ничего общего с Чеховым? Однако немка Книппер иногда называла его «немцем»: «Или ты хочешь скрыть, что мы в переписке?»

Неужели это надо? **Не будь немцем**»; «А ты опять ноешь на скуку и на домашние обеды? Ну, подожди, я тебе ворчать не позволю, смиренник ты! **Настоящий ты немец!** А меня еще так ругаешь» [11. С. 148, 152].

Есть в бароне Тузенбахе и другие черты, сближающие его с Чеховым. Так, отвечая допытывающейся смысла жизни Маше, Тузенбах возражает: «Смысл... Вот снег идет. Какой смысл?» [7. Т. 13. С. 147].

Это напоминает принципиальное убеждение Чехова как писателя: «Не надо мысли! <...> Умоляю вас, не надо. Зачем? Надо писать то, что видишь, то, что чувствуешь, правдиво, искренно. <...> Не надо мыслей» [12. С. 124].

Автобиографичность Тузенбаха, по-видимому, заявлена и во фразе Соленого: «**Года через два-три** вы умрете от кондрашки...» [7. Т. 13. С. 124]. Чехов знал, что жить ему осталось немного.

Осенью 1900 г., когда создавались «Три сестры», на вопрос о его самочувствии Чехов ответил: «Чувствую, что сидит во мне враг, проник во все поры моего тела и ест меня, не останавливаясь. В сущности, он даже меня и съел» [8. С. 8].

5

После скрытого alter ego автора в «Чайке», доктора Дорна, в последующих его пьесах уже нет героев, воплощающих авторское мироотношение. Лишь отчасти такова роль Тузенбаха в «Трёх сёстрах».

Например, сам Чехов неоднократно говорил, что для того, чтобы в будущем жизнь стала лучше, нужно что-то делать для этого в настоящем. Отчасти именно так же Тузенбах возражает на прекраснодушные тирады Вершинина о будущем: «Но, чтобы участвовать в ней (новой жизни. – С.К.) теперь, хотя издали, **нужно приготовляться к ней, нужно работать...**» [7. Т. 13. С. 132].

Чехов, как и Вершинин, неоднократно говорил: «—Знаете ли, **через триста – четыреста лет вся земля обратится в цветущий сад**. И жизнь будет тогда необыкновенно легка и удобна» [7. С. 509]. Однако, в отличие от Вершинина и так же, как Тузенбах, Чехов страдал от праздности: «Всё бы хорошо, но **одолела праздность**; ходишь-ходишь, сидишь-сидишь и поневоле **начинаешь быть хорошего мнения о физическом труде**» [9. Т. 7. С. 64]. И сам с потом и кровью возделывал посаженный им на его ялтинской «Белой даче» сад. Так что с полным правом мог говорить: «Ведь здесь же до меня был пустырь и нелепые овраги, всё в камнях и в чертополохе. А я вот пришел и **сделал из этой дичи культурное, красивое место**» [12. С. 509].

Аналогичным образом высказывается и Тузенбах: «Тоска по труде, о боже мой, как она мне понятна! Я не работал ни разу в жизни. Родился я в Петербурге, холодном и праздном, в семье, которая никогда не знала труда и никаких забот. <...> Меня оберегали от труда. Только едва ли удалось обещать, едва ли! <...> Я буду работать, а через какие-нибудь 25—30 лет работать будет уже каждый человек» [7. Т. 13. С. 123]. И он не просто высказывается, а собирается ехать работать на кирпичный завод.

У Тузенбаха «тройная фамилия»: «Тузенбах-Кроне-Альтшауэр». Подобные экзотические если не тройные, то двойные фамилии свойственны и некоторым другим автобиографическим героям Чехова.

Так, у героя «маленькой трилогии» о любви, «ветеринарного врача Ивана Иваныча», «была довольно странная, двойная фамилия – “Чимша-Гималайский”» [7. Т. 10. С. 42]. А ведь этот герой явным образом то и дело озвучивает позицию, хотя и временами крайнюю, но близкую к убеждениям Чехова. В какой-то мере, наверное, точнее было бы называть его «Чехов-Сахалинский».

Все слова, составляющие тройную фамилию Тузенбаха, значимы: tuschen – рисовать что-либо тушью, bach – ручей, krone – корона, alt – старый, старинный, древний, schauer – дрожь, трепет, ужас, восторг, ливень, сильный снегопад. Возможны, конечно, и другие варианты семантизации составных частей этой фамилии. Однако так или иначе, поскольку Тузенбах совсем не занимается искусством (разве что играет на рояле), вся эта семантика актуализирует смыслы, которые как раз больше сопутствуют автору, чем его герою.

Так что, наверное, как и в случае с Чимшой-Гималайским, в этом герое также смутно проступают черты самого автора... Правда, Чехов не был бы Чеховым, если бы одновременно не придал некоторые свои собственные черты и совсем другому, постепенно теряющему себя герою пьесы – Андрею Prozорову (см: [8. С. 289–294]).

6

Во время последнего разговора Тузенбах говорит Ирине о своей любви, об их планах совместной жизни. И замечает: «Только вот одно, вот одно: Ты меня не любишь!» (7. Т. 13. С. 180).

Ирина не разувает его: «Это не в моей власти! Я буду твоей женой, и верной, и покорной, но любви нет, что же делать! (Плачет). Я не любила ни разу в жизни. О, я так мечтала о любви, мечтаю уже давно, дни и ночи, но душа моя, как дорогой рояль, который заперт и ключ потерян».

В ответ Тузенбах признаётся, что «этот потерянный ключ терзает» его душу. Перед уходом он говорит ей: «Надо идти, уже пора... Вот **дерево засохло**, но все же оно вместе с другими качается от ветра. Так, мне кажется, **если я и умру, то все же буду участвовать в жизни так или иначе**» [7. Т. 13. С. 181].

Во время работы над пьесой Чехов из Ялты писал будущей жене Ольге Книппер: «Бедные **деревья** <...> за все лето не получили ни одной капли воды и теперь стоят жёлтые; так бывает, что и люди за всю жизнь не получают ни одной капли счастья. Должно быть, это так нужно» [9. Т. 9. С.124].

Нетрудно почувствовать созвучность автора с его героем (ср.: [9. С. 661]). Вид засохшего или жёлтого дерева вызывает и у автора, и у его героя ассоциации со страдающим от отсутствия любви к нему человеком.

А вот другое письмо Чехова Книппер – уже из Ниццы, где Чехов переписывал и правил последние акты пьесы: «Целую тебе обе руки, все 10 пальцев, лоб и желаю и счастья, и покоя, и побольше любви, которая продолжалась бы побольше, этак лет 15. Как ты думаешь, может быть такая любовь? У меня может, а у тебя нет. Я тебя обнимаю, как бы ни было...» [9. Т. 9. С. 173].

Настоящее тузенбаховское письмо, не правда ли?

Всю осень 1900-го и зиму 1900/01 г. Книппер добивается, чтобы Чехов на ней женился. А он всё это время пытается вначале убедиться, что она его любит.

Конечно, в отношениях страстно влюблённого Тузенбаха и уступившей его ухаживаниям, но оставшейся холодной к нему Ирины также явственно просматриваются аналогичные любовные перипетии популярного романа Ги де Мопассана «Сильна как смерть» (1889). В литературе конца XIX в. пламенные речи Андре Мариоля к Мишель де Бюрн стали своеобразным клише для выражения безнадежной любви.

Отзвуки их ощущаются во многих эпизодах чеховской «Чайки». Отчасти таким клише являются и диалоги Тузенбаха с Ириной. Однако нельзя не почувствовать в речах Тузенбаха и чисто чеховские нотки, звучащие в его письмах к Книппер в пору создания пьесы.

Так что и в этом герое пьесы немало общего с главным героем романа Достоевского «Идиот». И это позволяет рассматривать барона Тузенбаха как своего рода чеховскую версию «положительно прекрасного человека» – просто «хорошего человека», любящего обычной любовью одну конкретную женщину и движимого стремлением к обычному человеческому счастью с ней, а не к тому, чтобы кого-то спасти.

И, соответственно, так похожего на самого Чехова, как похож на самого Достоевского князь Мышкин.

Поздний Чехов вообще тесно связан с Достоевским – особенно с его вершинными творениями и в первую очередь с романами так называемого «великого пятикнижия». При этом, полемически интерпретируя произведения французских писателей, прежде всего Мопассана, в своем решении темы он, как правило, опирался на русскую литературную классику и едва ли не в первую очередь – на Достоевского.

Список источников

1. Назиров Р.Г. Достоевский и Чехов: Преемственность и пародия // Назиров Р.Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход: Исследования разных лет : сб. ст. Уфа : РИО БашГУ, 2005. С. 159–168.

2. Кибальник С.А. Ранний Чехов «за» и «против» Достоевского: («Драма на охоте» как роман-пародия) // Новый филологический вестник. 2015. № 1 (32). С. 18–31.

3. Кибальник С.А. Ранний А.П. Чехов «за» и «против» Ф.М. Достоевского: (от «Драмы на охоте» к «Иванову») // Русская литература. 2016. № 1. С. 90–98.

4. Кибальник С.А. Из истории детективной литературы в России: случай Чехова: Литературоведческое расследование. СПб. : Петрополис, 2022. 264 с.

5. Чехов и Достоевский: По материалам Четвертых международных Скафтымовских чтений, Саратов, 3–5 октября 2016 г. М. : ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, 2017. 544 с.
6. Живолупова Н.В. Достоевский и Чехов: аспекты архитектоники и поэтики. Н. Новгород : Дятловы горы, 2017. 267 с.
7. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 18 т. М. : Наука, 1974–1983.
8. Кибальник С.А. Тайнопись русских писателей: от Пушкина до Набокова. СПб. : Петрополис, 2022. 434 с.
9. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Письма : в 12 т. М. : Наука, 1974–1983.
10. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1972–1990.
11. Переписка А.П. Чехова и О.Л. Книппер. Т. 1. М. : Издательский дом «Искусство», 2004. 463 с.
12. А.П. Чехов в воспоминаниях современников. М. : Худож. лит., 1984. 735 с.
13. Глагол С. Из встреч с А.П.Чеховым // Заря. 1914. № 26. 6 июля.
14. Кузичева А.П. Чехов. М. : Молодая гвардия, 2012. 847 с.

References

1. Nazirov, R.G. (2005) *Russkaya klassicheskaya literatura: sravnitel'no-istoricheskii podkhod. Issledovaniya raznykh let* [Russian Classical Literature: A comparative historical approach. Research of different years]. Ufa: Bashkir State University. pp. 159–168.
2. Kibal'nik, S.A. (2015) Ranniy Chekhov “za” i “protiv” Dostoevskogo: (“Drama na okhote” kak roman-parodiya) [Early Chekhov “for” and “against” Dostoevsky: (The Shooting Party as a parody novel)]. *Novyy filologicheskii vestnik*. 1 (32). pp. 18–31.
3. Kibal'nik, S.A. (2016) Ranniy A.P. Chekhov “za” i “protiv” F.M. Dostoevskogo: (ot “Dramy na okhote” k “Ivanovu”) [Early A.P. Chekhov “for” and “against” F.M. Dostoevsky: (from The Shooting Party to Ivanov)]. *Russkaya literatura*. 1. pp. 90–98.
4. Kibal'nik, S.A. (2022) *Iz istorii detektivnoy literatury v Rossii: sluchay Chekhova. Literaturovedcheskoe rassledovanie* [From the History of Detective Literature in Russia: The case of Chekhov. Literary investigation]. Saint Petersburg: Petropolis.
5. Golovacheva, A.G. (ed.) (2017) *Chekhov i Dostoevskiy* [Chekhov and Dostoevsky]. Proceedings of the 4th International Skafymov Readings. Saratov. 3–5 October 2016. Moscow: GTsTM im. A.A. Bakhrushina.
6. Zhivolupova, N.V. (2017) *Dostoevskiy i Chekhov: aspekty arkhitektoniki i poetiki* [Dostoevsky and Chekhov: Aspects of architectonics and poetics]. Nizhniy Novgorod: Dyatlovy gory.
7. Chekhov, A.P. (1974–1983) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Moscow: Nauka.
8. Kibal'nik, S.A. (2022) *Taynopis' russkikh pisateley: ot Pushkina do Nabokova* [Secret Writing of Russian Writers: From Pushkin to Nabokov]. Saint Petersburg: Petropolis.
9. Chekhov, A.P. (1974–1983) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Moscow: Nauka.
10. Dostoevskiy, F.M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Leningrad: Nauka.
11. Udalt'sova, Z.P. (ed.) (2004) *Perepiska A.P. Chekhova i O.L. Knipper* [Correspondence of A.P. Chekhov and O.L. Knipper]. Vol. 1. Moscow: Izdatel'skiy dom “Iskusstvo”.
12. Gitovich, N.I. (ed.) (1986) *A.P. Chekhov v vospominaniyakh sovremennikov* [A.P. Chekhov in the Memoirs of His Contemporaries]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
13. Glagol', C. (1914) *Iz vstrech s A.P. Chekhovym* [From meetings with A.P. Chekhov]. *Zarya*. 26. 6 July.
14. Kuzicheva, A.P. (2012) *Chekhov*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russian).

Информация об авторе:

Кибальник С.А. – канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: kibalnik007@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.A. Kibalnik, Cand. Sci. (Philology), leading research fellow, Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: kibalnik007@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 03.05.2023;
одобрена после рецензирования 06.06.2023; принята к публикации 07.03.2024.*

*The article was submitted 03.05.2023;
approved after reviewing 06.06.2023; accepted for publication 07.03.2024.*

Научная статья

УДК 82.09

doi: 10.17223/19986645/87/13

Критика Е. Колтоновской: в поисках оснований женской творческой субъектности

Екатерина Валентиновна Кузнецова¹

¹ *Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия, katkuz1@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются особенности писательской стратегии критика Е. Колтоновской, проявленные в ее сборнике статей «Женские силуэты» (1912). Наследие Колтоновской представляет интерес с точки зрения оценки методов, приемов и подходов, которые она применяла для того, чтобы состояться как женщине-литератору. Она учитывала господствующий дискурс, задаваемый мужчинами, и это сказалось на ее трактовке произведений женщин-авторов и их писательских судеб. Она смогла подметить два интересных подхода к выражению личности автора в произведениях писательниц: чрезмерное сокрытие или раскрытие своего «Я». Критическая манера самой Колтоновской обнаруживает признаки мимикрии – следование за мужскими оценками женского творчества и самих женщин, с другой – демонстрирует внимание к судьбе и творчеству женщин.

Ключевые слова: Е. Колтоновская, женская литература, женское письмо, критика, писательская стратегия, гендерные исследования

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект «Женщина-автор»: писательские стратегии и практики в эпоху модерна», № 23-28-00348) в ИМЛИ РАН.

Для цитирования: Кузнецова Е.В. Критика Е. Колтоновской: в поисках оснований женской творческой субъектности // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 87. С. 233–254. doi: 10.17223/19986645/87/13

Original article

doi: 10.17223/19986645/87/13

Elena Koltonovskaya's criticism: In search of the foundations of female creative subjectivity

Ekaterina V. Kuznetsova¹

¹ *A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, katkuz1@mail.ru*

Abstract. This article discusses the features of the writer's strategy of the well-known critic Elena Koltonovskaya. The main material of the analysis is her collection of articles *Female Silhouettes*, published in 1912 and, according to a number of observations, still relevant. Koltonovskaya's critical legacy is of interest from the point

of view of evaluating the methods, techniques and approaches that she used in order to professionally succeed as a writer. It was not easy to act as a female critic in the early twentieth century because ideological and aesthetic trends were formed by men, and the attitude towards a writing woman was biased. Koltonovskaya somehow had to take into account the prevailing discourse, and this affected her interpretation of the works of the female writers to whom she referred. Koltonovskaya's articles are analyzed in the context of the masculine narrative about women's creativity, which was formed in Russia back in the 19th century and was transferred in a slightly softened form to the modern era. According to the ideas of male writers, a writing woman will certainly find herself in a tragic contradiction between femininity and personal happiness, on the one hand, and her creativity, on the other. Koltonovskaya shares this belief, although many of the fates of her heroines refute it. The article reveals the contradictory attitude of the critic to the type of a "new woman", which declared itself both in literature and life, but scared Koltonovskaya with the loss of femininity. Next, the productivity of the main division of female writers into traditional, typical (emotional, verbose) and atypical, unconventional in style (logical, analytical), which Koltonovskaya proposed, is evaluated. Such a division seems controversial and largely caused by masculine views on women's creativity, which influenced the critic. However, Koltonovskaya was able to notice two interesting approaches to the expression of the author's personality, which can manifest themselves in the works of female writers: excessive concealment of their author's "Self" or its excessive disclosure, exposure. In the final part of the article, it is concluded that the critical manner of Koltonovskaya herself reveals a transitional character peculiar to the epoch of the early twentieth century – the time of gender fracture. On the one hand, she uses the principle of mimicry – following men's assessments of women's creativity and women themselves, and, on the other hand, she demonstrates increased attention to the fate and creativity of her female contemporaries, who go beyond traditional femininity, attempts to understand their features and innovation. The study of Koltonovskaya's writing strategy makes it possible to expand the understanding of the functioning of women's literature in an androcentric society.

Keywords: Elena Koltonovskaya, women's literature, women's writing, criticism, writer's strategy, gender studies

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00348.

For citation: Kuznetsova, E.V. (2024) Elena Koltonovskaya's criticism: In search of the foundations of female creative subjectivity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 87. pp. 233–254. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/87/13

Елена Александровна Колтоновская (1870–1952), русская писательница, журналист и литературный критик Серебряного века, прожила долгую и творчески плодотворную жизнь, но в советский период была практически забыта. В последнее время усилиями ряда исследователей ее имя возвращается к читателю, а наследие становится предметом изучения филологов.

В первую очередь в этом плане стоит отметить работы М.В. Михайловой, которая обратилась к статьям Колтоновской как к ценнейшему источнику для понимания женской критической мысли начала XX в., а также исследовала ее вклад в разработку теории неореализма [1, 2]. Колтоновская сторонилась круга декадентов и символистов, ее литературный вкус сфор-

мировался под влиянием русской психологической прозы, и будущее литературы она видела в обновленном реализме. А в 2020 г. состоялось переиздание ряда важнейших статей, очерков и воспоминаний Колтоновской, вступительную статью к которому подготовили М.В. Михайлова и М. Нестеренко. В своем предисловии исследовательницы делают акцент на том, что, будучи сама женщиной-литератором, их героиня нащупывала основания новой гендерной критики [3].

В этом плане наибольшую ценность представляет ее цикл очерков «Женские силуэты (Писательницы и артистки)» (1912). Столкнувшись с увеличением количества успешных и знаменитых женщин, Колтоновская решила собрать собственные статьи о своих современницах в один сборник. Книга «Женские силуэты» рассказывает как о писательницах, так и о деятельницах сцены или науки (С.В. Ковалевской, В.Ф. Комиссаржевской, Э. Дузе). Михайлова и Нестеренко подчеркивают важную роль Колтоновской в формировании особой линии искусства – женского литературного творчества, так как она первая издала в России целый сборник статей, посвященный исключительно выдающимся женщинам и их достижениям в искусстве и науке, «позволила себе рассмотреть творчество писательниц как особый феномен» [3. С. 23].

Как далее справедливо отмечают исследовательницы, «не все в созданной ею теории было окончательно отработано» [3. С. 23], но ее стремление понять специфику женских произведений представляется важным этапом на пути их осмысления. Главным достижением Колтоновской-критика Михайлова и Нестеренко считают тот факт, что в статьях о писательницах она делает шаг к категориальному осмыслению гендера, т.е. постоянно оперирует понятиями «мужское», «женское» и «в итоге устанавливает некоторые закономерности, определяющие самобытность и неповторимость женского внутреннего мира, отражающегося в творчестве» [3. С. 31]. Эти закономерности больше всего проявляются в произведениях «типичных» женщин-писательниц, сосредоточивающихся на женских проблемах, опирающихся на женское начало, что дает их текстам своеобразие, но с другой стороны, угрожает самоповторами, монотонностью и быстрой исчерпаемостью тем. Но Колтоновская не может обойти вниманием и наличие второй разновидности авторов, стремящихся нивелировать свою женскую природу и писать, как мужчина¹. Этот путь, по мнению критика, может обернуться для писательницы сухостью стиля, безэмоциональностью. В результате анализа Михайлова и Нестеренко приходят к выводу, что «творческое наследие Колтоновской отражает определенную стадию существования “женственного” этапа культуры, когда женщина продолжает жить по мужским стандартам, но уже заявляет о своей самостоятельности и самобытности. И те статьи, где критик попыталась раскрыть сущность “души новой женщины, подвижной, богатой, сложной и требовательной”, заглянула в тайники женского характера,

¹ Гендерно нейтральный стиль Колтоновская считает «мужским» стилем, что в целом характерно для эпохи модернизма.

приблизилась к определению доминанты женского характера, очень перспективны в методологическом отношении, содержат подлинные прозрения» [3. С. 33].

В данной статье мы хотели бы взглянуть на критическое наследие Колтоновской, сделав акцент на тех социальных практиках, проблемах и противоречиях интерпретации, которые она выявляет или которые высвечиваются в ее очерках помимо ее авторской воли. Безусловно, она пытается нащупать *основания женской креативной субъектности*, хотя и не приходит к ее осмыслению в рамках понятия «писательская стратегия». До этого еще далеко, но ее пробные шаги и перебираемые ею инструменты очень важны. Изучение литературы, созданной женщинами, до сих пор сталкивается в современной гуманитарной науке с рядом проблем теоретического и методологического характера, о чем пишет, например, И.Л. Савкина [4, 5], и обращение к истокам гендерной критики¹ может быть весьма продуктивным. Смогла ли Колтоновская описать цельный образ «новой женщины», выразившей квинтэссенцию фемининности модерна? На какие идеологемы она пытается опереться, чтобы для самой себя сформулировать особенность женского творческого пути? Что ей удалось выявить перспективного, предвараившего современные гендерные исследования, а что привело в тупик? В чем состояла ее собственная писательская стратегия?

Изначально Колтоновская анализировала произведения писательниц скорее интуитивно, не выдвигая на первый план какой-либо философской, эстетической или теоретической призмы для оценки женских произведений, что не исключало, конечно, особого любопытства к плодам «дамского» творчества, которое все еще было на рубеже XIX–XX вв. чем-то экзотическим. Только решив собрать очерки разных лет в сборник, Колтоновская задумалась над тем, что для этого нужен какой-то объединяющий подход. Этот концептуальный взгляд был ею сконструирован и сформулирован в предисловии «Женское».

В этом вступлении, как правильно отметили М.В. Михайлова и М. Нестеренко, для анализа женской общественной активности Колтоновская отчасти опирается на известные философские теории своего времени: О. Вейнингера, Г. Зиммеля, Н. Бердяева и др., осмыслявших категории «женское» и «мужское» и присущие им черты с точки зрения андроцентричного социума [3. С. 24]. Писательница вполне разделяет доминирующие патриархатные представления об исходной пассивности женского начала, его повышенной эмоциональности, ведомости, зависимости от мужчины. Она даже размышляет об особой «женской пустоте», которая есть суть настоящей женщины, ибо без этой пустоты она не могла бы вместить в свою жизнь личность мужчины, жить его интересами, видеть мир его глазами. А настоящая женщина стремится к заполнению этой пустоты, и отсюда вытекает проблема выбора избранника и трагического разочарования в нем, что

¹ В рамках данной статьи «гендерная критика» понимается расширительно, не только как литературная критика, но и как «gender studies» и гендерные исследования в целом.

выливается в разочарование в жизни вообще и в конечном счете приводит к самоубийству (подобный сюжет варьируется в целом ряде женских текстов, о которых пишет Колтоновская, например в романе М. Крестовской «Ранние грозы» или в трилогии Л. Микулич про Мимочку). Она не осуждает эту «пустоту», не разделяет феминистских взглядов о полноценности женщины самой по себе, вне мужчины, и даже иронизирует над этим. При этом мужское начало Колтоновская мыслит как активное, рациональное, более сдержанное в проявлении чувств. Однако появление женщин, реализующих себя в профессии и отстаивающих себя как личность в семье, она всячески приветствует. Мы видим в ее идеях сочетание традиционных взглядов на фемининность с новыми веяниями, а также попытку следовать философскому дискурсу эпохи, стремящемуся к отделению «мужского» и «женского» от их конкретных носителей, формированию их в качестве философских категорий.

С другой стороны, никому из философов-модернистов она не следует в полной мере, и основным интеллектуальным основанием ее рассуждений становятся представления более архаичные. Главной мыслью ее предисловия является *идея постоянной внутренней борьбы, надрыва и трагизма*, воплощенная в произведениях женщин (или в самой их несчастной судьбе) и обусловленная *невозможностью гармонично сочетать женственность и собственную индивидуальность с активным творческим началом, ищущим выхода*. Колтоновская считает, что женское творчество уступает в силе мужскому, однако оно может «иметь самобытную, ярко очерченную физиономию» и реальная женщина может быть наделена мужскими креативными способностями [6. С. 197]. Но их реализация непременно приведет ее к внутреннему надлому:

Отыскав в себе ростки творчества и мужские свойства, а иногда и стараясь приблизить свою психику к мужской, ей так легко подавить и обесцветить собственную природу, утратить оригинальность... Каковы же, в таком случае, окажутся результаты «творчества»? Стоит ли о нем хлопотать? <...> А с другой стороны, разве те крохи творчества, которые в нее чудом вкраплены, не имеют права жить, законодательствовать и по-мужски деспотически требовать себе всевозможных жертв? <...> Зачатки борьбы двух противоположных начал – пассивного статического и динамического творческого – есть в каждой женщине. Чем одареннее женщина, тем сильнее должна быть эта борьба, по характеру своему роковая. <...> И потому исход борьбы чаще всего оказывается для женской индивидуальности фатальным [6. С. 197].

Иными словами, как стать творцом, но не перестать быть женщиной? Можно ли получить профессиональное признание, сохранив женскую индивидуальность? На эти вопросы Колтоновская не стремится дать ответ в духе новой эпохи – да, это достижимо, и вот примеры моих героинь. Напротив, она декларирует невозможность выхода из этого противоречия, которое описывается ею не как социально обусловленное, а потому подверженное эволюционным изменениям, а как *природное, извечное*, хотя материал ее собственных очерков, о которых мы еще скажем ниже, опровергает эти теоретические построения.

Колтоновская попадает в ловушку, созданную критическим дискурсом предшествующей эпохи. Очерченное противоречие не сформулировано впервые ею самой на основании каких-либо наблюдений, а заимствовано из критической мысли XIX в., причем сформированной мужчинами и направленной имплицитно на дискредитацию женского творчества и пишущей женщины. О неизбежном конфликте в судьбе писательницы между личным счастьем и профессией, привлекательностью и успехом в той или иной мере рассуждали многие критики и писатели XIX в.: В.Г. Белинский в ранних рецензиях, М. Катков, А. Рахманный (псевдоним Н.В. Верёвкина) в полупублицистической повести «Женщина-писательница», И.С. Тургенев в рецензии на роман Е. Тур «Племянница», А. Дружинин в фельетоне «Женщина-писательница» и др¹. Издатель журнала «Патриот» В. Измайлов, архаист и консерватор, даже развивал на страницах своего издания «представление о женском сочинительстве как о проявлении “развратных” склонностей» [7. С. 235]. Все они неизменно приходили к выводу, что совместить несовместимое невозможно в том случае, если женщина пишет не для саморефлексии, не излагает «милый лепет о тайнах своего пола» и «мигрени женской души» [8. С. 15], а стремится к общественному признанию и освещению общечеловеческих вопросов. При таком подходе она непременно потеряет стыдливость, красоту, любовь мужа, лишится детей, если они у нее были, и умрет в одиночестве. Конечно, звучали и другие мнения, например, критик М.Н. Макаров опубликовал целую серию статей о русских писательницах в «Дамском журнале», назвав всего 63 имени, и несмотря на сдержанность в оценках, безусловно, приветствовал женское творчество [7. С. 21]. Но в целом в XIX в. преобладала точка зрения, что реализовать себя по-настоящему женщина может только в роли жены, матери, заботливой дочери, а все остальное – удел незамужних девиц, бесприданниц или ветрениц, пренебрегающих своим долгом. Во многих художественных и публицистических произведениях XIX в. проводится мысль, что, «жертвуя своей женственностью, отступница (преступница, переступившая черту) ничего не получит взамен» [9. С. 143], так как с достижениями мужчин плоды ее труда все равно не сравнятся, а свое женское счастье она потеряет. Ярче и лаконичнее всего высказался Белинский в 1835 г. в рецензии для журнала «Телескоп» (хотя позднее он смягчил свои взгляды): «Нет, никогда женщина-автор не может ни любить, ни быть женою и матерью, ибо самолюбие не в ладу с любовью...» [10. С. 226].

В эпоху модернизма данный круг идей был перенесен практически без изменений. Доминирование андроцентризма предписывало женскому началу (и его реальным носительницам) пассивность и порождало глубокое противоречие: *отказ от пассивности означал утрату женственности в*

¹ Подробнее о мужских стереотипах в критической рецепции русской женской литературы см. в работе И.Л. Савкиной «“Поэзия – опасный жар для девы”: Критическая рецепция женской литературы и женщины писательницы в России в первой половине XIX века» [9].

глазах социума, а сохранение женственности означало отказ женщины от способности действовать и творить. Осознав ущербность подобных представлений, многие талантливые представительницы Серебряного века приняли попытки выйти из этого ограниченного положения, что породило кризис самоопределения и распределения ролей между полами. Н. Бердяев, разделявший в целом мизогинные взгляды, описал эти изменения следующим образом: «Женщина как бы уже не хочет быть прекрасной, вызвать к себе восхищение, быть предметом любви, она теряет обаяние, грубеет, заражается вульгарностью. Женщина не хочет быть прекрасным творением божьим, произведением искусства, она сама хочет создавать произведения искусства. Это глубокий кризис...» [11. С. 27].

Теория и реальная жизненная практика существенно расходились: все больше женщин не собирались следовать этим постулатам или доказывали своей судьбой обратное. И статьи сборника Колтоновской на самом деле иллюстрируют реальные примеры успешной борьбы женщин за свою профессиональную субъектность. Однако несмотря на отсутствие подтверждающих «теорию надрыва» примеров, она *продолжает воспроизводить маскулинные критические построения*. Это сам по себе показательный пример зависимости женщины-критика от господствующего культурного дискурса, невозможности выйти за его границы, а также, вероятно, стремление свою собственную писательскую стратегию выстроить с помощью мимикрии – подстраивания под господствующую систему взглядов, бросить вызов которой она не решалась или не считала нужным.

Предшественница Колтоновской, первая женщина-критик в России Александра Зражевская (1805–1867), еще в середине XIX в. активно выступала против подобных взглядов. В 1842 г. она опубликовала в журнале «Маяк» эссе «Зверинец», в котором полемизировала «с патриархатными предубеждениями о противоестественности и опасности для женщин занятий литературой» [12. С. 26–27], бунтовала против обвинений женщин, пишущих о «страстях», в бесстыдстве и нескромности, призывала их к выходу из будуара и детской на арену истории с помощью авторства [13. С. 163–165]. Неконкурентоспособность женщин в профессиональной сфере связана, по мнению Зражевской, не с их природным предназначением реализовываться только в кругу семьи или отсутствием способностей, а с недоступностью высшего образования и противодействием таких институтов, как критика и общественное мнение. Отметим, что радикальная позиция и бунтарская стратегия Зражевской не способствовали ее профессиональному признанию в русском литературном сообществе середины XIX в., и Колтоновская, хотя и работавшая уже в более мягких обстоятельствах, решает действовать другим путем, возможно, чтобы обезопасить свой критический сборник от нападков критиков-мужчин¹.

¹ Собранные в одной книге статьи, ранее публиковавшиеся по-отдельности в периодической печати, неизбежно привлекли бы к себе больше внимания читающей публики, в том числе и сторонников ультраконсервативных взглядов.

Всего одна статья Колтановской хоть как-то иллюстрирует обозначенный ею в предисловии конфликт. Описание борьбы с собой и обществом (родительская семья, супруг) мы можем видеть в статье про С.В. Ковалевскую. Через этот очерк проходят красной нитью метания героини между счастьем в личной жизни и успехом на научном поприще. Трагическая развязка (скоропостижная смерть от быстротечной пневмонии) трактуется как итог борьбы противоположных начал. Критик как бы намекает читателю, что смерть первой женщины-математика на самом деле наступила не в результате болезни, а от разбитого сердца, одиночества и депрессии, вызванных служением науке. Однако биографические факты говорят о том, что интерпретация Колтановской была во многом ее собственным романтизированным видением ситуации. Ковалевская не была одинокой ученой дамой. Ее отношения с последним возлюбленным, однофамильцем ее покойного супруга, социологом М.М. Ковалевским, были непростыми, но в них были подлинные симпатия и уважение. Нельзя говорить и о каком-то предательстве или другой психологической травме, ставшей скрытой причиной смерти. Ковалевскую в Швеции ждали любимая работа, дочь, новые научные задачи... Колтановской же очень хочется представить несчастливое стечение обстоятельств как надрыв и трагедию творческой личности.

В других статьях сборника дается минимум биографической информации о женщинах-писательницах или актрисах, а когда такая информация присутствует, то она не иллюстрирует мысль о «роковой борьбе» между самореализацией и семейным счастьем, между женственностью и творческой активностью. Например, личная жизнь писательницы Л. Микулич (Веселитской Лидии Михайловны), действительно, сложилась несчастливо, она вышла замуж, но семья распалась. Однако этот факт не проговаривается и никак не обыгрывается в статье в русле вышеизложенной теории о жертве, которую непременно принесет женщина на алтарь своего успеха. Писательница Надежда Хвошинская (Крестовский – псевдоним) также осталась в итоге в одиночестве, хотя и была замужем. Но брак распался не по причине писательской деятельности Надежды, и с мужем она сохранила дружеские отношения. Отец Хвошинской всячески поощрял ее писательство, поэтому мы не можем говорить и о конфликте в родной семье. С помощью своих романов Хвошинская смогла зарабатывать на жизнь себе и своим близким, ее карьера была вполне успешна в плане публикаторской активности, отзывов критики. То же самое мы наблюдаем в биографии Элизы Ожешко, хотя ей и пришлось порвать со светским кругом общения.

Личные судьбы и профессиональную карьеру ряда писательниц перечеркнула или смертельная болезнь, или революция 1917 г. Но в этом нет гендерной подоплеки: многие судьбы мужчин-писателей сложились точно так же трагически по тем же причинам. Такие писательницы, как Е.П. Леткова или О.Э. Негрескул (О. Миртов), были модницы и красавицы, Леткова еще и светская дама. Поэтому мысль Колтановской о том, что профессиональная самореализация ведет к утрате женственности, также не находит подтверждения и говорит о заимствованности самой этой идеи из мужской

критики. Именно Негрескул и Леткова писали, по словам Колтоновской, не как женщины, их стиль был скорее мужской, объективный, без гиперэмоциональности, но свою женскую привлекательность они смогли сохранить, а значит, нет прямой зависимости между социальной личностью автора-женщины и ее стилем.

Сама Колтоновская была замужем вполне счастливо (судя по ее воспоминаниям о 1890-х гг.), ее супруг тоже был литератором, писательскую деятельность жены поощрял. Как критик она нашла довольно быстро признание и свою нишу. Жизнь другого талантливого критика и издательницы Лидии Туган-Барановской оборвалась в результате тяжелой болезни, но до этого она также была вполне счастлива в браке. Любимой женой сумела стать и Мария Крестовская, умершая также в молодости в результате неизлечимой болезни. Поэтому центральный посыл предисловия «Женское» о непременном разладе, который проявится у творческой женщины, не находит подтверждения в материале статей, и многие женщины модерна смогли сочетать замужество и работу¹.

В размышлениях Колтоновской можно усмотреть отголоски стереотипных представлений, касающихся женщин-актрис. На пути актрисы, связанном с гастрольными поездками, женщине зачастую приходилось выбирать – профессия и жизнь ради сцены или семейное счастье. Однако в эпоху Серебряного века и в театральной среде происходили изменения. Интерес Колтоновской к театру (она регулярно выступала с театральными рецензиями) и биографиям выдающихся актрис ее времени весьма показателен: она чувствовала, что в этой сфере аккумулируются новые тенденции, осуществляются подлинные сдвиги, касающиеся становления женской творческой субъектности. Нина Ауэрбах в монографии «Женщина и Демон: жизнь викторианского мифа» (*Woman and Demon: The Life of a Victorian Myth*) утверждает, что в культуре модернизма театр и актерство стали теми сферами искусства, в которых женщинам можно было реализовать себя. Статус актера и особенно актрисы повысился вместе с развитием театральной эстетики и новых форм театра. Профессия актрисы открывала женщинам поле деятельности и возможность конструировать общественную идентичность (“*public identity*”) [14. Р. 205–206].

Перейдем к образу «новой женщины». С одной стороны, отвечая запросам времени, Колтоновская пытается артикулировать этот образ, а с другой стороны, он вызывает у нее определенное отторжение. Следует отметить, что его

¹ Сказанное не означает, что проблем с продвижением на литературном или другом профессиональном поприще женщины эпохи модерна уже не встречали и внутреннего разлада вообще не переживали. Речь идет о конкретных героинях сборника «Женские силуэты» применительно к высказанной самой Колтоновской концепции «надрыва». Известно, что трагическая судьба Анны Мар, покончившей жизнь самоубийством, или долгая депрессия и практически отказ от творчества Елизаветы Дмитриевой (Черубины де Габриак) были во многом связаны с неприятием их творчества как скандального или их самих без литературной маски. Но нельзя утверждать, что это был удел любой профессионально реализующейся женщины.

становление критик усматривает в эпохе великих реформ 1860-х гг. и в народническом движении. И закономерно, что ее очерки начинаются с рассказа о писательницах старшего поколения Э. Ожешко (1841–1910) и Н.Д. Хвошинской (1822–1889). Ближе к концу XIX в. количество «новых женщин» все увеличивается, и основной их общей чертой является *профессиональная деятельность*. Женщины, о которых написала Колтоновская, не только выступали на сцене, развивали науку или писали книги, но и занимались благотворительностью, политической борьбой, издательской деятельностью, работали врачами. Вторая общая черта – *стремление выразить саму себя*. Говоря об актрисах (Комиссаржевской, Дузе и Заньковецкой) Колтоновская неоднократно подчеркивает, что во всех ролях они раскрывали прежде всего себя, свою личность, а роли подбирали близкие по духу.

Можно сказать, что все героини очерков «Женские силуэты» – это «новые женщины» с точки зрения способности выстраивать свою жизнь по собственному усмотрению. По мнению К. Эконен, «характеристиками “новой женщины” являются самостоятельность, бунтарство и то, что она противостоит стереотипам и ожиданиям женской роли в семье и обществе, особенно в области сексуальности» [15. С. 56]. Колтоновская рефлексировала по поводу еще двух важных черт новой женщины: *свободы в любовных отношениях* (отрицание моногамии) и *интеллектуальной развитости*.

Однако среди ее героинь только Веру Комиссаржевскую можно считать в полной мере подходящей под эти условия. И сама Колтоновская пишет про нее: «Это была, пожалуй, *единственная* у нас артистка с душой новой женщины, подвижной, богатой, сложной и требовательной. Этим она больше всего очаровывала» [6. С. 215] (курсив мой. – Е.К.). Комиссаржевская, действительно, имела множество возлюбленных и жила по новой модели любовных отношений, но сама Колтоновская про эту биографическую деталь в своих очерках не упоминает, посвящая знаменитой актрисе стандартные театральные рецензии, предваренные небольшим вступлением-некрологом.

Остальные героини ее очерков состояли в более привычных любовно-семейных союзах. Что касается уровня интеллектуального развития, то некоторые писательницы были высокообразованны, закончили высшие женские курсы или даже получили ученую степень, как Ковалевская, а другие имели невысокий уровень образования, например актриса Элеонора Дузе, выросшая за кулисами передвижного театра, или писательница Надежда Хвошинская. Таким образом, критерии свободы в любовных отношениях и интеллектуального развития оказываются относительными для реальных примеров «новой женщины».

Можно сказать, что Колтоновская чаще пытается усмотреть признаки «новой женщины» в художественных произведениях, нежели в своих современницах. К. Эконен справедливо отмечает, что «новая женщина» в художественной литературе «является не (с)только репрезентацией существующего в обществе типа женского поведения, но и *воображаемым (желаемым) образом*. Ввиду этой двойственности восприятия образ “новой жен-

щины” был способен выполнять функции создания и осмысления альтернативных ролей женщин в обществе» (курсив мой. – Е.К.) [15. С. 56]. Важнейшими статьями Колтоновской в этом плане являются работы «Женщина в драмах Ибсена» и «Брюсов о женщине». В первой статье она анализирует в основном два типа женских персонажей в творчестве Ибсена: «традиционная женщина», жаждущая стать музой и заполнить свою пустоту мужчиной, который составляет весь смысл ее жизни (Теа в пьесе «Гедда Габлер»), и пробуждение «новой женщины», которая хочет обрести саму себя, отделившись от мужчины, уйдя из семьи (Нора в пьесе «Кукольный дом»), или вообще отрицает женское в себе (Гедда Габлер). Но это были первые шаги, можно сказать, что Ибсен – это проблески становления новой женщины, ее переходные формы, кризис взросления.

А вот у Брюсова в образе Натали из повести «Последние страницы из дневника женщины» Колтоновская видит пример сверхженщины: свободной, активной и доминирующей в любовных отношениях, рассудочной, даже эмоционально холодной, несмотря на чувственность, и интеллектуально развитой. Но одновременно она не верит в существование такой женщины и как бы даже отрицает его, убеждая читателя, что Брюсов изобразил в женском виде в этой повести самого себя. Натали – это сам автор, его кругозор и психология, его отношение к любви, а значит, такого типа женщины нет [16. С. 490–494].

Наблюдение Колтоновской, конечно, интересное. Но при чтении повести не возникает ощущение искусственности образа Натали, ее образованность и интеллект не бросаются в глаза, а круг чтения и цитируемых авторов вполне адекватен уровню женщины ее круга. В любви она, действительно, проявляет себя нетрадиционно, но подобный тип доминирующей над мужчиной героини описала также Е. Нагродская в романе «Гнев Диониса», поэтому можно считать, что подобные женщины существовали в начале XX в., и это не головной персонаж, хотя, возможно, и предвещающий, конструирующий некие ожидания¹. О романе Нагродской Колтоновская также пишет скорее негативную рецензию, а ее главную героиню не считает прогрессивным *женским типом* и снова утверждает, что это «женщина с мужской психологией», хотя и чрезвычайно эмоциональная, но слишком оригинальная и сложная для женщины [16. С. 489].

Очевидно, что созданные Брюсовым и Нагродской модернистские образы «новой женщины» вызывают у критика отторжение (как и в целом литература модерна), уж слишком они не похожи на самоотверженных общественных деятельниц XIX в., но самая главная претензия заключается в подрыве оснований традиционной женственности. Рефлексия над образом «новой женщины» в статьях Колтоновской отражает переходный характер эпохи рубежа XIX–XX вв., отличающейся переплетением *традиционных и*

¹ Статья «Брюсов о женщине» не вошла в сборник «Женские силуэты», но тематически к нему примыкает.

новых моделей поведения, а сама писательница балансирует в своих оценках между их принятием и осуждением.

Если подойти к проблематике ее статей с другой стороны и посмотреть, смогла ли она на примере анализа женских персонажей показать вклад своих современниц в дело более глубокого и верного представления женщины в искусстве, то тут также возникают затруднения, впрочем, вполне закономерные. С одной стороны, Колтоновская, безусловно, акцентирует внимание на творчестве таких ультраженственных писательниц, как Микулич, демонстрируя тем самым, что ее темы не такие уж периферийные и заслуживают внимания. С другой стороны, к творчеству целого ряда авторов, претендовавших на освещение масштабных социальных вопросов или изображавших женщин нестандартно, она не находит подхода, способного выявить их уникальность и оригинальность.

В связи с доминированием мужчин-писателей образ женщины в литературе был представлен их глазами, и у Колтоновской были основания считать его плодом мужской фантазии. Но чтобы продемонстрировать различия и показать то новое, что смогли сказать писательницы о самой женщине, необходимо было произвести сравнение с текстами авторов-мужчин, а этого сопоставления в ее статьях практически нет. Она указывает на зависимость некоторых писательниц от школы Тургенева (Леткова) или Чехова (Ольнем), но не проводит сопоставление их произведений с произведениями «мужской литературы» даже там, где на наш взгляд, оно напрашивается. Например, роман О. Миртова (О. Негрескул) «Яблони цветут» посвящен теме первой любви, имеющей глубокую традицию в русской литературе. Но, когда Колтоновская пишет о женских персонажах Негрескул, остается непонятным, в чем же их новизна, что такое «особое женское» смогла сказать писательница, например, о своей героине Вареньке, показала ли она первую любовь глазами женщины? В разборе этого романа больше всего внимания уделено мужскому персонажу, старику Петру Саввичу, познавшему смысл жизни и примирившемуся со смертью, а Варенька охарактеризована лаконично как образ приземленный: «...грубая, совсем “земная” Варенька» [216. С. 323]. Следуя за Колтоновской, получается, что «глазами женщины» лучше всего показан мужчина на склоне лет, а вовсе не сама она.

Однако, если обратиться к тексту романа, то становится очевидно, что Варя персонаж очень нестандартный, действительно, во многом новаторский, а для общественного мнения, может быть, и вызывающий, так как Негрескул рискнула изобразить эротическо-чувственное взросление, созревание девочки и превращение ее в женщину, что было табуированной темой в русской литературе. Варя описывается как молодая бунтарка, носящая узкую юбку и английское кепи, нарушающая нормы поведения и приличия, но вовсе не грубая и приземленная, а скорее инстинктивная, стихийная... Тогда как Петр Саввич персонаж как раз традиционный, имеющий многочисленные прототипы в русской литературе среди мудрых «старцев» и «учителей жизни». Колтоновская, по сути, *замалчивает* смелость Негрескул в обращении к проблематике женской чувственности и делает акцент на

проходном мужском персонаже. Она избегает писать на темы, которые могли бы повлечь обвинения в безнравственности, сглаживает углы, не морализаторствует, но лавирует и оценивает произведения Негрескул по лекалам маскулинной критики, приспособляясь к ее вкусам.

Причина этого, на наш взгляд, заключается в том, что писательская стратегия самой Колтоновской строится на мимикрии, она пишет о женском творчестве *с позиции мужчины-цензора* и чаще всего следует шаблонным рассуждениям, приемлемым для мужского литературного сообщества: Микulich (Л.И. Веселитскую) она хвалит за то, что она «не таит своей женской индивидуальности» и «только это свое женское и воплощает в творчестве» [16. С. 268–269], а Е.П. Леткову, напротив, за то, что «она вполне способна жить общечеловеческими интересами» [16. С. 284] – все это допустимые похвалы с точки зрения мужчины-критика. Но там, где женщины-писательницы пересекают «красные линии», она не солидаризируется с ними и не предпринимает попыток расшатывания сложившейся системы взглядов и суждений, высвечивая действительно провокативные идеи. Такая «встроенность» в общепринятую систему координат свидетельствует о все еще уязвимой и потому осторожничающей позиции женщины-критика, пишущей без мужского псевдонима, в литературе русского модернизма¹.

Говоря о «писательской стратегии» Колтоновской, мы не имеем в виду прямой расчет, а опираемся на утверждение К. Эконен, что тексты авторов-женщин даже бессознательно «включают в себя стратегии конструирования авторства и включения в дискурс (или исключения из него)», и достаточно частотной для них является как раз миметическая, подражательная стратегия как способ «превращения объектного положения в позицию субъекта» [15. С. 37]. Иными словами, чтобы иметь возможность выступать на поле интеллектуальной конкуренции, женщина зачастую мимикрирует в своих взглядах под позицию и точку зрения мужского субъекта. В этом плане опыт Колтоновской представляет исключительную ценность, так как в нем проявляется и противоположная тенденция – стремление говорить о ярких женщинах своего времени, расширяя и легитимизируя их присутствие в общественно-культурном сознании эпохи.

Приметами женского письма Колтоновская также считает комплекс черт, так или иначе сформировавшийся ранее в маскулинном критическом дискурсе: повышенный градус эмоциональности, крайний субъективизм, длинноты (многословие), интимно-доверительный рассказ о себе и своем «женском мире», разговор с читателем по душам, особое пристрастие к изображению фемининной психологии и раскрытию таких тем, как любовь и разлад между долгом и чувством, т.е. те самые «мигрени сердца» и «тайны пола». Но все вышеназванное либо свойственно только некоторым писательницам, действительно сосредоточенным на «женском мире», либо в

¹ Например, З. Гиппиус, жена известного писателя и сама состоявшийся поэт, находящаяся в гораздо более комфортных условиях в литературном мире, нежели Колтановская, как критик выступает чаще всего под мужскими псевдонимами.

равной мере применимо к некоторым творческим индивидуальностям писателей-мужчин. Например, Достоевский писал гиперэмоционально и экспрессивно, его также можно упрекнуть в многословности, затянутости многих его великих романов, в их недостаточной стилистической отделке, в том, что он не вполне подчиняет себе свой материал. Но никто из современников или исследователей не усматривал и не усматривает в этом признака «женского письма». Любовь и разлад между долгом и чувством также нельзя считать специфически женской темой, так как это одна из центральных проблем культуры нескольких периодов. Таким образом, с одной стороны, Колтоновская, действительно, поднимает вопрос о женском творчестве, но, с другой стороны, решает его в рамках традиционалистских и консервативных идеологем с легким налетом вейнингеризма.

Несмотря на обозначенные выше сложности, критерий тематического, содержательного своеобразия женского творчества представляется и Колтоновской, и многим современным исследователям самым релевантным. Безусловно, некоторые писательницы смогли осветить в литературе такие темы, которые писатели-мужчины просто не могли бы раскрыть из-за отсутствия знания. Например, Н. Лухманова в повести «Институтки» и Л. Чарская в повести «Записки институтки» описывают быт, учебу и взросление девочек в стенах закрытого учебного заведения – Павловского института благородных девиц. Но таких тем, касающихся сугубо женского жизненного опыта, все же не так много. А там, где талантливая женщина-писатель берется за проблемы общелитературные и общечеловеческие, выявить «особый женский взгляд» становится уже проблематично. Подходя к этому вопросу, мы неизменно сталкиваемся с тем, что сами женщины учились мыслить и познавать себя по Флоберу, Тургеневу, Толстому, были зависимы от предшествующей литературной традиции и мужских текстов, считавшихся образцовыми. Но не менее важным является тот факт, что область общечеловеческого, внегендерного, намного обширнее в психотипе и ментальности каждой конкретной личности, чем гендерно обусловленная надстройка. В первую очередь представители разных полов индивиды, а уже во вторую – мужчины и женщины, что определяет отсутствие абсолютных формальных различий в продуктах их творческих усилий¹. Но именно представители

¹ В современной психологии существует раздел «гендерная психология», но различия в психике, которые удалось выявить ученым, оказались не настолько существенны, чтобы предлагать мужчинам и женщинам разную психотерапию. Удалось, например, доказать, что женщины более эмпатичны и испытывают более тонкие нюансы эмоций, но речь идет о небольших количественных различиях в степени проявления эмоциональной сферы, при этом сила эмоций, как и уровень интеллекта, одинаковы у обоих полов. Разница в психике, поведении и когнитивных способностях, обусловленная биологическим полом (врожденная), безусловно, существует (например, женщинам более свойственно вербальное мышление, а мужчины склонны к последовательным умозаключениям), но она не настолько велика, чтобы сильно влиять на картину мира или порождать особое

мужского пола до сих пор нормативно ассоциируются с индивидом, а женщины – с чем-то особенным, с какой-то аномативностью. Резюмируя размышления Сьюзен Фридман, И.Л. Савкина констатирует, что «женщине и в социальной жизни, и в авторстве всегда приходится учитывать отношение патриархатного дискурса к ней *не как к индивиду, а как к репрезентации представлений о женственности и ее социокультурном статусе в данное время и в данном месте*» (курсив мой. – Е.К.) [17. С. 171].

В очерках Колтоновской не прослеживается какой-либо устойчивой зависимости между полом автора и манерой письма, что приводит ее саму в некоторое удивление¹. Поэтику и способ выстраивания повествования несколькими женщинами-писательницами она характеризует как «мужские», *нетипичные*, рационально-сдержанные, объективные, скрывающие себя. В своей оценке она исходит из того, что существуют какие-то *типичные* женщины-писательницы – многословные, болтливые, пишущие без плана и под влиянием эмоций, однако подкупающие доверительной интонацией. К таким женщинам-авторам, подверженным чрезмерному субъективизму и неровности тона, она относит М. Крестовскую, Н. Хвоцинскую, Микулич (Лидию Веселитскую). Но существование совсем другого индивидуально-авторского стиля разрушает утверждение о гендерной предопределенности формальных признаков произведения, вышедшего из-под пера женщины: «Напротив, произведения Летковой совершенно объективны, несколько суховаты. <...> Она не сосредоточивается, как Микулич, специально на женской психологии, хотя эта последняя и занимает в ее произведениях довольно обширное место; перед ней свободно открыт весь Божий мир; темы ее произведений самые разнообразные...» [16. С. 283]. К женщинам с «мужским стилем письма» можно также отнести В. Дмитриеву и писательницу Ольнем (Варвару Цеховскую). В творчестве О. Миртова (О. Негрескул) критик усматривает причудливую смесь мужских и женских черт: сочетание интеллектуальной широты и глубины с женской наивностью и творческой беспомощностью, невозможностью подчинить себе силу вдохновения. При этом, подобно автору-мужчине, Негрескул скрывает саму себя в своих произведениях, прячется за персонажами.

Вышесказанное демонстрирует несостоятельность схемы, которую пытаются применять Колтоновская, следуя за некими признаками, закреплен-

женское и особое мужское искусство. На литературных произведениях, созданных женщинами в XVIII–XIX вв., могли сказываться их социальная изоляция и более скудное образование, но начиная с XX в. это все больше нивелируется.

¹ Американская исследовательница и одна из основательниц феминистской критики Э. Шоуолтер (*E. Showalter*) также признает трудности «определения уникального отличия женского письма» и «особой женской литературной традиции», что, по ее словам, является «скользкой и сложной задачей». Однако она не теряет надежду понять отличительные характеристики отношения женщин к магистральной литературной культуре и функционирование их собственной приватной культуры (XVIII–XIX вв.), порожденные их длительным маргинальным положением [18. Р. 249].

ными предшествующей мужской критической традицией и просто обывательскими стереотипами мышления за «мужским» и «женским» стилем. У половины выбранных ею авторов не наблюдается доминирования черт «женского» стиля. Ее очерки ценны не той теорией, которую она пытается доказать, а тем, что они правдиво продемонстрировали различия творческих манер, обусловленные индивидуальными свойствами личности (откровенность – скрытность, эмоциональность – сдержанность, аналитичность – лиризм), которые проявляются как у мужчин, так и у женщин.

Мы видим, что Колтоновская ищет подход к анализу женской творческой субъектности с разных позиций: отражение разрыва между личным счастьем и профессиональной самореализацией, проявление особой женской природы (женскости), воплощение образа «новой женщины» и фемининный литературный стиль. И по всем этим пунктам ее материал дает противоречивые результаты. Не доминируют тенденции к несчастной судьбе, связанные напрямую с творческим развитием, писательницы демонстрируют самые разные, в том числе «неженские», психотипы и стили письма. Различий между творческими индивидуальностями ее героинь наблюдается больше, чем цехового гендерного сходства, и причина этих различий лежит в степени таланта и в личностных чертах характера и ментальности.

Однако некоторые особенности женских текстов Колтоновская смогла почувствовать очень точно. В частности, она указала на два подхода к выражению личности автора, которые могут проявляться в произведениях писательниц: «Чрезмерная женская скрытность и затаивание своего “я” ведет обыкновенно к бледности и сухости творчества, а иногда к его поверхностности. <...> Чрезмерная же полнота и несдержанное проявление эмоционального женского “я” приводит не только к вынужденному однообразию и монотонности творчества, но и к его преждевременной исчерпываемости» [6. С. 198]. Эти подходы в конструировании авторской идентичности сформировались в результате того, что долгое время общественное мнение не запрещало женщине писать вообще, но негласно не позволяло высказываться публично. Анализируя критический дискурс XIX в., И.Л. Савкина пишет: «Женское писательство может существовать как саморефлексия, как фиксация ощущений, впечатлений и фантазий собственной души, но оно не может и не должно выходить в публичность, во внешние сферы, где происходит борьба за пространство и власть» [19. С. 18]. То есть женское письмо чаще создавалось как приватное, предназначенное для узкого круга лиц, а значит, способствующее более полному и доверительному раскрытию личности автора. Но если женщина нарушала эти правила и писала для широкой аудитории, она, как правило, стремилась скрыть свою личность, нивелировать образ автора, замаскировать указания на гендерную принадлежность, чтобы не подвергнуться остракизму.

Приведенные выше размышления Колтоновской удивительным образом перекликаются с более поздней теорией «двойственного стиля» женских текстов, разработанной представительницами западных women's studies. Если Колтоновская предполагала доминирование и последовательное проявление одного из этих подходов (или раскрытие, или утаивание себя), то

такие ученые, как Э. Шоуолтер, С. Лансер, Р. Вархол, предположили возможность их одновременного существования в женских текстах. Э. Шоуолтер (*E. Showalter*), например, назвала эту особенность женского повествования “double-voiced discourse” (двуголосый дискурс), «в котором есть место и угнетенному, и господствующему дискурсу, звучащему и от лица феминизма и от лица его критиков» [20. С. 324], подчеркивая, что он сформировался на определенном этапе развития культуры и общества как элемент сопротивления андроцентристской литературной практике [21]. Исследовав огромное количество текстов, созданных женщинами-авторами, она утвердила женские произведения как центральный объект критиков-феминистов, но отвергла концепцию какой-то обособленной женской сущности и стиля, лежащей вне магистральной, общечеловеческой линии мышления и творчества. Шоуолтер заявляет, что «ни творчество, ни критика не могут существовать вне господствующей культуры» [20. С. 324].

С. Лансер (*S. Lanser*) демонстрирует, как восприятие «двойного голоса» (*the double voice*) в женских текстах может стать ключом для их прочтения, и заключает, что «нарратологией должно быть кодифицировано большее количество критериев, различающих эти два голоса» [22. Р. 349]. На примере конкретного нарративного анализа С. Лансер демонстрирует функциональную продуктивность двух категорий (примет публичного и приватного способа повествования) для осмысления женских текстов: «Я мыслю данное выделение *публичного и приватного нарративных уровней* как добавочную категорию, особенно релевантную для изучения женских текстов. Для женских авторов, как уже давно было замечено в феминистской критике, различие между *приватным и публичным контекстами* является одновременно действенным и осложненным. Говоря традиционно, санкционированные действия, направленные против женского письма, приняли форму не запретов писать вообще, а запретов писать для публичной аудитории» (курсив мой. – Е.К.) [22. Р. 352]. Этим во многом объясняется повествовательный конфликт (расхождение поверхностного и глубинного нарратива в женских текстах), о котором идет речь в работах западных исследователей истории женской литературы.

Аналогичную нарратологическую технику разрабатывает на примере женской литературы Р. Вархол (*R. Warhol*). Опираясь на формалистскую традицию и метод дифференциации нарративных уровней, она предлагает обязательное различение так называемого «вовлеченного» (*the engaging narrator*) и «дистанцированного нарратора» (*the distancing narrator*) в текстах, написанных женщинами [23. Р. 811–818].

Развивая идеи Э. Шоуолтер и С. Лансер, Н.И. Павлова пишет о двойственности авторского женского сознания, когда, «с одной стороны, писательницы должны были приспособливаться к андроцентричному дискурсу, а с другой – выражать собственную индивидуальность» [24. С. 81]. Двойственность женского письма существует вне временных рамок и жанровых границ, однако особенно ярко феномен «двойного голоса» проявился в литературе конца XIX – начала XX в., в эпоху смены гендерного порядка, «когда так называемый “женский вопрос”, являясь продуктом политического,

социально-идеологического дискурса, был тематически допущен и в дискурс литературный» [24. С. 82].

Находки Колтоновской, как и противоречивость ее подходов и подверженность влиянию традиционного патриархатного дискурса, отразили в ее критическом наследии ряд важных моментов. Цикл «Женские силуэты» демонстрирует *переходный характер* эпохи начала XX в., которую справедливо называют эпохой слома традиционных гендерных представлений. В это время происходил отход женщин (прежде всего женщин-авторов, гражданских активисток и культурных деятельниц) от стереотипов нормативной женственности», который художественно и публицистически рефлексировался как авторами-мужчинами, так и самими писательницами. Эта переходность проявляется в том, что традиционные представления о фемининности соседствуют с новыми взглядами. Сама Колтоновская на уровне проговариваемых тезисов встает на сторону прежних установок и полагает, что женщине обязательно надлежит быть эмоциональной, чувствительной и даже «пустой», но при этом восторгается некоторыми современницами, которые демонстрируют иной стиль поведения и социальной активности. Колтоновская уже допускает существование *женского творчества* и не пишет вслед за З. Гиппиус, что любое творчество по природе мужское, ибо это внутренний мужчина творит внутри эмпирической женщины [25]. Но, говоря о женщинах, она сама находится в плену шаблонов и выносит эстетические оценки, исходя из представлений своего времени о неких «типичной» женщине и «типичном» мужчине, т.е. демонстрирует еще одну черту модерна – «бинарное и комплементарное противопоставление полов» и маркированность категории фемининного, существующей только в оппозиции к категории маскулинного [15. С. 30].

С одной стороны, Колтоновской, очевидно, сложно говорить и мыслить о женской авторской индивидуальности как об уникальной личностной индивидуальности вне опоры на гендерные стереотипы и предписания¹, а с другой – определенная архаичность ее собственной критической позиции может быть (бес)сознательно выбранным *способом приспособления к андроцентричному общественно-литературному полю*.

Анализ критики Колтоновской помогает выявить как «подводные камни» гендерных исследований на литературном материале, так и то, что методологически перспективно. Женская тематика, проблематика, особый

¹ И в жизни, и в литературных произведениях мы сталкиваемся с многообразным и прихотливым переплетением условно «мужских» и «женских» признаков в характере одной личности. Женщинам эпохи викингов было допустимо демонстрировать воинственность, а мужчинам в гомеровской Греции – эмоциональность и слезливость. Нельзя отрицать существование принятых в обществе под влиянием ряда факторов (экономическое развитие, религия, тип семьи и т.д.) способов взаимодействия, вербальных и невербальных сигналов, которых обычно придерживаются представители разных полов в коммуникации друг с другом и внутри однополых групп, но абсолютизация гендерных различий и попытка выстроить на их основе эстетическую теорию не выдерживают проверки временем.

взгляд и точка зрения – относительные, а не абсолютные критерии литературы, созданной женщинами, так как писательница может акцентировать на этом внимание и включать в свою писательскую стратегию (именно такие тексты чаще всего считаются образцово-показательной «женской литературой»), а может избегать или нивелировать. Безусловно, продуктивно изучать особые женские жанрово-тематические группы литературных произведений, как, например, повести о взрослении девочки в закрытом учебном заведении¹, но практически невозможно научно обосновать приметы феминного или маскулинного стиля, если речь идет не о массовой литературе.

При этом рассмотрение способов проявления и созидания женской авторской идентичности и субъектности может быть вполне убедительным, потому что их становление встречало сопротивление социума, требовало выработки определенных приемов и стратегии (мимикрии, скрытого культурного сопротивления, расшатывания и т.д.)². И.Л. Савкина, отталкиваясь от рассуждений Э. Шоултер, подчеркивает необходимость всегда иметь в виду ««двойственное положение» женщин в культуре и стараться обращать внимание на те способы, которыми они обустроивают свою “промежуточную”, “пограничную” культурную территорию, на то, как они пытаются “лавирировать” внутри господствующего патриархатного дискурса, структурированного через жесткие идеологические бинаризмы» [12. С. 10). Относительно благополучная карьера Колтоновской как женщины-критика до революции 1917 г. была во многом обусловлена ее успешным «лавирированием» внутри доминирующего дискурса, стремительно устаревающие нарративы которого она продолжала воспроизводить.

Ее очерки демонстрируют не прозрения в понимании сути женскости, а то, что *эта суть не априорна, а изменчива* на протяжении истории и в любую эпоху социально обусловлена, детерминирована и кодифицирована, но при этом допускает и вариативность. Художественные тексты отражают не само «мужское» или «женское», а их понимание и восприятие в тот или иной исторический период. Патриархатный дискурс стремился репрезентировать *все* социокультурные представления о фемининном и маскулинном в качестве природных и вечных, и сама Колтоновская отчасти поддерживает это заблуждение, но современные исследования и ее собственные статьи доказывают их изменчивость и конструируемость.

Список источников

1. Михайлова М.В. Динамика осмысления неореализма у Е.А. Колтоновской // От Чехова до Бродского: Эстетические и философские аспекты русской литературы XX века. М., 2019. С. 33–43.

¹ См., например: Савкина И. Повести об институтках двух забытых писательниц («Институтка» Софьи Закревской и «Аничкина революция» Натальи Венкстер) [26].

² Данные стратегии рассматриваются в работах западных гендеристов, прежде всего Л. Иригарэ (*Lus Irigaray*) и Т. де Лауретис (*Teresa de Lauretis*) [27–29].

2. Михайлова М.В. Книга Е.А. Колтоновской «Женские силуэты» – теоретическое обоснование женского творчества // Гендерные исследования. 2000. Т. 4. С. 127–135.
3. Михайлова М.В., Нестеренко М. Елена Колтоновская: вектор судьбы // Колтоновская Е. Женские силуэты: Статьи и воспоминания (1910–1930). М., 2020. С. 10–37.
4. Савкина И.Л. Кто и как пишет историю русской женской литературы // НЛО. 1997. № 24. С. 359–372.
5. Савкина И.Л. Факторы раздражения: о восприятии и обсуждении феминистской критики и гендерных исследований в русском контексте // Савкина И.Л. Пути, перепутья и тупики русской женской литературы. М., 2023. С. 195–228.
6. Колтоновская Е. Женское (Вместо предисловия) // Колтоновская Е. Женские силуэты: Статьи и воспоминания (1910–1930). М., 2020. С. 195–200.
7. Нестеренко М. Розы без шипов: Женщины в литературном процессе России начала XIX века. М., 2022. 274 с.
8. Рахманный А. Женщина-писательница // Библиотека для чтения. 1837. Т. 23. Отд. 1. С. 15–134.
9. Савкина И.Л. «Поэзия – опасный жар для девы»: Критическая рецепция женской литературы и женщины писательницы в России в первой половине XIX века // Савкина И.Л. Пути, перепутья и тупики русской женской литературы. М., 2023. С. 126–155.
10. Белинский В.Г. [Рецензия] // Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 1. С. 221–228.
11. Бердяев Н. Метафизика пола и любви // Перевал. 1907. № 6. С. 24–36.
12. Савкина И.Л. «Как должны писать женщины»: Краткая история женской литературы первой половины XIX века // Савкина И.Л. Пути, перепутья и тупики русской женской литературы. М., 2023. С. 10–27.
13. Савкина И.Л. Женщина – поэт и автор в «зверинце» патриархатной критики: Александра Зражевская // Савкина И.Л. Пути, тупики и перепутья русской женской литературы. М., 2023. С. 156–169.
14. Auerbach N. Woman and Demon: The Life of a Victorian Myth. Cambridge : Harvard University Press, 1982. 276 p.
15. Эконен К. Творец, субъект, женщина: Стратегии женского письма в русском символизме. М., 2011. 400 с.
16. Колтоновская Е. Женские силуэты: Статьи и воспоминания (1910–1930). М., 2020. 624 с.
17. Савкина И.Л. «Зеркало треснуло...» (современная литературная критика и женская литература) // Савкина И.Л. Пути, перепутья и тупики русской женской литературы. М., 2023. С. 170–194.
18. Showalter E. New feminist criticism: essays on women, literature, and theory. New York, 1985. 403 p.
19. Савкина И.Л. Провинциалки русской литературы (женская проза 30–40-х годов XIX века). Wilhelmoshorst, 1998. 223 с.
20. Современная литературная теория: антология / сост., пер., примеч. И.В. Кабановой. М., 2004. 344 с.
21. Showalter E. Feminist Criticism in the Wilderness // Critical Inquiry. 1981. № 8. P. 179–205.
22. Lanser S. Toward a Feminist Narratology // Style. 1986. Vol. 20. № 3. P. 341–363.
23. Warhol R. Toward a Theory of the Engaging narrator. Earnest interventions in Gaskell, Stowe and Eliot. PMLA 101, 1986. P. 811–818.
24. Павлова Н. Возможно ли прочесть «женское письмо»: К проблеме гендерно ориентированной нарратологии // Мир русского слова. 2013. № 3. С. 79–84.
25. Гиппиус З. Зверобог // Образование. 1908. № 8. С. 20–24.
26. Савкина И. Повести об институтках двух забытых писательниц: («Институтка» Софьи Закревской и «Аничкина революция» Натальи Венкстер) // Савкина И.Л. Пути, перепутья и тупики русской женской литературы. М., 2023. С. 28–36.

27. Irigaray L. An Ethics of Sexual Difference. London, 1993. 217 p.
28. Irigaray L. Speculum of the Other Woman. Ithaca ; New York, 1985. 365 p.
29. Lauretis T. de. Feminist Studies. Issues, Terms, Contexts // Feminist Studies / Critical Studies. Basingstok ; London, 1988. 244 p.

References

1. Mikhaylova, M.V. (2019) Dinamika osmysleniya neorealizma u E.A. Koltonovskoy [The dynamics of understanding neorealism by E.A. Koltonovskaya]. In: *Ot Chekhova do Brodskogo. Esteticheskie i filosofskie aspekty russkoy literatury XX veka* [From Chekhov to Brodsky. Aesthetic and philosophical aspects of Russian literature of the 20th century]. Moscow: Moscow State University. pp. 33–43.
2. Mikhaylova, M.V. (2000) Kniga E.A. Koltonovskoy “Zhenskie siluety” – teoreticheskoe obosnovanie zhenskogo tvorchestva [Women’s Silhouettes by E.A. Koltonovskaya – a theoretical basis for women’s creativity]. *Gendernye issledovaniya*. 4. pp. 127–135.
3. Mikhaylova, M.V. & Nesterenko, M. (2020) Elena Koltonovskaya: vektor sud’by [Elena Koltonovskaya: vector of fate]. In: Koltonovskaya, E. *Zhenskie siluety. Stat’i i vospominaniya (1910–1930)* [Women’s Silhouettes. Articles and memories (1910–1930)]. Moscow: Common place. pp. 10–37.
4. Savkina, I.L. (1997) Kto i kak pishet istoriyu russkoy zhenskoy literatury [Who and how writes the history of Russian women’s literature]. *NLO*. 24. pp. 359–372.
5. Savkina, I.L. (2023) *Puti, pereput’ya i tupiki russkoy zhenskoy literatury* [Paths, Crossroads and Dead Ends of Russian Women’s Literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 195–228.
6. Koltonovskaya, E. (2020) *Zhenskie siluety. Stat’i i vospominaniya (1910–1930)* [Female Silhouettes. Articles and Memories (1910–1930)]. Moscow: Common place. pp. 195–200.
7. Nesterenko, M. (2022) *Rozy bez shipov. Zhenshchiny v literaturnom protsesse Rossii nachala XX veka* [Roses Without Thorns. Women in the literary process of Russia at the beginning of the 19th century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
8. Rakhmannyy, A. (1837) Zhenshchina-pisatel’nitsa [Woman writer]. *Biblioteka dlya chteniya*. 23. Section 1. pp. 15–134.
9. Savkina, I.L. (2023) *Puti, pereput’ya i tupiki russkoy zhenskoy literatury* [Paths, Crossroads and Dead Ends of Russian Women’s Literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 126–155.
10. Belinskiy, V.G. (1953) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 1. Moscow: USSR AS. pp. 221–228.
11. Berdyayev, N. (1907) *Metafizika pola i lyubvi* [Metaphysics of sex and love]. *Pereval*. 6. pp. 24–36.
12. Savkina, I.L. (2023) *Puti, pereput’ya i tupiki russkoy zhenskoy literatury* [Paths, Crossroads and Dead Ends of Russian Women’s Literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 10–27.
13. Savkina, I.L. (2023) *Puti, pereput’ya i tupiki russkoy zhenskoy literatury* [Paths, Crossroads and Dead Ends of Russian Women’s Literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 156–169.
14. Auerbach, N. (1982) *Woman and Demon: The Life of a Victorian Myth*. Cambridge: Harvard University Press.
15. Ekonen, K. (2011) *Tvoretz, sub’ekt, zhenshchina: Strategii zhenskogo pis’ma v russkom simvolizme* [Creator, Subject, Woman: Strategies of women’s writing in Russian symbolism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
16. Koltonovskaya, E. (2020) *Zhenskie siluety. Stat’i i vospominaniya (1910–1930)* [Women’s Silhouettes. Articles and memories (1910–1930)]. Moscow: Common place.

17. Savkina, I.L. (2023) *Puti, pereput'ya i tupiki russkoy zhenskoy literatury* [Paths, Crossroads and Dead Ends of Russian Women's Literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 170–194.
18. Showalter, E. (1985) *New Feminist Criticism: Essays on women, literature, and theory*. New York: Pantheon Books.
19. Savkina, I.L. (1998) *Provintsialki russkoy literatury (zhenskaya proza 30–40-kh godov XIX veka)* [Provincial women of Russian literature (women's prose of the 1830s – 1840s)]. Wilhelmoshorst: Göpfert.
20. Kabanova, I.V. (ed.) (2004) *Sovremennaya literaturnaya teoriya: Antologiya* [Contemporary Literary Theory: Anthology]. Moscow: Flinta-nauka.
21. Showalter, E. (1981) Feminist Criticism in the Wilderness. *Critical Inquiry*. 8. pp. 179–205.
22. Lanser, S. (1986) Toward a Feminist Narratology. *Style*. 3 (20). pp. 341–363.
23. Warhol, R. (1986) Toward a Theory of the Engaging narrator. Earnest interventions in Gaskell, Stowe and Eliot. *PMLA*. 101. pp. 811–818.
24. Pavlova, N. (2013) Vozmozhno li prochest' "zhenskoe pis'mo". K probleme genderno orientirovannoy narratologii [Is it possible to read a "woman's letter". On the problem of gender-oriented narratology]. *Mir russkogo slova*. 3. pp. 79–84.
25. Gippius, Z. (1908) Zverebog. *Obrazovanie*. 8. pp. 20–24. (In Russian).
26. Savkina, I.L. (2023) *Puti, pereput'ya i tupiki russkoy zhenskoy literatury* [Paths, Crossroads and Dead Ends of Russian Women's Literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 28–36.
27. Irigaray, L. (1993) *An Ethics of Sexual Difference*. London: Athlon.
28. Irigaray, L. (1985) *Speculum of the Other Woman*. Ithaca; New York: Cornell UP.
29. Lauretis, T. de. (1988) Feminist Studies. Issues, Terms, Contexts. In: Lauretis T. de. (ed.) *Feminist Studies / Critical Studies*. Basingstok; London: MacMillan Press.

Информация об авторе:

Кузнецова Е.В. – канд. филол. наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: katkuzl@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Kuznetsova, Cand. Sci. (Philology), senior research fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: katkuzl@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.03.2023;
одобрена после рецензирования 26.03.2023; принята к публикации 07.03.2024.

The article was submitted 02.03.2023;
approved after reviewing 26.03.2023; accepted for publication 07.03.2024.

ЖУРНАЛИСТИКА

Научная статья

УДК 070:316

doi: 10.17223/19986645/87/14

Российские телеканалы и социальные медиа в условиях трансформации медиаполя

Людмила Алексеевна Круглова¹, Галина Германовна Щепилова²

^{1,2} *Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

¹ *abiljo@mail.ru*

² *shgg@yandex.ru*

Аннотация. Представлены результаты анализа работы шести российских телеканалов («Первый канал», «Россия 1», НТВ, СТС, ТНТ, «Пятница!») с социальными медиа: ВКонтакте, Одноклассники (OK), Telegram, Rutube и YouTube. На основе анализа эффективности деятельности Telegram-аккаунтов выбранных каналов в течение четырех случайных недель 2022 и 2023 гг. была сделана попытка определить изменившиеся цифровые контент-стратегии телеканалов в условиях турбулентности.

Ключевые слова: социальные медиа, телеканалы в социальных сетях, особенности контента, активность пользователей

Для цитирования: Круглова Л.А., Щепилова Г.Г. Российские телеканалы и социальные медиа в условиях трансформации медиаполя // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 87. С. 255–272. doi: 10.17223/19986645/87/14

Original article

doi: 10.17223/19986645/87/14

Russian TV channels and social media in the transformation of the media field

Lyudmila A. Kruglova¹, Galina G. Shchepilova²

^{1,2} *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation*

¹ *abiljo@mail.ru*

² *shgg@yandex.ru*

Abstract. The article presents the results of an analysis of the work of six Russian TV channels (Channel One, Russia 1, NTV, STS, TNT, Friday!) with social media: VKontakte, Odnoklassniki, Telegram, RuTube, YouTube, and in particular the performance of Telegram accounts of the selected channels. The year 2022 brought about the biggest change in Russians' digital habits, which cannot even be compared

with the transformation of pandemic times. Two-thirds of the time Russians spent online in 2022 was spent on the largest types of activity: 21% on social networks, 18% on video and 15% on messengers. The researchers attribute the redistribution of the audience share between social networks and messengers not to a decrease in one activity and growth of the other, but to a spillover between the platforms and hybrid formats. The blocking of some social networks in Russia has led to an outflow of users from these platforms. This has also been one of the growth drivers for the hybrid Telegram, which also serves as a social network. Telegram's growth peaks are related to Russians' logical need for news sources during a period of turbulence. A significant portion of the time users spend on the site is spent reading Telegram feeds. Despite the evidence of the growing influence of social media in Russia, traditional television remains the number one media in terms of accumulated reach. Based on an analysis of the Telegram accounts of six Russian TV channels over four random weeks in 2022 and 2023, an attempt was made to identify the changing digital content strategies of the TV channels in the face of turbulence. A sample of TV channels was selected based on average annual ratings as well as thematic segmentation. Formally, all the six TV channels are now "equalized in rights" and are among the publicly available channels of the first and second multiplexes. The following parameters were analysed in each of the weeks: number of posts, comments, views, and likes. On the basis of all the audience and channel activities, the Engagement Rate, a coefficient of user involvement in the published content (posts), was determined. In addition, on the basis of the entire array of material, the most popular publications were identified and the forms of presentation were analysed. The specific objectives of the study were to identify content strategies, monitor and record the quantitative and qualitative characteristics of the activities of the selected television channels on the rapidly growing Telegram platform, and determine the audience response. Based on the results of the study, it is possible to identify an audience demand for news agenda, on the one hand, and for distracting content – rather than entertainment – in a period of turbulence, on the other hand. Television channels are forced to reinvent themselves in the changed social media space that they struggled to explore a few years ago. It seems that the Big Three channels are only trying to find their content strategies in Telegram, trying to copy the content strategies of other and previous social media, with NTV being the most successful. The "news" content Telegram is best suited for youth entertainment channels – TNT, STS, Friday! They successfully adapt interactive forms developed on other networks and use content created for other networks.

Keywords: social media, TV channels in social networks, content features, user activity

For citation: Kruglova, L.A. & Shchepilova, G.G. (2024) Russian TV channels and social media in the transformation of the media field. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 87. pp. 255–272. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/87/14

Введение

В России в начале 2023 г. 88,2% населения используют цифровые технологии. Согласно отчету *Global Digital 2023*¹ наша страна занимает 45-е место в глобальном мировом рейтинге по распространению Интернета.

¹ *Global Digital 2023*. URL: <https://www.meltwater.com/en/global-digital-trends> (дата обращения: 15.03.2023).

По данным *Mediascope*¹, совокупная аудитория Интернета в месяц в России составила 98,6 млн человек. Практически все пользователи заходят в Интернет ежедневно. В младших возрастных группах аудитория Интернета составляет без малого 100% населения. Аудиторная вовлеченность очень высокая: россияне от 12 до 24 лет проводят в Сети в день почти 6 часов. Среднестатистический житель России тратит 3 часа 46 минут в день. Наблюдается рост времени, проведенного в Интернете, по сравнению прошлым годом за счет старших групп. Почти две трети времени, которое россияне провели в 2022 г. в Интернете, пришлось на три крупнейших вида активности: 21% – социальные сети (и это даже несмотря на блокировку в 2022 г. двух популярных среди россиян социальных площадок), 18% – видео и 15% – мессенджеры.

Несмотря на стремительный и всеохватывающий рост Интернета традиционное телевидение в России остается медиа номер один по накопленному охвату: хотя бы раз в месяц телевизор смотрит почти все население России. Соотечественники старше 4 лет смотрят телевизионные каналы примерно 4 часа в день. В структуре телепросмотра в 2022 г. среди населения крупных городов от 4 до 44 лет лидируют каналы I и II мультиплексов без учета «большой тройки» («Первый канал», «Россия 1» и НТВ): на них приходится чуть больше трети времени просмотра. На каналы вне мультиплексов россияне тратят 27% времени, на нелинейный просмотр и каналы «первой тройки» – 26 и 13% времени. Вполне естественно, что в 2022 г. россияне стали больше смотреть новостей (12% времени просмотра) и социально-политических программ (15%)². Несмотря на различные изменения, которые происходят в российском медиаполе, телеканалы продолжают взаимодействие с социальными медиа.

После признания *Meta** (знаком * здесь и далее отмечены организации, деятельность которых на территории России признана экстремистской. – Л.К., Г.Щ.) экстремистской организацией и блокировок в России *Facebook** и *Instagram** крупнейшей социальной сетью в России в 2022 г. стал ВКонтакте – сюда заходят 80% населения хотя бы раз в месяц и 40% населения ежедневно. Потом идут *TikTok* и *ОК*. Аудитория ВКонтакте за 2022 г. выросла на 13%, пользователей *ОК* стало больше на 1%, а *TikTok* потерял 1% населения (из-за жестких ограничений для россиян со стороны сервиса). Помимо гигантского сокращения охвата аудитории – до 80% – у заблокированных социальных сетей изменилась и длительность нахождения в них – меньше пяти минут³. Многие российские телевизионные каналы удалили

¹ Аудитория интернета в 2022 г. Обзор Mediascope 21.02.2023. URL: <https://mediascope.net/news/1567182/> (дата обращения: 15.03.2023).

² Медиапотребление в 2022 г. Презентация Mediascope 15.03.2023. URL: <https://mediascope.net/news/1575873/> (дата обращения: 15.03.2023).

³ Аудитория интернета в 2022 г. Обзор Mediascope 21.02.2023. URL: <https://mediascope.net/news/1567182/> (дата обращения: 15.03.2023).

или заморозили свои аккаунты с достаточно большим аудиторным охватом в заблокированных *Facebook** и *Instagram**.

Если говорить о форме, то видео – одна из наиболее значимых активностей в Интернете, при этом более 80% приходится на *YouTube*. Именно этот видеохостинг один из наиболее популярных ресурсов в российском Интернете в целом – как по охвату, так и по времени потребления – 15% от всего времени нахождения в Интернете. Другие видеосервисы отличаются по назначению и аудитории, они сконцентрированы в разных нишах (кинотеатры с контентом по запросу, сервисы просмотра линейного телевидения, агрегаторы etc.). Достаточно активные и востребованные *YouTube*-каналы «большой тройки» были удалены самим видеохостингом после начала периода турбулентности. Эфиры федеральных российских общественно-политических каналов все равно можно увидеть на *YouTube* на других каналах, но аудитория у них пока еще несоизмерима с той, что была. Одной из альтернативных видеохостингу *YouTube* площадок в России эксперты называли *Rutube*. Согласно аналитике *Similarweb* в мае 2022 г. сайт *Rutube* посетили 50,4 млн человек¹. Примечательно, что в январе 2022 г. посещаемость *Rutube* составляла всего 7,7 млн человек в месяц, т.е. за 5 месяца трафик *Rutube* вырос в 6,5 раза. За период с апреля по июнь 2022 г. посещаемость сайта *Rutube* сократилась на 28,3 млн пользователей в месяц. По итогам февраля 2023 г. месячная аудитория *Rutube* составила 40,5 млн пользователей. Однако *Rutube* не ставит себе задачу заменить *YouTube* в России, даже на фоне звучащих предложений о развитии и поддержке национального видеохостинга и блокировки западного. Одна из главных задач *Rutube* – стать интересной площадкой для блогеров².

Пять крупнейших площадок 2022 г. по количеству посетителей – Яндекс, Google, *YouTube*, *WhatsApp* и ВКонтакте по суточному охвату. Заблокированные социальные сети сократили позиции и занимают низшие строчки рейтинга 2022 г. Нельзя обойти вниманием площадку, которая показывает рост аудитории – Дзен, она объединила в себе Яндекс. Новости, Яндекс.Дзен и перешла холдингу VK³.

Перераспределение доли аудитории между социальными сетями и мессенджерами исследователи связывают не с сокращением одной активности и ростом другой, а с перетеканием между площадками и гибридными форматами. Блокировка части социальных сетей в России привела к оттоку пользователей с этих площадок. Это же стало и одним из драйверов роста гибрида *Telegram*, который также выполняет функцию социальной сети.

¹ Статистика Rutube в 2022 г. URL: <https://inclient.ru/rutube-stats/> (дата обращения: 25.03.2023).

² Rutube не ставит себе задачу заменить YouTube в России // РИА НОВОСТИ. URL: <https://ria.ru/20230314/rutube-1857711747.html> (дата обращения: 15.03.2023).

³ Ежемесячная аудитория «Дзена» за 2022 г. выросла до 70 млн человек // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16673633> (дата обращения: 25.03.2023).

Пики роста *Telegram* связаны с логичной потребностью россиян в новостных источниках в период турбулентности. Большинство блогеров весной 2022 г. стали создавать *Telegram*-каналы и пытались переводить на них свою аудиторию с заблокированных в России платформ. Динамика *Telegram*, за счет его гибридного формата, отличается от динамики других мессенджеров. Время использования площадки сейчас составляет почти 40 минут, намного выше, чем у *WhatsApp* (принадлежит Meta*. – Л.К., Г.Щ.) и многим другим социальным сетям. Значимая часть времени, которое пользователи проводят на площадке, приходится на чтение *Telegram*-каналов¹. Совокупность факторов позволила расти пользовательскому интересу к *Telegram*. В начале 2022 г. гибридный мессенджер в России использовали 25,5 млн человек в сутки, то уже в первые недели 2023 г. количество пользователей достигло почти 48,8 млн.

Авторы данной статьи провели в 2017 г. комплексное исследование в котором поставили целью проанализировать поведение и редакционную политику российских телевизионных каналов на новых технологических платформах: на официальных порталах, в социальных сетях, видеохостингах и мессенджерах [1]. Каналы анализировались по следующим параметрам: функции и навигация официального сайта, наличие приложений, понимание специфики различных технологических площадок, активность в различных социальных сетях и мессенджерах, уникальность и разнообразие форм контента на сайте и в социальных сетях, количество подписчиков в социальных сетях, активность и формы реакции аудитории, использования интерактивной функции. В 2017 г. авторы пришли к выводу, что российские «телевизионные каналы в большинстве своем недостаточно хорошо понимают специфику социальных сетей. Телевизионные каналы продолжают выстраивать коммуникацию с аудиторией по аналоговому принципу – от вещателя к массам. Довольно редко каналы пытаются привлечь интернет-аудиторию к сотворчеству, используя интерактивную функцию социальных сетей. Аудитория социальных каналов телевизионных сетей часто живет своей жизнью, пользуясь тем, что комментарии соцсетей не модерируется телеканалами. SMM-службы телевизионных каналов работают, скорее всего, по остаточному принципу, просто дублируя контент – в основном в формате видео – на все социальные площадки» [1. С. 13]. В рамках комплексного анализа трансформации аудиовизуальной среды, который проводит кафедра телевидения и радиовещания факультета журналистики МГУ, логическим продолжением стало данное исследование, которое поставило себе следующие цели и задачи: понять, как российские телевизионные каналы используют социальные медиа в новой реальности, проанализировать, как российское телевидение осваивают новые площадки, в том числе *Telegram*, и использует ли их возможности, а также насколько высок аудиторный отклик

¹ Аудитория интернета в 2022 г. Обзор Mediascope 21.02.2023. URL: <https://mediascope.net/news/1567182/> (дата обращения: 15.03.2023).

на работу телевизионных каналов в социальных медиа, и в частности в *Telegram*.

Обзор литературы

За последние полтора десятилетия появилось немало научных публикаций о присутствии СМИ в социальных медиа и о технологии SMM (social media marketing). Первыми начали активно говорить об этом зарубежные исследователи. Можно выделить несколько значительных работ зарубежных авторов, которые подчеркивали важность и значимость социальных медиа для развития медиасферы в целом [2–5]. Нельзя не отметить важные концепции, которые связаны с пониманием роли аудитории в медиаэкономике. Это и разработки «экономики аудитории (аудиторной экономики)» Ф. Наполи [6, 7], и «теории ниши» Д. Диммика [8], а исследования влияния аудиторных и технологических факторов на стратегический и операционный медиаменеджмент [9, 10].

В последние годы данной темой занимаются и российские авторы [11, 12]. Большинство из них обращают внимание либо на онлайн-медиа [13], либо на прессу [14]. Особенности взаимодействия телеканалов с социальными сетями – тема, на наш взгляд, недостаточно изученная, учитывая стремительно меняющееся медиаполе. Для понимания процессов трансформации российского медиапространства интересно исследование, которое провела Е.Д. Першина в 2016 г. Она проанализировала выбор российскими новостными медиа площадок для создания групп в социальных сетях. Результат исследования показал, что в тот период наиболее активно из всех СМИ создавали группы в социальных сетях именно телеканалы [15]. Нельзя не отметить комплексное исследование 2006–2020 гг. Е.Д. Шацкой (Ваньковой) [16, 17]. Исследователь рассматривает и обобщает стратегические решения российских телеканалов большой тройки тех лет, связанные с их присутствием в Интернете. Выявлены направления развития стратегического менеджмента в рамках российского медиаменеджмента в целом, а также влияние различных типов контента (новостного, развлекательного, сериального) на стратегию телеканала. Автор приходит к выводу, актуальному на период исследования, что «стратегия создания и адаптации контента телеведущих в Интернете зависит не от тематики канала, а от жанра программы. Обращаясь к вопросу различия между группами телеканалов общего интереса и развлекательной тематики, можно сказать, что в Интернете у первой группы преобладает размещение коротких форм контента, так как библиотека контента состоит преимущественно из информационно-новостных и телевизионных программ, которые легко дробятся на сюжеты и фрагменты. Сериальный и фильм-контент, который преобладает у телеведущих развлекательной тематики, мало пригоден для дробления на короткие формы. В остальных вопросах, связанных с созданием и упаковкой контента, стратегии развития телеведущих схожи между собой» [18].

В исследовании 2019 г., посвященном работе 27 российских телевизионных каналов на платформе *YouTube*, авторы приходят к выводу, что «основная ошибка, которую допускают каналы, – это полное игнорирование *YouTube*-аудитории. Они не учитывают потенциал равноправной коммуникации с *YouTube*-зрителями, что является основным двигателем развития канала» [19. С. 355]. Чуть позже, в 2020 г., К.В. Чобанян рассмотрела стратегии взаимодействия информационных мировых телеканалов с социальными сетями [20] и пришла к выводу, что мировые «новостные телеканалы отказываются от видео как своей основной специализации на цифровых платформах и в основном используют традиционные форматы производства для создания цифрового новостного продукта» [20. Р. 35]. Исследователь также отмечает, что социальные платформы используются каналами для разных целей: на *YouTube* дублируется контент традиционного телевидения, т.е. служит своего рода хранилищем; с помощью *Facebook** каналы привлекают трафик на сайт компании; *Instagram** пока является платформой без четкой контент-стратегии, используемой скорее для укрепления бренда, чем для распространения новостей. Более того, «качество некоторых видеоматериалов, предлагаемых круглосуточными новостными каналами, часто не соответствует традиционным профессиональным стандартам» [20. Р. 35].

Появились также работы, которые рассматривали не только глобальные, зарубежные, федеральные телеканалы, но и региональные. Так, исследователи Л.А. Васильева и А.Д. Гаврилов в 2016 г. на примере ГТРК «Чувашия» проанализировали проблемы взаимодействия телеканала и радио с социальными сетями. После тщательного мониторинга и контент-анализа было отмечено, что «новости публикуются выборочно, зачастую без видеосопровождения, но с размещением гиперссылки. Посты выглядят скудно. Стоит отметить, что отвечает за продвижение ТВ-продукции в социальных сетях интернет-редактор сайта ГТРК «Чувашия». Можно предположить, что сотрудник не справляется с объемом работы. Поэтому посты однообразны, дублируют информацию с официального сайта. Пользователи социальной сети в этих группах не проявляют активности» [21]. При анализе поведения крымских телеканалов в социальных сетях *Facebook** (анализ проводился в 2017 г., когда данная сеть еще не была запрещена в России. – Л.К., Г.Щ.) и ВКонтакте [22] автор исследования отмечала схожие проблемы – повторение новостного контента без переформатирования его под стилистику социальных сетей, нечастые посты, неиспользование всех возможностей, которые предоставляют социальные медиа. Подробное исследование 2021 г. деятельности шести российских телевизионных каналов на площадке *TikTok* (до блокировки российских пользователей самой площадкой) показало, что «появление социальной сети, основное содержание которой – короткие видео, поставило перед телевидением новые вызовы. В попытке дать на них достойный ответ, телевидение должно учитывать и в полной мере пользоваться своими специфическими свойствами» [23. С. 138] Анализируя осо-

бенности коммуникации СМИ именно на площадке *Telegram* другие исследователи в 2020 г. приходят к следующему выводу: «...чтобы канал пользовался популярностью у аудитории, необходимо обладать пониманием, кто составляет ядро подписчиков, какие темы им интересны, каким языком они привыкли общаться в Интернете» [24. С. 73]. Анализу роли ведущих общественно-политических *Telegram*-каналов в конструировании медиасобытий глобального масштаба, но времен пандемии, посвящено еще одно относительно свежее исследование [25]. Анализ в 2022 г. трех ведущих *Telegram*-каналов (и это не каналы традиционных медиа), которые получили резкий рост популярности после начала СВО, показал, что «пользователи мессенджера отдают предпочтение фактологическому и безоценочному контенту» [26. С. 82]. Результаты исследований разных лет, посвященные и деятельности телевизионных каналов в социальных медиа, и специфике самих площадок, важны для понимания цифровых законов и медиаэволюции. Не менее важна и фиксация стремительных кардинальных изменений, связанных с внешними причинами. А исследований, посвященных проблемам взаимодействия российских телеканалов с социальными медиа в период турбулентности пока в российском научном дискурсе обнаружено не было.

Материалы и методы исследования

Выборка телеканалов была составлена с учетом среднегодового рейтинга и тематической сегментации. В нее вошли шесть телеканалов – «Первый канал», «Россия 1», НТВ, СТС, ТНТ «Пятница!». Первые три телеканала – так называемая «большая тройка» – сформировали свою аудиторию еще до цифровизации, работая в аналоговом вещании в метровом диапазоне. Следующие три телеканала – самые рейтинговые в сегменте развлекательного телевидения, становление и накопление их аудитории происходило до цифровизации в контексте дециметрового распространения сигнала, что, несомненно, сказывалось на охватных аудиторных характеристиках, которые были значительно ниже, чем на метровых каналах. Формально сейчас все шесть телеканалов «уравнены в правах», входят в число общедоступных каналов первого и второго мультиплексов.

Из социальных площадок были выбраны наиболее значимые – *Telegram*, ВКонтакте, Одноклассники, *Rutube* и *YouTube*. Основное внимание при анализе было уделено следующим вопросам: какое количество подписчиков смогли привлечь и удержать телеканалы на своих официальных аккаунтах. Для более детального анализа была выбрана площадка *Telegram*, как наиболее интересная с точки зрения развития и относительно новая в условиях трансформации медиаполя и турбулентности. Аудитория *Telegram* растет более чем на 40% каждый год (начиная с запуска в 2013 г.)¹. Сегодня

¹ Медиапотребление в 2022 г. Презентация Mediascope 15.03.2023. URL: <https://mediascope.net/news/1575873/> (дата обращения: 15.03.2023).

Telegram уже не просто мессенджер. За счет большого количества медийных каналов это полноценная медиаплощадка. Телевизионные каналы пытаются понять правила игры и занять свое место. Авторы ставили перед собой задачу выявить, какой контент и как часто предлагают телеканалы в своих *Telegram*-аккаунтах и насколько активно воспринимает его аудитория. Количество подписчиков официального аккаунта мы соотнесли с их аудиторной активностью. Анализировался контент четырех случайных недель 2022 и 2023 г.: 1) с 14 по 20 марта 2022 г.; 2) с 15 по 21 августа 2022 г.; 3) с 24 по 30 октября 2022 г.; 4) с 9 по 15 января 2023 г.

В каждой из недель анализировались следующие параметры: количество постов, комментариев, просмотров и лайков. На основании всех аудиторных и канальных активностей выделялся *Engagement Rate* – коэффициент вовлеченности пользователей в публикуемый контент (посты). При этом *ERpost* – среднее арифметическое коэффициента вовлеченности пользователей всех публикаций за анализируемый период. $ERpost = (\text{сумма лайков за весь период} + \text{сумма репостов за весь период} + \text{сумма комментариев за весь период}) / \text{количество подписчиков} / \text{количество публикаций за весь период}$. Кроме того, на основании всего массива материала выделялись наиболее востребованные у аудитории публикации, анализировались формы подачи.

Конкретными задачами исследования стали выявление контент-стратегий, мониторинг и фиксация количественных и качественных характеристик деятельности выбранных телевизионных каналов на стремительно растущей площадке *Telegram*, определение аудиторного отклика.

Результаты исследования

Все телеканалы работают с социальными медиа достаточно активно. Исключения составляют телеканалы «большой тройки» во взаимодействии с *YouTube*, которые были заблокированы самим видеохостингом. Компания *Google* заблокировала *YouTube*-каналы российских государственных телекомпаний весной 2022 г. Под блокировку попали каналы «Первого канала», ВГТРК и НТВ. Программы «Первого канала», «России 1», «Вестей» и т.д. можно было увидеть на других *YouTube*-каналах, например *Boomerang* или «Главные новости». НТВ создал новый *YouTube*-канал в августе 2022 г., однако доля подписчиков там пока невысока. В то же время у НТВ достаточно многочисленная аудитория на *Rutube* – более 110 тысяч. Остальные каналы на *Rutube* не так активны – число подписчиков колеблется от нескольких сотен (например, у СТС) до нескольких десятков тысяч («Первый канал», «Россия 1», ТНТ). Платформа *Rutube* достаточно сложна для анализа, она не дает возможности увидеть какие-либо метрические данные. Активнее всего на *Rutube* публикуется НТВ – более 40 коротких видео в день. «Россия 1» публикует здесь 1–2 ролика в день, «Первый канал» – 4–5 постов в день. ТНТ, как и «Пятница!» публикует на *Rutube* в лучшем случае один пост в день, постов СТС на официальном аккаунте канала обнаружить не удалось.

Как видно из табл. 1, наибольший суммарный охват демонстрирует СТС. Если говорить об отдельных платформах, то у каждой из них есть свой лидер. Хотя тот же СТС является самым востребованным телеканалом из всех анализируемых на *YouTube* и в Одноклассниках. На ТНТ продолжают считать наиболее подходящей сетью для общения со своей аудиторией ВКонтакте, поэтому именно на этой площадке и разворачивается основная работа. НТВ – первый на *Rutube* и в *Telegram*, но по суммарному охвату у этого телеканала самые низкие показатели. «Россия 1» также демонстрирует более чем скромные охватные характеристики в социальных медиа, несмотря на успешную централизованную работу ВГТРК с социальными медиа в 2020–2022 гг. Невысокие показатели и у «Первого канала». То есть телеканалы «большой тройки» работают с привлечением аудитории социальных медиа куда сдержаннее, чем телеканалы развлекательного сегмента.

Таблица 1
Телевизионные каналы и количество подписчиков в социальных медиа
в ноябре 2022 г.

Телеканалы	ВКонтакте	<i>Telegram</i>	Одноклассники	<i>Rutube</i>	<i>YouTube</i>	Суммарный охват
«Первый канал»	2 121 095	66 077	930 000	23 182	–	3 140 354
«Россия 1»	1 147 734	35 930	694 000	47 200	–	1 924 864
НТВ	537 901	160 939	893 000	110 427	1 240 (новый)	1 703 507
ТНТ	5 989 680	76 609	703 000	10 900	312 000	7 092 189
СТС	3 412 412	10 660	1 200 000	724	11 000 000	15 623 796
«Пятница!»	1 427 025	92 259	152 000	3 000	4 580 000	6 254 284

Источник: мониторинг аккаунтов телеканалов в социальных медиа, ноябрь 2022 г.

Таблица 2
Количество обновлений и реакций в *Telegram*
в выбранные для исследования недели

Телеканалы	Неделя	Количество постов по неделям	Комментарии по неделям	Просмотры по неделям	Лайк по неделям	ERpost, % по неделям
«Первый канал»	1	273	–	6 054 339	–	–
	2	167	226	1 873 998	–	0,0021
	3	182	516	2 778 359	–	0,0034
	4	177	414	2 127 056	–	0,0037
«Россия 1»	1	229	–	2 526 416	39 484	0,4791
	2	135	–	1222711	15 841	0,326
	3	283	–	3 095 448	42 673	0,4206
	4	189	–	1802391	28 527	0,4194
НТВ	1	465	30 098	31 931 061	470 920	0,7101

Телеканалы	Неделя	Количество постов по неделям	Комментарии по неделям	Просмотры по неделям	Лайк по неделям	ERpost, % по неделям
	2	237	3855	9144056	112 108	0,3225
	3	378	5 796	15 552 336	195 608	0,353
	4	278	5319	11497290	160 740	0,3937
ТНТ	1	38	–	2 818 348	24 963	0,842
	2	45	1 389	224 232	6 548	1,1362
	3	13	1 132	353 453	10 852	1,4862
	4	8	–	191 949	7 054	1,1311
СТС	1	16	86	34 928	636	0,2909
	2	2	–	87 536	1 828	1,1725
	3	36	462	104 715	3 089	0,6671
	4	48	832	249 168	6 225	0,9471
Пятница!	1	8	–	428 846	4 871	0,3163
	2	7	1057	581 874	7 769	0,6557
	3	5	426	296 780	4 220	0,5668
	4	5	734	335 773	8 537	0,9643

Источник: мониторинг Telegram-аккаунтов телеканалов 1) с 14 по 20 марта 2022 г.; 2) с 15 по 21 августа 2022 г.; 3) с 24 по 30 октября 2022 г.; 4) с 9 по 15 января 2023 г.

Результаты исследования показали, что наиболее активный из анализируемых каналов в плане размещения постов – телеканал НТВ. Стоит отметить, что НТВ агрессивнее и активнее других выбранных каналов постится в оставшихся социальных медиа (ВКонтакте, ОК, Rutube). В *Telegram* НТВ размещает примерно 49 постов в сутки. Для сравнения: «Россия 1» – 30, а «Первый канал» – 29 постов в сутки. Развлекательные каналы, не специализирующиеся на новостном контенте, намного менее активны в *Telegram*. ТНТ размещает в своем канале плюс-минус 4 поста в сутки, примерно столько же публикует канал СТС. Самый лаконичный в *Telegram* (как, впрочем, и в других своих социальных медиа) – канал «Пятница!» (не больше двух постов в сутки, а порой и вовсе молчание). Такая расстановка сил вполне объяснима. Каналы «большой тройки» работают с новостной повесткой и, возможно, пытаются занять место в информационной экосистеме *Telegram*. Telegram-канал «Первого канала» называется «Первый канал. Новости» и в большинстве случаев делает «перепост» новостей своего сайта (видео плюс небольшой текст). «Россия 1» наряду с сюжетами канала, «Вестей», «перепостами» с сайта, размещает и текстовые новости и анонсы программ. Есть еще отдельные Telegram-каналы «Вестей» и платформы «Смотрим» (единая площадка ВГТРК). НТВ придерживается такой же контент-стратегии – использует видео с репортажными кадрами, новости и короткие новостные текстовые посты. Следует отметить, что на Telegram-канал

«Смотрим НТВ» был переведен развлекательный контент – скандальные новости про шоу-бизнес, знаменитостей, путешествия и лайф-стайл, но он имеет лишь чуть более 11 тыс. подписчиков. Нельзя не сказать, что НТВ также осуществляет трансляцию эфира на своих *Telegram*-каналах, но аудитория трансляций, как правило, измеряется лишь десятками пользователей.

Что касается реакций аудитории, то «Первый канал» отключил комментарии только в первую исследуемую неделю (с 14 по 20 марта 2022 г.). В этот же период комментарии отключили и канал «Пятница!», и ТНТ (были отключены и с 9 по 15 января 2023 г.). Во вторую исследуемую неделю (с 15 по 21 августа 2022 г.) возможность комментировать была отключена у СТС. «Россия 1» отключила комментарии во все анализируемые периоды. В то же время «Первый канал» не давал возможность реагировать пользователям на пост во все исследуемые периоды. Такие манипуляции с настройками пользовательской интерактивности объясняются, скорее всего предыдущим негативным опытом каналов в других социальных сетях (например, ВКонтакте, где подписчики «Первого канала» или «России 1» позволяли себе неподобающие комментарии к любым постам).

На *Telegram*-площадке «Первого канала» самый просматриваемый пост за первую неделю (с 14 по 20 марта 2022 г.): *А теперь о ещё одном происшествии недели. В понедельник в прямом эфире программы «Время» за спиной ведущей появилась женщина* (45 240 просмотров). Во вторую неделю (15 по 21 августа 2022 г.) на канале больше всего аудиторию поразил пост *Сегодня – 80 лет со дня рождения Муслима Магомаева* (12 196 просмотров, 13 комментариев и ER post 0,0205%). Самый просматриваемый пост третьей недели (с 24 по 30 октября 2022 г.): *Скончался бывший глава Пентагона Эштон Картер. Он возглавлял американское военное ведомство при президенте Бараке Обаме* (19 077 просмотров, 15 комментариев и ER post 0,0237%). Самый эффективный пост четвертой недели (с 9 по 15 января 2023 г.): *Утрата. На 80-м году жизни скончалась народная артистка СССР Инна Чурикова* (14 433 просмотров, 50 комментариев и ER post 0,0789%). Для сравнения: самые востребованные посты в других социальных сетях «Первого канала» (ВКонтакте, ОК, etc) уже несколько лет – это пост в начале дня «С добрым утром!» с позитивной картинкой.

Самый популярный пост первой анализируемой недели в *Telegram*-канале «Россия 1» – это *В боях за освобождение Мариуполя от украинских нацистов погиб замкомандующего Черноморским флотом, капитан 1 ранга Андрей Николаевич Палий* (ER post 2, 8234%, просмотров 222 791, лайков 1 016, возможность комментировать отключена). На второй неделе аудитория больше всего отреагировала на пост: *Жители Нарвы не смирились со сносом советского памятника танку Т-34 – на его месте появился стихийный мемориал. Ночью люди пришли к месту событий: положили цветы, плакаты с изображением снесенного памятника и поставили свечи. «16 августа 2022. Помним, не забудем», – эта надпись теперь виднеется с проезжей части* (ER post 1,078 %, просмотров 7 505, лайков 388, возможность ком-

ментировать отключена). Самый популярный пост третьей исследуемой недели: *Рамзан Кадыров заявил о слабом ответе на обстрелы новых регионов РФ со стороны ВСУ. Глава Чечни выступил за более жесткие меры, «чтобы понимали, что нельзя даже подумать стрелять в нашу сторону».* По его словам, спецоперация в настоящее время идет уже на территории России, однако «большого и худшего» не будет. «У Европы нет сил, что они, своих ЛГБТшников отправят воевать с нами?» – подчеркнул он. «Я вам даю слово... мы их уничтожим, сколько бы их не было, сколько бы их туда не отправили, сколько бы они не отправили своих войск», – пообещал Рамзан Кадыров (ER post 1.5226 %, просмотров 11 195, лайков 548, возможность комментировать отключена). Отозвавшийся пост четвертой недели: *Военный врач Александр Сеюкаев погиб, спасая пациентов под обстрелом. ВСУ ударили по больнице в Запорожской области. Ракеты попали в корпус, где находились дети, женщины, старики* (ER post 1.6198 %, просмотров 10 706, лайков 583, возможность комментировать отключена).

Нас считают за мразь, за тварь и за грязь. Которую можно купить, можно развернуть и можно использовать как сохранить – этот пост самый активный на телеграм-канале НТВ за первую неделю исследуемого периода (ER post 2,9848%, просмотров 63 943, лайков 4 320, комментариев 209). За вторую неделю: *Зеленский заявил, что переговоры с Россией возможны только в том случае, если «российские войска покинут незаконно оккупированную территорию Украины»* (ER post 1.1131 %, просмотров 35 814, лайков 1 584, комментариев 105). Самый востребованный пост третьей недели: *Журналист Михаил Зыгарь, недавно внесенный Минюстом в реестр СМИ-иноагентов, в Португалии заключил брак со своим партнером Жаном-Мишелем Щербаком (бывший участник проекта «Замуж за Бузову»* (ER post 1.3675 %, просмотров 46 942, лайков 1 966, комментариев 109). За четвертую неделю аудитория отреагировала сильнее всего на пост: *Доброволец из Башкирии Фанис Хусаинов, который угнал бронетранспортер у украинских военных и вывез раненого командира с поля боя, погиб при исполнении воинского долга, сообщил глава Татышлинского района Башкортостана Фанур Шайхисламов* (ER post 1.8598 %, просмотров 39 652, лайков 2 697, комментариев 125).

В развлекательном сегменте востребованы посты, касающиеся в большей степени контента канала, но креативно осмысленные. Так, в первую исследуемую неделю на ТНТ самым активным стал пост: *ВАЖНАЯ ИНФОРМАЦИЯ 1. В «Импровизации» произошло то, чего не было никогда 2. Шоу выходит в 22* (ER post 4, 2683 %, просмотров 543 569, лайков 3 330, возможность комментировать отключена). Самый востребованный пост ТНТ второй недели – опрос *Актеры «Однажды в России» хотят познакомиться с тобой лично. Пиши в комментариях свое имя, город и любой интересный факт из жизни, а ребята выберут самые интересные истории и отправят личные видео-приветы* (ER post 1.1814 %, просмотров 40 851, лайков 921, возможность комментировать отключена). На третьей неделе «выстрелил» опрос *Ты готов? Эта новость сделает твой день! Твое любимое шоу*

«ИМПРОВИЗАЦИЯ» вернется уже завтра в 22:00 на ТНТ Лайк и коммент, если ждешь! (ER post 4.2242 %, просмотров 46 856, лайков 3 293, возможность комментировать отключена). В четвертую анализируемую неделю также опрос стал самым популярным постом: Ты готов к пятничной милоте? Специально для тебя мы нашли фото звезд ТНТ с песиками и котиками. А теперь соцопрос: – ты собачник – ты кошачник – фото с Дорохом не фотопшон (ER post 2.9388 %, просмотров 23 104, лайков 2 291, возможность комментировать отключена).

На СТС самый эффективный пост первой недели – это вопрос о любимом блюде: Пиши в комментариях Смотри «ПроСТО кухня» сегодня в 9:30 на СТС (ER post 0.4642%, просмотров 1919, лайков 47, комментариев 25). На второй неделе был востребован пост: Победителями сегодняшней игры становятся @giperskrip / @None | Евгения / @lut333 Ставь , если ждешь следующую игру (ER post 2.8343%, просмотров 5 370, лайков 369, комментариев 71). Самый эффективный пост третьей недели – пустое видео Заплати 1000 (эмодзи сердечко) (ER post 1,7328%, просмотров 2 987, лайков 262, комментариев 7).

В Telegram-пространстве телеканала «Пятница!» самый востребованный пост первой исследуемой недели – это «мем» про Рената Агзамова Ренат задаёт тренды (тот же, что и ВКонтакте) (ER post 0.4301 %, просмотров 136576, лайков 828, возможность комментировать отключена). Самый популярный пост второй недели – это «мем» про шоу «Адский шеф»: Про рейтинги. Премьеру «Адского шефа» в эфире посмотрел каждый 10-ый телезритель в возрасте 14-44. В среду весь вечер – Пятница! #1 среди телеканалов (тот же, что и «ВКонтакте») (ER post 1.0443 %, просмотров 71 940, лайков 1819, комментариев 189). Фаворитом третьей недели стал пост-мем про шоу «Сердце Ивлеевой»: Даже у цифр есть пара, а у Насти – нет (ER post 0.8498 %, просмотров 68 411, лайков 1513, комментариев 121). Фото из шоу «Кондитер» Ренат и Ольга – как вишенки на торте Улыбаются, потому что сегодня премьера нового сезона шоу «Кондитер», в 19:00 @friday – этот пост получил больше всего откликов на четвертой неделе (ER post 1.2128 %, просмотров 85 706, лайков 2 136, комментариев 196).

Выводы

Исходя из результатов исследования, можно выделить в период турбулентности аудиторный запрос, с одной стороны, на новостную повестку дня, а с другой стороны, даже не столько развлекательный, но скорее отвлекающий контент. Телевизионные каналы вынуждены заново осваивать изменившееся социальное медиапространство, в которое с большим трудом они начали интегрироваться несколько лет назад. Складывается впечатление, что каналы «большой тройки» только нащупывают свои контент-стратегии в Telegram, пытаясь копировать контент-стратегии других медиа и предыдущих своих социальных сетей. Пока удачнее всего это делает НТВ – с активной публикационной активностью, с разведением каналов на новости и

развлечения, с использованием возможностей площадки транслировать эфир канала. Как ни странно, но во вроде бы «новостном» *Telegram* лучше всего себя чувствуют молодежные развлекательные каналы – ТНТ, СТС, «Пятница!» Они удачно приспособливают наработанные в других сетях интерактивные формы, используют контент, созданный для других сетей. Нельзя не отметить, что каналы явно не очень доверяют своей аудитории в социальных медиа, особенно в период пертурбаций. Наученные предыдущим не всегда положительным опытом с неподобающими комментариями к своим постам, в *Telegram*-пространстве телевизионные каналы стараются как-то оградить себя от откровенного негатива с помощью ограничений пользователей. Возможно, со временем телевизионные каналы будут более уверены в *Telegram*, ведь это площадка наиболее близка к аналоговому принципу вещания (от одного к массам) и в меньшей степени предполагает диалог со зрителем.

Список источников

1. Щепилова Г.Г., Круглова Л.А. Телеканалы и социальные сети: специфика взаимодействия // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2018. № 3. С. 3–16.
2. Shirky C. Here comes everybody. The Power of Organizing Without Organizations. New York, 2008. P. 352.
3. Newman N. The rise of social media and its impact on mainstream journalism. London, 2009.
4. Stefanone M.A., Lackaff D., Rosen D. The Relationship between Traditional Mass Media and "Social Media": Reality Television as a Model for Social Network Site Behavior // Journal of Broadcasting & Electronic Media. 2010. № 54 (3). P. 508–525.
5. Westerman D., Spence P., Van Der Heide B. Social Media as Information Source: Recency of Updates and Credibility of Information // Journal of Computer-Mediated Communication. 2013. Vol. 19, is. 2. P. 69–84.
6. Napoli P. Audience Economics: Media Institutions and the Audience Marketplace. N.Y., 2003. P. 235.
7. Napoli P. Audience Evolution: New Technologies and the Transformation of media audiences. N.Y., 2011. P. 248.
8. Dimmick J. Media Competition and Coexistence: The Theory of the Niche. Mahwah, NJ, 2003. P. 168.
9. Chan-Olmsted S. Competitive Strategy for Media Firms: Strategic and Brand Management in Changing Media Markets. Routledge, 2005. P. 384.
10. Wirtz B. Media and Internet Management. Wiesbaden, 2011. P. 569.
11. Баранова Е.А. Бизнес-стратегия, основанная на использовании ресурсов пользователей: опыт российских СМИ // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2016. № 4. С. 163–175.
12. Дьяченко О.В. Российские СМИ в социальных сетях Facebook* и в «ВКонтакте»: практики взаимодействия // Медиаскоп (электронный журнал). 2014. № 4.
13. Муронец О.В. Контент социальных сетей: тенденции и закономерности // Медиаскоп (электронный журнал). 2015. № 3.
14. Щепилова Г. Г. Взаимодействие СМИ и социальных медиа // Российская пиарология-6: тренды и драйверы. СПб., 2018. С. 46–49.
15. Першина Е.Д. Принципы выбора российскими новостными медиа площадок для создания групп в социальных сетях // Медиаскоп (электронный журнал). 2017. № 2.

16. Ванькова А.Д. Онлайн-стратегии телеканалов большой тройки (Первый канал, Россия 1, НТВ) // Меди@льманах. 2017. № 5. С. 78–86.
17. Шацкая А. Д. Контент российских телеканалов в Интернете: технологии размещения и монетизации // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2019. № 6. С. 129–154. doi: 10.30547/vestnik.journ.6.2019.129154
18. Шацкая А.Д. Производство и упаковка контента телеведущими общего интереса и развлекательной тематики в Интернете // Медиаскоп (электронный журнал). 2019. № 3. doi: 10.30547/mediascope.3.2019.5
19. Круглова Л.А., Коновальцева А.О. Российские телевизионные каналы на платформе YouTube // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 2. С. 351–359. doi: 10.22363/2312-9220-2020-25-2-351-359
20. Chobanyan K. Up for a challenge? Digital practices of 24-hour news channels // World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies. 2020. № 3. P. 35–56.
21. Васильева Л.А., Гаврилов А.Д. Особенности интеграции теле- и радиоканалов Чувашской Республики с социальными сетями // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 466. doi: 10.18500/1817- 7115-2016-16-4-464-468
22. Щепилова Г.Г. Телеканалы Крымского полуострова в социальных сетях ВКонтакте и Facebook // Математические, естественные и гуманитарные науки: Совместные ответы на вызовы перспективных технологий. Севастополь, 2017. С. 19–20.
23. Будницкая Т.Г. Телевидение в Tiktok: свой среди чужих (мониторинг аккаунтов российских телеканалов в самой молодой социальной сети) // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2022. Т. 2. № 2 (38). С. 133–139. doi: 10.51965/20767919_2022_2_2_133
24. Зуйкина К.Л., Соколова Д.В. Пандемия COVID-19 как медиасобытие: особенности конструирования в социальных медиа // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 77. С. 222–240. doi: 10.17223/19986645/77/11
25. Рубина В.Б. Telegramканалы как основные слагаемые успеха мессенджера Telegram // Идеи и новации. 2020. Т. 8. № 1. С. 73–84.
26. Олешкевич В.В. Телеграм-журналистика: информационные проекты в мессенджерах как новые массмедиа // Меди@льманах. 2022. № 5 (112). С. 74–84. doi: 10.30547/mediaalmanah.5.2022.7484

References

1. Shchepilova, G.G. & Kruglova, L.A. (2018) Telekanaly i sotsial'nye seti: spetsifika vzaimodeystviya [TV channels and social networks: specifics of interaction]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. 3. pp. 3–16.
2. Shirky, S. (2008) *Here Comes Everybody. The Power of Organizing Without Organizations*. New York: Penguin Books. P. 352.
3. Newman, N. (2009) *The Rise of Social Media and Its Impact on Mainstream Journalism*. London: University of Oxford.
4. Stefanone, M.A., Lackaff, D. & Rosen, D. (2010) The Relationship between Traditional Mass Media and “Social Media”: Reality Television as a Model for Social Network Site Behavior. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 54 (3). pp. 508–525.
5. Westerman, D., Spence, P. & Van Der Heide, B. (2013) Social Media as Information Source: Recency of Updates and Credibility of Information. *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2 (19). pp. 69–84.
6. Napoli, P. (2003) *Audience Economics: Media Institutions and the Audience Marketplace*. New York: Columbia University Press. P. 235.

7. Napoli, P. (2011) *Audience Evolution: New Technologies and the Transformation of media audiences*. New York: Columbia University Press. P. 248.
8. Dimmick, J. (2003) *Media Competition and Coexistence: The Theory of the Niche*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. P. 168.
9. Chan-Olmsted, S. (2005) *Competitive Strategy for Media Firms: Strategic and Brand Management in Changing Media Markets*. Routledge. P. 384.
10. Wirtz, B. (2011) *Media and Internet Management*. Wiesbaden: Gabler Verlag. P. 569.
11. Baranova, E.A. (2016) Biznes-strategiya, osnovannaya na ispol'zovanii resursov pol'zovateley: opyt rossiyskikh SMI [Business strategy based on the use of user resources: the experience of Russian media]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. 4. pp. 163–175.
12. D'yachenko, O.V. (2014) Rossiyskie SMI v sotsial'nykh setyakh Facebook i v "VKontakte": praktiki vzaimodeystviya [Russian media on social networks Facebook and VKontakte: interaction practices]. *Mediascope*. 4.
13. Muronets, O.V. (2015) Kontent sotsial'nykh setey: tendentsii i zakonomernosti [Content of social networks: trends and patterns]. *Mediascope*. 3.
14. Shchepilova, G.G. (2018) Vzaimodeystvie SMI i sotsial'nykh media [Interaction of mass media and social media]. In: Krivososov, A.D. (ed.) *Rossiyskaya piarologiya-6: trendy i drayvery* [Russian PR-6: Trends and drivers]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of Economics. pp. 46–49.
15. Pershina, E.D. (2017) Printsipy vybora rossiyskimi novostnymi media ploshchadok dlya sozdaniya grupp v sotsial'nykh setyakh [Principles for choosing Russian news media platforms for creating groups in social networks]. *Mediascope*. 2.
16. Van'kova, A.D. (2017) Onlayn-strategii telekanalov bol'shoy troyki (Pervyy kanal, Rossiya 1, NTV) [Online strategies of the Big Three TV channels (Channel One, Russia 1, NTV)]. *Medi@l'manakh*. 5. pp. 78–86.
17. Shatskaya, A.D. (2019) Kontent rossiyskikh telekanalov v Internete: tekhnologii razmeshcheniya i monetizatsii [Content of Russian TV channels on the Internet: placement and monetization technologies]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. 6. pp. 129–154. doi: 10.30547/vestnik.journ.6.2019.129154
18. Shatskaya, A.D. (2019) Proizvodstvo i upakovka kontenta televeshchatel'nykh obshchego interesa i razvlekatel'noy tematiki v Internete [Production and packaging of content by general interest and entertainment broadcasters on the Internet]. *Mediascope*. 3. doi: 10.30547/mediascope.3.2019.5
19. Kruglova, L.A. & Konoval'tseva, A.O. (2020) Rossiyskie televizionnye kanaly na platforme YouTube [Russian television channels on the YouTube platform]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika*. 2 (25). pp. 351–359. doi: 10.22363/2312-9220-2020-25-2-351-359
20. Chobanyan, K. (2020) Up for a challenge? Digital practices of 24-hour news channels. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*. 3. pp. 35–56.
21. Vasil'eva, L.A. & Gavrilov, A.D. (2016) Osobennosti integratsii tele- i radiokanalov Chuvashskoy Respubliki s sotsial'nymi setyami [Features of the integration of television and radio channels of the Chuvash Republic with social networks]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. 4 (16). pp. 466. doi: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-464-468
22. Shchepilova, G.G. (2017) [TV channels of the Crimean Peninsula on social networks VKontakte and Facebook]. *Abstracts of the 2nd Black Sea International Conference*. Sevastopol. 25–27 May 2017. Sevastopol: Sevastopol Branch of Moscow State University. pp. 19–20. (In Russian).
23. Buditskaya, T.G. (2022) Televidenie v Tiktok: svoi sredi chuzhikh (monitoring akkauntov rossiyskikh telekanalov v samoy molodoy sotsial'noy seti) [Television on Tiktok: one among strangers (monitoring accounts of Russian TV channels in the youngest social

network)]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*. 2–2 (38). pp. 133–139. doi: 10.51965/20767919_2022_2_2_133

24. Zuykina, K.L. & Sokolova, D.V. (2022) COVID-19 pandemic as a media event: the specifics of construction in social media. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 77. pp. 222–240. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/77/11

25. Rubina, V.B. (2020) Telegramkanaly kak osnovnye slagaemye uspekha messendzhera Telegram [Telegram channels as the main components of the success of the Telegram messenger]. *Idei i novatsii*. 1 (8). pp. 73–84.

26. Oleshkevich, V.V. (2022) Telegram-zhurnalistika: informatsionnye proekty v messendzherakh kak novye massmedia [Telegram journalism: information projects in messengers as new mass media]. *Medi@l'manakh*. 5 (112). pp. 74–84. doi: 10.30547/mediaalmanah.5.2022.7484

Информация об авторах:

Круглова Л.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры телевидения и радиовещания факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: abiljo@mail.ru

Щепилова Г.Г. – д-р филол. наук, профессор кафедры телевидения и радиовещания, заведующий кафедрой телевидения и радиовещания факультета журналистики, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: shgg@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

L.A. Kruglova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: abiljo@mail.ru

G.G. Shchepilova, Dr. Sci. (Philology), professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: shgg@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.03.2023;
одобрена после рецензирования 24.04.2023; принята к публикации 07.03.2024.*

*The article was submitted 18.03.2023;
approved after reviewing 24.04.2023; accepted for publication 07.03.2024.*

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия
УДК 82-94
doi: 10.17223/19986645/87/15

Сквозь Сибирь.

**Рецензия на книгу: Мессершмидт Д.Г. Дневники:
Тобольск – Тара – Томск (1721 г.): пер. с нем. А.В. Моревой.
Томск : Демос, 2021. 132 с.**

Наталья Вениаминовна Жиликова¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, retama@yandex.ru*

Аннотация. Рассматривается книга, представляющая собой дневники первой научной экспедиции в Сибирь, осуществленной под руководством немецкого ученого Даниэля Готлиба Мессершмидта, по заданию Петра I. Анализируется структура издания, которое стало результатом взаимодействия ученых из нескольких научных сфер (географов, биологов, лингвистов, переводчиков, историков и др.). Выявляется специфика его содержания, оценивается научная и практическая значимость. Делается вывод, что издание такого рода является новаторским проектом, имеющим большую научную и практическую значимость как для образовательного, так и для научно-исследовательского процесса.

Ключевые слова: дневники, перевод, сибирские исследования, междисциплинарный проект, Д.Г. Мессершмидт

Для цитирования: Жиликова Н.В. Сквозь Сибирь: Рецензия на книгу: Мессершмидт Д.Г. Дневники: Тобольск – Тара – Томск (1721 г.): пер. с нем. А.В. Моревой. Томск: «Демос», 2021. 132 с. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 87. С. 273–278. doi: 10.17223/19986645/87/15

Review
doi: 10.17223/19986645/87/15

**Through Siberia. Book review: Messerschmidt, D.G. (2021)
Dnevniki: Tobol'sk – Tara – Tomsk (1721 g.) [Diaries:
Tobolsk – Tara – Tomsk (1721)]. Translated from German
by A.V. Moreva. Tomsk: “Demos”**

Natalia V. Zhilyakova¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, retama@yandex.ru*

Abstract. The review considers the book, which is the diaries of the first scientific expedition to Siberia carried out under the leadership of the German scientist Daniel

Gottlieb Messerschmidt on the instructions of Peter I. The book was the result of the interaction of scientists from several scientific fields (geographers, biologists, linguists, translators, historians, etc.). The structure of the book is analyzed, the specificity of its content is revealed, its scientific and practical significance is evaluated. It is concluded that a publication of this kind is an innovative project of great scientific and practical significance both for educational and research processes.

Keywords: diaries, translation, Siberian studies, interdisciplinary project, Daniel Gottlieb Messerschmidt

For citation: Zhilyakova, N.V. (2024) Through Siberia. Book review: Messerschmidt, D.G. (2021) *Dnevnik: Tobol'sk – Tara – Tomsk (1721 g.)* [Diaries: Tobolsk – Tara – Tomsk (1721)]. Translated from German by A.V. Moreva. Tomsk: “Demos”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 87. pp. 273–278 (In Russian). doi: 10.17223/19986645/87/15

О ценности междисциплинарных исследовательских коллективов речь идет довольно часто. Но объединить ученых из разных сфер, работающих по разным методикам, рассматривающих объекты исследования исходя из различных оснований на практике оказывается довольно сложно. Именно поэтому рецензируемое издание в первую очередь привлекает внимание как междисциплинарный проект, работа над которым велась представителями не только гуманитарного знания – филологами и историками, но и естественно-научного и физико-математического направления – географами, биологами, физиками. А объединяющим центром, который потребовал совместной работы такого широкого и разнообразного

круга исследователей, стали экспедиционные дневники XVIII в., представляющие собой своеобразное и в чем-то даже уникальное явление.

Новизна издания связана с тем, что в нем представлен ранее не переведенный на русский язык материал: часть дневниковых записей, которые велись во время экспедиции Д.Г. Мессершмидта в Сибирь с 1 марта по 4 июля 1721 г. Перевод был осуществлен доцентом кафедры немецкого языка факультета иностранных языков ТГУ А.В. Моревой с немецкого издания 1962 г. [1].

Несмотря на сравнительно небольшой объем книги – 132 страницы – в ней присутствуют все элементы полноценного академического издания и кроме собственно текста Дневников есть два предисловия (от инициатора проекта и от переводчика). Это свидетельствует о серьезном аналитическом

подходе к изданию и о решимости издателей как можно более полно и доходчиво донести до читателей значимость представленных материалов.

Актуальность рецензируемой книги несомненна: она связана в первую очередь с возрастающей востребованностью региональных исследований и с введением в научный оборот источников, которые по каким-то причинам ранее не были доступны как представителям научного сообщества, так и широкому кругу читателей. Благодаря выходу подобных изданий за Томском закрепляется статус неофициального центра изучения «сибирики», что помогает устанавливать прочные междисциплинарные и межрегиональные связи между учеными.

Предисловие раскрывает связь Томска и немецкого ученого, путешественника и исследователя XVIII в. Даниэля Готлиба Мессершмидта: уже более 300 лет назад он возглавил первую научную экспедицию в Сибирь и в 1721 г. из Тобольска добрался до Томска, а затем отправился дальше на восток. Автор предисловия руководитель музея и основатель музейного центра им А.П. Дульзона в Российско-немецком доме г. Томска С.Ф. Вершинина подчеркивает, что в 2021 г. «Русское географическое общество поддержало проект “Первое исследование Сибири. К 300-летию экспедиции Д.Г. Мессершмидта”» [2. С. 6], частью которого и стал перевод экспедиционных дневников.

Обращает на себя внимание, что рукопись Мессершмидта не раз становилась объектом переводческой деятельности, но всякий раз она переводится «по кусочку»: часть маршрута отражена в книге «Дневники: от Мангазеи до Иркутска» [3], часть – в книге «Дневники. Томск – Абакан – Красноярск» [4], и т.д. Весь текст дневников, отмечает А.В. Морева, опубликован в 1962 г. в Берлине, а «сами подлинники рукописных источников хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук» [2. С. 12].

О причинах такого долгого «освоения» материала становится понятно прежде всего из биографической части, посвященной удивительной судьбе Д.Г. Мессершмидта. Его жизнь сама по себе могла составить приключенческий роман, в котором, согласно жанровой традиции, «ничего не предвещало» странных и уникальных событий будущего: детство в состоятельной семье, студенчество, защита диссертации, успешная врачебная практика... Весь этот спокойный поступательный путь ученого и врача был разрушен в тот момент, когда состоялась судьбоносная встреча Мессершмидта и российского самодержца Петра Первого: «...царь предложил молодому ученому посетить Россию, как только тот сочтет нужным. Со своей стороны монарх пообещал всяческое содействие в научных экспедициях у себя на родине» [2. С. 8].

Не сразу решился Мессершмидт покинуть родину, но в итоге он прибыл в Санкт-Петербург, а затем по указу Петра Первого приступил к научному освоению Сибири. От Тобольска до Томска, от Томска – все дальше на восток, в Красноярск, Абакан, Иркутск, «сквозь Сибирь», шли экспедиции под руководством Мессершмидта, во время которых уточнялись географиче-

ские данные, собирались орнитологические, этнографические, археологические, ботанические сведения. Все они скрупулезно заносились в дневники как самим Мессершмидта, так и его сподвижниками. Но когда через шесть лет исследователь вернулся в Санкт-Петербург, его ждал страшный удар: Петра Первого уже не было на свете, и никто не бросился немедленно издавать драгоценные рукописи. Академия наук опечатала все исследовательские материалы, более того, Мессершмидту даже не разрешили публиковать свои труды о Сибири за пределами России: «Мессершмидт был глубоко оскорблен оказанным ему в Петербурге приемом, однако слово свое сдержал» [2. С. 10]. Он уехал из России, затем вернулся в Санкт-Петербург, умер, не дожив до 50 лет и не получив того признания, на которое мог рассчитывать.

И конечно ни он, ни его современники ни могли даже предположить, какая долгая жизнь оказалась у его рукописного наследия. Несмотря на то, что экспедиционные дневники Мессершмидта не издавались, они постоянно изучались всеми учеными, которые направлялись в Сибирь. «Не зарастет народная тропа» – именно так можно было бы сказать о материалах Мессершмидта.

Разносторонность интересов ученого отразилась в его экспедиционных дневниках. Из предисловия А.В. Моревой можно увидеть те трудности, которые поджидали переводчиков, обращающихся к текстам экспедиций Мессершмидта. И это не только устаревшая за три столетия немецкая лексика: это и географические наименования, многие из которых «не удалось обнаружить на картах XVIII века» [2. С. 13], и «вкрапления на разных языках от уровня слова до предложения... на латинском, греческом и французском языках» [2. С. 13]. Кроме того, отмечает переводчик, «надо учитывать тот факт, что Мессершмидт плохо знал русский язык и фиксация всего языкового материала осуществлялась на слух, со слов местных информаторов» [2. С. 13]. А.В. Морева так описывает специфику материала, с которым она работала: «Хотелось бы подчеркнуть, что перед читателем лежит перевод исторически удаленного текста, возраст которого триста лет. Дневники написаны характерным для первой половины XVIII в. языком ученого-энциклопедиста, где есть место специальной терминологии, латинским словам и выражениям, но и устаревшей на сегодня лексике, архаизмам, историзмам, а также ошибочным и диалектным формам. На уровне грамматики встречаются старые формы управления, сложные синтаксические цепочки, обороты и т.п. Поэтому перевод выполнялся по возможности с учетом необходимой исторической стилизации текста» [2. С. 14]. Кроме всего прочего, перевод дневников иллюстрирован географическими картами, которые позволяют проследить путь экспедиции по Сибири, и старинными видами сибирских городов и местностей.

В одиночку со всем комплексом задач, стоящих перед переводчиком, невозможно было справиться. Именно поэтому предисловие А.В. Моревой заключается благодарностью целому коллективу людей, которые помогали в работе над текстом. Среди них Д.А. Вершинин, кандидат географических

наук, доцент кафедры гидрологии ТГУ; Т.Ю. Галушина, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры астрономии и космической геодезии ТГУ; К. Кацимерек, лектор Германской службы академических обменов в г. Томске; Л.Т. Леушина, кандидат филологических наук, профессор кафедры английской филологии ТГУ; А.В. Симакова, доктор биологических наук, профессор кафедры ботаники ТГУ и мн.др.

Необходимо подчеркнуть, что представленный в книге перевод имеет не только научное значение, но и привлечет внимание каждого человека, интересующегося историей Сибири. Исследователи описывали не только местности, которые они проезжали, здесь находили подробный рассказ о приучении соколов татарами [2. С. 19], фантастическую историю о том, как в голове крестьянина поселились сверчки [2. С. 42–43], этнографические заметки об организации быта у барабинцев [2. С. 45–48], описание процесса того, как «татары гонят водку» [2. С. 50–51] и т.д. С особым интересом прочитываются впечатления исследователей, полученные по время проезда окрестностей Томска – поселений, находившихся на месте современных сел Киреевск, Старая Шегарка, Нелюбино, деревни Эушта и др.

Пребывание Мессершмидта и его компаньонов в Томске обогатило экспедицию как новыми экспонатами, подробно описанными в дневниках, так и очередными историями: о лиственнице [2. С. 83], о татарских земледельческих и кулинарных обычаях и традициях [2. С. 94], о сибирских способах траволечения [2. С. 98, 105–106], о том, как местному шведу удалось избавиться от алкогольной зависимости [2. С. 102] и мн. др. Отдельные заметки позволяют убедиться в том, что с XVIII в. кое-что в Томске совсем не изменилось, например ледоход: «Этим же днем здесь на реке Томи начал идти лед. И если утром он шел только кое-где, то к вечеру он ломался уже повсюду и начался столь сильный ледоход, что льдины на реке местами нагромождались одна на другую, их выбрасывало на берег, отчего вода за 5–6 часов поднялась более чем на 3 локтя» [2. С. 86].

В то же самое время этнограф может найти в этих дневниках ценные заметки о традициях и обычаях сибиряков, ботаник – сведения о растениях, распространенных в то время за Уралом, историк – информацию о жизни сибирского общества XVIII в., и т.д. Все это позволяет говорить о научном значении издания, которое, несомненно, будет востребовано в научном обществе.

Завершается книга разделами, которые помогают лучше ориентироваться в тексте и дают возможность получить дополнительные сведения (указатель имен, список сокращений, географические названия в дневнике).

Таким образом, благодаря энтузиазму целого коллектива томских ученых, получивших финансовую поддержку Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество», удалось ввести в научный оборот и в круг читательских практик еще одну часть дневников Мессершмидта. Именно это позволяет утверждать, что книга имеет практическое значение: она может быть использована в составлении спецкурсов по истории сибирской литературы, по истории географических открытий, в

чтении курсов по истории Сибири и Томска, при разработке краеведческих маршрутов и для изучения в школах истории родного края.

Список источников

1. *Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Teil I. Tagebuchaufzeichnungen 1721–1722.* Berlin : Akademie-Verlag, 1962.
2. *Мессершмидт Д.Г. Дневники: Тобольск – Тара – Томск (1721 г.)* / пер. с нем. А.В. Моревой. Томск : Демос, 2021. 132 с.
3. *Мессершмидт Д.Г. Дневники: от Мангазеи до Иркутска (1723 г.)* / ред., сост. Ю.И. Чивтаев. Иркутск : На Чехова, 2018. 266 с.
4. *Ким Е.А. Мессершмидт. Дневники. Томск – Абакан – Красноярск. 1721–1722.* Абакан : Кооператив «Журналист», 2012. 160 с.

References

1. Messerschmidt, D.G. (1962) *Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Teil I. Tagebuchaufzeichnungen 1721–1722.* Berlin: Akademie-Verlag.
2. Messerschmidt, D.G. (2021) *Dnevnik: Tobol'sk – Tara – Tomsk (1721 g.)* [Diaries: Tobolsk – Tara – Tomsk (1721)]. Translated from German by A.V. Moreva. Tomsk: “Demos”.
3. Messerschmidt, D.G. (2018) *Dnevnik: ot Mangazei do Irkutsk (1723 g.)* [Diaries: from Mangazeya to Irkutsk (1723)]. Irkutsk: Na Chekhova.
4. Kim, E.A. (2012) *Messerschmidt. Dnevnik. Tomsk – Abakan – Krasnoyarsk. 1721–1722* [Messerschmidt. Diaries. Tomsk – Abakan – Krasnoyarsk. 1721–1722]. Abakan: Kooperativ Zhurnalist.

Информация об авторе:

Жилякова Н.В. – д-р филол. наук, заведующий кафедрой теории и практики журналистики факультета журналистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: retama@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.V. Zhilyakova, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of Theory and Practice of Journalism, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: retama@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.01.2023;
одобрена после рецензирования 14.02.2023; принята к публикации 07.03.2024.*

*The article was submitted 18.01.2023;
approved after reviewing 14.02.2023; accepted for publication 07.03.2024.*

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 44041 в объединенном каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и оформлению научных статей и не занимается доведением статей до необходимого для публикации уровня.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Ответственный секретарь редакции журнала – М.М. Угрюмова.

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ФИЛОЛОГИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2024. № 87

Редактор Т.В. Зелева
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 25.03.2024 г. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Печ. л. 16,5; усл. печ. л. 21,4. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № 5824.

Дата выхода в свет 19.04.2024 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательства ТГУ
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru